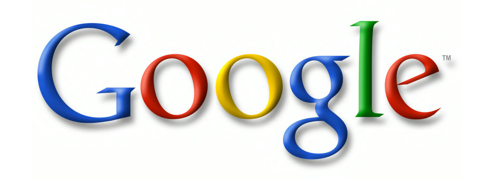

СЕРБІЯ

ПОСЛѢ ПАРИЖСКАГО МИРА.

НИЛА ПОПОВА.

ВЫПУСКЪ I.

СВЯТО-АНДРЕЕВСКАЯ СКУПЩИНА.

(1858—1859).

МОСКВА.
Типографія А. И. Мамонтова и К°, Большая Дмитровка, № 7.
1871.

СОДЕРЖАНІЕ.

ВВЕДЕНІЕ.

Важность новѣйшей сербской исторіи. — Сербская исторіографія. — По поводу печатныхъ рецензій на книгу: «Россія и Сербія». — Рукописныя замѣчанія на ту же книгу г. президента государственнаго совѣта Сербіи, Іована Мариновича. — Неизданныя сочиненія Георгія Протича. — Письма его и князя Михаила Обреновича. — Политическое положеніе Сербіи и ея внутреннія партіи передъ изгнаніемъ Кара-Георгіевича.

Въ настоящее время никто уже изъ русскихъ читателей не будетъ сомнѣваться ни въ политической важности, ни во внутреннемъ интересѣ, которые неотъемлемо принадлежатъ новѣйшей исторіи сербскаго княжества. Судьбы Сербіи и сербскаго народа такъ были тѣсно связаны въ началѣ нынѣшняго столѣтія съ исторіей Россіи, да и въ будущемъ успѣхи сербскаго княжества должны отражаться такъ, или иначе на отношеніяхъ Россіи къ восточнымъ христіанамъ, что сомнѣваться въ значеніи для насъ сербской исторіи можетъ лишь тотъ, кто остается равнодушнымъ къ исторіи своего отечества. Можно сказать, что послѣ польскаго народа, исторія котораго такъ тѣсно сплелась съ исторіей народа русскаго, изъ всѣхъ славянскихъ народовъ сербы, вмѣстѣ съ болгарами, чаще другихъ приходили въ соприкосновеніе съ Россіей; исторія ихъ оставила по себѣ столь ясные и свѣжіе слѣды въ прошлой жизни нашего отечества. Но судьбы сербскаго княжества за послѣдніе годы имѣютъ еще и другое значеніе, вводящее исторію Сербіи въ кругъ болѣе широкихъ международныхъ отношеній. Прежде всего судьба Сербіи безспорно должна имѣть сильное вліяніе на судьбу южныхъ славянъ, принадлежащихъ къ восточной половинѣ австрійской имперіи, искуственнымъ образомъ поставленныхъ въ подчиненныя отношенія къ венгерской

коронѣ и къ политическимъ требованіямъ мадьяръ. Еще неразрывнѣе, еще прочнѣе тѣ связи, племенныя и историческія, которыя соединяютъ сербское княжество съ южными славянами, остающимися подъ властію Турціи и населяющими большую часть Балканскаго полуострова, особенно же съ сербами, живущими въ Босніи, Герцеговинѣ и Старой Сербіи. Срединное положеніе сербскаго княжества между остальными южными славянами даетъ ему видное значеніе въ общей судьбѣ ихъ; а политическіе успѣхи послѣднихъ сорока лѣтъ даютъ ему преобладающее вліяніе на ходъ общей жизни турецкихъ славянъ, и такимъ образомъ на долю Сербіи выпадаетъ весьма видная роль въ разрѣшеніи всего славянскаго вопроса. Словомъ, историческія преданія и политическія цѣли, создавшія новую Сербію, соприкасаются въ настоящее время съ интересами Австріи, Венгріи и самой Турціи. Первые даютъ сербской исторіи значеніе европейское, а послѣдніе связываютъ ее съ такъ называемымъ восточнымъ вопросомъ. До парижскаго мира политическая исторія Сербіи опредѣлялась сперва взаимными отношеніями между Россіей и Турціей, сильнымъ вліяніемъ русской дипломатіи на Порту, а потомъ соперничествомъ великихъ европейскихъ державъ съ Россіей и отчасти между собою. Послѣ парижскаго мира, Сербія вышла изъ-подъ исключительнаго покровительства Россіи; вмѣшательство въ ея дѣла какой либо одной державы стало невозможнымъ безъ согласія всѣхъ остальныхъ; судьба Сербіи, находясь въ связи съ общимъ ходомъ дѣлъ въ Европѣ, стала въ бо́льшую зависимость отъ условій ея внутренней жизни отъ общаго положенія дѣлъ на христіанскомъ Востокѣ. Если исторія сербскаго княжества до парижскаго мира, въ глазахъ русскаго писателя, имѣетъ прежде всего значеніе по вопросу о покровительствѣ, оказанномъ сербамъ Россіей, то исторія его послѣ парижскаго мира важна по отношенію къ славянскому и восточному вопросамъ. Издавъ въ 1869 году «Историческій очеркъ русскаго покровительства Сербіи съ 1806 по 1856 годъ» (въ двухъ томахъ), я предлагаю теперь очеркъ политической исторіи сербскаго княжества со временъ парижскаго мира.

Но прежде, чѣмъ приступить къ историческому изложенію, я долженъ представить здѣсь нѣсколько объясненій касательно связи между прежнимъ моимъ сочиненіемъ и настоящимъ, долженъ коснуться тѣхъ запросовъ и сомнѣній, съ которыми русская критика обратилась къ моему первому труду; ибо и запросы

эти и самый предметъ сочиненія такъ нераздѣльно связаны съ предметомъ, нынѣ мною излагаемымъ, что разъясненіе ихъ для меня неизбѣжно, а читателямъ объяснить мою точку зрѣнія на предметъ.

Сочиненій, обнимающихъ полную исторію сербскаго княжества, внутреннюю и внѣшнюю, до сихъ поръ нѣтъ ни на русскомъ, ни на сербскомъ, ни на какомъ другомъ языкѣ. Были сочиненія, въ которыхъ излагалась исторія Сербіи, лишь въ извѣстную эпоху; чаще всего излагалась исторія политическая, весьма рѣдко, и притомъ въ небольшихъ размѣрахъ, исторія внутренняя. Книга С. Милутиновича: «Исторія Сербіи отъ начала 1813 года до конца 1815 года», была очень подробнымъ сводомъ расказовъ современниковъ о томъ, что происходило въ эти три года въ сербскихъ земляхъ, снова подпавшихъ тогда подъ турецкое иго. Книга Вука Караджича: «Милошъ Обреновичъ, князь Сербіи, или матеріалы для сербской исторіи нашего времени», была первою попыткой изложить исторію Сербіи въ послѣдовательномъ расказѣ до войны Россіи съ Турціей, начатой въ 1828 году; но эта книга можетъ быть лишь подробною, весьма дѣльною програмою для историческаго сочиненія объ эпохѣ, въ ней описываемой, и притомъ составлена съ исключительною цѣлію восхвалить Милоша Обреновича и указать на его, безъ сомнѣнія, важныя для Сербіи заслуги. Этою програмою, а еще болѣе расказами самого Вука Караджича и его указаніями пользовался знаменитый нѣмецкій историкъ Леопольдъ Ранке въ своемъ сочиненіи: «Исторія сербской революціи по сербскимъ источникамъ», переведенномъ и на русскій языкъ. Но первое основаніе для болѣе строгаго, документальнаго изученія исторіи сербскаго княжества положено было въ 1846 года Бѣлградскимъ Обществомъ сербской словесности, которое теперь называется Сербскимъ Ученымъ Дружствомъ. Въ засѣданіи 29 декабря 1846 года, членъ этого общества, бывшій тогда главнымъ секретаремъ государственнаго совѣта Сербіи, докторъ Іованъ Стеичъ, представилъ крайнюю необходимость не только озаботиться сохраненіемъ и собираніемъ извѣстій и документовъ для сербской исторіи новѣйшаго времени, но и написать исторію освобожденія Сербіи. Тогдашній министръ иностранныхъ дѣлъ, Авраамъ Петроніевичъ, самъ бывшій главнымъ участникомъ въ политическихъ переворотахъ, совершившихся въ Сербіи съ 1830 года, заявилъ, что онъ представитъ обществу планъ для такого сочиненія. Въ засѣ-

даніи 20 января слѣдующаго года, этотъ планъ уже былъ читанъ и общество предложило разсмотрѣть его и представить свои соображенія о томъ же предметѣ: Симѣ Милутиновичу, Исидору Стояновичу, доктору Янку Шафарику и Сергѣю Николичу. Послѣдніе трое въ то время были професорами бѣлградскаго лицея. Въ засѣданіи 28 февраля читаны были ихъ отвѣты. Такимъ образомъ, во мнѣніяхъ пяти членовъ общества, извѣстныхъ или своею политической или ученою дѣятельностію, высказались взгляды самихъ сербовъ на то, чего они желаютъ и ждутъ отъ исторіи сербскаго княжества, какія приготовленія необходимы для такого труда и какія средства понадобятся для выполненія его. Познакомиться съ этими мнѣніями чрезвычайно любопытно уже и по тому, что общество сербской словесности соединяло въ себѣ всѣ лучшія умственныя силы Сербіи, и на немъ лежала обязанность удовлетворить народной потребности въ исторіи своей страны *).

Планъ Авраама Петроніевича, разсуждавшаго о томъ: какимъ образомъ можно описать исторію новой Сербіи, состоялъ въ слѣдующемъ. Онъ говорилъ, что сперва надо собрать всѣ матеріалы, а потомъ найти искуснаго историка; правительство должно оказать при этомъ обществу матеріальное пособіе, а общество должно поручить двумъ опытнымъ и ревностнымъ лицамъ: сперва собрать устныя свѣдѣнія о событіяхъ съ конца прошлаго столѣтія до 1813 года отъ бѣлградскихъ старожиловъ, затѣмъ объѣхать важнѣйшіе сербскіе города и села, провѣрить тамъ и пополнить бѣлградскіе расказы, описать мѣста битвъ между сербами и турками, и все это изложить, «не взирая ни на какое лицо и ни на чей интересъ». При этомъ Петроніевичъ намѣтилъ важнѣйшія событія изъ временъ перваго возстанія сербовъ, назвалъ лица, расказы которыхъ могли имѣть особенную важность, и указалъ тѣ мѣстности, которыя необходимо было посѣтить. Разсматривавшіе планъ Петроніевича взглянули на вопросъ съ разныхъ точекъ зрѣнія.

Проще и невзыскательнѣе всѣхъ въ научномъ отношеніи отнесся къ предложенному вопросу Сима Милутиновичъ, весьма незатѣйливый расказщикъ событій, сопровождавшихъ паденіе Сер-

*) Всѣ нижеприводимыя мнѣнія см. въ «Гласникѣ друштва сербске словесности», св. I, стр. 212 — 218; св. II, стр. 156 — 196; св. III, стр. 277—278; св. IV, стр. 269—270.

біи послѣ бѣгства Кара-Георгія. Онъ представилъ въ общество свой планъ: «какъ и кѣмъ можно собрать и написать новую сербскую исторію легче и скорѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ подробнѣе и истиннѣе, начавъ оттуда, гдѣ остановился Раичъ». Прежде всего онъ потребовалъ назначенія особой суммы съ тѣмъ, чтобъ изъ нея производилась уплата тѣмъ бѣднякамъ, расказы которыхъ будущій собиратель сербской исторіи станетъ записывать: такимъ путемъ онъ предполагалъ сдѣлать пріятнымъ и сладкимъ даже для простыхъ людей трудъ составленія народной исторіи. Затѣмъ онъ требовалъ платы и самому собирателю историческихъ свѣдѣній, назначенія ему денегъ на разъѣзды, содержаніе и прислугу во время странствій по Сербіи, а равно и на канцелярію. Собирателемъ историческихъ свѣдѣній, по мнѣнію Милутиновича, долженъ быть природный сербъ, помощниками и писарями у него должны быть также сербы. Всею канцеляріей своей онъ можетъ располагать по собственному усмотрѣнію и ѣздить съ нею куда захочетъ, при чемъ правительство обязано содѣйствовать ему рекомендаціями. Какъ самъ исторіографъ, такъ и его помощники должны записывать преимущественно расказы людей наиболѣе старыхъ (около 70 лѣтъ), какъ мужчинъ, такъ и женщинъ. Когда какой либо изъ писарей запишетъ выслушанный имъ, въ присутствіи исторіографа, расказъ, самъ исторіографъ долженъ пересмотрѣть эту запись, исправить ошибки въ ней и вписать пропущенное; затѣмъ такая записка утверждается рукоприкладствомъ расказщика, или, по народному обычаю, помѣткою рукописи посредствомъ креста и подписи присутствовавшихъ при расказѣ. По мѣрѣ накопленія такихъ расказовъ, они должны быть печатаемы, безъ всякихъ измѣненій, особыми выпусками. Такой способъ собиранія народныхъ расказовъ Милутиновичъ предлагалъ установить навсегда, распространивъ его на собираніе всякой старины не только по исторіи страны, но и по исторіи языка, народнаго быта, искуствъ, промышленности и т. д.; предлагалъ собирать планы укрѣпленій, церквей, старинныхъ развалинъ, описывать старыя рукописи; однимъ словомъ, онъ хотѣлъ образовать при сербскомъ ученомъ обществѣ цѣлый «архивъ сербства» съ особою канцеляріей, нѣчто въ родѣ нашихъ археографическихъ коммисій, и предлагалъ назначить начальникомъ такого архива Вука Караджича.

Исидоръ Стояновичъ, въ своемъ мнѣніи, изъяснивъ важность народныхъ преданій для исторіи, говорилъ о томъ, какъ расказы

о геройскихъ подвиговъ предковъ могутъ одушевлять ихъ потомковъ и ссылался при этомъ на борьбу грековъ и сербовъ за свою свободу: «и наши сербскіе юнаки, говорилъ онъ, въ этой безпримѣрной, продолжавшейся девять лѣтъ, борьбѣ, по свидѣтельству безсмертнаго гуслопѣвца Филиппа Вишнича, помышляли о старыхъ юнакахъ, мужественно умиравшихъ на полѣ битвы, одушевлялись ихъ примѣромъ и, жертвуя собою за вѣру, народъ и отечество, положили основаніе нашему счастію и свободѣ. Народная слава, народная гордость всегда ищутъ опоры въ историческихъ воспоминаніяхъ. Кромѣ того, исторія указываетъ на прошлыя ошибки и очищаетъ нравственное чувство въ народѣ. Люди, содѣйствующіе сохраненію историческихъ извѣстій, заслуживаютъ народной признательности». Затѣмъ, упомянувъ о трудахъ Караджича, Милутиновича, Ранке, Пирха, Поссарта, Светича (I. Хаджича) и своихъ, Стояновичъ перешелъ къ плану, составленному Петроніевичемъ. Онъ также предложилъ установить званіе народнаго исторіографа: ибо такое дѣло можетъ исполнить лучше одинъ опытный и ревностный человѣкъ, чѣмъ десять, занятыхъ другими дѣлами. Далѣе Стояновичъ, описавъ свойства, необходимыя для народнаго исторіографа, старался опредѣлить плату ему и расходы на его поѣздки, предлагая покрывать и то и другое изъ народной казны, при чемъ исторіографъ обязанъ печатать свои труды, по мѣрѣ накопленія ихъ, выпусками въ десять листовъ, подъ заглавіемъ: «матеріалы для новой сербской исторіи». Такое изданіе, по его мнѣнію, должно было состоять изъ шести отдѣловъ. Въ первомъ должны быть описаны политическія событія, на примѣръ: сраженія, скупщины, посольства, государственныя распоряженія и т. п. въ хронологическомъ или же въ топографическомъ порядкѣ, какъ будетъ легче для собирателя; во второмъ—житія знаменитыхъ сербовъ; въ третьемъ—документы, записи, офиціальныя извѣстія, инструкціи, дневники, письма и описи; въ четвертомъ—списки погибшихъ и попавшихся въ плѣнъ сербовъ, съ краткимъ обозначеніемъ, кто они были и откуда, гдѣ, какъ и кѣмъ убиты или плѣнены; въ пятомъ—статистическія данныя о внутреннемъ устройствѣ; въ шестомъ—различные расказы, характеризующіе описываемое время и его дѣятелей. Стояновичъ требовалъ при этомъ, чтобъ языкъ письменныхъ документовъ и устныхъ расказовъ не былъ исправляемъ при печатаніи ихъ, и чтобы къ каждому четвертому выпуску прилагаемъ былъ общій для всѣхъ четырехъ указатель.

Только послѣ изданія всѣхъ этихъ матеріаловъ можно, по мнѣнію Стояновича, поручить опытному писателю составленіе прагматической исторіи Сербіи, при чемъ должны быть приняты во вниманіе и сочиненія на иностранныхъ языкахъ.

Николичъ, въ своемъ мнѣніи, также коснулся значенія народной исторіи. «Народная исторія, говорилъ онъ, составляетъ народное самосознаніе, и уже по ней народъ признается и другими. Народная и особенно государственная исторія служитъ лучшимъ и вѣрнѣйшимъ изображеніемъ народной жизни и точнымъ свидѣтельствомъ международныхъ отношеній; народная исторія есть какъ бы крестильная запись цѣлаго народа, и потому между всѣми науками она наиболѣе народна. А потому прежде всего она должна входить въ кругъ занятій народнаго ученаго общества». На этомъ основаніи Николичъ требовалъ, чтобы собираніемъ матеріаловъ для сербской исторіи занялось само Бѣлградское Общество: ему нѣтъ надобности нанимать особыхъ людей для того; его дѣйствительные члены и кореспонденты могутъ содѣйствовать общей цѣли; наконецъ Общество можетъ назначить преміи за историческія сочиненія. «Я смотрю на это дѣло, говоритъ онъ, какъ на принадлежащее, по самому свойству своему, къ числу существенныхъ занятій Общества». Но при этомъ Николичъ признавалъ необходимымъ образовать въ Обществѣ отдѣлы и въ томъ числѣ историческій; надзоръ же за собираніемъ матеріаловъ и изданіемъ ихъ Николичъ предлагалъ поручить Стояновичу.

Янко Шафарикъ вмѣстѣ съ другими признавалъ необходимость немедленно же приступить къ собиранію историческихъ матеріаловъ и видѣлъ въ народной исторіи залогъ будущихъ успѣховъ народа. Для достиженія цѣли и онъ предлагалъ установить званіе земскаго или народнаго исторіографа. Но, признавая пользу отъ изученія новой сербской исторіи, онъ указывалъ на необходимость изученія и старой исторіи: «ибо исторія сербская, говорилъ онъ, какъ и жизнь сербскаго народа—одна, и новая есть только продолженіе старой, и ни одно мгновеніе въ ней не можетъ быть считаемо излишнимъ, а стало быть, надо изслѣдовать каждое, какъ принадлежащее къ цѣлому». Такимъ образомъ Шафарикъ ставилъ въ обязанность сербскому исторіографу изслѣдованіе не только новой, но и древней исторіи сербскаго народа; а потому онъ совѣтовалъ собирать все древнее и новое, имѣющее какую либо историческую, археологическую или этногра-

фическую важность, какъ-то: письменные памятники и документы, старыя книги, монеты, печати и другіе вещественные памятники, и представлять ихъ въ народный музей. Онъ указывалъ на необходимость спеціальнаго изданія съ такою цѣлію, въ которомъ бы печатались: лѣтописи, дипломы, старыя и новыя письма, извлеченія изъ иностранныхъ писателей,—словомъ, все, что касается сербской исторіи. Предполагаемый исторіографъ могъ бы помѣщать въ этомъ изданіи историческія монографіи, описанія отдѣльныхъ событій и жизнеописанія. По накопленіи достаточныхъ матеріаловъ, можно приступить къ составленію обширнаго сочиненія сперва по новой сербской исторіи, а потомъ и по древней. «Кратко говоря, обязанность народнаго исторіографа состояла бы въ томъ, чтобы непрестанно обработывать сербскую исторію и непрерывно предлагать сербскому народу духовную пищу изъ его исторіи». Собираніе матеріаловъ и печатаніе ихъ Шафарикъ предлагалъ производить на счетъ правительства; въ исторіографы рекомендовалъ Исидора Стояновича.

Мнѣніе о необходимости самому Обществу заняться собираніемъ историческихъ матеріаловъ взяло перевѣсъ. Къ тому же Исидоръ Стояновичъ, на котораго указывали нѣкоторые изъ представившихъ мнѣнія о планѣ Петроніевича, какъ на опытнаго исторіографа, вскорѣ умеръ, а Вукъ Караджичъ, проживавшій большею частію въ Вѣнѣ, не могъ удовлетворить условію постояннаго пребыванія въ Сербіи для разъѣздовъ по ней. Но приступить немедленно къ организаціи своихъ историческихъ занятій Общество не могло еще и по тому, что вскорѣ наступилъ бурный 1848 годъ, отвлекшій задунайскихъ сербовъ отъ мирныхъ занятій къ борьбѣ за сербовъ австрійскихъ, угнетаемыхъ мадьярами. Только 2 января 1849 г. Дмитрій Матичъ напомнилъ о необходимости переустроить Общество съ цѣлію усилить его спеціальныя занятія. Избрана была коммисія изъ трехъ членовъ: Шафарика, Матича и Константина Магазиновича, для обсужденія этого вопроса. Коммисія предложила раздѣлить Общество на пять отдѣловъ, въ числѣ которыхъ былъ и историческій. Общество приняло это предложеніе; и съ самаго же основанія своего историческій отдѣлъ его занялся собираніемъ письменныхъ документовъ, вещественныхъ памятниковъ и пересмотромъ рукописей историческаго содержанія, представляемыхъ членами его. Съ тѣхъ поръ Общество сербской словесности до закрытія своего, которое послѣдовало въ началѣ 1864 года, успѣло издать 17 книгъ

«Гласника», въ которыхъ печатались статьи и матеріалы по древней и новой исторіи сербскаго народа. Въ концѣ 1864 года Общество возникло снова подъ названіемъ Ученаго Дружства, также подѣленнаго на нѣсколько отдѣловъ и въ томъ числѣ имѣющаго отдѣлъ историческій. Это новое общество издало уже 11 книгъ «Гласника», наполненныхъ историческими и археологическими статьями. Кромѣ того Общество издаетъ особый отдѣлъ «Гласника» подъ заглавіемъ: «Матеріалы для новой сербской исторіи», которыхъ вышли до сихъ поръ двѣ тетради, точно также какъ прежнее общество издало одну книгу подобныхъ матеріаловъ, въ которой напечатанъ «Дѣловодный протоколъ Кара-Георгія отъ 1812 маія 21 до 1813 г. августа 5». Были также изданы прежнимъ обществомъ «Сборники», заключающіе въ себѣ памятники сербской исторіи, почерпнутые изъ архивовъ Дубровника и Венеціи. Древняя сербская нумизматика нашла себѣ между членами общества трудолюбиваго изыскателя въ лицѣ Янка Шафарика. Для новой исторіи Сербіи между матеріалами, помѣщенными въ «Гласникѣ», кромѣ подлинныхъ документовъ и писемъ, особенно полезны отдѣльныя описанія нѣкоторыхъ округовъ Сербіи, замѣнившія собою топографическія изслѣдованія съ цѣлію описанія историческихъ мѣстностей, на что указывалъ въ своемъ мнѣніи Исидоръ Стояновичъ. Наконецъ Общество принесло пользу занимающимся новою сербскою исторіей еще и тѣмъ, что его изданія послужили примѣромъ для частныхъ лицъ, и въ послѣдніе годы въ сербской литературѣ стали появляться небольшія историческія сочиненія о разныхъ событіяхъ, совершившихся въ настоящемъ столѣтіи, изданія частныхъ писемъ и мемуаровъ. Между послѣдними особенно замѣчательны мемуары протоіерея Матвѣя Ненадовича.

Иностранная литература представила послѣ 1848 года значительное число сочиненій о Сербіи различнаго достоинства. Но изъ нихъ заслуживающими полнаго вниманія могутъ быть названы лишь три: 1) B. S. Cunibert, Essai historique sur les révolutions et l'indépendance de la Serbie depuis 1804 jusqu'a 1856 (Leipzig. 1855), въ двухъ томахъ; 2) Dr. E. I. von Tkalac, Das Staatsrecht des Fürstenthums Serbien (Leipzig. 1858); 3) F. Kanitz, Serbien. Historisch-ethnographische Reisestudien aus den Jahren 1859—1868 (Leipzig. 1868), большой томъ въ 744 страницы съ 40 иллюстраціями, 20 большими рисунками и картой. Первое сочиненіе, по своему происхожденію, можетъ быть отнесено

къ отдѣлу мемуаровъ, но по полнотѣ, съ какою изложены въ немъ событія перваго правленія Милоша, оно можетъ быть названо его исторіей. Пишущій о томъ времени не можетъ обойтись безъ книги Кюнибера, и читатели моего сочиненія: «Россія и Сербія» могли замѣтить, какъ много первый томъ его обязанъ своимъ содержаніемъ мемуарамъ Милошева медика. Книга Ткалаца даетъ самыя подробныя свѣдѣнія о состояніи, въ какомъ находилась Сербія предъ изгнаніемъ Кара-Георгіевича. Сочиненіе Каница представляетъ собою результаты десятилѣтнихъ изслѣдованій автора о прежней и современной жизни Сербіи. Оно можетъ быть названо настольною книгой для всякаго, кто хочетъ ближе ознакомиться съ сербскимъ княжествомъ не только съ точки зрѣнія исторической, но также географической, статистической и этнографической. Большая половина книги занята расказами о странствованіяхъ автора по Сербіи, другая половина есть какъ-бы изслѣдованіе о сербскомъ государствѣ и обществѣ, съ которыми авторъ знакомитъ своего читателя въ систематическомъ и довольно подробномъ очеркѣ. Къ сожалѣнію, сочиненіемъ Каница я не могъ воспользоваться въ моей книгѣ, ибо оно въ Москвѣ было получено уже тогда, какъ моя книга стала печататься.

Отсутствіе въ русской литературѣ особыхъ сочиненій о новой Сербіи дало мнѣ мысль ознакомиться, во время моего трехмѣсячнаго пребыванія въ Бѣлградѣ въ 1864 году, съ исторіей сербскаго княжества. Само собою разумѣется, что, при вышеописанномъ состояніи сербской исторической литературы, я не могъ ограничиться только печатными матеріалами, но долженъ былъ обратиться къ собранію матеріаловъ не изданныхъ; но по краткости времени и по нѣкоторымъ другимъ причиналъ пришлось ограничиться лишь отрывочнымъ знакомствомъ съ однимъ офиціальнымъ архивомъ и тремя собраніями документовъ у частныхъ лицъ. При такихъ условіяхъ нечего было и думать о томъ, чтобы написать полную исторію сербскаго княжества. Между тѣмъ въ русской литературѣ уже появилась статья А. В. Дубровина подъ заглавіемъ: «Сербскій вопросъ при Александрѣ I» (въ «Русскомъ Вѣстникѣ» за 1863 г.). Здѣсь исторія Сербіи во время Кара-Георгія излагалась лишь по отношенію ея къ русской исторіи. Строго говоря, другой точки зрѣнія на новую сербскую исторію и быть не могло у русскаго писателя. Той же точки зрѣнія держался и я въ своей книгѣ, имѣя единственною цѣлію представить въ ней «очеркъ русскаго покровительства Сербіи съ

1806 по 1856 годъ», на сколько допускали то матеріалы, находившіеся въ моемъ распоряженіи. Между тѣмъ большинство читателей и рецензентовъ моей книги ожидали встрѣтить въ ней полную исторію сербскаго княжества: желаніе первыхъ само по себѣ очень понятно; требованіе вторыхъ, обязанныхъ знать состояніе исторической литературы о Сербіи, предшествовавшей моей книгѣ, ничѣмъ не оправдывается. Правда, авторъ рецензіи, помѣщенной въ журналѣ «Заря» (№№ 8 и 10 за 1870 годъ), А. С. Будиловичъ, въ самомъ началѣ своей статьи сказалъ: «Заглавіе сочиненія не вполнѣ согласно съ его содержаніемъ: послѣднее гораздо обширнѣе перваго. Это историческій очеркъ не русскаго покровительства Сербіи, а событій сербской политической жизни въ полувѣковой періодъ русскаго покровительства». Но иначе и быть не могло: русское покровительство Сербіи въ вышеозначенную эпоху такъ проникало во всѣ событія не только политической, но отчасти общественной жизни сербскаго княжества, что оставлять ихъ въ сторонѣ не представлялось никакой возможности. Тѣмъ не менѣе, переводчики моей книги на сербскій языкъ не обинуясь назвали ее исторіей Сербіи «отъ Кочиной краины до Свято-Андреевской скупщины». А такъ какъ сербскій переводъ имѣлъ много подписчиковъ (въ спискѣ, приложенномъ къ послѣднему выпуску, ихъ насчитывается до 2.800 человѣкъ), то между сербами и распространилось мнѣніе, что я написалъ новую исторію ихъ отечества, хотя на самомъ дѣлѣ этого не было. Еще страннѣе было для меня встрѣтить то же самое мнѣніе, высказанное почти въ формѣ требованія въ отзывѣ офиціальнаго рецензента петербургской Академіи наукъ, професора одесскаго университета В. В. Богишича, на сколько оно высказалось въ сокращенной передачѣ этого отзыва коммисіею, присуждавшею въ прошломъ году уваровскія преміи. Этимъ требованіемъ объясняется и упрекъ, что я не воспользовался сербскими народными пѣснями, не говорилъ объ аграрныхъ законахъ Сербіи и не вездѣ важное съ точки зрѣнія сербской помѣщалъ въ текстѣ. Но пользованіе народными пѣснями для историка, занимающагося изложеніемъ политическихъ событій. можетъ быть обязательно лишь тогда, когда филологическая и историческая критика утвердятъ достовѣрность показаній, встрѣчаемыхъ въ пѣсняхъ. Безъ этого непремѣннаго условія историкъ не можетъ пользоваться народными пѣснями, особенно когда существуютъ современные имъ письменные документы и даеж газеты. Г. Будиловичъ поступилъ проще и

прямѣе г. Богишича: онъ самъ попытался изложить въ своей статьѣ по сербскимъ пѣснямъ взглядъ народа на совершавшіяся передъ его глазами событія,—обязанность, которой до сихъ поръ тщательно избѣгали русскіе слависты-филологи. О сербскихъ аграрныхъ законахъ въ моей книгѣ сказано столько, сколько можетъ быть допущено въ историческомъ очеркѣ русскаго покровительства Сербіи. Далѣе въ отзывѣ г. Богишича есть еще два обвиненія, направленныя не противъ книги, а противъ ея автора. Онъ увѣряетъ, будто бы я пользовался безразлично сочиненіями Кюнибера, Посарта, Пирха, Таля, Сора и другихъ. Но если онъ читалъ внимательно мою книгу, къ чему его обязывало званіе офиціальнаго рецензента петербургской Академіи наукъ, то конечно замѣтилъ 89-е примѣчаніе къ первому тому (на стр. 492), гдѣ я изложилъ свое мнѣніе о вышеупомянутыхъ писателяхъ. Вотъ что сказано въ этомъ примѣчаніи: «Сочиненіе Кюнибера, изданное послѣ восточной войны, можетъ служить однимъ изъ полезнѣйшихъ источниковъ для исторіи Сербіи подъ управленіемъ Милоша. Оно есть не что иное, какъ самыя подробныя и пересмотрѣнныя авторомъ мемуары, въ началѣ впрочемъ составленныя по сочиненіямъ Караджича. Кюниберъ былъ медикомъ Милоша, участвовалъ въ его переговорахъ съ англійскимъ консуломъ Ходжесомъ и былъ очевидцемъ всѣхъ событій по 1838 годъ. Громкое заглавіе, которое носитъ его сочиненіе, дано ему не авторомъ. а издателями, которые присоединили къ мемуарамъ Кюнибера краткую записку его преемника, другаго княжескаго медика, Пацека, не имѣющую однакожь ни такого значенія, ни такого интереса. Но при этомъ сочиненіемъ Кюнибера должно пользоваться осторожно, ибо онъ самъ былъ горячимъ сторонникомъ Милоша». Затѣмъ пересчитаны сочиненія иностранцевъ, писавшихъ о Сербіи съ 1837 по 1845 годъ, послѣ чего сказано: «Всѣ перечисленныя здѣсь сочиненія разнаго достоинства: самое ничтожное изъ нихъ Сора; книги Посарта и Таля нуждаются въ провѣркѣ и не представляютъ ничего новаго; всѣ три сочиненія уже достаточно оцѣнены въ сербской литературѣ, особенно Іов. Хаджичемъ», и наконецъ: «сочиненіе Рихтера, бывшаго инженера сербской службы, слишкомъ кратко». Самый текстъ моей книги свидѣтельствуетъ противъ академическаго рецензента: обѣ послѣднія главы перваго тома, въ которыхъ изложены событія отъ возстанія Милоша Обреновича противъ турокъ до его отреченія, носятъ на себѣ ясные слѣды пользованія сочиненіемъ Кюнибера, которое

никоимъ образомъ нельзя смѣшать съ другими; а изъ послѣднихъ нѣтъ ни одной выдержки въ текстѣ всей книги, и лишь нѣкоторыя мѣста изъ нихъ указаны въ примѣчаніяхъ. Второе обвиненіе состоитъ въ томъ, что я не пользовался государственнымъ архивомъ въ Петербургѣ. Но г. Богишичъ, какъ иностранецъ, недавно прибывшій въ Россію, конечно, не зналъ, что архивъ этотъ не принадлежитъ къ чилу открытыхъ для частныхъ занятій, подобно публичнымъ библіотекамъ. Если послѣ появленія въ свѣтъ моей книги министерство иностранныхъ дѣлъ и найдетъ возможнымъ допустить къ пересмотру сербскихъ дѣлъ въ архивѣ, хоть бы самого г. Богишича, то это не будетъ уже съ его стороны нескромностію относительно себя и Сербіи и не можетъ быть признано за общее правило, на основаніи котораго можно было бы приступить теперь же къ занятіямъ въ этомъ архивѣ для составленія, на примѣръ, исторіи отношеній Россіи къ румынскимъ княжествамъ или ея же отношеній къ египетскому и сирійскому вопросамъ. А между тѣмъ сочиненія объ этихъ предметахъ были бы не менѣе важны и желательны для исторіи восточнаго вопроса, чѣмъ сочиненіе о русскомъ покровительствѣ Сербіи. Быть можетъ, по тому наша литература и не имѣетъ до сихъ поръ такихъ сочиненій, что люди, знающіе кое-что по этой части, ждутъ открытія государственнаго архива для частныхъ занятій въ немъ, о чемъ ближе всего было бы похлопотать петербургской Академіи. Кромѣ того, упрекъ г. Богишича односторонен. Не только исторія сербскаго княжества, но даже исторія русскаго покровительства ему, не можетъ быть сочтена вполнѣ уясненною, пока не будутъ разработаны сербскія дѣла, хранящіяся въ архивахъ Вѣны, Лондона, Парижа и Константинополя. Изъ вышедшей въ нынѣшнемъ году «Исторіи вѣнскихъ архивовъ» Вольфа (Geschichte der k. k. Archive in Wien, von G. Wolf), видно, что въ тамошнемъ тайномъ, придворномъ и государственномъ архивѣ хранятся сербскія дѣла съ 1100 года (стр. 90). Не менѣе того должны быть богаты документами по сербской исторіи архивы другихъ европейскихъ столицъ. Понятно послѣ всего сказаннаго, почему я не думалъ и не могъ писать полной исторіи сербскаго княжества. Желательнѣе всего для меня, чтобы въ нашей литературѣ поскорѣе явились дополненія къ тому, что уже сдѣлано по сербской исторіи. Такъ, на примѣръ, теперь же могли бы быть напечаны: дневникъ и переписка перваго русскаго дипломатическаго агента въ Сербіи Родофиникина, храня-

щіеся въ петербургскомъ государственномъ архивѣ; переписка барона Г. А. Строганова съ Милошемъ Обреновичемъ, хранящаяся у его потомковъ и напечатанная мною лишь по имѣвшимся въ моихъ рукахъ отрывочнымъ письмамъ; дѣла и письма, безъ сомнѣнія, сохранившіяся у нынѣшнихъ членовъ государственнаго совѣта, В. П. Титова и барона В. К. Ливена, бывшихъ въ Турціи и находившихся въ личныхъ сношеніяхъ съ сербами.

Переводчики моей книги на сербскій языкъ обѣщали, въ своемъ предисловіи къ послѣднему выпуску, сдѣлать дополненіе при второмъ изданіи сербскаго текста. Въ ожиданіи этого, приступая теперь къ изложенію исторіи сербскаго княжества послѣ парижскаго міра, я считаю не лишнимъ предложить здѣсь нѣсколько дополненій, тѣмъ болѣе, что они стоятъ въ связи съ новѣйшею исторіей Сербіи и поясняютъ ее. Прежде всего позволяю себѣ передать здѣсь нѣкоторыя изъ замѣчаній на мою книгу, которыя угодно было прислать въ Москву, при письмѣ на мое имя, предсѣдателю государственнаго совѣта Сербіи г. Іовану Мариновичу, начавшему свою службу еще въ первое правленіе Милоша и принадлежащаго къ числу самыхъ видныхъ дѣятелей въ новой сербской исторіи. Замѣчанія его касаются какъ частностей, такъ и общихъ взглядовъ. Мы прослѣдимъ ихъ по порядку.

На стр. 365 и 366-й перваго тома мною помѣщенъ, на основаніи показаній Кюнибера, расказъ о томъ, какъ нажился подлѣ Милоша селиктаръ его, т. е., казначей, Авраамъ Стойковичъ, и какъ потомъ, возбудивъ въ Милошѣ подозрѣніе, пострадалъ отъ него; затѣмъ снова составилъ заговоръ противъ князя, бѣжалъ въ Румынію, но былъ привезенъ въ Сербію своими единомышленниками. «Стойковича, сказано у меня далѣе, отвезли въ Крагуевацъ и не выдавали румынскимъ властямъ, не смотря на ихъ протесты. Верховному суду поручено было заняться разсмотрѣніемъ дѣла бывшаго селиктара». Г. Мариновичъ поправляетъ послѣднія слова такимъ образомъ: «никакимъ судомъ не было изслѣдовано и разсмотрѣно дѣло Авраама Стойковича, по прозвищу селиктара. Онъ былъ заключенъ въ одной изъ клѣтей, принадлежавшихъ къ дому князя Милоша, подлѣ сарая, гдѣ хранились конская збруя и приборы. Заключеніе его продолжалось нѣсколько дней. Здѣсь онъ былъ допрашиваемъ иногда лично княземъ Милошемъ, а иногда назначенными для того чиновниками, съ цѣлію дознанія, не имѣлъ ли онъ участниковъ въ огла-

сившемся намѣреніи составить заговоръ. Такъ какъ Авраамъ отрицалъ это, то Милошъ билъ его батогомъ въ присутствіи Настаса булюкъ-баши, но безъ всякаго успѣха. Жившіе при дворѣ чиновники расказывали тогда тайно одинъ другому, какъ слышали крики и стоны Авраамовы. Измученнаго такимъ образомъ Авраама князь Милошъ послалъ въ Брусницу и приказалъ тамошнему суду осудить его на смерть, какъ измѣнника, казнить и тѣло его выставить на колесѣ, что и было тотчасъ же исполнено, а въ Крагуевацѣ о томъ ничего не знали. Только спустя нѣкоторое время, по случаю одного праздника, князь Милошъ выдалъ приказъ, чтобы тѣло Авраамово сняли съ колеса и закопали въ землю. Я былъ тогда писаремъ въ канцеляріи князя Милоша и лишь тогда узналъ о погубленіи Авраама, когда вышелъ приказъ похоронить его: съ такою тайною посланъ былъ онъ изъ Крагуевца въ Брусницу и лишенъ жизни. Это было послѣднее убійство безъ судебнаго постановленія, совершенное только по приказу князя Милоша».

Считая расказъ Кюнибера о сватовствѣ австрійскаго консула Михановича къ Анкѣ, дочери Евфрема Обреновича, тогдашнею придворной сплетней, авторъ сообщенныхъ мнѣ замѣчаній высказываетъ такое мнѣніе о положеніи придворныхъ партій въ 1837 году: «Домъ Ефрема былъ въ то время единственнымъ въ Бѣлградѣ, сколько нибудь походившимъ на европейское зданіе, и въ немъ европеецъ могъ найти пріятное общество; а потому домъ этотъ и былъ средоточіемъ всѣхъ туземныхъ и иностранныхъ лицъ, которыя умѣли цѣнить общественную жизнь. Михановичъ, какъ образованный человѣкъ, долженъ былъ осуждать самовольство князя Милоша и сочувствовать тѣмъ, которые осуждали это самовольство. Изъ этого впрочемъ не слѣдуетъ, чтобъ Ефремъ и другіе не дѣлали бы того, что дѣлалъ Милошъ, а можетъ быть и хуже, еслибы занимали его мѣсто; но роли были такъ подѣлены, что Ефремъ, Вучичъ и остальные осуждали то, что было достойно осужденія, и за то выслушивали одобреніе отъ всѣхъ образованныхъ людей, у кого только не было особенныхъ причинъ дѣйсвовать противъ нихъ, какъ, на примѣръ, у Ходжеса, хотя и онъ въ частныхъ разговорахъ одобрялъ ихъ жалобы и соглашался съ ними. Вучичъ и его единомышленники не имѣли надобности привлекать Ефрема въ свое общество; ибо одинакія причины порождаютъ одни и тѣ же слѣдствія: всѣ они одинаково были оскорбляемы и угрожаемы отъ Милоша и мало по малу стали соли-

дарны, такъ что очень трудно опредѣлить, влекъ ли кто кого либо за собою, или же всѣ соперничали въ ревностныхъ стараніяхъ, какъ бы легче и успѣшнѣе достигнуть ограниченія самовольства князя Милоша, въ чемъ они видѣли только исполненіе обязанности, лежавшей на всѣхъ достойныхъ людяхъ, любившихъ народъ. Иначе нельзя было бы понять, что всѣ лучшіе люди въ Сербіи, даже сами братья, жена и дѣти князя Милоша осуждали его самовластіе, и единственное спасеніе для народа и династіи находили въ ограниченіи княжеской власти. Съ достовѣрностію можно утверждать, что въ то время никто не помышлялъ о сверженіи династіи; а если это и случилось позднѣе, то необходимо искать тому объясненія въ позднѣйшихъ событіяхъ. Вообще не надо забывать, что возстановленное правленіе князя Милоша, вслѣдствіе переворота 1858 года, дало блистательное доказательство, что князь Милошъ не былъ способенъ управлять иначе, какъ только по своей собственной волѣ, и что онъ никоимъ образомъ не могъ понять, что какой либо законъ можетъ его ограничивать въ его верховной власти. И если мы вспомнимъ, что въ 1858 году князь Милошъ возвратился въ Сербію послѣ девятнадцатилѣтняго пребыванія въ Европѣ, гдѣ имѣлъ передъ глазами совершенно противуположные примѣры тѣмъ, какіе представляло правленіе Кара-Георгіева и турецкое, и что это не во многомъ перемѣнило его прежнія понятія, то легко себѣ представить, какимъ онъ былъ во время своего перваго правленія».

Подачу скупщиною 30 мая 1837 года одобрительнаго адреса Милошу авторъ приводимыхъ мною замѣчаній объясняетъ такъ: «Адресъ народной скупщины въ настоящемъ случаѣ былъ не что либо другое, какъ только голая формальность. Что бывало напишетъ чиновникъ княжеской канцеляріи, то члены скупщины считали своею обязанностію подписать. Можно сказать, что и впослѣдствіи, не смотря на иную организацію скупщинъ и не смотря на распространеніе въ народѣ нашемъ понятій о правѣ, адресы скупщинъ были почти всегда внушаемы правительствомъ, представлялись сперва на одобреніе его, а потомъ уже предлагались скупщинѣ для принятія. Какъ поведется это дѣло впредь при новомъ уставѣ, мы увидимъ; но до сихъ поръ оно въ сущности своей происходило описаннымъ образомъ. Кромѣ того, положеніе дѣлъ въ то время было таково, что сами Ефремъ и Вучичъ, еслибы присутствовали на скупщинѣ, под-

писали бы все, что было подписано остальными депутатами, но вслѣдъ затѣмъ продолжали бы свою борьбу противъ Милоша и нисколько не стыдились бы своихъ дѣйствій, ибо всякое покушеніе на противорѣчія и доказыванія, противныя княжеской волѣ, было бы безполезно и могло бы угрожать не только ихъ свободѣ, но и жизни.»

По поводу поѣздки Кюнибера къ Милошу въ Крагуевацъ съ порученіемъ отъ англійскаго консула Ходжеса, г. Мариновичъ говоритъ: «Кюниберъ вообще придаетъ себѣ болѣе важности и значенія, чѣмъ имѣлъ. Онъ былъ единственнымъ посредникомъ между княземъ Милошемъ и Ходжесомъ, потому что князь Милошъ никому другому не рѣшался довѣриться въ томъ. Не имѣя никакого званія, сопряженнаго съ политическою дѣятельностію въ Сербіи, Кюниберъ обвиняетъ другихъ за неуспѣхъ его негоціацій, которыя не удались по другимъ, болѣе естественнымъ причинамъ». Впрочемъ это объясненіе нисколько не противорѣчитъ моей книгѣ, гдѣ Кюниберъ выставленъ только простымъ исполнителемъ порученій Ходжеса. Что указъ 16 октября 1837 года, обезпечивавшій личность и собственность каждаго серба и т. п., изданъ былъ вслѣдствіе настояній прибывшаго съ порученіемъ отъ русскаго двора князя Вас. А. Долгорукаго, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Но у Кюнибера есть указаніе, что и Ходжесъ совѣтовалъ Милошу принять всѣ четыре пункта помянутаго указа. Поэтому г. Мариновичъ замѣчаетъ: «въ Сербіи никто не зналъ и думать не могъ, пока не написалъ о томъ Кюниберъ, что Ходжесъ совѣтовалъ князю Милошу принять эти пункты; напротивъ, цѣлый свѣтъ, и совершенно справедливо, приписывалъ вліянію Россіи и настояніямъ князя В. А. Долгорукаго изданіе сего указа, который между тогдашними политическими кружками Сербіи и названъ былъ «Долгоруковъ указъ», что согласно съ общимъ въ то время утвержденіемъ, что Россія совѣтовала князю ограниченіе самовластія, Англія же, напротивъ, поддерживала его въ абсолютизмѣ; оттуда любовь и сочувствіе къ Россіи и отвращеніе къ Англіи». Въ этихъ словахъ я не вижу опроверженія показанія Кюнибера. Ходжесъ, какъ было сказано выше, самъ не одобрялъ многихъ дѣйствій Милоша; ему важно было сохранить за нимъ политическую власть, а не право надъ жизнію и имуществомъ подданныхъ; къ тому же, забѣгая впередъ русскому уполномоченному, онъ дѣйствовалъ по совершенно вѣрному расчету, что такое ограниченіе Милошевой

*

власти не ослабитъ вліянія на него Англіи, а въ то же время онъ въ состояніи будетъ указывать потомъ на безпристрастіе своихъ дѣйствій, въ чемъ и не ошибся. Это была обыкновенная дипломатическая хитрость, сообразующаяся не съ инструкціями, а съ обстоятельствами времени: да и самый указъ 16 октября долго ли удержался во всей своей силѣ? Замѣчаніе г. Мариновича чрезвычайно любопытно въ смыслѣ указанія на тогдашнія отношенія сербскаго общества къ дѣйствіямъ русской и англійской дипломатіи. Столь же любопытно дополненіе, дѣлаемое г. Мариновичемъ къ извѣстіямъ объ обратномъ путешествіи князя В. А. Долгорукаго: «Въ этомъ путешествіи Долгоруковъ сопровождаемъ былъ, кромѣ Михаила Германа, еще Стефаномъ Стефановичемъ Тенькою, однимъ изъ партизановъ ограниченія княжеской власти. Раздавая всюду по пути указъ, Тенька объяснялъ отъ имени Долгорукаго значеніе его и пользу, которая произойдетъ отъ него, чѣмъ и навлекъ на себя негодованіе князя Милоша.»

Вызовъ въ Цареградъ сербской депутаціи для принятія устава г. Мариновичъ объясняетъ такимъ образомъ: «Когда пришли къ тому убѣжденію, что князь Милошъ не согласится добровольно принять уставъ, а если и приметъ, то не будетъ держаться его, но станетъ измѣнять и нарушать какъ и прежде изданные законы; то всѣ утвердились въ той мысли, что нѣтъ другаго средства къ достиженію цѣли кромѣ того, чтобъ уставъ составленъ былъ въ Цареградѣ, и чтобы данъ былъ Сербіи отъ Порты и Россіи. Послѣ того, какъ старанія сербскихъ старѣйшинъ нашли отзывъ у Порты и русской миссіи въ Цареградѣ, князь Милошъ получилъ письмо отъ великаго визиря, въ которомъ ему предлагалось «послать въ Цареградъ двухъ человѣкъ для переговоровъ о нѣкоторыхъ предметахъ, касающихся пограничныхъ дѣлъ, а между тѣми двумя посланными долженъ быть непремѣнно Авраамъ Петроніевичъ, какъ человѣкъ пользующійся довѣріемъ и князя и народа». Князь Милошъ понималъ, о чемъ идетъ дѣло, но, не желая отказать Портѣ въ посылкѣ Петроніевича, хотѣлъ по крайней мѣрѣ сдѣлать его не опаснымъ и, вмѣсто двухъ, послалъ три лица, а именно: Петроніевича, Іованчу Спасича и Живановича,—Іованчу по тому, что говорилъ по-турецки и могъ контролировать разговоръ Петроніевича съ турками и, въ случаѣ надобности, исполнять княжескія порученія къ туркамъ помимо Петроніевича; а Живановича для того, чтобы могъ поддерживать лично непосредственныя сношенія съ англійскимъ посланникомъ,

на помощь котораго князь Милошъ сталъ возлагать большія надежды».

Показанію Кюнибера, что князь Милошъ сообщилъ офицерамъ крагуевацкаго гарнизона о своихъ сношеніяхъ съ Англіей, въ надеждѣ получить чрезъ нее новыя уступки отъ Порты, въ томъ числѣ очищеніе Бѣлграда отъ турокъ, г. Мариновичъ не вѣритъ, ибо такое признаніе могло быть опасно для Милоша, вооруживъ противъ него народъ, среди котораго противники князя уже распространяли слухи о его сношеніяхъ «съ какими-то инглезами». Но всего вѣроятнѣе, что дѣло происходило на оборотъ, т. е., что Милошъ уже зналъ объ этихъ слухахъ и потому далъ такое выгодное объясненіе своимъ переговорамъ съ англійскимъ консуломъ. Впрочемъ и самъ г. Мариновичъ убѣжденъ, что все любезничанье Милоша съ Ходжесомъ было скорѣе маневромъ, нежели серьезнымъ намѣреніемъ стать подъ покровительство Англіи. Г. Мариновичъ совершенно отвергаетъ и показаніе Кюнибера о тѣхъ выгодныхъ для князя возгласахъ, которые будто бы слышались при разговорѣ Милоша съ Ходжесомъ у минеральныхъ водъ въ Буковикѣ: г. Мариновичъ самъ находился при этомъ въ свитѣ князя.

Расказъ о довершеніи устава г. Мариновичъ пополняетъ еще слѣдующею чертою: «Когда князь Милошъ получилъ изъ Цареграда извѣстіе, что потеряна всякая надежда, чтобъ уставъ былъ составленъ иначе, чѣмъ какъ требовалъ русскій посланникъ, то есть, что въ уставъ будетъ включенъ параграфъ о преимуществахъ совѣтниковъ,—ибо изъ-за этого параграфа и шло все препирательство,—онъ возымѣлъ вдругъ мысль снова провозгласить уставъ 1835 года, чтобы чрезъ то сдѣлать излишнимъ всякій другой уставъ. Въ этомъ намѣреніи, онъ призвалъ къ себѣ членовъ совѣта и предложилъ имъ эту мысль, но совѣтники, охрабренные цареградскимъ извѣстіемъ и не вѣря болѣе гарантіямъ, которыя были бы утверждены только на скупщинѣ, а не подкрѣплены въ то же время со стороны Россіи и Порты, не захотѣли согласиться на предложеніе князя Милоша, а сказали ему, что теперь вопросъ объ уставѣ находится на рѣшеніи въ Цареградѣ и что надо ждать оттуда результатовъ».

Въ примѣчаніяхъ къ моей книгѣ напечатаны подлинные документы объ отставкѣ Живановича, а въ текстѣ приведено и то мнѣніе, что совѣтъ требовалъ отставки его, какъ австрійскаго подданнаго. Г. Мариновичъ по этому поводу говоритъ:

«Живановичъ былъ уволенъ по тому, что извѣстенъ былъ какъ вѣрный и непоколебимый поддерживатель мыслей князя Милоша о параграфѣ устава касательно совѣтниковъ, за что партія старѣйшинъ питала къ нему большую ненависть, которая и ему самому была хорошо извѣстна, почему онъ подалъ просьбу объ отставкѣ тотчасъ же по отъѣздѣ изъ Цареграда, которая и была принята.»

Такимъ образомъ замѣчанія г. Мариновича на первый томъ касаются болѣе всего извѣстій, заимствованныхъ изъ сочиненія Кюнибера, отчасти объясняя ихъ, отчасти исправляя и дополняя. Сочиненіе Кюнибера вышло пятнадцать лѣтъ тому назадъ и лишь теперь стало обращать на себя вниманіе сербской критики. Будемъ надѣяться, что, пересмотрѣнное ею изъ конца въ конецъ, оно сдѣлается еще болѣе важнымъ и несомнѣннымъ источникомъ для новой сербской исторіи, хотя и до сихъ поръ ставилось въ число первыхъ пособій по этой части.

«Переходимъ къ замѣчаніямъ на второй томъ. На стр. 12-й, помѣщено извѣстіе о томъ, что Стоянъ Симичъ получилъ отъ временнаго правительства 50.000 дукатовъ въ видѣ займа въ два срока. Обстоятельства, сопровождавшія этотъ заемъ, г. Мариновичъ объясняетъ такъ: «Симичи были участниками въ валашской соляной компаніи и одинъ изъ нихъ долженъ былъ находиться въ этой компаніи у дѣлъ; а такъ какъ оба въ это время находились при государственныхъ занятіяхъ и, вслѣдствіе того, терпѣли ущербъ по компанейскому предпріятію, то Стоянъ Симичъ подалъ письменную просьбу совѣту, чтобъ онъ или освободилъ его отъ государственной службы, или же отпустилъ ему взаймы безъ процентовъ 50.000 дукатовъ, которыми Симичъ могъ бы помочь своей компаніи. Правительство считало тогда столь важнымъ удержать обоихъ Симичей при дѣлахъ, что готово было скорѣе дать имъ требуемый заемъ, чѣмъ лишиться ихъ содѣйствія. О томъ свидѣтельствуютъ протоколы совѣта и офиціальные акты того времени». Г. Мариновичъ совершенно справедливо говоритъ, что услуги Симичей тогдашнему временному правительству считались послѣднимъ драгоцѣнными и незамѣнимыми. Особенно важна была дѣятельность Стояна Симича, который въ 1839 году, въ эпоху сверженія Милоша, былъ главнымъ руководителемъ многихъ событій, хотя и не выставлялся впередъ.

Въ моихъ рукахъ находятся теперь копіи съ шести писемъ

Стояна Симича къ Вучичу во время майскихъ волненій того года, окончательно рѣшившихъ судьбу Милоша. Вучичъ тогда отправился изъ Бѣлграда усмирять возставшихъ въ пользу Милоша; а Симичъ, оставаясь въ Бѣлградѣ, наблюдалъ за самимъ Милошемъ и безпрестанно увѣдомлялъ Вучича о происходившемъ въ Бѣлградѣ. 15-го мая онъ отправилъ къ Вучичу два письма. Изъ одного мы узнаемъ, что Вучичъ совѣтовалъ Симичу возможно чаще собирать совѣтъ въ засѣданія; Симичъ отвѣчалъ, что онъ это дѣлаетъ. Въ другомъ письмѣ Симичъ говоритъ, что поручилъ Цвѣтку Райовичу сообщить русскому консулу Ващенку мнѣніе Вучича о томъ, какъ онъ думаетъ распорядиться съ возмутившимися послѣ покоренія ихъ; и будто Ващенко, сказавъ на это: «Право, молодецъ!» просилъ возможно чаще извѣщать его и происшествіяхъ. Въ письмѣ отъ 16-го мая Симичъ увѣдомляетъ Вучича, что присматриваетъ за княземъ усердно. На слѣдующій день онъ пишетъ Вучичу, что исполнилъ всѣ его порученія: «Остается поцѣловать руку у паши». Въ письмѣ отъ 19-го мая онъ совѣтуетъ Вучичу поприготовить народъ къ скупщинѣ и разъяснить ему, почему Милошъ не хочетъ терпѣть совѣтниковъ и устава, сохраненія котораго желаютъ владѣтельная и и покровительствующая державы. Наконецъ, въ письмѣ отъ 23-го мая, вновь давая Вучичу совѣты о томъ, какъ вести слѣдствіе надъ захваченными приверженцами Милоша и какъ подготовить народъ къ скупщинѣ, послѣдствіемъ которой, какъ извѣстно, было отреченіе Милоша,—Симичъ прямо говоритъ: «Мы вамъ такую власть дали, какой дать другой разъ не рѣшимся; пользуйтесь столь благопріятнымъ положеніемъ».

На стр. 207-й среди расказа о сношеніяхъ сербскихъ правителей съ французскимъ министерствомъ при посредствѣ польскихъ эмигрантовъ: Чайковскаго, проживавшаго тогда въ Парижѣ, и Ленуара (Звержковскаго), было у меня сказано, что французское министерство дало знать сербскимъ правителямъ чрезъ своего консула, что вмѣсто польскаго эмигранта могли бы поручить это дѣло Іовану Мариновичу, который тогда находился во Франціи. Г. Мариновичъ замѣчаетъ на это, и его показанія, конечно, имѣютъ надлежащее значеніе: «Мнѣ ничего не извѣстно о такомъ заявленіи французскаго правительства, на основаніи котораго меня предполагали сдѣлать посредникомъ въ поддержкѣ сношеній между Франціей и Сербіей. Я дѣйствительно въ то самое время, именно съ іюня 1841 года, находил-

ся въ Парижѣ съ цѣлію образовательною, но кромѣ дружественныхъ, и то рѣдкихъ, сношеній съ чиновниками французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ не имѣлъ съ ними никакихъ другихъ отношеній. Паденіе князя Михаила коснулось и меня: новое правительство лишило меня моего званія (секретаря министерства иностранныхъ дѣлъ). При такихъ обстоятельствахъ, если и было какое либо заявленіе со стороны французскаго министерства, что мнѣ совершенно не извѣстно, то оно не могло быть принято тогдашнимъ сербскимъ правительствомъ. По отъѣздѣ Ленуара, его мѣсто въ Бѣлградѣ занялъ Захъ.»

На стр. 219-й, описывая тяжелое положеніе дѣлъ въ Бѣлградѣ послѣ перваго избранія Александра Кара-Георгіевича въ князья, котораго однакожь не призналъ русскій императоръ, излагая ходъ переговоровъ по этому поводу, какъ въ Бѣлградѣ, такъ и въ Константинополѣ, я, основываясь на донесеніи Ващенка, сказалъ: «Совѣщаясь о сербскихъ дѣлахъ, Гафизъ-паша и русскій консулъ убѣдились, что Кара-Георгіевичъ долженъ отречься прежде, чѣмъ созвана будетъ народная скупщина. Но въ такомъ случаѣ надо было установить новое временное правительство. Русскій консулъ предложилъ составить его изъ Стояна Симича, Стефана Стефановича, Ильи Гарашанина и Лазаря Теодоровича, ибо считалъ ихъ людьми, державшимися разныхъ мнѣній. Но это различіе едва ли простиралось такъ далеко, чтобы хоть одинъ изъ нихъ рѣшился руководить партіей Обреновичей; напротивъ, всѣ они были противъ нея и отличались другъ отъ друга только большею или меньшею энергіей характера и способомъ дѣйствій. Затѣмъ самъ собой возникалъ вопросъ: слѣдуетъ ли приглашать на скупщину бѣжавшихъ въ Австрію? Слѣдуетъ ли удалить Вучича и Петроніевича, если приверженцы Обреновичей будутъ допущены къ участію въ скупщинѣ? Ни паша, ни консулъ не могли сами отвѣчать на это и послали запросы Портѣ и послу. Но *на другой же день* послѣ того, 1-го мая, *полученъ былъ приказъ* изъ Константинополя, чтобы Кара-Георгіевичъ подписалъ отреченіе, иначе его отрѣшатъ формальнымъ образомъ отъ княжескаго званія». Г. Мариновичъ говоритъ по этому поводу: «Здѣсь большой пропускъ. Мысль о томъ, что князь Александръ долженъ подать въ отставку, и что надо приступить къ новому избранію князя, не принадлежала Гафизъ-пашѣ (у меня этого не сказано); но въ Цареградѣ между Портой и Россіей, при содѣйствіи остальныхъ великихъ державъ, учинено такое заклю-

ченіе: 1) прежнее революціонное избраніе Кара-Георгіевича, какъ неправильное и незаконное, уничтожается, 2) новое избраніе князя будетъ происходить въ присутствіи и подъ надзоромъ императорско-русскаго коммисара; 3) вожди послѣдней революціи, Вучичъ и Петроніевичъ, должны удалиться изъ отечества, въ наказаніе за то, что произвели эту революцію. Это былъ единственный способъ, которымъ распря между Россіей и Портой по сему вопросу могла быть разрѣшена, и это было трансакціей, на которую склонился императоръ Николай, и принять которую настойчиво совѣтовали Портѣ другія великія державы. Какъ послѣдствіе этой трансакціи, было заявленіе со стороны Россіи, что она признаетъ того князя, который будетъ избранъ такимъ правительственнымъ путемъ, а прежде того Россія начисто и прямо требовала возстановленія князя Михаила. О томъ свидѣтельствуютъ офиціальные дипломатическіе акты; объ этомъ же вкратцѣ упоминается въ мемуарахъ Гизо. Для исполненія перваго условія, чтобъ избѣгнуть сверженія Кара-Георгіевича султанскимъ фирманомъ, обратились къ болѣе мягкой формѣ—княжеской отставкѣ, и онъ, вслѣдствіе того, подписалъ ее; избрано временное намѣстничество изъ людей, преданныхъ дѣлу послѣдней революціи, но въ то же время не находившихся въ числѣ тѣхъ двоихъ, которые въ наказаніе должны были удалиться изъ Сербіи. Для исполненія втораго условія долженъ былъ прибыть въ Сербію баронъ Ливенъ и присутствовать при новомъ избраніи въ качествѣ императорскаго русскаго коммисара, и въ то же время, по соглашенію съ пашей, постараться, чтобы и третье условіе, касающееся удаленія изъ страны Вучича и Петроніевича, было исполнено. Такимъ образомъ отставка Кара-Георгіевича была простою формальностію и подписана вслѣдствіе договора между Россіей и Портою.»

Переходя къ расказу о переговорахъ русскихъ агентовъ съ обѣими сербскими партіями, предшествовавшихъ новой избирательной скупщинѣ, къ описанію самой скупщины и къ послѣдовавшему за ней удаленію Вучича и Петроніевича изъ Сербіи, г. Мариновичъ сообщаетъ нѣсколько дополненій и поправокъ, находящихся въ тѣсной связи между собою. «Обреновичи не были исключены изъ кандидатуры при новомъ избраніи, говоритъ онъ, точно также и Кара-Георгіевичъ. Желаніе императора Николая состояло въ томъ, чтобы князь Михаилъ возвратился къ власти, и чтобы такимъ способомъ онъ получилъ

сатисфакцію надъ революціей; но когда оказалось невозможнымъ получить то непосредственно отъ султана, тогда прибѣгли къ комбинаціи новаго избранія, и настоянія барона Ливена въ этомъ были непрестанны и усердны. Но когда самъ баронъ Ливенъ убѣдился, что всѣ его дѣйствія противъ Кара-Георгіевича и въ пользу Михаила могли послужить только князю Милошу, ибо послѣдній своими деньгами и посредствомъ своихъ приверженцевъ могъ дѣйствовать на народъ гораздо болѣе, чѣмъ всякій другой, тогда онъ молча дозволилъ, чтобы ходъ событій обратился въ пользу Кара-Георгіевича: ибо при отношеніяхъ, въ которыя поставилъ себя тогда князь Милошъ къ русской политикѣ, его избраніе было бы полезно только для Австріи, а никакъ не для Россіи, и, стало быть, Россія, облегчая избраніе князя Милоша, сама напрасно еще болѣе ополчила бы противу себя такъ называемую уставобранительную партію и облегчила бы успѣхъ австрійскимъ интригамъ; допуская же новое избраніе Кара-Георгіевича, по крайней мѣрѣ, сохраняла за собой хвалу за готовность примириться и за великодушіе къ тѣмъ, которые держали правленіе Сербіей въ своихъ рукахъ и которые давали ей за то наилучшія обѣщанія благодарности и преданности».

Понималъ ли баронъ Ливенъ тогдашнія отношенія такимъ образомъ, какъ полагаетъ авторъ замѣчаній, объ этомъ лучше всего можетъ сказать самъ баронъ. Но нельзя согласиться, чтобы даже тогда можно было обманывать себя тѣмъ, что избраніе Кара-Георгіевича и торжество партіи уставобранителей могли быть выгоднѣе для Россіи, чѣмъ избраніе Милоша Обреновича, котораго желало большинство народа. Нельзя вѣрить, чтобы русской дипломатіи было выгоднѣе примириться съ партіей, уже нѣсколько разъ обманывавшей ее, и удовольствоваться неопредѣленными обѣщаніями какой-то преданности въ будущемъ, чѣмъ удовлетворить заглушенныя этой партіей желанія самого народа, въ сочувствіи котораго къ Россіи не было даже возможности сомнѣваться. Всѣ слѣдовавшія затѣмъ событія доказали, что думать такъ было ошибкою. Въ этомъ отношеніи желательно было бы имѣть самыя точныя свѣдѣнія о пребываніи Милоша Обреновича въ Петербургѣ въ 1848 году, когда, по расказамъ, ходящимъ въ Сербіи, императоръ Николай примирился съ изгнанникомъ, при чемъ сказалъ: «Мы оба ошиблись другъ въ другѣ».

Но возвратимся къ объясненіямъ г. Мариновича. «Оттуда, говоритъ онъ, происходила эта слабость въ дѣйствіяхъ барона Ливена въ

пользу участія всѣхъ бѣглецовъ (было бы правильнѣе—изгнанниковъ) въ избраніи; отсюда и его согласіе на то, чтобы только одинъ, или двое изъ нихъ подавали голосъ при выборѣ князя отъ имени всѣхъ остальныхъ; оттуда его согласіе на такую процедуру избранія, которая, въ глазахъ опытныхъ людей, была не что другое, какъ пустая формальность и прикрытіе,—словомъ, пародія на избраніе, а на самомъ дѣлѣ освященіе и узаконеніе успѣха тѣхъ, кто пользовался тогда властью. И въ этомъ случаѣ интриги князя Милоша и его славолюбіе болѣе вредили князю Михаилу, чѣмъ его непріязнь съ уставобранителями, какъ и въ 1842 году, во время Вучичевой революціи, болѣе повредили князю Михаилу сплетни князя Милоша, княгини Любицы и ихъ послѣдователей, чѣмъ вся вражда и всѣ усилія противниковъ династіи Обреновичамъ». Далѣе г. Мариновичъ отвергаетъ извѣстіе, что въ день пріѣзда барона Ливена въ Бѣлградъ, въ Топчидерѣ собиралась малая скупщина, которая должна была опредѣлить порядокъ и способъ избранія князя, и что въ этотъ уже день открылось, что ни скупщина, ни совѣтники не хотятъ разстаться съ Вучичемъ и Петроніевичемъ. Но извѣстіе это заимствовано мною изъ бумагъ Ващенка, а имъ почерпнуто изъ донесеній преданныхъ людей, разумѣется, сербовъ, находившихся съ нимъ въ тайныхъ сношеніяхъ. Быть можетъ, ему доносили, что въ Топчидерѣ происходило совѣщаніе между правителями, совѣтниками и нѣкоторыми ихъ сторонниками, а Ващенко назвалъ это совѣщаніе малою скупщиной. Вообще я долженъ сказать здѣсь, что въ расказѣ о событіяхъ 1838—1843 гг. большая часть извѣстій заимствованы въ моей книгѣ изъ бумагъ Ващенка. Что приверженцы Кара-Георгіевича серьезно готовились къ скупщинѣ, въ этомъ никто, разумѣется, не будетъ сомнѣваться. Можно съ достовѣрностію утверждать, что успѣхъ его вторичнаго избранія былъ вполнѣ обезпеченъ партіей Вучича и Петроніевича еще до пріѣзда русскаго коммисара, о которомъ они имѣли извѣстіе, будто бы ему поручено дѣйствовать въ пользу возстановленія на сербскомъ престолѣ князя Михаила. Надо отвергнуть въ людяхъ этой партіи всякую способность къ энергической дѣятельности, отказать имъ въ чувствѣ самосохраненія и въ послѣдовательности ихъ политическихъ стремленій, чтобы предположить въ нихъ полную покорность предъ грядущимъ возвращеніемъ въ Сербію князя Михаила и его сторонниковъ. Вотъ почему я думаю, что не русскій коммисаръ помогалъ имъ достигнуть этой цѣли, а ихъ приготов-

ленность къ борьбѣ и упорство въ своемъ намѣреніи убѣдили его въ безполезности дальнѣйшихъ хлопотъ къ возвращенію изгнаннаго князя: настаивать во что бы то ни стало на этомъ не предписывалось его инструкціями; онѣ имѣли въ виду лишь свободное и правильное избраніе князя. Но свободнымъ это избраніе быть не могло, ибо власть находилась въ рукахъ партіи только-что отрекшагося князя, другая же партія была безсильна, ибо ея представители были за границей; правильнымъ это избраніе можно назвать лишь по тому, что при немъ соблюдены были извѣстныя формальности. Однакожь эти формальности могутъ имѣть значеніе передъ дипломатіей, а не имѣютъ никакой цѣны въ глазахъ историка, что, кажется, признаетъ и самъ г. Мариновичъ, на примѣръ, въ вышеприведенныхъ замѣчаніяхъ его объ адресѣ, поданномъ князю Милошу скупщиною 1837 года. Усиленное ходатайство и вымогательство партіи Вучича и Петроніевича предъ барономъ Ливеномъ подтверждается слѣдующимъ замѣчаніемъ г. Мариновича къ стран. 223 втораго тома: «О Вучичѣ и Петроніевичѣ ходатайствовано было передъ барономъ Ливеномъ, чтобъ имъ дозволено было не удаляться изъ Сербіи. Послѣ многихъ настояній со стороны тогдашняго правительства, при чемъ высказываема была и угроза, что сербскій народъ скорѣе вступитъ въ войну, нежели дозволитъ, чтобъ его старѣйшины были изгоняемы изъ отечества, баронъ Ливенъ наконецъ обѣщалъ ходатайствовать передъ императоромъ, чтобы помянутымъ двумъ лицамъ дозволено было, въ видѣ помилованія, остаться въ Сербіи, при чемъ они все-таки должны удалиться тотчасъ изъ столицы; но это удаленіе было только кажущееся: они удалились отъ должностей и держались внѣ Бѣлграда, пока не совершилось новое избраніе, но тѣмъ болѣе и сильнѣе могли дѣйствовать во внутренности страны, для поддержки своего дѣла». Извѣстно, что императоръ Николай не согласился на ходатайство барона Ливена, и послѣдній, находясь уже въ Варшавѣ, долженъ былъ возвратиться въ Сербію, чтобы потребовать вновь удаленія изъ нея Вучича и Петроніевича.

Объ избирательной скупщинѣ г. Мариновичъ говоритъ: «Я присутствовалъ при всѣхъ дѣйствіяхъ этой скупщины и слышалъ все, что говорилъ народу баронъ Ливенъ. Баронъ сказалъ на русскомъ языкѣ, что избраніе князя Александра было неправильно, и что такимъ избраніемъ повреждены права и преимущества народныя; что Государь Императоръ, какъ покровитель

Сербіи, не могъ согласиться, чтобы такое избраніе оставалось въ силѣ, а потому, по договору съ Портой, созванъ народъ приступить къ другому правильному избранію, въ присутствіи коммисаровъ обоихъ дворовъ, владѣтельнаго и покровительствующаго; что теперь народъ вполнѣ властенъ заявить, кого желаетъ имѣть княземъ; что выраженіе его свободной воли будетъ уважено и подтверждено, для чего пусть приступитъ предъ лицемъ царскихъ коммисаровъ къ свободному избранію и подастъ свой голосъ за того, кого считаетъ наиболѣе способнымъ вести Сербію къ благосостоянію и счастію. Подъ предлогомъ, что народъ не могъ вполнѣ уразумѣть все, что́ баронъ Ливенъ сказалъ на русскомъ языкѣ, вслѣдъ за нимъ сталъ говорить Стоянъ Симичъ, объясняя народу рѣчь барона Ливена приблизительно въ такихъ словахъ: «Государь Императоръ слышалъ, что прежнее избраніе не было народное, а будто князь Александръ навязанъ народу насильно нѣсколькими людьми; но Государь Императоръ не можетъ терпѣть, чтобы сербскому народу навязывали князя силою, и чтобы на народъ взводилась клевета, будто онъ принялъ князя помимо воли своей; а потому Государь послалъ своего повѣреннаго узнать истинныя желанія и волю народную, и пусть теперь народъ скажетъ свободно: вѣрно ли, что онъ хочетъ Кара-Георгіевича имѣть своимъ княземъ, или же вѣрно то, какъ говорятъ народные непріятели и клеветники, что народъ не хочетъ Кара-Георгіевича». Это объясненіе свое онъ заключилъ такъ: «Нынѣ, братья, Видовъ-Данъ (скупщина была 15 іюня), и онъ снова покажетъ, кто вѣренъ, и кто не вѣренъ»; а это, другими словами, значило: сегодня вѣрнымъ будетъ тотъ, кто останется при избраніи Кара-Георгіевича, а невѣрнымъ и измѣнникомъ будетъ тотъ, кто отступитъ отъ Кара-Георгіевича. Такое широкое толкованіе и извращеніе словъ барона Ливена всѣ примѣтили; я самъ видѣлъ, какъ г. Ващенко, смѣясь, сказалъ г. Симичу: «Какъ вы хорошо умѣете переводить съ русскаго на сербскій!» Но это было совершенно естественно, ибо самое избраніе было только голою формальностію: русская дипломатія уже примирилась съ мыслію, что надо узаконить избраніе Кара-Георгіевича, и не могла она болѣе ни на одинъ часъ мечтать, что избраніе окончится иначе, чѣмъ хотятъ тѣ, которые въ то время имѣли въ своихъ рукахъ всю правительственную власть и были солидарны съ Кара-Георгіевичемъ». Вотъ объясненіе всего событія, съ которымъ я вполнѣ согласенъ, но долженъ прибавить, что мечтать могли, и дѣйстви-

тельно мечтали, о другомъ исходѣ избранія приверженцы князя Михаила, вначалѣ обнадеженные русскою дипломатіей.

Переходя къ четвертому пріѣзду барона Ливена въ Бѣлградъ съ порученіемъ отъ императора Николая требовать удаленія Вучича и Петроніевича изъ Сербіи, г. Мариновичъ замѣчаетъ: «Не баронъ Ливенъ хотѣлъ, чтобы дѣло Вучича и Петроніевича рѣшалось скупщиной, но тогдашнее сербское правительство, желая дать этому дѣлу бо̀льшую важность и остаться послѣдовательнымъ относительно своихъ прежнихъ заявленій, коими хотѣло доказать, что народъ готовъ скорѣе понести всякія жертвы, нежели допустить, чтобы были изгоняемы изъ страны первые патріоты; вслѣдствіе того оно и постановило созвать скупщину въ Крагуевацъ, чтобъ объяснить и доказать ей необходимость удаленія Вучича и Петроніевича изъ отечества на нѣкоторое время. Предъ созваніемъ этой скупщины правительство сомнѣвалось, дѣйствительно ли серьезна угроза барона Ливена «добиться удаленія Вучича и Петроніевича силою, если они не захотятъ удалиться добровольно», а потому и желало, чтобы баронъ сообщилъ письменно о томъ, что послѣдуетъ, если означенныя лица не удалятся, и въ отвѣтъ на то баронъ Ливенъ адресовалъ сербскому правительству письменное официальное сообщеніе, что, по соглашенію между Россіей и Портой, одинъ корпусъ русскихъ войскъ, въ 20.000 человѣкъ, имѣетъ приказаніе двинуться въ Сербію, если условіе объ удаленіи Вучича и Петроніевича не будетъ исполнено мирнымъ путемъ. Тогда эти господа увидали, что съ ними болѣе не шутятъ, и съ той минуты стало извѣстно и признано, что Вучичъ и Петроніевичъ должны удалиться и все, что было потомъ дѣлано: созваніе скупщины въ Крагуевцѣ и т. д., было лишь формальностью и маневромъ, изъ желанія спасти внѣшнее приличіе и свое достоинство. Постановленіе объ изгнаніи Вучича и Петроніевича принято было въ Цареградѣ, при содѣйствіи всѣхъ великихъ державъ. Гизо, тогдашній министръ иностранныхъ дѣлъ въ Парижѣ, предполагая, что Сербы могутъ воспротивиться такому постановленію, прислалъ къ французскому консулу въ Бѣлградѣ, г. А. де-Кодрика, депешу, которою поручалъ ему объяснить сербскимъ патріотамъ, что они вполнѣ докажутъ свой патріотизмъ и окажутъ наибольшую услугу своему отечеству, если не будутъ сопротивляться такому постановленію великихъ державъ. Эту депешу я читалъ въ оригиналѣ и имѣлъ въ своихъ рукахъ, и ея содержаніе, по просьбѣ г. де-Кодрика, сообщилъ Вучичу и Петроніевичу,

объявивъ имъ, что или самъ консулъ или курьеръ его прибудетъ въ Ягодину и лично сообщитъ Петроніевичу такое порученіе отъ своего двора. Г. де-Кодрика дѣйствительно ѣздилъ съ этою цѣлію въ Ягодину, и я получилъ отвѣтъ отъ Вучича и Петроніевича, что они послѣдуютъ волѣ высокихъ дворовъ и совѣтамъ Франціи. Лишь только стало извѣстно, что они удаляются изъ Сербіи, «Journal des Débats» напечаталъ, что ихъ удаленіемъ устранено съ политическаго горизонта темное облачко, которое въ послѣднее время грозило спокойствію Востока». Таковы сообщенія г. Мариновича о переворотѣ 1842 года и о событіяхъ, сопровождавшихъ оный. Сообщенія эти нельзя не признать важными.

Касательно участія Сербіи въ венгерской войнѣ г. Мариновичъ говоритъ, что сербское правительство ободряло сербовъ въ Сремѣ, Бачкѣ и Банатѣ изъ чистой братской симпатіи, сознавая, что необходимо помочь своей единокровной братіи, которой мадьяры грозили покореніемъ. Но въ началѣ мадьяры стояли еще на легальной почвѣ и находились въ согласіи съ австрійскимъ дворомъ; о намѣреніи Россіи поддержать престолъ Габсбурговъ еще не было извѣстно въ Сербіи, когда сербы изъ княжества уже компрометировали себя участіемъ въ борьбѣ съ мадьярами. Но «очень вѣроятно, говоритъ г. Мариновичъ, что тогдашнее сербское правительство схватилось за эту сочувственную политику, не желая дать князю Михаилу возможность составить себѣ сильную партію между сербами Воеводства и потомъ, при помощи этой партіи, попытаться возвратиться въ Сербію; но и кромѣ такого эгоистическаго расчета, правительство сознавало, что не можетъ оставаться равнодушнымъ къ судьбѣ задунайскихъ братьевъ. Переходъ къ нимъ волонтеровъ изъ княжества сдѣланъ былъ по указанію и одобренію правительства; тратились на нихъ деньги изъ сербской государственной казны, выдавалась и военная амуниція изъ правительственныхъ складовъ. Но все это дѣлалось тайно и имѣло видъ частнаго предпріятія, чтобы, въ случаѣ неуспѣха, не компрометировать политическаго положенія Сербіи. Вучичъ же непрестанно, отъ самаго начала, былъ противъ помощи сербамъ, живущимъ по ту сторону Савы, явно осуждалъ эту политику и подговаривалъ народъ не слушаться въ томъ правительства, но не имѣлъ никакого успѣха». Ниже мы встрѣтимся съ объясненіемъ Георгія Протича, что Вучичъ сталъ противъ участія въ борьбѣ венгерскихъ сербовъ съ мадьярами изъ ненависти къ Кничанину, назначенному воеводой во-

лонтеровъ изъ княжества. О скупщинѣ 1848 года г. Мариновичъ говоритъ, что она не касалась политическихъ дѣлъ и вся была наполнена сплетнями и препирательствами чиновниковъ между собою, а также личною распрею Вучича съ Кничаниномъ, Ненадовичами, Зубаномъ и другими.

Въ главѣ о восточной войнѣ, г. Мариновичъ сдѣлалъ любопытныя замѣчанія на тѣ страницы, въ которыхъ приводится его мемуаръ, совѣтовавшій сербскому правительству держаться нейтралитета, расказывается о тогдашнихъ отношеніяхъ Сербіи къ Австріи и сообщается сербскій меморандумъ, направленный противъ австрійской политики. Г. Мариновичъ говоритъ объ этомъ такъ: «Всѣ партіи въ Сербіи безъ различія хотѣли защищаться отъ Австріи и подняться противъ нея, еслибъ она вздумала занять Сербію; но все это предполагалось въ смыслѣ защиты; никто не желалъ вызвать Австрію на войну. Дѣленіе на партіи происходило отъ того, что нѣкоторые члены правительства или по симпатіи къ Россіи, или же изъ опасенія, чтобы, въ случаѣ неуспѣха русскаго оружія, положеніе Сербіи не осталось открыто для притязаній со стороны Турціи и Австріи, желали, чтобы Сербія держалась солидарныхъ отношеній съ Россіей: они доказывали, что если Сербія и потерпитъ пораженіе въ такомъ предпріятіи, то Россія постарается со временемъ, изъ благодарности, вознаградить ее за то; другіе же полагали, что для Сербіи опасно выступать изъ нейтралитета, а такъ какъ они были въ большинствѣ, то ихъ мнѣніе и превозмогло. Авторъ оказываетъ мнѣ слишкомъ много чести, говоря, что мой мемуаръ прекратилъ споръ объ этомъ вопросѣ. Мой мемуаръ могъ содѣйствовать къ убѣжденію людей, легко смотрѣвшихъ на тогдашнія отношенія и мало знакомыхъ съ политическими дѣлами Европы; онъ только представилъ имъ разъясненіе того, что они подозрѣвали и предугагадывали, но не были способны доказать и представить во всей ясности. Еслибы и не было этого мемуара, то въ Сербіи все-таки восторжествовала бы та же самая политика, въ чемъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія; мемуаръ только выяснилъ, одобрилъ и поддержалъ эту политику». Мнѣ остается только прибавить къ словамъ г. Мариновича, что сама Россія требовала тогда, чтобы сербы оставались нейтральными, пока война не будетъ перенесена въ глубину Турціи, о чемъ упоминалось и въ самомъ мемуарѣ его. Касательно положенія Сербіи въ виду угрожавшаго ей занятія австрійскими войсками, г. Мариновичъ замѣчаетъ:

«Вслѣдствіе сильныхъ настояній сербскаго правительства передъ Изетъ-Пашею, при чемъ ему было говорено, что Сербія дастъ отпоръ австрійцамъ даже въ томъ случаѣ, еслибы сама Порта разрѣшила имъ вступить въ Сербію, и что въ этомъ случаѣ Сербія будетъ считать равно своими непріятелями какъ австрійцевъ, такъ и турокъ, Изетъ-паша, чтобы не дать сербамъ повода искать союза съ русскими, заявилъ, что Порта будетъ держаться съ сербами заодно. Такимъ путемъ турки надѣялись отклонить опасность, грозившую имъ, еслибы Сербія вмѣшалась въ ихъ войну съ Россіей. Но, при всемъ томъ, Сербія долгое время не была вполнѣ безопасна въ этомъ отношеніи. Порта вначалѣ смотрѣла на занятіе Сербіи австрійскими войсками какъ на ручательство, что Сербія не въ состояніи будетъ помогать русскимъ, и ничего не предпринимала противъ такого плана, точно также Франція и Англія, которыя никогда не переставали подозрѣвать симпатій Сербіи къ Россіи и пугаться ихъ. Что потомъ все это дѣло приняло другой видъ, заслуга въ томъ принадлежитъ единственно сербскому правительству, которое съ своей стороны заявило энергически, что во вмѣшательствѣ Австріи усмотритъ актъ непріятельства и будетъ бороться противъ нападающихъ на его землю, нисколько не взирая на послѣдствія. Но чтобы сколько нибудь облегчить положеніе Сербіи при такихъ обстоятельствахъ, правительство старалось склонить Порту, чтобы она никоимъ образомъ не соглашалась на австрійское вмѣшательство; а чтобъ побудить и западныя державы къ противодѣйствію этой новой комбинаціи на Дунаѣ, просило сообщить имъ конфиденціально копію извѣстнаго меморандума, коимъ объявлено, что всякое покушеніе со стороны австрійскихъ войскъ на вступленіе въ Сербію будетъ сочтено объявленіемъ войны. Въ то же самое время, чтобы дать большую и дѣйствительную силу своимъ дипломатическимъ заявленіямъ, Сербія явно и энергически, съ величайшею быстротою и живостью привела въ исполненіе свои военныя мѣры и приготовленія, которыя способна была предпринять. Таково было происхожденіе меморандума, о которомъ говорится на страницахъ 380 и 381-й. Онъ составленъ былъ внѣ всякаго посторонняго вліянія, единственно съ желаніемъ отклонить возможность согласія Порты на заняті[illegible] Сербіи австрійцами. Этотъ меморандумъ оставался тайною для цѣлаго свѣта, пока не былъ обнародованъ. Когда происходили совѣщанія о другихъ мѣрахъ, я предложилъ мысль объ этомъ меморандумѣ и по одобреніи ея тотчасъ же

сочинилъ его и переписалъ, такъ что все совершено было въ одинъ день. Французскій консулъ Сегюръ, а равно и остальные, лишь тогда узнали о немъ, когда имъ сообщена была копія съ него, а это было уже тогда, какъ меморандумъ находился въ пути къ Цареграду. Зная о кокетничаньи западныхъ державъ съ Австріей, мы предполагали, что имъ не понравится наше сопротивленіе австрійцамъ. Такъ и было въ дѣйствительности, о чемъ я получилъ позднѣе непосредственныя доказательства въ Парижѣ и Лондонѣ. Стало быть, всѣ дѣйствія тогдашняго сербскаго правительства были совершенно независимы и проникнуты единственно желаніемъ служить сербскимъ интересамъ, не взирая на то, будутъ ли они нравиться какой либо изъ иностранныхъ державъ, или нѣтъ».

Важность и значеніе всѣхъ этихъ замѣчаній г. Мариновича даютъ имъ полное право на вниманіе со стороны лицъ, читавшихъ мою книгу.

Перехожу къ другому рукописному источнику, дающему свѣдѣнія о событіяхъ и дѣятеляхъ того же времени. Извѣстный читателямъ моей книги: «Россія и Сербія», Георгій Протичъ, бывшій главнымъ министромъ князя Михаила во время его перваго управленія Сербіей, а послѣ паденія его удалившійся въ Венгрію, оставилъ по себѣ нѣсколько рукописныхъ сочиненій, поступившихъ въ 1869 году въ библіотеку бѣлградскаго ученаго общества *). Съ этими сочиненіями я могъ познакомиться только лѣтомъ прошлаго года, во время моего вторичнаго пребыванія въ Бѣлградѣ. Они имѣютъ нѣкоторое значеніе при объясненіи взаимныхъ отношеній, существовавшихъ между партіей уставобранителей и приверженцами Обреновичей въ эпоху господства первой. Извѣстно, что Георгій Протичъ вначалѣ былъ тѣсно связанъ съ главными дѣятелями, руководившими партіей уставобранителей и помогъ имъ свергнуть Милоша съ сербскаго престола. Въ послѣдствіи Протичъ разошелся съ уставобранителями и былъ гонимъ ими, но его отношенія къ Милошу нисколько не измѣнились.

Въ книгѣ моей я высказывалъ сожалѣніе, что нигдѣ не могъ найти той жалобы Протича на князя Милоша, которую онъ послалъ императору Николаю, и которая вызвала первую грозу на сербскаго князя изъ Россіи. Теперь же могу сказать, что поня-

---

*) См. «Гласник Српског ученог друштва» кн. VIII, стр. 367—368.

тіе объ этой жалобѣ можетъ дать Протичева рукопись, озаглавленная: «Изображеніе князя Милоша и его правленія», писанная именно въ 1837 году.

Въ этомъ сочиненіи Протичъ говоритъ только о дурныхъ и слабыхъ сторонахъ Милошева управленія, не упоминая ни о внѣшнихъ, ни о внутреннихъ успѣхахъ Сербіи за то время. Въ самомъ началѣ своего разсужденія онъ говоритъ какъ-бы за народъ: «Судьба хотѣла, чтобы сербскій народъ при своемъ воскресеніи испыталъ деспотическое, тиранское и варварское ярмо отъ перваго князя своего». Но по прочтеніи всей рукописи легко убѣдиться, что это ярмо главнымъ образомъ носили чиновники. Остававшійся вѣрнымъ чувству ненависти къ Милошу въ продолженіе всей своей жизни, Протичъ такъ изображаетъ Милоша: «Отъ природы суровъ, не имѣя образованнаго ума и благаго сердца, онъ слѣдовалъ только низкимъ страстямъ и наущеніямъ подлыхъ ласкателей: привыкъ управлять своевольно; не зналъ, что такое судъ Божій и законы человѣческіе; думалъ, что владѣть можно только посредствомъ страха, алченъ къ богатству» и т. д. Рисуя жизнь Милоша во всѣхъ ея подробностяхъ, Протичъ называетъ перваго княза Сербіи дурнымъ христіаниномъ, мужемъ и отцомъ, хотя и не объясняетъ при этомъ, былъ ли Милошъ единственнымъ исключеніемъ между сербами того времени. Милошъ обвиняется не только въ невѣрности княгинѣ Любицѣ, которая была ему ровесницей, но и въ томъ, что не жилъ съ нею въ Крагуевцѣ. Указано на пренебреженіе Милоша къ воспитанію дѣтей своихъ; онъ только кормилъ, поилъ и баловалъ ихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по словамъ Протича, Милошъ гналъ родственниковъ своей жены: роднаго брата ея наказалъ пятьюдесятью ударами палокъ и темницей; впослѣдствіи тотъ умеръ въ бѣдности. Братья самаго Милоша, Іованъ и Ефремъ, тоже не мало потерпѣли отъ князя: первый впрочемъ многое попускалъ Милошу, а второй старался перенять европейскіе обычаи и подъ конецъ былъ въ открытой враждѣ съ княземъ. Затѣмъ Протичъ касается вліянія на управленіе женщинъ, бывшихъ близкими къ Милошу, и ихъ ласкателей. Сближенія съ нравившейся ему женщиной Милошъ добивался или посредствомъ денегъ, или силою, или милостями, а потомъ отдавалъ ее замужъ и выдвигалъ впередъ человѣка, вступившаго съ нею въ бракъ. Протичъ упрекаетъ Милоша и въ томъ, что онъ не позволялъ старѣйшинамъ и чиновникамъ строить большіе дома, окружать себя нѣкоторыми житейскими удобствами.

*

Любя самъ простыя кушанья, Милошъ гнѣвался на тѣхъ, кто отступалъ въ этомъ отношеніи отъ народныхъ привычекъ. Оканчивая изображеніе Милоша, какъ человѣка, Протичъ прямо говоритъ: «не могу показать ни одной хорошей стороны въ его характерѣ». Переходя къ изображенію Милошева правленія, Протичъ прежде всего описываетъ отношенія князя къ властямъ. Милошъ не давалъ власти сенату или совѣту, не терпѣлъ никакого устава, никакихъ законовъ; магистраты при немъ также не имѣли значенія. Князь вмѣшивался самъ во всѣ дѣла, на все давалъ свои рѣшенія; любилъ наказывать тѣлесно, не взирая на положеніе человѣка. Князь былъ господинъ надъ жизнію всякаго человѣка, но своихъ прислужниковъ миловалъ, не смотря на злоупотребленія и преступленія. Между княземъ и народомъ въ Сербіи той эпохи стояли чиновники; но князь такъ умѣлъ подчинить ихъ своей волѣ, что они были совершенно отдѣлены отъ народа, какъ будто служили только его интересамъ, достоинство же и состояніе ихъ зависѣли лишь отъ его воли и слова. Заслуги предъ отечествомъ, лучшее воспитаніе, опытность, образованный умъ и свѣдѣнія не составляли достаточныхъ ручательствъ въ безопасности того, кто отважился бы вступить въ сословіе чиновниковъ. При Милошѣ не имѣло значенія избраніе отъ народа или общины: мало избранныхъ и заслуженныхъ сыновъ Сербіи находилось въ службѣ, да и тѣ или имѣли очень узкій кругъ дѣйствій, или должны были безпрестанно мѣнять свои мѣста и служить безъ всякой власти. Большая часть чиновниковъ при Милошѣ были сербы, пріѣхавшіе изъ-за границы, и притомъ ласкатели князя, его слѣпые слуги. Австрія доставила Сербіи значительное число секретарей, писарей, учителей, большею частію людей полуобразованныхъ, наемниковъ. Протичъ даже называетъ тѣхъ изъ приближенныхъ Милоша, которые имѣли наиболѣе вліянія на него; между прочимъ говоритъ объ Авраамѣ Стойковичѣ, будто бы передъ нимъ должны были унижаться и княгиня и сыновья князя. Припоминая, какъ и самъ былъ наказанъ Милошемъ, Протичъ увѣряетъ, что князь могъ дать чинъ и отнять его безъ суда и слѣдствія: Павелъ Радомировичъ изъ Шабца подвергся преслѣдованіямъ не за службу, а за торговыя несогласія съ Милошемъ; Милутинъ Петровичъ былъ битъ и потомъ долженъ былъ странствовать по Румыніи; Перо Поповичъ, изъ Пожаревца, получилъ пятьдесятъ ударовъ, а потомъ сдѣланъ былъ капитаномъ и самъ говорилъ: «какъ я получилъ пятьдесятъ ударовъ, то зналъ,

что буду капитаномъ, но по доброй волѣ не вытерпѣлъ бы ихъ, хотя бы господарь обѣщалъ сдѣлать меня и генераломъ». Какое же уваженіе въ своемъ народѣ могъ получить такой чиновникъ? Ни долгая служба, ни опытность и способности, ни отличное происхожденіе и воспитаніе не имѣли значенія въ глазахъ князя, когда онъ поставлялъ самъ и своихъ и народныхъ чиновниковъ. Тотъ, кто былъ полезнымъ товарищемъ въ обширныхъ торговыхъ предпріятіяхъ, кто готовъ былъ исполнять всякую волю его, кто получалъ въ жены одну изъ княжескихъ любовницъ, хотя въ остальныхъ отношеніяхъ не имѣлъ ничего особеннаго, тотъ становился чиновникомъ по волѣ князя. Протичъ объясняетъ даже возвышеніе фамиліи Гарашаниновъ торговымъ товариществомъ съ Милошемъ старѣйшаго представителя этой фамиліи. Народныя скупщины еще имѣли нѣкоторое значеніе въ началѣ Милошева правленія, но потомъ созывались лишь для того, чтобъ утвердить волю князя. Народная казна давно давала избытокъ, но князь не строилъ общественныхъ зданій, народное просвѣщеніе и промышленность были въ пренебреженіи. Указъ 1837 года 16-го октября впервые обезпечилъ личность и собственность каждаго и свободу торговли; «стало быть, прежде ничего подобнаго не было», замѣчаетъ Протичъ, писавшій свое сочиненіе въ этомъ самомъ году.

Другая рукопись Протича, писанная уже послѣ паденія его, озаглавлена такъ: «Историческое описаніе новѣйшихъ событій въ Сербіи, ведущее къ освобожденію истины, находящейся въ заключеніи у пакостной злобы, стенающей горько въ оковахъ пристрастія и молящей о помощи у справедливости». Въ этой рукописи встрѣчаются поправки Іована Николича, бывшаго въ 1842 году начальникомъ отдѣленія при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Сочиненіе это писано съ цѣлію оправдать Протича, вначалѣ дѣйствовавшаго за одно съ уставобранителями, потомъ разошедшагося съ ними, гнавшаго ихъ и, въ свою очередь, отъ нихъ пострадавшаго. «Вучичъ, говоритъ защищающій себя Протичъ, заслужилъ сперва справедливую похвалу, былъ излюбленъ почти всѣми чиновниками, большими и меньшими, и пользовался не малымъ довѣріемъ въ народѣ, но по изгнаніи Милоша сбросилъ съ себя личину. Будучи заклятымъ врагомъ Милоша, онъ всюду и всегда кричалъ противъ его своевольства, а теперь самъ принялся за то же. Прежде онъ употреблялъ всѣ усилія и мѣры, чтобы получить уставъ, коего жаждалъ, какъ больной ждетъ лекарства, а по удаленіи Милоша съ перваго же

дня кинулъ уставъ себѣ подъ ноги, хотя и не устыдился назвать себя уставобранителемъ». Въ сочиненіи Протича приведено не мало подробныхъ расказовъ въ доказательство изступленія уставобранителей, которыхъ иногда останавливалъ руській консулъ Ващенко, не всегда однакожъ имѣвшій возможность дѣйствовать на нихъ. Изображая дѣйствія уставобранителей по смерти Милоша и раздѣленія ихъ на приверженцевъ Вучича и приверженцевъ Ефрема Обреновича, Протичъ говоритъ, что Стоянъ Симичъ долгое время оставался нейтральнымъ между вучичевцами и ефремовцами, и за то всѣми былъ уважаемъ, но въ то же время объясняетъ такое поведеніе Симича его личными интересами, какъ вице-президента совѣта; когда же Симичъ получилъ отъ совѣта взаймы болѣе 15.000 дукатовъ, то отбросилъ свое притворство. Приступая къ изложенію той борьбы, которая началась внутри партіи уставобранителей еще до прибытія Михаила Обреновича въ Сербію, Протичъ говоритъ, что Вучичъ и Симичъ, прикрываясь въ своихъ дѣйствіяхъ связями съ Ващенкомъ, стало быть, и съ Россіей, захватили въ свои руки министерство внутреннихъ дѣлъ, имѣвшее громадное значеніе въ тогдашней системѣ управленія, и чрезъ него вели обширную переписку съ чиновниками всѣхъ вѣдомствъ, а Вучичъ чрезъ кметовъ дѣйствовалъ на сельчанъ. Высылая внутрь страны уставотолковательную коммисію, намѣстники думали приготовить посредствомъ ея народъ въ пользу Кара-Георгіевича. Когда появился первый пасквиль противъ Обреновичей и составитель его, Кедичъ изъ Валевскаго округа, былъ арестованъ, то Стоянъ Симичъ спасъ его. Сѣница въ Крагуевцѣ прямо говорилъ въ пользу Кара-Георгіевича и былъ арестованъ; но Вучичъ явился въ совѣтъ и объявилъ, что если Сѣницу не отпустятъ, то онъ самъ сядетъ на коня, отправится въ Крагуевацъ и освободитъ заключеннаго; Стоянъ Симичъ склонилъ совѣтъ къ уступкѣ. На оборотъ, Милутинъ Георгіевичъ, говорившій, что выдетъ на встрѣчу къ Михаилу Обреновичу съ народомъ и приведетъ его изъ Крагуевца въ Бѣлградъ, былъ взятъ подъ стражу и освобожденъ только послѣ амнистіи, которую издалъ Михаилъ. Интриги и борьба партій исходили изъ центральнаго правительства и разливались по чиновничеству. Но, окруживъ себя преданною партіей, Вучичъ ошибался, думая, что и весь народъ за него. Вучучъ льстилъ народу, часто говаривая ему: «Не нужно вставать предъ старѣйшинами, ни снимать шапки передъ ними; что я, то

и ты, а что ты, то и я, и всякій другой чиновникъ, да и самъ князь; плати въ годъ пять талеровъ, а потомъ никого не бойся». На скупщинѣ, встрѣтившей Михаила, по словамъ Протича, кромѣ народныхъ депутатовъ, было еще много неизвѣстныхъ лицъ. Шла борьба за вліяніе на юнаго Михаила и за власть надъ народомъ, велись тайныя сплетни и подговоры, происходило бѣганье изъ дома въ домъ, точно у евреевъ на пештскомъ базарѣ, продающихъ свои товары. Главное участіе въ этихъ тайныхъ сношеніяхъ съ мелкими чиновниками и жителями Бѣлграда Протичъ приписываетъ Милутину Гарашанину, только-что возвратившемуся тогда изъ Іерусалима. Тѣмъ не менѣе, письмо великаго визиря къ намѣстникамъ, дававшее имъ огромную власть, будучи прочитано на скупщинѣ, возбудило сильное неудовольствіе въ большинствѣ, такъ что когда въ средѣ чиновнаго міра послѣдовало вынужденное примиреніе, волненіе въ народѣ не улеглось. Первымъ толчкомъ къ общему движенію послужила неблагоразумная выходка Милутина Гарашанина, который сказалъ одному кмету, считая его своимъ старымъ знакомымъ: «Да ужь такъ устроено, что князь Михаилъ пойдетъ внизъ по Дунаю за отцемъ своимъ, а не то и здѣсь еще конецъ положатъ». Кметъ передалъ эти слова своимъ сельчанамъ, которые разнесли ихъ по всему срезу. Вспыхнуло народное волненіе, обнаружившее крайнее безсиліе властей предъ народомъ, который всѣхъ важныхъ чиновниковъ считалъ врагами князя. На всѣ увѣщанія ихъ сельчане обыкновенно отвѣчали: «А! знаемъ, за чѣмъ вы пришли,—чтобы насъ обманывать; ужь болѣе не поддадимся обману». О прокламаціи, подписанной княземъ и приглашавшей народъ успокоиться, сельчане говорили, что она вышла не отъ князя; чиновниковъ, высланныхъ княземъ, брали подъ народную стражу; большія толпы устремились къ Бѣлграду. Между тѣмъ князь извѣстилъ о всѣхъ происшествіяхъ и Порту и русскаго посланника въ Цареградѣ. Но, по словамъ Протича, тогдашній сербскій агентъ при Портѣ, Античъ, принадлежалъ къ сторонникамъ Вучича и представлялъ великому визирю о событіяхъ, происходившихъ въ Сербіи, съ точки зрѣнія уставобранителей. Бѣгство послѣднихъ въ бѣлградскую крѣпость, переговоры правительства съ турецкимъ коммисаромъ, отъѣздъ уставобранителей въ Турцію, новые переговоры съ ними при русскомъ посредничествѣ и всѣ дальнѣйшія событія до паденія Михаила расказаны въ этой рукописи Протича почти въ томъ же порядкѣ и видѣ, какъ изложены въ моей книгѣ.

Помимо фактическихъ подробностей, встрѣчаемыхъ въ сочиненіяхъ Протича, интересна общая характеристика тѣхъ понятій, которыя сербы имѣли о своемъ первомъ уставѣ: эти понятія вполнѣ рисуютъ состояніе самого общества, которому данъ былъ уставъ, и объясняютъ, почему борьба партій въ Сербіи между 1839 и 1845 годами развилась до такой крайности. «Здѣсь будетъ умѣстно, говоритъ Протичъ въ другомъ своемъ мемуарѣ, сказать подробнѣе о народномъ уставѣ. Его названіе, какъ и самъ онъ, было въ то время для народа еще новымъ дѣломъ, такъ что мало было людей, которые понимали его значеніе. Когда созвана была скупщина для обнародованія этого устава, было болѣе такихъ депутатовъ, которые пришли видѣть уставъ, нежели тѣхъ, которые пришли его слушать: ибо о немъ, его свойствахъ и видѣ у народа были различныя представленія. Тѣ, которые слышали, что уставъ пришелъ, думали, что это живое существо; а тѣ, которые имѣли случай слышать, что онъ принесенъ, заключали изъ того, что онъ вещество неодушевленное, но о свойствахъ его не имѣли никакого понятія. Даже и тогда, какъ уставъ былъ обнародованъ, и когда всякій, бывшій на скупщинѣ, видѣлъ, что это писанный актъ, и когда, по напечатаніи его, во множествѣ экземпляровъ онъ разошелся въ народѣ, все еще значительная часть народа не могла понять его цѣль и употребленіе: многіе думали, что его надо носить при себѣ какъ амулетъ или образъ. А понимавшіе, что уставъ содержитъ въ себѣ основныя права всѣхъ сербовъ вообще и каждаго серба въ особенности, и что онъ опредѣляетъ отношенія князя и народа другъ къ другу и взаимныя отношенія различныхъ вѣдомствъ и властей между собою, толковали его большею частію эгоистически, исключительно въ свою пользу, то есть, что уставъ защищаетъ его противъ всѣхъ другихъ, а не защищаетъ другихъ отъ него. Къ числу такихъ толкователей принадлежатъ и такъ называемые уставобранители, которые по своимъ дѣламъ и поступкамъ могутъ быть названы не только уставонарушителями, но и настоящими тиранами. Они полагаютъ, что нисколько не грѣшили противъ устава, когда ополчались противъ князя Михаила, единогласно избраннаго въ владѣтельные князья Сербіи, но еще не прибывшаго въ Сербію, и явно говорили, что въ Сербіи не останется отъ Обреновичей ни щенятъ, ни котятъ. Они не думали, что грѣшатъ противъ устава, когда нападали на другую партію, подговаривая народныхъ старѣйшинъ

соединиться съ ними на уничтоженіе этой партіи. Не считали они себя нарушителями устава, когда подстрекали народъ и противъ князя Михаила и противъ той партіи, которую думали побороть. Когда же народъ возсталъ противъ нихъ, тогда они подняли крикъ на всѣ стороны, твердя, что уставъ нарушенъ въ самомъ основаніи своемъ тѣмъ, что ихъ гонятъ. Такое эгоистическое понятіе объ уставѣ существуетъ и теперь у тѣхъ, которые захватили власть въ свои руки; они думаютъ, или имъ хочется думать, что тогда, какъ власть находилась въ другихъ рукахъ, уставъ требовалъ, чтобъ они защищались посредствомъ его отъ пользовавшихся въ то время властью; а когда понадобилось, чтобъ и другіе защищались уставомъ отъ ихъ самовольства, уставъ показался имъ мнимымъ. Но, при всемъ томъ, что они теперь считаютъ уставъ не нужнымъ и что мечутъ его подъ ноги себѣ, нарушая вдоль и поперекъ, опять-таки клянутся этимъ уставамъ, да и самъ князь Александръ Кара-Георгіевичъ, при вступленіи на княжеское достоинство, давалъ присягу на сохраненіе этого устава, и вообще всѣ они въ тѣхъ случаяхъ, когда кто либо затронетъ ихъ интересы, ссылаются на уставъ и защищаются имъ. Но еслибъ они обращали поболѣе вниманія на § 1-й устава, дающій княжеское достоинство Милошу Обреновичу и его потомкамъ, то должны были бы въ ту же самую минуту, когда приносятъ присягу, устрашиться и признать себя нарушителями ея. Предъ простымъ народомъ, который понятія не имѣлъ о значеніи устава, могли они легко прослыть за уставобранителей, ибо каждый изъ нихъ носилъ при себѣ по одному экземпляру печатнаго устава, а предъ разумными людьми, знающими, что уставъ почитается и исполняется инымъ способомъ, чѣмъ ношеніе его за пазухой или въ карманѣ, они не прослывутъ защитниками его».

Къ этой характеристикѣ партіи уставобранителей можно присоединить коллективную ноту находившихся въ 1842 году въ Бѣлградѣ иностранныхъ консуловъ, направленную противъ Вучича и представленную Кіамиль-пашѣ. Въ книгѣ моей эта нота только упомянута, ибо тогда я не имѣлъ ея подлиннаго текста. Въ ней было сказано: «Нижеподписавшіеся генеральные консулы и консулы Великобританіи, Россіи, Австріи и Франціи: въ виду важныхъ событій, нарушившихъ спокойствіе сербскаго княжества и угрожающихъ правительству, основанному на офиціальныхъ актахъ, изданныхъ отъ высочайшаго трона его высочества; принимая

также во вниманіе, что его свѣтлость князь Михаилъ Обреновичъ, облеченный императорскимъ хатти-шерифомъ въ достоинсто мушира и правящаго князя Сербіи, есть представитель султана, и что каждый изъ подданныхъ княжества, не признающій его власти и поднимающій противъ него знамя возстанія, долженъ быть признаваемъ мятежникомъ не только противъ князя, но и противъ самого султана; при всемъ этомъ освѣдомившись, что Ѳома Вучичъ, поднявъ народъ въ различныхъ округахъ и вооруживъ подданныхъ князя противъ законной власти, внесъ безпорядокъ и анархію въ часть султанскихъ владѣній,—объявляемъ, что, будучи акредитованы нашими дворами при оттоманскомъ правительствѣ и пользуясь консульскою властію въ силу берата его величества, мы признаемъ главою сербскаго правительства только князя Михаила Обреновича и въ силу того не можемъ смотрѣть иначе на помянутаго Ѳому Вучича и его сообщниковъ, какъ на мятежниковъ, съ которыми намъ воспрещено вступать въ какія бы то ни было сношенія. На основаніи всего вышесказаннаго, мы просимъ, а въ случаѣ надобности и требуемъ, отъ его превосходительства Кіамиль-паши, губернатора бѣлградской крѣпости, воспрепятствовать помянутому Вучичу и силамъ, которыми онъ предводительствуетъ, проникнуть въ городъ, гдѣ ихъ присутствіе можетъ повергнуть въ опасность общественное спокойствіе и порядокъ. Въ удостовѣреніе сего прикладываемъ наши подписи и печати къ настоящей декларацiи. Бѣлградъ, 26 августа (8 сентября) 1842 года. Дефонбланкъ, Ващенко, Атанацковичъ, де-Кодрика».

Равнымъ образомъ новыя розысканія въ сербскихъ архивахъ подтвердили мнѣ то обстоятельство, что Вучичъ, дѣйствуя противъ Михаила Обреновича, пользовался поддержкою турецкихъ и австрійскихъ властей, что усматривается изъ переписки Кіамиль-паши и Шекибъ-эфенди съ генералами Унгеръ-Гоферомъ и Гауеромъ, перепечатывать которую здѣсь считаю лишнимъ, какъ относящуюся по своему содержанію къ прежнему моему, а не къ настоящему сочиненію.

Возвращаясь къ рукописнымъ сочиненіямъ Протича, я долженъ указать здѣсь, что къ нимъ приложены три тщательно составленныхъ списка, изъ коихъ въ одномъ поименованы чиновники сербскаго княжества, большая часть которыхъ получила свои званія еще въ правленіе Милоша Обреновича и сохранила ихъ до конца правленія князя Михаила, но при Александрѣ Кара-Георгіевичѣ

лишена была этихъ званій способомъ, противнымъ уставу и законамъ, съ краткимъ обозначеніемъ того, что съ ними случилось впослѣдствіи; въ другомъ поименованы лица, каторыя, вслѣдствіе переворота, произведеннаго Вучичемъ въ 1842 году, были заключены и различнымъ образомъ мучены; въ третьемъ неречислены лица, лишенныя жизни различнымъ образомъ. Изъ этихъ списковъ оказывается, что переворотъ 1842 года лишилъ двѣсти тридцать семь человѣкъ различныхъ должностей, которыя были заняты другими, приставшими къ такъ называемымъ уставобранителямъ. Между этими чиновниками, 3 были прежде министрами, 12 членами государственнаго совѣта, 8 принадлежали къ свитѣ князя, 12 были чиновниками его канцеляріи, 3 служили въ канцеляріи совѣта, 12 въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, 6 въ министерствѣ правосудія и просвѣщенія, 11 въ министерствѣ финансовъ, 41 состояли въ военной службѣ, 23 были окружными начальниками, ихъ помощниками, или казначеями, 30 служили при срезскихъ управленіяхъ, 25 были членами или предсѣдателями апелляціоннаго и окружныхъ судовъ, 25 занимали второстепенныя должности при судахъ, 4 служили по почтовому вѣдомству, 5 принадлежали къ сословію инженеровъ, лекарей и карантинныхъ чиновниковъ, 7 изъ таможеннаго вѣдомства, 13 были професорами и учителями. Кромѣ того лишены были своихъ мѣстъ: 1 епископъ, 1 протосингелъ, 3 благочинныхъ (протопресвитеры), 1 придворный священникъ и 1 приходскій. Уже это простое перечисленіе потерпѣвшихъ отъ переворота лицъ съ правительственнымъ значеніемъ указываетъ на характеръ борьбы, въ которой одна чиновная партія губила другую. Вмѣстѣ съ тѣмъ, такое значительное число изгнанниковъ, удалившихся изъ Сербіи за Михаиломъ Обреновичемъ, свидѣтельствуетъ о томъ, какою популярностью пользовалась эта фамилія въ Сербіи, и сколькихъ преданныхъ людей имѣла она среди чиновнаго міра. Но такъ какъ впослѣдствіи многіе изъ нихъ получили позволеніе возвратиться въ отечество, но очень немногіе приняты были въ службу, и только нѣкоторые получили незначительную пенсію; то они и присоединились въ 1858 году къ противникамъ Кара-Георгіевича, появившимся какъ среди партіи уставобранителей, такъ и среди новаго поколѣнія. Изгнанники же, лишившіеся всякой возможности возвратиться въ Сербію, или вступили въ австрійскую службу, или занялись частными дѣлами, или сдѣлались учителями между сербами, живущими въ южной Венгріи,

а иные въ Болгаріи. Нѣкоторые изъ нихъ дожили до возвращенія Обреновичей въ Сербію, и понятны тѣ чувства, которыя они питали къ правителямъ, низверженнымъ въ свою очередь ихъ партіей. Кромѣ того это обратное переселеніе въ Сербію прежнихъ изгнанниковъ имѣло своимъ слѣдствіемъ увеличеніе числа отставныхъ чиновниковъ, а стало быть и числа правительственныхъ пенсій, что должно было обременить небогатые финансы Сербіи. Георгій Протичъ и Стефанъ Радичевичъ, бывшіе министрами во время перваго правленія Михаила, получали въ изгнаніи пенсію отъ России. Въ спискѣ лицъ, мученныхъ уставобранителями, насчитано 104 человѣка. Большая часть ихъ брошены были въ знаменитую Гургосовацкую башню. Изъ біографическихъ свѣдѣній о нихъ, приводимыхъ Протичемъ въ самомъ спискѣ, особенно интересны касающіяся одного лица духовнаго званія. Стефанъ Ковачевичъ, протосингелъ тимоцкаго епископа, членъ епархіальной консисторіи, былъ послѣ Вучичева возстанія посланъ сперва на эпитимію въ монастырь Горнякъ, въ краинскомъ округѣ, а потомъ помилованъ и даже сдѣланъ настоятелемъ монастыря Витовницы въ пожаревацкомъ округѣ, но вскорѣ затѣмъ схваченъ, скованъ, три раза высѣченъ во время допроса, битъ батогами и осужденъ на смерть, но, по лишеніи одною только гражданскою властію священническаго званія, заточенъ въ Гургосовацкую башню. Оттуда вскорѣ отправили его подъ стражею въ Австрію. Получивъ здѣсь свободу, онъ перебрался въ Болгарію, гдѣ и принятъ былъ братіею Рыльскаго монастыря, вскорѣ признавшаго его своимъ настоятелемъ и архимандритомъ. По дѣламъ этого монастыря онъ ѣздилъ въ Цареградъ и Петербургъ: въ России былъ пожалованъ панагіей, а въ Цареградѣ посвященъ какъ титулярный лаодикійскій епископъ. Въ сочиненіи Протича записаны характеристическія слова, съ которыми обратился къ Ковачевичу, по окончаніи слѣдствія надъ нимъ въ Крагуевцѣ, совѣтникъ Милосавъ Ресавацъ: «Э, брадатый сынко! дали мы тебѣ въ три раза болѣе 225 ударовъ прутьями по дебелому мясу и 25 палокъ въ спину; иди теперь жаловаться, хочешь русскимъ, хочешь швабамъ,—пусть тебѣ платятъ за побои». Въ списокъ лицъ, убитыхъ уставобранителями, Протичъ внесъ 27 человѣкъ, не считая 53 казненныхъ за участіе въ Стояновомъ мятежѣ. Шабацкій епископъ Максимъ Савичъ, не согласившійся подписаться оба раза подъ неправильнымъ избраніемъ Кара-Георгіевича и просившій у барона Ливена позволенія выѣхать въ Россію, но

получившій отъ него только словесное увѣреніе въ безопасности, былъ заключенъ въ монастырѣ Каленичѣ, убитъ тамъ въ 1844 году, въ день Богоявленія, и выброшенъ изъ окна съ связанными руками. Большая часть другихъ лицъ, погибшихъ отъ уставобранителей, или были разстрѣляны, или же замучены въ Гургосовацкой башнѣ. При этомъ надо оговориться, что уставобранители иногда соблюдали нѣкоторую формальность при осужденіи своихъ противниковъ.

Желая исчерпать вполнѣ значеніе переворота, совершившагося въ чиновномъ мірѣ Сербіи, вслѣдствіе захвата власти противниками Обреновичей, Протичъ останавливается на исторіи чиновничества въ княжествѣ, говоритъ о происхожденіи должностныхъ лицъ при Милошѣ и Михаилѣ и о свойствахъ людей, ихъ замѣнившихъ. «Прежде всего, говоритъ онъ, надо знать что въ сербскомъ княжествѣ нѣтъ такого благородства, которое бы простиралось на потомковъ; что каждый Сербъ имѣетъ право на всѣ званія и что благородство связано съ полученіемъ званія, которое, конечно, не можетъ переходить къ сыновьямъ и ихъ потомству. Далѣе надо знать и то, что въ сербскомъ княжествѣ, долго страдавшемъ подъ турецкимъ игомъ, претерпѣвшемъ частыя войны и опустошенія земли, ни одинъ сербъ не могъ основать и утвердить свое домашнее благосостояніе, а потому служба для каждаго чиновника въ Сербіи была насущнымъ хлѣбомъ. Наконецъ, не надо забывать и того, что въ началѣ правленія князя Милоша люди зажиточные отказывались отъ службы и занимались другими дѣлами, ибо народная служба была тяжела, подѣлена между немногими чиновниками и притомъ скудно оплачивалась, вслѣдствіе бѣдности народной кассы. При такихъ обстоятельствахъ въ то время, когда Сербія стала постепенно возрождаться изъ ничтожества и развиваться, первые чиновники, принимая народную службу, содѣйствовали какъ могли, каждый по своимъ силамъ, преуспѣянію своего отечества, хотя народная служба тогда не была сладостна ни для князя, ни для его чиновниковъ, и скорѣе можетъ быть названа трудомъ и работой безъ отдыха. Когда же Сербія достигла большей степени благосостоянія, когда увеличились доходы народной казны, и чиновникамъ можно было давать большое жалованье, а уставъ ввелъ высшія степени чиновничества, каковы совѣтники и попечители; то при назначеніи первыхъ принимались во вниманіе заслуги, оказанныя ими странѣ и народу, а при назначеніи вторыхъ, кромѣ заслугъ, также и способ-

ности. То же самое соблюдалось и при назначеніи чиновниковъ второстепенныхъ и меньшихъ, смотря по степени ихъ прежнихъ заслугъ. При этомъ каждый чиновникъ былъ увѣренъ, что его право на полученіе высшаго званія совершенно обезпечено и что никто не можетъ лишить его должности безъ вины, доказанной предъ судомъ». Между тѣмъ переворотъ заставилъ бѣжать изъ отечества многихъ, занимавшихъ должности во времена Милоша и Михаила. Лица, замѣнившія ихъ, Протичъ дѣлитъ на три категоріи. «Къ первой категоріи, по его словамъ, относятся люди, также оказавшіе заслуги предъ отечествомъ и, стало быть, въ своихъ правахъ на службу равные съ тѣми, которые, оставшись вѣрными своему законному князю, потеряли свои мѣста; эти же, сами отдѣлившись отъ своего законнаго князя, своевольно оставили службу, а потомъ искали ея чрезъ Порту, противъ воли князя, и въ заключеніе подняли мятежъ въ народѣ съ помощію турокъ, чѣмъ и произвели перемѣну въ князѣ и правительствѣ. Къ другой категоріи относятся тѣ, которые вначалѣ тѣмъ же законнымъ путемъ получили свои мѣста, но низшія, и только со временемъ, по порядку, могли бы достигнуть высшихъ званій, но, вслѣдствіе переворота вдругъ заняли ихъ въ ущербъ лишившимся службы. А наконецъ къ третьей категоріи должны быть причислены люди негодные, пропадшіе, которые никогда не были въ народной службѣ и ничѣмъ не показали себя достойными ея, но достигли званія, прилѣпившись къ мятежной партіи, оказавъ поддержку возстанію и тѣмъ зарекомендовавъ себя передъ новымъ правительствомъ. Лишенные же своихъ должностей, чиновники стараго времени потеряли не только свое политическое значеніе, но и насущный хлѣбъ, ибо, привыкнувъ въ продолженіе всей жизни къ народной службѣ, они стали неспособными ко всѣмъ другимъ занятіямъ, коими бы могли содержать себя и свои семейства; имъ ничего не оставалось дѣлать, какъ или жаловаться на новый порядокъ вещей или бороться съ нимъ. Правительство не могло не понимать, что эти люди поставлены въ отчаянное положеніе и принуждены жаловаться на то; но оно приняло ихъ жалобы за признакъ заговора, отыскать который такъ желало, чтобъ осудить и переказнить своихъ недавнихъ противниковъ. И дѣйствительно, нѣсколько главныхъ лицъ новаго правительства постановили въ тайномъ засѣданіи своемъ отыскать какимъ бы то ни было образомъ предлогъ, для обвиненія лицъ, недовольныхъ ими, и, обвинивъ, перебить ихъ, какъ людей опасныхъ для новыхъ правителей. Съ этою

цѣлію они подкупили нѣсколько лицъ, которые, принявъ на себя роль недовольныхъ, вступили въ сношенія съ истинно недовольными, завели съ ними и между собой опасную переписку, имѣвшую весь видъ заговора. Затѣмъ, по доносу, начались аресты, пристрастные допросы, сопровождавшіеся тѣлесными наказаніями и мученіями, при чемъ многіе, не выдержавъ страданій, признали взводимыя на нихъ обвиненія». Протичъ рисуетъ отвратительныя сцены подобныхъ допросовъ, которыя для русскихъ читателей не могутъ быть интересны и о которыхъ сербскіе читатели могутъ освѣдомиться изъ самыхъ сочиненій Протича, хранящихся въ библіотекѣ Бѣлградскаго Ученаго Общества, а можетъ быть и сами знаютъ не хуже его изъ живыхъ преданій. На основаніи такихъ допросовъ, слѣдственная коммисія обвинила множество людей, а судъ приговорилъ ихъ къ смертной казни, которая и была бы совершена, еслибы не заступился за обвиненныхъ русскій генеральный консулъ, погрозившій сербскому правительству неудовольствіемъ своего двора. Тогда князь Александръ Кара́-Георгіевичъ и его правители замѣнили смертную казнь вѣчнымъ заключеніемъ. Существованіе такого плана, придуманнаго правительствомъ для погубленія невинныхъ людей, Протичъ доказываетъ двумя свидѣтельствами: 1) что притворную роль недовольнаго розыгрывалъ Стефанъ Стефановичъ, иначе Тенька, это видно изъ того, что онъ предъ многими лицами, которыя дѣйствительно были недовольны, порицалъ безчеловѣчные поступки новаго правительства, а когда многіе изъ допрашиваемыхъ ссылались на него, какъ на сообщившаго имъ то, или другое извѣстіе, и требовали отъ слѣдственной коммисіи очной ставки съ нимъ, то коммисія того не допустила; 2) Рая Дамьяновичъ, бывшій правителемъ Бѣлграда во время хватанія недовольныхъ въ этомъ городѣ, какъ исполнитель тайнаго плана, былъ посвященъ въ него; а когда пришелъ въ столкновеніе съ правительствомъ, то передъ многими сознавался, что вышеупомянутый заговоръ придуманъ былъ самимъ правительствомъ.

Протичъ описываетъ самыми яркими красками положеніе заключенныхъ въ Гургосовацкой башнѣ, и его расказъ находитъ себѣ полное подтвержденіе въ тѣхъ преданіяхъ объ этомъ времени, которыя и теперь еще можно слышать въ Бѣлградѣ. Такъ какъ судьба Гургосовацкой башни тѣсно связана съ первымъ же распоряженіемъ Милоша Обреновича послѣ вторичнаго возведенія его на сербскій престолъ, то съ расказомъ Протича намъ

необходимо познакомиться. «Послѣ того, говоритъ онъ, какъ смертная казнь замѣнена была вѣчнымъ заключеніемъ, осужденныхъ перемѣстили въ Гургосовацъ, гдѣ и назначено было мѣсто заточенія для нихъ. Но еще на пути, въ Тюпріи, лица духовнаго званія были обриты и острижены, безъ всякаго церковнаго суда надъ ними. Когда всѣхъ осужденныхъ привели въ Гургусовацъ, то согнали какъ скотъ въ одну конюшню, гдѣ они и должны были переночевать среди навоза; на другой день ихъ перевели въ оковахъ въ башню, при чемъ отняли у всѣхъ деньги, у курившихъ и нюхавшихъ отобрали чубуки и табакерки, курительный и нюхательный табакъ, отняли у всѣхъ верхнее платье, оставивъ въ самомъ скудномъ одѣяніи, безъ различія чина и достоинства, не взирая на старость и слабое здоровье нѣкоторыхъ. Еще прежде, чѣмъ заключены были въ башню эти люди, достойные всякаго сожалѣнія, было вылито въ ней, по распоряженію правительства, болѣе тысячи ведеръ воды съ тою цѣлію, чтобы стѣны зданія, и безъ того влажныя, получили болѣе сырости и задушили заключенныхъ, какъ это и было съ Міатомъ Остоичемъ, задохшимся въ первый же день; за нимъ послѣдовали многіе другіе, умершіе отъ разныхъ мученій. Хлѣбъ, который приносили заключеннымъ, былъ таковъ, что не всякій могъ ѣсть его и въ крайнемъ голодѣ; если когда либо приносили свареное кушанье, то въ немъ былъ пепелъ и отъ него пахло дымомъ. Ни табаку, ни вина, ни водки они не могли купить ни за какія деньги; нельзя было выпросить у стражи даже стручка перцу, къ которому такъ привыкъ каждый сербъ. Бывшій окружной начальникъ Іованъ Мичичъ, находясь въ борьбѣ со смертію, обѣщалъ сто дукатовъ за чашу ракіи (сербская водка), а Маринко Парезановичъ въ такомъ же положеніи отдавалъ водяную мельницу свою за стручковый перецъ (паприку); равнымъ образомъ Никола Брзакъ обѣщалъ предъ смертію большую сумму денегъ за одинъ лимонъ, чтобы только понюхать его, — и ни одинъ изъ нихъ не получилъ просимаго въ послѣднія минуты жизни. Изъ заключенія никого не выпускали на чистый воздухъ, даже на самое краткое время, хотя тюрьма и переполнена была всякимъ зловоніемъ». Продолжительное заключеніе для многихъ изъ заключенныхъ могло бы стоить жизни, еслибы не удалось имъ какимъ-то случаемъ довести о своемъ положеніи до свѣдѣнія русскаго генеральнаго консула Данилевскаго. Вслѣдствіе протеста его, судьба заключенныхъ была нѣ-

сколько облегчена. Кромѣ того многіе сосланы были на тяжкія работы въ Тюпрію и въ другія мѣста.

Описавъ положеніе осужденныхъ правительствомъ Кара-Георгіевича, Протичъ горько жалуется на судьбу, возвысившую главныхъ виновниковъ описанныхъ страданій на верхъ почестей и славы, какія только были возможны въ то время въ Сербіи. Но ихъ кромѣ судьбы поддерживала еще Порта, которой они сослужили великую службу, снова подчинивъ Сербію ея полной власти.

Далѣе Протичъ описываетъ вкратцѣ неудавшееся возстаніе молодаго Стояна Іовановича, учившагося въ Парижѣ въ то время, когда въ Сербіи совершился переворотъ, и задумавшаго въ 1845 году низвергнуть новыхъ правителей. Послѣ этого возстанія Гургосовацкая башня наполнилась новыми заключенными. Протичъ заключаетъ свой мемуаръ изображеніемъ общаго народнаго недовольства правленіемъ Кара-Георгіевича, раздора внутри самой партіи уставобранителей и распаденія ея. Онъ напоминаетъ, какъ на петровской скупщинѣ, держанной въ 1848 году въ Крагуевцѣ, Вучичъ, находившійся въ то время въ своего рода оппозиціи противъ правительства, готовился низвергнуть его, и какъ Авраамъ Петроніевичъ вмѣстѣ съ Стояномъ Симичемъ, ставъ на колѣни передъ Вучичемъ, упросили его пощадить князя и правительство, обѣщая удовлетворить всѣ его требованія, и тотчасъ же по его желанію лишили званій Кничанина, Зубана и Алексу Ненадовича. Съ 1848 года Вучичъ не переставалъ держать оппозицію правительству. Онъ первый въ этомъ году настаивалъ, чтобы Сербія помогла австрійскимъ сербамъ въ ихъ борьбѣ съ мадьярами, и готовъ былъ самъ стать во главѣ вспомогательнаго войска; но правительство, опасаясь его вліянія на народъ, хотя и послало въ Венгрію вспомогательный отрядъ тамошнимъ сербамъ, однакожь начальникомъ его назначило Кничанина. Вучичъ, по мѣткому замѣчанію Протича, подобно Милошу, переходившему отъ вліянія одной державы къ другой, также прошелъ чрезъ цѣлый рядъ политическихъ колебаній: сперва онъ былъ партизаномъ Турціи, потомъ Франціи, далѣе Австріи, относясь всегда враждебно къ Россіи; при началѣ восточной войны, когда сербское правительство отвернулось отъ Россіи, сдѣлался самымъ горячимъ, самымъ неисправимымъ приверженцемъ Россіи, чѣмъ еще болѣе привлекъ къ себѣ сочувствіе сербскаго народа, всегда приверженнаго къ русскимъ. Послѣднія страницы Протичева мемуара наполнены исчисленіемъ ошибокъ русской дипломатіи,

начиная съ того времени, какъ русскій консулъ Ващенко вступилъ въ тѣсный союзъ съ противниками Милоша, такъ называемыми уставобранителями, и до восточной войны, когда русскіе дипломаты потерпѣли въ Бѣлградѣ полное пораженіе. Въ письмѣ на имя консула, приложенномъ къ мемуару, Протичъ прямо говоритъ: «Лишь имѣющіе доступъ въ княжескій кабинетъ могутъ быть считаемы явными противниками Россіи, остальные же всѣ — приверженцы ея; но изъ попечителей только одинъ Пауль Янковичъ сочувствуетъ русскому вліянію».

Есть еще небольшое рукописное сочиненіе Протича, имѣющее видъ «представленія государственному совѣту сербскаго княжества», въ которомъ онъ излагаетъ всю свою жизнь и политическую дѣятельность и проситъ совѣтъ исходатайствовать ему возвращеніе изъ эмиграціи на родину. Здѣсь, кромѣ подробныхъ біографическихъ свѣдѣній объ авторѣ до выселенія изъ Сербіи, почти не представляется ничего особенно любопытнаго въ общемъ смыслѣ; стоитъ только привести взглядъ Протича на собственную его дѣятельность во время перваго управленія Михаила. Сказавъ, что при введеніи устава онъ былъ попечителемъ внутреннихъ дѣлъ, Протичъ сознается, что никто изъ высшихъ чиновниковъ Сербіи, получившихъ важное значеніе послѣ этого устава, не былъ приготовленъ къ службѣ ни теоретически, ни практически. Удаленіе Милоша составило эпоху въ исторіи Сербіи и послужило сигналомъ для раздора между знатнѣйшими чиновниками. Получивъ при Михаилѣ почти исключительное вліяніе на дѣла, Протичъ испыталъ, какъ опасно было положеніе перваго министра въ Сербіи среди этой борьбы, среди не установившихся администравныхъ отношеній, особенно въ минуты народнаго волненія. Во время удаленія уставобранителей изъ Сербіи, положеніе Протича было тяжелѣе всѣхъ другихъ, ибо онъ былъ какъ-бы отвѣтственнымъ лицемъ за всѣ правительственныя дѣйствія. Такъ какъ его представленіе имѣетъ видъ просьбы предъ людьми, которымъ пришлось удалиться изъ отечества во время его министерства, то онъ очень подробно защищаетъ тогдашнія дѣйствія свои въ духѣ, уже извѣстномъ намъ изъ вышеприведенныхъ сочиненій. Онъ увѣряетъ, что всегда былъ за законность и никогда не подъискивался подъ новое правительство. Пробывъ одинадцать лѣтъ въ изгнаніи, онъ два раза имѣлъ случай представляться князю Александру въ Землинѣ и былъ милостиво принятъ, имѣлъ случай говорить и со многими изъ высшихъ чи-

новниковъ. Такъ какъ въ 1853 году (представленіе написано 6 декабря того года), по видимому, никто изъ членовъ тогдашняго правительства не противился возвращенію Протича въ Сербію, то онъ и оканчивалъ свое представленіе просьбой о дозволеніи вернуться въ отечество и о пенсіи. Но это дозволеніе дано было ему не скоро.

Кромѣ этихъ сочиненій Протича, интересна его переписка съ княземъ Михаиломъ, относящаяся къ концу 1851 года. 19 октября Протичъ писалъ Михаилу, проживавшему тогда въ Вѣнѣ: «Пронесся слухъ, что Порта признаетъ Сербію совершенно независимою, если получитъ отъ ней милліонъ дукатовъ за одинъ разъ». Гдѣ бы достать такую сумму? спрашиваетъ онъ и тутъ же отвѣчаетъ:—«Я не думалъ бы о средствахъ, лишь бы достать милліонъ, ибо еслибы средство было подлое и предосудительное, то цѣль его, освобожденіе отечества, отняло бы у него такой характеръ. Итакъ, я на все готовъ, но легко сказать, труднѣе найти. Я готовъ даже жениться, не смотря на то, какая будетъ невѣста,—бѣлокурая или черноволосая, красивая или дурная, худая или полная, старая или молодая,—лишь бы имѣла милліонъ. Пошлю вамъ свой портретъ, писанный тому назадъ 28 лѣтъ, когда вы родились; онъ уже не похожъ и потертъ, но все лучше, чѣмъ теперь оригиналъ. Былъ я генералъ-маіоръ и министръ въ одной изъ новыхъ и малыхъ державъ, которая можетъ превратиться и въ большое государство. Вотъ моя рекомендація. Но я забылъ, что я женатъ, и другой жены мнѣ уже не дадутъ. Отчего бы вамъ не жениться? Вы должны продолжать родъ вашего знаменитаго отца. Не очень привязывайтесь къ невѣстѣ, ибо Сербія имѣтъ право на первое мѣсто въ вашемъ сердцѣ; но женитесь на выгодныхъ условіяхъ. Вы получите знатное богатство въ наслѣдство отъ вашего родителя и можете считаться за богатаго жениха. Но этого мало: Сербіи нужны пути сообщенія, желѣзныя дороги, каналы, очищенія рѣкъ и тому подобное. Понадобятся еще деньги на выкупъ ея отъ турокъ». Это шуточное письмо заключалось замѣткою, что до автора его дошелъ слухъ, будто стрѣлы амура уже пронзили сердце князя, и просьбой извинить за вышеприведенные совѣты. Михаилъ Обреновичъ отвѣчалъ отъ 28 октября весьма серьезнымъ разборомъ шутливыхъ совѣтовъ Протича. Онъ, между прочимъ, говорилъ: «Какъ я могу любить своихъ родныхъ, своихъ земляковъ, цѣлый народъ свой и отечество, если не буду любить своей жены? А жену, взя-

тую ради денегъ, я не только не любилъ бы, но она была бы мнѣ и противна; а если жена противна, то и дѣти отъ нея, если Богъ ихъ дастъ, не будутъ милы». Кромѣ того, Михаилъ выражалъ сомнѣнія насчетъ того, какимъ образомъ онъ возвратится въ Сербію: «Я не желалъ бы, говоритъ онъ, принять правленіе при существующей обстановкѣ и пойти въ одну категорію съ людьми, господствующими теперь въ Сербіи. И что бы сказалъ свѣтъ, еслибъ узналъ (отъ него нельзя скрыть), что князь Михаилъ, сынъ Милоша, женился на дукатахъ,—Михаилъ, который имѣетъ ихъ много и будетъ имѣть ихъ болѣе, чѣмъ ему нужно для себя? Сказалъ бы, что я вовсе не такой человѣкъ, какимъ меня всѣ до сихъ поръ считали, то есть, человѣкъ, предпочитавшій честь всему другому; что до сихъ поръ я скрывалъ свою природу, а теперь, при главномъ актѣ цѣлой частной жизни моей, обнаружилъ истинный характеръ». Въ заключеніе письма Михаилъ намекалъ на свои отношенія къ графинѣ Юліи Гуніади. Въ отвѣтѣ своемъ, отъ 21 ноября, Протичъ писалъ, что слухъ о любви молодаго князя къ иновѣркѣ дошелъ и до него, и что въ Бѣлградѣ давно поговариваютъ: «Князь Михаилъ уже не тотъ болѣе, какой былъ прежде,—совсѣмъ помѣшался: цѣлый день проводитъ подъ окнами дѣвицы, въ которую влюбился безъ памяти; когда въ коляскѣ, а когда и верхомъ катается подлѣ ея дома; онъ уже забылъ о Сербіи и не думаетъ болѣе о томъ, что онъ сербъ». Но всего хуже, по мнѣнію Протича, было то, что любезная сердцу князя—иновѣрка, и какъ слышно, князь даже хочетъ вѣнчаться съ ней въ католической церкви. Князь не долженъ смотрѣть на себя только какъ на частнаго человѣка, но и какъ на правителя, не потерявшаго своихъ правъ на сербскій престолъ, а въ такомъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи о мнѣніи свѣта. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о деньгахъ, Протичъ говоритъ: «Слѣдуетъ быть болѣе внимательнымъ къ главному вопросу—вѣроисповѣданію невѣсты. Сербскій народъ глубоко преданъ православію и до сихъ поръ еще недовѣрчивъ къ лицамъ другаго исповѣданія. Конечно, можно найти подкрѣпленіе даже въ томъ, что русскіе великіе князья женятся на чужеземкахъ. Но русскій дворъ, единственный, сохранившій православіе въ цѣлой Европѣ, не могъ найти для своихъ князей другихъ невѣстъ; и не смотря на такую необходимость, Россія умѣла сохранить свое достоинство: иностранныя принцесы, выходящія за ея князей, должны принимать право-

славіе, а русскія великія княжны, выходящія замужъ за иноземныхъ принцевъ, остаются православными. Вы должны, по крайней мѣрѣ, добиться, чтобы ваша невѣста, если она дѣйствительно любитъ васъ, приняла православіе. Этимъ вы сохраните сербскую честь, какъ хранитъ Россія русскую». Неизвѣстно, отвѣчалъ ли Михаилъ Обреновичъ на это письмо ротича. Но бракъ его затѣмъ съ графинею Юліею Гуніади состоялся, и хотя свадьба происходила въ русской вѣнской церкви, но княгиня осталась въ католичествѣ.

Протичу пришлось еще разъ списаться съ Михаиломъ Обреновичемъ, все еще находившимся внѣ отечества, по вопросу не меньшей важности. Во второмъ томѣ моей книги: «Россія и Сербія» (стр. 350) я упоминалъ вкратцѣ о томъ, какъ при началѣ восточной войны по Европѣ разнесся слухъ, что въ Сербіи народная партія недовольна колеблющеюся политикою князя Кара-Георгіевича, что нѣкоторые изъ вождей оппозиціи готовы пригласить на престолъ Михаила Обреновича, и что послѣдній разослалъ циркулярно ко всѣмъ своимъ приверженцамъ въ Сербіи и внѣ ея письмо, въ которомъ, отвергая приписываемые ему честолюбивые замыслы, однакожь ясно намекалъ, что послѣдуетъ отзыву народа, если таковой раздастся. Привожу теперь это письмо вполнѣ: «До моего свѣдѣнія дошло, что въ сербскомъ народѣ распускаются обо мнѣ слухи, непріятные для меня и для васъ. Они непріятны для меня потому, что характеру моему противны, для достоинства моего оскорбительны и для чести моей опасны; для васъ же по тому, что скрываютъ отъ васъ истину и, навязывая вамъ ложь, нарушаютъ ваше спокойствіе. Я не хотѣлъ разбирать и опровергать въ газетахъ эти неосновательные слухи по тому, что не желалъ дать возможности и помыслить, что я самъ о себѣ поднимаю говоръ и крикъ въ народѣ. Я рѣшился сдѣлать это посредствомъ письма, адресованнаго къ важнѣйшимъ сербамъ. Обо мнѣ распускаютъ слухъ, будто я намѣренъ взволновать и возмутить народъ въ Сербіи, чтобы такимъ путемъ опять достигнуть княжескаго достоинства. Это было бы еще вѣроятно, еслибы думалось и говорилось о человѣкѣ, который никогда не испыталъ тяжести княженія и управленія, который былъ бы недоволенъ своимъ положеніемъ, или наконецъ о человѣкѣ, которому жажда славы и мірскаго величія не даетъ покоя. Но я былъ владѣтельнымъ княземъ, знаю трудности и заботы, соединенныя съ симъ бле-

стящимъ положеніемъ: сошелъ я съ этого мѣста дѣйствительно не по моей волѣ, но чрезъ то,—что̀ касается самой личности моей, я болѣе выигралъ, чѣмъ потерялъ: ибо, оставивъ въ моей молодости тяжкое бремя правленія и власти, я получилъ возможность болѣе просвѣтиться, болѣе узнать свѣтъ и людей, достичь мира и спокойствія, свойственныхъ частной жизни, которую веду и теперь, какъ свободный и независимый человѣкъ, внѣ всякихъ лишеній, безъ заботъ, безъ страха, всѣми въ лучшемъ кругѣ признанъ, принятъ и уважаемъ и, могу прибавить свободно, не совсѣмъ равнодушенъ къ моимъ соплеменникамъ. Стало быть, если я знаю мое прежнее положеніе, дѣйствительно блестящее, но трудное, неспокойное, непостоянное и даже опасное, то знаю и нынѣшнее мое положеніе, которымъ имѣю причины быть вполнѣ довольнымъ. Какъ прежнее я оставилъ не вслѣдствіе его трудности, но принужденный къ тому силою обстоятельствъ, такъ точно и теперь не желаю и не ищу покинуть мое счастливое положеніе, но сдѣлалъ бы это лишь по обязанности, наложенной на меня волею народа и пользами отечества, которому я сынъ, сочленъ, другъ и въ нѣкоторомъ смыслѣ должникъ. Итакъ, я не желаю княжескаго достоинства въ Сербіи для себя, но принялъ бы его какъ тяжелую обязанность ради народа. Я не ищу княжеской власти въ Сербіи подговариваніемъ, подбиваніемъ, возмущеніемъ народа и подобными средствами, недостойными меня и народа; но принялъ бы ее только вслѣдстіе общаго требованія и лишь такимъ способомъ, который бы и для меня и для народа былъ приличенъ и полезенъ. Я не хочу входить на сербскій престолъ чрезъ трупы братій моихъ, но желалъ бы, если тому суждено сбыться, чтобы, вслѣдствіе моего прибытія туда, никто не заплакалъ, а всякій бы обрадовался тому. Кто сѣетъ неспокойства, тотъ пожнетъ мятежъ; всякій мятежъ, кромѣ другихъ золъ, ведетъ за собой гибель людей; такихъ бѣдствій истинный гражданинъ не пожелаетъ своей землѣ: я же дѣйствительно желаю, чтобы каждый истинно любящій свою родину сербъ считалъ меня равнымъ себѣ въ томъ. Но если Божія воля такова, чтобъ я оставался и отнынѣ въ кругу частной жизни, то буду дѣлать добро отдѣльнымъ сербамъ по моимъ средствамъ, если не могу быть полезенъ всѣмъ, не завидуя въ томъ никому, и желая счастія отечеству, буду радоваться чистымъ сердцемъ, если увижу его благоденствующимъ. Другіе слухи, распускаемые обо мнѣ, идутъ еще далѣе, не только уг-

вѣрждая, что я желаю и намѣреваюсь возвратиться въ Сербію при помощи народнаго мятежа, но и опредѣляютъ, что я буду дѣлать, когда получу власть въ свои руки. Говорятъ, что я, возвратившись въ Сербію, думаю вознаградить изъ народной кассы и изъ конфискованныхъ имуществъ моихъ противниковъ не только мое княжеское содержаніе, но и жалованье всѣхъ моихъ чиновниковъ за истекшія одиннадцать лѣтъ. Показалъ ли хоть одинъ шагъ всей моей жизни, что я когда нибудь былъ наклоненъ къ стяжанію, грабежу и несправедливости? Настоитъ ли мнѣ нужда въ этомъ? Не отдѣлялъ ли я и тогда, когда получалъ скромные доходы, что могъ, на помощь бѣднымъ людямъ и полезнымъ для сербства дѣламъ? Не снабдилъ ли меня Богъ такимъ богатствомъ, которымъ я могу жить и здѣсь и тамъ согласно моему достоинству, и которое могу еще тратить на добрыя цѣли? Кто захочетъ правильно отвѣтить на эти вопросы мои, тотъ долженъ признать, что не имѣлъ бы повода дѣлать то, что взводятъ на меня мои непріятели. Кто знаетъ мой характеръ и мою жизнь до нынѣшняго дня, тотъ, конечно, повѣритъ, что, въ случаѣ моего возвращенія въ Сербію, я не только не поступалъ бы такимъ образомъ, но еще и княжеское содержаніе употреблялъ бы по возможности на народныя потребности, которыя, въ противномъ случаѣ, должны покрываться изъ народной кассы. Третьи, наконецъ, распускаютъ слухи, что я, по возвращеніи моемъ въ Сербію, удовлетворяя чувству мести, буду лишать званій, удалять и гнать тѣхъ, кто были моими противниками. Безумно грозить прежде, чѣмъ получена власть; позорно и крайне несправедливо употреблять во зло власть полученную. Распускаютъ обо мнѣ такіе слухи безъ причины, безъ основаній, безъ всякаго вѣроятія. Развѣ я нисколько не знакомъ съ нуждами и потребностями моего отечества? Развѣ я не знаю, что наибольшая и настоятельнѣйшая потребность въ моемъ отечествѣ состоитъ въ томъ, чтобъ уравнять, примирить, согласить и слить партіи, и препятствовать потомъ всѣми возможными средствами возрожденію новыхъ партій и распрей. Еслибы начать снова пересмотръ того, что сдѣлано въ прошедшія четырнадцать, пятнадцать лѣтъ, то никогда не было бы конца тому. Внутренняя политика для Сербіи, по моему мнѣнію, можетъ быть только политикой примиренія, которая требуетъ, чтобы личнымъ врагамъ дано было прощеніе; чтобы прошедшее, многимъ непріятное, было заглажено, залечено, забыто; чтобы способные и честные чиновники, и низшіе,

и высшіе, къ какой бы лично партіи ни принадлежали, оставались на своихъ мѣстахъ при перемѣнѣ владѣтельнаго князя; точно также должны быть удержаны или подтверждены и постановленія всякаго прежняго правительства, которыя служатъ къ пользѣ народа; а особенно, чтобъ основаніе государственной жизни Сербіи — уставъ, при помощи котораго можно управлять хорошо и вполнѣ достигнуть преуспѣянія страны, только бы умѣть и хотѣть имъ пользоваться, уставъ этотъ оставался невредимъ не только на словахъ, но и самомъ дѣлѣ. Вотъ вкратцѣ мои мысли о положеніи дѣлъ, для изложенія которыхъ я былъ принужденъ взять перо въ руки, съ одной стороны, чтобы защитить себя отъ незаслуженныхъ нареканій, съ другой, дабы увѣрить васъ, что я не ищу власти въ Сербіи, хотя и готовъ принять ее какъ обязанность, если потребуютъ того польза и воля народа, но не путемъ насилій и несправедливостей, но средствами законными, достойными васъ и меня, и что потомъ власть, полученную такимъ образомъ, я захотѣлъ бы употребить не на мою личную, но на общую пользу по вышеизложеннымъ правиламъ. При семъ, не смотря на все непріятное чувство, которое я испыталъ при писаніи этихъ строкъ, я долженъ изъявить вамъ особенное удовольствіе, что тѣмъ данъ мнѣ случай выразить вамъ мое почтеніе и привѣтствіе. Въ Вѣнѣ, 2 (14) іюля 1853 года. Князь Мих. М. Обреновичъ».

Объ этомъ письмѣ знали и тѣ приверженцы князя Михаила, которые проживали въ Австріи и Венгріи. Двѣ недѣли спустя послѣ того, какъ это письмо было написано, Протичъ уже писалъ князю: «Ваша свѣтлость! Милостивѣйшій господарь! я достовѣрно извѣщенъ, что всѣ первые экземпляры письма вашего, отправленные къ членамъ совѣта, доставлены въ руки каждому по адресу, и что получившіе, прочитавъ свой экземпляръ, передали его князю, при чемъ президентъ совѣта получилъ отъ князя выговоръ за то, что письма не были отнесены къ нему до распечатанія. Одинъ Станишичъ задержалъ было свое письмо, но когда узналъ, что всѣ остальные снесли свои письма къ князю, тогда и онъ свое отдалъ. Такъ было съ первыми письмами, а послѣднія взялъ съ почты австрійскій консулъ и передалъ ихъ князю, такъ что они не попали въ руки тѣмъ, для кого были назначены. Однакожь ваши письма учинили великую сенсацію, и такъ какъ князь съ своимъ правительствомъ счелъ ихъ за вашу прокламацію, и еще Богъ знаетъ за что, то онъ протестовалъ противъ сего по-

ступка вашего предъ нашею и предъ всѣми консулами иностранныхъ державъ, и, по всей вѣроятности, этотъ протестъ будетъ сообщенъ всѣмъ правительствамъ. Кромѣ того, поступокъ вашъ критикуютъ нѣкоторые какъ по ту, такъ и по сю сторону Савы, и считаютъ его неумѣстнымъ и не политичнымъ. Яковъ Живановичъ простеръ свои рѣчи до дурачества, а о Вучичѣ и не говорю, что онъ и въ этомъ видитъ ошибку. Впрочемъ, о немъ можно всегда знать напередъ, что у него всякій, стоящій выше его, какъ и тотъ, кто можетъ возвыситься надъ нимъ, полонъ всякихъ заблужденій, а каждый поступокъ такого лица ужь конечно ошибка. Кромѣ вышеназванныхъ, онъ считаетъ наполненными всякихъ заблужденій всѣхъ, которые стоятъ подлѣ него, а равно и тѣхъ, которые близки къ тому, чтобы стать рядомъ съ нимъ. Такіе люди всегда и во всякое время въ его глазахъ ничего не стоютъ, полны всякихъ заблужденій, и онъ желалъ бы, чтобы въ Сербіи не было ни одного изъ нихъ; а стоящіе въ низшихъ рядахъ, которымъ далеко до него, бываютъ, по его хотѣнію, сегодня самыми почтенными людьми, а завтра наихудшими, и наоборотъ. Самыми почтенными онъ считаетъ тѣхъ, которые на всякую рѣчь его, хотя бы она не шла ни къ селу, ни къ городу, говорятъ: эветъ эфендумъ, и кланяются ему. Такъ всегда бываетъ у Вучича, и всѣ ужь знаютъ, почему онъ кричитъ противъ нѣкоторыхъ людей и ихъ поступковъ. Но (чтобы возвратиться къ вашимъ письмамъ) большинство приняло ихъ очень хорошо, а особенно сильно обрадовались компрометированные ими. Вѣсть объ этихъ письмахъ разнеслась далеко, и хотя они списываются другъ у друга, но ихъ содержаніе въ точности не всѣмъ извѣстно; а такъ какъ они были посланы лишь нѣкоторымъ, то изъ сего заключаютъ, кстати или не кстати, что вы писали ихъ не изъ своей головы, а диктовалъ Милошъ, наученный откуда либо свыше. Многіе думаютъ, что эти письма писали не вы, но кто либо другой безъ вашего вѣдома разослалъ ихъ подъ вашимъ именемъ, чтобы васъ чрезъ то компрометировать. А чтобы такъ думали объ этихъ письмахъ, ибо это выгодно сербскому правительству, оно нарочно распространяетъ такой слухъ и само сообщило о томъ, чрезъ полицію, бѣлградскимъ торговцамъ. А все-таки волненіе большое. Князь послалъ изъ Бѣлграда въ Крагуевацъ около 50 тѣлегъ съ ружьями и порохомъ; хотѣлъ и самъ туда ѣхать, но остановился. Говорятъ, будто и казну хотѣлъ отправить въ Крагуевацъ, но совѣтъ не допустилъ того. Смятеніе это господ-

ствуетъ уже нѣсколько дней, со времени полученія вашихъ писемъ, но со вчерашняго дня оно необыкновенно усилось, и не безъ важной причины: вчера сербское правительство получило ноту чрезъ австрійскаго консула, извѣщающую о томъ, что австрійскія войска двинутся въ Сербію, какъ скоро въ ней обнаружится мятежъ. Сначала я считалъ это выдумкой, но потомъ увѣрился, что не выдумано. Все это должно имѣть большое значеніе и повести къ важнымъ послѣдствіямъ. Учтивѣйше поздравляю вашу свѣтлость и привѣтствую ваше вступленіе въ бракъ, которому желаю всякаго счастія».

Эта переписка Георгія Протича съ княземъ Михаиломъ Обреновичемъ привела насъ къ той минутѣ, когда готовилась восточная война, выведшая Сербію изъ-подъ исключительнаго покровительства Россіи, когда положеніе Александра Кара-Георгіевича на сербскомъ престолѣ сдѣлалось шаткимъ и когда борьба внутреннихъ партій значительно усложнилась. На послѣднихъ страницахъ моей книги: «Россія и Сербія», расказаны съ достаточною подробностію событія, составляющія собою исторію Сербіи отъ парижскаго мира до созванія свято-андреевской скупщины. Для связи между приведенными выше замѣчаніями и дополненіями къ моей книгѣ и расказомъ, которому будутъ посвящены слѣдующія за настоящимъ введеніемъ главы, я укажу здѣсь лишь на значеніе этихъ событій.

Парижскій миръ совершенно измѣнилъ отношенія сербскаго княжества къ великимъ европейскимъ державамъ, поставивъ его права въ зависимость отъ общаго ручательства этихъ державъ; отдѣльныя же требованія Россіи перестали быть обязательными для Сербіи. Таковъ былъ смыслъ международнаго договора, подписаннаго въ Парижѣ. Но въ то же время отношенія, созданныя восточною войной въ низовьяхъ Дуная, подчинили правительство Кара-Георгіевича сильному вліянію Австріи. Внутри самого сербскаго правительства съ тѣхъ поръ происходили постоянныя распри. Министрами, которые смѣнялись довольно часто, были преимущественно люди, находившіеся въ родствѣ и свойствѣ съ фамиліей Кара-Георгіевичей, или тѣсно связанные съ ея частными, домашними интересами. Въ совѣтѣ также засѣдали люди, выгоды которыхъ имѣли что либо общее съ выгодами правительства. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ совѣтѣ была уже и оппозиція, находившаяся въ меньшинствѣ. Въ обществѣ же и народѣ оппозиція Кара-Георгіевичу и его министерствамъ росла съ каждымъ

днемъ. Устарѣвшій противникъ Милоша, посадившій на сербскій престолъ Александра Кара-Георгіевича, Вучичъ былъ въ непрестанной, нескончаемой и почти открытой борьбѣ съ правительствомъ, подстрекая чиновниковъ средняго и младшаго поколѣній противъ княжеской власти и поддерживая неудовольствіе въ народѣ. Теперь уже не только не существовало партіи уставобранителей, такъ смѣло и рѣшительно дѣйствовавшей въ 1838—1845 гг., но было только правительство съ Александромъ Кара-Георгіевичемъ во главѣ, разслабленное и разрозненное, во внѣшнихъ дѣлахъ подчинявшееся волѣ Порты и внушеніямъ Австріи, во внутреннихъ дѣлахъ преслѣдовавшее династическія и родственныя выгоды фамиліи Кара-Георгіевичей и другихъ связанныхъ съ нею семействъ. Самый уставъ, вызвавшій столько переворотовъ въ сербской исторіи, уже потерялъ свою прежнюю силу: нѣкоторыя изъ его статей не исполнялись, другія даже были измѣнены развитіемъ самого законодательства. Совѣтъ по временамъ враждовалъ съ княземъ и его министрами до того, что запрещалъ своимъ членамъ всякія не письменныя сношенія съ ними. Жалобы совѣта на князя и его помощниковъ и обратныя жалобы князя на совѣтъ доходили до Порты; но та не приступала ни къ какимъ рѣшительнымъ мѣрамъ. Наконецъ въ 1857 году составилось нѣчто въ родѣ заговора противъ князя, въ которомъ приняли участіе многіе изъ членовъ совѣта; но заговоръ былъ открытъ и замѣшанные въ немъ понесли строгое наказаніе. Ихъ ожидало вѣчное заточеніе въ ужасной, мрачной и сырой Гургосовацкой башнѣ, въ которой такъ долго томились послѣ переворота 1842 года приверженцы Обреновичей. Но въ это дѣло вмѣшались европейская дипломатія и сама Порта. Въ Бѣлградъ пріѣхалъ турецкій коммисаръ, и партія совѣтниковъ, враждовавшая съ княземъ, подала этому коммисару жалобу на Кара-Георгіевича. Коммисаръ попытался было примирить враждебныя партіи, но потомъ увидѣлъ, что это рѣшительно невозможно. Всѣ ожидали, что въ княжествѣ могутъ повториться безпорядки и кровопролитія, подобныя бывшимъ въ 1842 году. Освобожденіе осужденныхъ и удаленіе ихъ въ Виддинъ, составленіе примирительнаго акта между княземъ, совѣтомъ, министрами и апелляціоннымъ судомъ, равнодушіе дипломатическихъ агентовъ къ этому акту и послѣдовавшій за обнародованіемъ его отъѣздъ турецкаго коммисара не разрѣшили натянутыхъ отношеній, распространившихся отъ сферъ правительственныхъ въ

жизнь общественную и народную. Въ это-то время послышались первые голоса въ пользу созванія народной скупщины. Но въ уставѣ не говорилось ни слова о скупщинѣ, и правительство, опираясь на уставъ, считало себя вправѣ отказать своимъ противникамъ въ созваніи скупщины. Оно знало, что первыя народныя скупщины въ Сербіи при Милошѣ Обреновичѣ послужили для возвышенія князя и усиленія власти его; но оно еще живѣе помнило, что съ 1839 года народныя скупщины были орудіемъ чиновныхъ партій, старавшихся ограничить княжескую власть. Не лежало сердце къ народной скупщинѣ и у людей чиновныхъ, державшихся различнаго образа мыслей о существующемъ правительствѣ, ибо они привыкли управлять дѣлами княжества безъ участія народной воли. Враждуя съ княземъ, съ министрами, съ высшими управленіями главныхъ вѣдомствъ, сербскіе чиновники того времени враждовали и между собою изъ видовъ корыстолюбивыхъ, потому что надъ ними не было самаго важнаго контроля, удаленнаго уставомъ,—народной воли. Но возстановить этотъ контроль, прибѣгнуть къ его третейскому суду, подчиниться его безапелляціонному приговору не хотѣла ни одна изъ враждовавшихъ партій. Народная скупщина не созывалась уже въ продолженіе десяти лѣтъ. Всѣ власти, привыкшія управлять безотчетно, пугались народнаго собранія. Кто же могъ желать созванія народной скупщины? Прежде всего и болѣе всего самъ народъ, начинавшій сознавать свое безправіе, свое долголѣтнее удаленіе отъ законнаго вліянія на дѣла своей родины; потомъ молодое поколѣніе людей, получившихъ лучшее образованіе, чѣмъ устарѣвшіе представители прежней интеллигенціи. Съ 1839 года сербское правительство стало посылать за границу, для полученія высшаго образованія, молодыхъ людей на казенный счетъ, и до сотни такихъ лицъ, получившихъ иностранное воспитаніе, успѣли къ эпохѣ, о которой у насъ идетъ рѣчь, не только возвратиться на родину, но и получить большее или меньшее служебное значеніе, а нѣкоторые пріобрѣли и вліяніе на народъ. Сюда принадлежали люди, учившіеся самымъ разнообразнымъ спеціальностямъ и въ самыхъ противуположныхъ мѣстностяхъ. Ихъ посылали учиться юриспруденціи, политическимъ наукамъ, экономическимъ и торговымъ, финансамъ и бухгалтеріи, разнымъ видамъ техническихъ знаній, горному дѣлу, лѣсоводству, архитектурѣ, свободнымъ художествамъ, военнымъ наукамъ, инженерному искусству, сельскому хозяйству, книго-

печатному и литографному дѣлу, медицинѣ, наукамъ историческимъ, философскимъ и богословскимъ; для изученія этихъ наукъ молодые сербы ѣздили въ Парижъ, Льежъ, Берлинъ, Гейдельбергъ, Альтенбургъ, Гогенгеймъ, Фрейбергъ, Галле, Гетлингъ, Хемницъ, Лейпцигъ, Прагу, Вѣну, Пресбургъ, гдѣ одно время процвѣтала школа панславистовъ, Тарентъ, Аѳины, Кіевъ и Москву. Учась разнымъ спеціальностямъ, эти люди приносили домой иные взгляды на правительственныя и общественныя отношенія, чѣмъ господствовавшіе въ Сербіи. Все, что было ими усвоено изъ общей европейской жизни, многіе изъ нихъ хотѣли перенести и на родную почву. Эти-то люди вѣрнѣе многихъ между важнѣйшими представителями стараго поколѣнія понимали значеніе народнаго участія въ общей государственной жизни. Нѣкоторымъ изъ нихъ ранѣе другихъ пришла въ голову мысль вступить въ союзъ съ народомъ, чтобъ устранить злоупотребленія, вкравшіяся въ правительственную практику. Среди этихъ-то людей и образовалась первоначально такъ называемая народная партія, къ которой потомъ примкнуло нѣсколько дѣятелей изъ старшаго поколѣнія. Само собой разумѣется, что въ средѣ молодой интиллигенціи не трудно было замѣтить два направленія: къ одному принадлежали люди или болѣе рѣшительные по характеру, или усвоившіе себѣ болѣе радикальные взгляды на политическіе и общественные вопросы; къ другому направленію принадлежали люди, державшіеся болѣе умѣренныхъ желаній и отличавшіеся большею осторожностію въ словахъ и дѣйствіяхъ. Но различіе между этими двумя направленіями выяснилось вполнѣ лишь въ 1859 году, послѣ возвращенія Обреновичей въ Сербію. Въ послѣднее же время правленія Кара-Георгіевича молодая интеллигенція обоихъ направленій желала созванія народной скупщины. Нѣкоторыя надежды на скупщину могли возлагать и совершенно устраненные отъ всякихъ дѣлъ старинные приверженцы Обреновичей, много потерпѣвшіе во время оно отъ партіи уставобранителей и желавшіе теперь отомстить ей, расходясь въ этомъ съ мнѣніемъ, высказаннымъ Михаиломъ Обреновичемъ въ его письмѣ, разосланномъ въ маѣ 1853 года изъ Вѣны въ Сербію. Могли желать народной скупщины и нѣкоторые изъ людей, вышедшихъ изъ партіи уставобранителей и презиравшихъ теперь правительство Кара-Георгіевича; но они смотрѣли на народную скупщину какъ на крайнее, послѣднее средство, чтобы достигнуть сверженія князя Александра съ престола. Такимъ образомъ одни смотрѣли

на скупщину какъ на средство перемѣнить составъ правительства; иные надѣялись, при ея помощи, устранить самого Кара-Георгіевича и возвратить Обреновичей; нѣкоторые видѣли въ ней ручательство за народное участіе въ правительственныхъ дѣлахъ. Но едва ли кто нибудь изъ дѣйствовавшихъ въ пользу созванія народной скупщины могъ предвидѣть всѣ тѣ послѣдствія, къ которымъ приведетъ свято-андреевская скупщина, и постановленія, которыми она ознаменуетъ свою дѣятельность. Многіе ждали отъ предстоящей скупщины только значительныхъ перемѣнъ къ лучшему; но едва ли кто угадывалъ, что она составитъ эпоху во внутренней жизни сербскаго княжества.

ГЛАВА I.

СВЯТОАНДРЕЕВСКАЯ СКУПЩИНА

И

СВЕРЖЕНІЕ КАРАГЕОРГІЕВИЧА.

Разладъ внутри сербскаго правительства и неудачное примиреніе.—Борьба за вопросъ о созваніи скупщины.—Положеніе партій предъ скупщиной: карагеоргіевцы и придворная партія, правительственная оппозиція и каймакамовцы, простые и сознательные обреновцы, либералы и народная партія.—Вожди партій и сношенія между ними.—Борьба внутри скупщины и внѣ ея за проектъ закона о народной скупщинѣ.—Требованіе отреченія отъ князя, сверженіе его и провозглашеніе Обреновичей.—Борьба скупщины съ совѣтомъ и правительственною партіей.—Замыслы реакціи, нападеніе войска на скупщину и попытка возстановить Карагеоргіевича.—Торжество народнаго дѣла.—Временное правительство.

Разладъ внутри сербскаго правительства, достигшій весной 1858 года наибольшаго развитія, былъ опасенъ для тогдашняго князя Александра Карагеоргіевича, потому что ни самъ князь, ни его совѣтники не знали истинныхъ желаній народа, не вполнѣ понимали то взаимное положеніе, въ которомъ находились различныя партіи внутри страны. Правительство и совѣтъ, враждуя между собой, не замѣчали, сколько новыхъ силъ накопилось въ народной средѣ, и прежніе уставобранители, распавшись теперь на два, враждебные другъ другу лагеря, подозрѣвая опасность для себя лишь въ происках недавнихъ товарищей своихъ, не придавали никакого значенія народному неудовольствію. Ихъ глазамъ представлялись лишь давно знакомыя явленія, сопровождавшія борьбу чиновныхъ людей въ Сербіи съ 1835 по 1845 годъ. Ихъ проницательности не хватало далѣе придворныхъ

сплетень, канцелярскихъ ссоръ и фамильной вражды; они все еще жили и дѣйствовали въ области устарѣлыхъ понятій и представленій; они, все еще считавшіе себя народными старѣйшинами, высокіе попечители и державные совѣтники, глядѣли на свои распри какъ на дѣло, не касающееся народа, и не допускали вмѣшательства съ его стороны въ управленіе роднымъ краемъ. Князь Александръ, дѣйствовавшій подъ сильнымъ вліяніемъ своей жены и родственниковъ, заботился только о династическихъ интересахъ; а попеченіе о государственныхъ и народныхъ нуждахъ предоставлено было поссорившимся между собою министрамъ и совѣтникамъ. Не удивительно, что всѣ эти люди искали посредниковъ для своего примиренія не дома, не въ своемъ народѣ, не въ народной скупщинѣ, а въ той Портѣ, къ которой привыкли прибѣгать сербскія правительственныя партіи со временъ изгнанія Милоша Обреновича. И вотъ въ мартовскихъ нумерахъ обѣихъ бѣлградскихъ газетъ за тотъ годъ *) снова появились обычныя описанія торжественныхъ встрѣчъ, пріемовъ и поздравленій, коими чествовало сербское правительство новаго турецкаго комисара Етемъ-пашу, ѣхавшаго мирить сербскихъ правителей въ сопровожденіи Кабули-ефенди, бывшаго тогда первымъ драгоманомъ блистательной Порты, а нынѣ состоящаго министромъ торговли. 11-го марта показался турецкій комисаръ на границахъ Сербіи и шесть дней провелъ въ пути къ ея столицѣ, повсюду встрѣчаемый «согласно своему достоинству». Для пріема его въ самомъ Бѣлградѣ высланы были на встрѣчу княжескіе чиновники, выстроены въ парадѣ сербскія войска, играла военная музыка, гремѣли крѣпостныя пушки, стекались народныя толпы. На другой день самъ князь, попечители и совѣтники явились въ крѣпость, чтобы поздравить съ счастливымъ прибытіемъ Етемъ-пашу. Въ слѣдующихъ нумерахъ тѣхъ же газетъ объявлено было, что князь, движимый сожалѣніемъ и великодушіемъ, приказалъ освободить прошлогоднихъ заговорщиковъ: Стефана Стефановича, Павла Станишича, Пауна Янковича, Цвѣтка Райовича и Милоша Мрцайловича, но съ тѣмъ, чтобъ они жили внѣ Сербіи. Газеты скрыли, что это освобожденіе состоялось по требованію турецкаго комисара. Прошло еще нѣсколько дней, и четыре члена совѣта,

*) «Званичне Новине Княжества Србіе» и «Србске Новине». Онѣ послужатъ намъ постояннымъ источникомъ извѣстій объ описываемомъ времени.

Іованъ Вельковичъ, Стоянъ Іовановичъ, Лазарь Арсеніевичъ и Гаврила Еремичъ, не задолго передъ тѣмъ уволенные отъ службы, возстановлены были въ своихъ прежнихъ званіяхъ. Затѣмъ послѣдовала перемѣна въ составѣ министерства: наиболѣе виднымъ лицомъ между новыми министрами былъ Илья Гарашанинъ, получившій управленіе внутренними дѣлами и успѣвшій представить Етемъ-пашѣ обвинительный актъ противъ князя; а Вучичъ принялъ званіе предсѣдателя совѣта. Изъ прежнихъ министровъ нѣкоторые перешли въ совѣтъ, нѣкоторые получили отставку; въ томъ числѣ люди, находившіеся въ близкихъ родственныхъ отношеніяхъ къ княжеской семьѣ, между коими были членъ совѣта Ефремъ Ненадовичъ и прежній попечитель внутреннихъ дѣлъ Константинъ Николаевичъ.

Правительственные кружки Сербіи убѣждены были, что среди ихъ возстановлено полное согласіе. Во главѣ «Сербскихъ Новинъ», вышедшихъ 1-го апрѣля, стояло такое славословіе, извѣщавшее народъ о прекращеніи вражды въ правительственныхъ сферахъ: «Миръ вамъ! привѣтствовалъ Христосъ Спаситель учениковъ своихъ, когда явился среди нихъ первый разъ по воскресеніи своемъ. Миръ вамъ! раздается нынѣ и среди нашего народа. Миръ вамъ! привѣтствуютъ насъ поглавари наши, возвратившись ко взаимной любви и согласію между собою. Пріятнѣе вѣсти нѣтъ для сербскаго народа, какъ вѣсть о томъ, что разошлись мутныя облака, которыя стали собираться надъ нашимъ отечествомъ отъ несогласій, наставшихъ было между поглаварями земли. Вслѣдствіе сего печальнаго явленія тяжкая забота обнимала всѣ отчизнолюбивыя сердца. Каждый опасался, чтобы народъ не испыталъ бѣдствій, чтобы страна не впала въ несчастіе. Кого укуситъ змѣя, тотъ боится и угря. Исторія наша полна жалостныхъ примѣровъ несогласія между владѣтелемъ и народными поглаварями, полна великихъ несчастій, которыя проистекали изъ того для народа. Можно ли упрекать любящихъ свою родину за то, что они предавались печали и страху? Но теперь всякій столько же обрадовался привѣтствію: миръ вамъ! отзываясь на него гласомъ св. церкви: сей день, его же сотвори Господь; возрадуемся и возвеселимся въ онь! Радуется и веселится каждый сербъ, ибо видитъ, что Божія десница почиваетъ надъ его отечествомъ, видитъ, что Богъ просвѣщаетъ сердца его поглаварямъ и обращаетъ ихъ на путь мудрости, на путь народнаго спасенія. Кто, яко Богъ! Кто можетъ что̀, если Богъ охраняетъ

Сербію! Хвалимъ Тя и величаемъ, великій Боже, за благословеніе, которое излилъ на дорогую нашу Сербію, возвративъ любовь и согласіе нашимъ поглаварямъ! Кланяемся и вашей мудрости, достойные отцы отечества! Кланяемся вашему самоотверженію и дивимся благородному, рѣдкому чувству патріотизма, коимъ вы возвысились надъ самими собой, надъ своими личными чувствами! Тако теците, да постигнете! Вотъ путь, который указанъ Богомъ, чтобы Сербія дошла до своей цѣли». Таковъ былъ хвалебный языкъ тогдашнихъ «Сербскихъ Новинъ»; но пророчеству ихъ не суждено было сбыться.

Тѣмъ не менѣе, сербское правительство, преисполненное благодарности къ своимъ примирителямъ, назначило для нихъ особый домъ въ самомъ городѣ, куда они и переѣхали изъ крѣпости, сопровождаемые и привѣтствуемые сербскими чиновниками и войсками. Затѣмъ слѣдовалъ торжественный обѣдъ у князя въ честь турецкихъ сановниковъ, за которымъ, между прочими тостами, митрополитъ Петръ пилъ за здоровье Етемъ-паши, а правитель бѣлградской крѣпости Османъ-паша предложилъ здравицу за всѣхъ сербскихъ чиновниковъ. Комисаръ не остался въ долгу у Карагеоргіевича и задалъ блистательный вечеръ чиновному міру Бѣлграда. Размѣнявшись любезностями съ сербскимъ правительствомъ, Етемъ-паша оставилъ Бѣлградъ 15-го апрѣля; а Кабули-ефенди отправился въ Вѣну, откуда возвращаясь въ Цареградъ, видѣлся 29-го съ представителями сербскаго правительства и выслушалъ увѣренія, что между ними все обстоитъ благополучно. Пріѣздъ чиновниковъ Порты стоилъ сербской казнѣ 1000 дукатовъ. За то 3-го мая изданы были дополненія къ закону о государственномъ совѣтѣ, возвышавшія его права. Такъ, на примѣръ, признавалась необходимость немедленно довести число его членовъ до опредѣленной уставомъ цифры (17); подробно опредѣленъ былъ порядокъ слѣдствія надъ членомъ совѣта, обвиняемымъ въ государственномъ преступленіи, и суда надъ нимъ, при чемъ совѣту давалось право посылать отъ себя въ кассаціонный судъ двухъ депутатовъ, и даже рѣшеніе этого суда пересмотрѣть въ полномъ своемъ собраніи, въ присутствіи обвиняемаго и его защитника, при чемъ обвиненный уже самимъ совѣтомъ могъ жаловаться Портѣ, и только ея рѣшеніе было обязательно для него; ограничено было право князя отвергать предлагаемыхъ совѣтомъ кандидатовъ на званіе его членовъ: если послѣ двукратнаго отказа со стороны князя совѣтъ опять предлагалъ того же кандидата, то

князь долженъ былъ подписать его назначеніе; ограничено было вліяніе министровъ на совѣтъ, и чрезвычайно подробно опредѣленъ былъ порядокъ суда надъ министромъ, нарушившимъ въ чемъ либо законы Сербіи. Но всѣ эти перемѣны и попытки къ примиренію, совершенныя подъ вліяніемъ турецкихъ комисаровъ, коснулись внутреннихъ несогласій Сербіи лишь поверхностно. Хотя онѣ и направлены были противъ державшихся слѣпо Карагеоргіевича и противъ установившейся въ послѣдніе годы распущенности въ управленіи, тѣмъ не менѣе сторонники князя и приверженцы стараго порядка вещей имѣли большинство въ державномъ совѣтѣ, власть котораго была только что усилена новыми узаконеніями. Бороться въ совѣтѣ противъ старой партіи съ надеждою на успѣхъ министерство могло лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда его члены принимали участіе въ совѣтскихъ засѣданіяхъ, но это бывало рѣдко и то лишь при разсмотрѣніи государственныхъ вопросовъ первой важности. Болѣе всѣхъ досаждало такое положеніе партій въ совѣтѣ его новому президенту Вучичу, не привыкшему подчиняться ни чьей волѣ. Онъ не могъ переносить возраженій не только отъ сторонниковъ княжеской фамиліи и придворныхъ интересовъ, но даже отъ людей болѣе или менѣе приближавшихся къ нему по своей враждебности къ дворцовой партіи. Привыкнувъ въ продолженіи двадцати лѣтъ управлять народомъ, руководить всѣми движеніями его и не покидая послѣднее десятилѣтіе непрестанной оппозиціи князю и его правительству, Вучичъ смотрѣлъ на свое возстановленіе въ званіи президента совѣта, какъ на средство продолжать старую борьбу противъ княжеской власти, только съ большею увѣренностію въ успѣхѣ ея. Но распредѣленіе партій въ совѣтѣ не отвѣчало его ожиданіямъ. Между оппозиціонными членами, на которыхъ онъ могъ бы опереться въ случаѣ крайней надобности, не было ни особенно даровитыхъ, ни вполнѣ опытныхъ людей; а еслибъ даже они и были, то Вучичъ не сошелся бы съ ними по своему характеру. Ему привольнѣе и сподручнѣе было дѣйствовать среди самаго народа, и потому, не смотря на всѣми прославленное примиреніе, онъ не переставалъ порицать правительственныя дѣйствія при всякомъ распоряженіи, бывшемъ ему не по сердцу. Согласуясь только съ своимъ нравомъ и обычаемъ, онъ чрезъ два мѣсяца послѣ примиренія уже волновалъ народъ, дѣйствуя совершенно въ смыслѣ партіи либеральной, желавшей немедленнаго созванія народной скупщины, хотя не раздѣлялъ взглядовъ

этой партіи на народныя права и хотя самый исходъ скупщины могъ быть прямо противуположенъ его личнымъ интересамъ. Уже втораго іюля онъ ѣздилъ къ Смрдан-Бору, близъ Лозницы, на Длинѣ, и поднималъ тамъ народъ противъ бѣлградскаго правительства; но попытка его не удалась, ибо народная партія не была еще вполнѣ приготовлена къ дѣйствіямъ.

Точно такъ же не могло быть довольно преобладаніемъ придворной партіи въ совѣтѣ и новое министерство. Наиболѣе вліятельнымъ членомъ его былъ, конечно, министръ внутреннихъ дѣлъ Илья Гарашанинъ. Въ то время это министерство управляло почти всѣми дѣлами княжества. Такое значеніе его утвердилось съ самаго введенія устава и изгнанія Милоша. Министерству внутреннихъ дѣлъ извѣстны были всѣ дѣйствія и распоряженія другихъ вѣдомствъ чрезъ окружныхъ и срезскихъ начальниковъ и помощниковъ ихъ, обязанныхъ доносить своему министерству обо всѣмъ, что ни происходило въ управляемыхъ ими мѣстностяхъ. Самое управленіе носило характеръ полицейскій и проникало во всѣ отправленія государственной и народной жизни. Оно не ограничивалось дѣятельностію исполнительною и распорядительною. Чиновникамъ министерства внутреннихъ дѣлъ, окружнымъ и срезскимъ начальствамъ принадлежало право производить не только первое дознаніе о происшествіяхъ всякаго рода, но и вести судебное слѣдствіе. При полномъ отсутствіи правильнаго разграниченія властей, даже и теперь замѣчаемомъ въ сербскомъ управленіи, министерство внутреннихъ дѣлъ имѣло возможность простирать свое вліяніе на дѣйствія всѣхъ другихъ министерствъ. Наконецъ въ то время Сербія еще не имѣла особаго министерства для военныхъ дѣлъ въ слѣдствіе того, что она, какъ государство подчиненное Турціи, не только по понятіямъ послѣдней, но даже европейской дипломатіи, не имѣла никакого права развивать свои военныя силы, ибо это считалось не согласнымъ съ верховными правами Порты. Войску предоставлено было лишь значеніе власти, охраняющей внутренній порядокъ и помогающей общей полиціи; вотъ почему оно было подчинено министру внутреннихъ дѣлъ. На такихъ широкихъ основаніяхъ покоилась власть министерства, во главѣ котораго стоялъ Илья Гарашанинъ. Лично онъ принадлежалъ къ числу самыхъ способныхъ и наиболѣе опытныхъ правителей между высшими чиновниками Сербіи. Обладая характеромъ разсудительнымъ, спокойнымъ и осторожнымъ, онъ

никогда не шелъ тѣми путями, которые были привычны для Вучича, и, не смотря на то, его участіе въ правительственныхъ дѣлахъ Сербіи, съ 1839 года, было нисколько ни менѣе, чѣмъ участіе Вучича; въ народѣ онъ пользовался такою же извѣстностью, а среди чиновниковъ даже большимъ значеніемъ и вліяніемъ. Ему знакомы были дипломатическія дѣла Сербіи, ибо его не разъ призывали къ управленію ими. Но, какъ правитель, онъ держался самыхъ строгихъ пріемовъ, выработанныхъ европейскою бюрократіей, былъ приверженцемъ полной централизаціи общаго и мѣстнаго управленія, и въ этомъ смыслѣ ему одинаково казались незаконными какъ интриги партіи придворной, такъ и стремленія народной партіи. Разойдясь съ сторонниками княжеской власти, которая сосредоточивалась тогда въ лицѣ Александра Карагеоргіевича, онъ не могъ примкнуть ни по своей природѣ, ни по своимъ убѣжденіямъ къ людямъ, ставившимъ верховную власть народа выше всякихъ другихъ властей. Изъ этого не слѣдуетъ, чтобы Гарашанинъ стоялъ и дѣйствовалъ въ то время одиноко: напротивъ, и по своимъ личнымъ качествамъ, и по званію министра внутреннихъ дѣлъ, онъ пользовался властію обширною, и безъ его прямаго или косвеннаго участія нельзя было бы произвести тогда никакого внутренняго переворота въ Сербіи. Во внѣшнихъ отношеніяхъ онъ держался Порты и не считалъ возможнымъ устранить ея вліяніе на несогласія, господствовавшія внутри сербскаго правительства.

Недовѣріе народной партіи къ официальному примиренію обнаружилось еще во время пребыванія въ Бѣлградѣ Етемъ-паши. Тогда устроено было чиновною партіей, одержавшею верхъ надъ княземъ и его попечителями, нѣсколько депутацій какъ-бы отъ народа, съ изъявленіемъ довѣрія къ распоряженіямъ Порты и къ дѣйствіямъ ея комисара. Но тогда же нашлось въ Бѣлградѣ нѣсколько молодыхъ людей, занимавшихъ неважныя мѣста въ администраціи, учившихся большею частію за границею, которые старались отвратить согражданъ отъ намѣренія, подсказаннаго изъ министерства внутреннихъ дѣлъ и изъ совѣта въ его новомъ составѣ, искать полнаго разрѣшенія земскихъ неустройствъ у турецкаго комисара. Эти нежданные противники официальной оппозиціи князю, не бывъ въ открытомъ разладѣ съ нею, убѣждали народъ искать удовлетворенія своихъ желаній и нуждъ отъ народной скупщины. Содѣйствіе такому плану оказано было нѣкоторыми изъ сербскихъ газетъ, издававшихся тогда въ Ав-

стріи: такъ что въ бѣлградскихъ газетахъ появились замѣтки, старавшіяся сдержать агитацію въ пользу созванія скупщины. Различіе во взглядѣ между торжествовавшею партіей высшихъ чиновниковъ и людей, старавшихся дѣйствовать во имя народа, всего яснѣе выразилось въ слѣдующемъ случаѣ. Послѣдніе полагая, что вожди правительственной оппозиціи Карагеоргіевичу, Илья Гарашанинъ и Ѳома Вучичъ, готовы вмѣстѣ съ ними положить предѣлъ дальнѣйшему вмѣшательству турецкихъ властей во внутреннія несогласія Сербіи, вызванныя слабостью Карагеоргіевича, сообщили Гарашанину, что и они желаютъ явиться къ комисару во главѣ депутаціи и представить ему письменное изложеніе своихъ желаній. Переговоры съ Гарашаниномъ объ этомъ дѣлѣ велъ Милованъ Янковичъ, бывшій тогда секретаремъ при министерствѣ финансовъ. Гарашанинъ, не зная, въ какомъ смыслѣ затѣвается друзьями Янковича представленіе Етемъ-пашѣ, одобрилъ ихъ мысль, посовѣтовавъ однакожь выставить на заголовкѣ просьбы надпись: «довѣрительно», и во всякомъ случаѣ просилъ напередъ сообщить ему представленіе, что и было исполнено. Представленіе это было формальнымъ протестомъ противъ турецкаго вмѣшательства во внутреннія дѣла Сербіи, при чемъ изъяснено было, что депутаціи, являющіяся къ комисару съ жалобами и требующія его вмѣшательства въ сербскія дѣла, не могутъ быть считаемы представителями народа, но только отдѣльныхъ частныхъ лицъ; ибо народъ представляютъ законнымъ образомъ лишь его скупщина и земскія власти. Когда Гарашанинъ выслушалъ это заявленіе, то, казалось, соглашался съ нимъ, но потомъ сталъ доказывать при встрѣчѣ съ лицами, желавшими участвовать въ этой депутаціи, что въ ихъ представленіи комисару нѣтъ надобности, а что онъ самъ съ своими друзьями сдѣлаетъ все, что нужно. Когда Янковичъ обратился къ нему съ рѣшительнымъ вопросомъ: одобряетъ ли онъ ихъ намѣреніе, Гарашанинъ, не порицая прямо письменнаго представленія, отговаривалъ отъ подачи его Етемъ-пашѣ. Отвѣтъ Гарашанина молодые либералы поняли такъ, что онъ и его друзья не намѣрены прекращать искательствъ предъ Портою и не раздѣляютъ ихъ взглядовъ на народныя права; а правительственныя распоряженія, изданныя по отъѣздѣ комисаровъ, еще болѣе утвердили ихъ въ томъ.

Люди, составлявшіе тогда либеральную партію, уже неоднократно имѣли случай вступать въ сношенія съ народомъ. Нѣко-

торые изъ нихъ участвовали еще въ дѣятельности, такъ называемой, Дружины сербской молодежи (основанной 15 іюня 1847 г.); иные присутствовали при великой народной скупщинѣ, державной сербами воеводства въ Карловцахъ (1-го мая 1848 г.); другіе стали извѣстны составленіемъ петицій народнымъ депутатамъ во время Петровской скупщины (въ началѣ іюля 1848 г.); многіе участвовали въ скупщинѣ и комитетѣ бѣлградскихъ жителей въ 1856 году. Вслѣдствіе того, у нихъ были значительныя связи съ народными людьми какъ въ самомъ Бѣлградѣ, такъ и внутри Сербіи. Въ іюлѣ они рѣшились уже прямо дѣйствовать на народъ, снесясь съ своими пріятелями изъ разныхъ округовъ и приглашая ихъ во время сельскихъ ярмарковъ, которыя должны были наступить во многихъ мѣстностяхъ 15-го августа, распространить въ народѣ мысль о необходимости скорѣйшаго созванія народной скупщины. Усерднѣе другихъ дѣйствовали въ этомъ смыслѣ; вышеупомянутый Янковичъ, отправившійся въ округи бѣлградскій, смедеревскій и пожаревацкій, Іованъ Иличъ, ѣздившій въ округи черноръцкій и краинскій, Ранко Алимпичъ, посѣтившій шабацкій округъ, Ефремъ Груичъ, дѣйствовавшій болѣе въ Бѣлградѣ, и другіе по инымъ округамъ. Нѣкоторые изъ нихъ предполагали даже склонить народъ къ тому, чтобы онъ съ ярмарокъ самъ пошелъ къ Бѣлграду на общую скупщину; а вожди движенія представили бы Ильѣ Гарашанину о необходимости удовлетворить народныя желанія, такъ чтобы само правительство созвало скупщину и, признавъ ее, дало чрезъ то законныя основанія всему движенію.

Но уже и въ офиціальныхъ сферахъ, гдѣ согласіе не водворялось, не смотря ни на какія примиренія, стали поговаривать о скупщинѣ. Вучичъ иногда высказывался такъ, что можно было считать ея созваніе дѣломъ возможнымъ. Но Гарашанинъ дѣйствовалъ осторожнѣе. Еще 26-го іюня онъ разослалъ довѣрительнымъ путемъ къ начальникамъ округовъ приглашеніе сообщить ему, на сколько сильны желанія народа относительно скупщины. Отвѣты были большею частію утвердительные. Тѣмъ не менѣе зная, что предложеніе созвать народную скупщину возбудитъ не только сильные крики со стороны членовъ княжеской фамиліи и придворной партіи, но также протесты со стороны Порты, онъ медлилъ внесеніемъ его въ совѣтъ. Между тѣмъ, къ концу іюля уже созрѣлъ планъ либеральной партіи. Хотя всѣ подробности его и не были извѣстны Гарашанину,

но онъ имѣлъ общія свѣдѣнія о немъ. Вскорѣ члены народной партіи сами рѣшились вступить въ переговоры съ Гарашаниномъ. 7-го августа, когда нѣкоторые изъ нихъ снова отправлялись во внутренность княжества, посланъ былъ къ министру либеральной партіей Ранко Алимпичъ, чтобы склонить Гарашанина къ скорѣйшему внесенію предложенія о скупщинѣ въ совѣтъ. При этомъ свиданіи Алимпичъ раскрылъ министру, какъ много уже было сдѣлано для возбужденія въ народѣ мысли о необходимости скупщины. Гарашанинъ обѣщалъ поговорить о томъ на другой день въ совѣтѣ. Князя въ это время не было въ Бѣлградѣ; еще 30-го іюля онъ выѣхалъ во внутренніе округи. 8-го августа Гарашанинъ явился въ совѣтъ, въ числѣ секретарей котораго былъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ членовъ либеральной партіи, Ефремъ Груичъ, и сталъ представлять державнымъ совѣтникамъ, какъ давно цѣлый народъ желаетъ созванія скупщины, какъ эти желанія превратились теперь въ прямое требованіе, какъ дѣло дошло уже до того, что надо или созвать скупщину, или предпринять чрезвычайныя мѣры строгости для сохраненія порядка: «разсудите же хорошенько, заключилъ онъ, можемъ ли мы подвергать народъ новымъ жертвамъ, новымъ страданіямъ; по моему мнѣнію, было бы благоразумнѣе созвать скупщину, чѣмъ приступать къ строгимъ мѣрамъ». Приверженцы Карагеоргіевича и члены придворной партіи, составляя въ совѣтѣ большинство, стали противиться предложенію министра, и совѣтъ разошелся, не придя ни къ какому заключенію. Гарашанинъ однакожь въ тотъ же день разослалъ циркуляръ къ окружнымъ начальникамъ, въ которомъ извѣщалъ ихъ, что внесъ въ совѣтъ предложеніе о скупщинѣ; но такъ какъ вопросъ этотъ чрезвычайно важенъ, то надо обсудить его обстоятельно, и потому окружныя начальства должны, предупреждая желанія народа, склонять его къ терпѣнію. То же самое совѣтовалъ онъ Іовану Иличу и другимъ членамъ либеральной партіи, отправлявшимся подготовлять народъ къ скупщинѣ. Эти приверженцы скупщины писали съ дороги Гарашанину объ общемъ расположеніи народа въ пользу скупщины, о томъ, что въ народѣ разошелся слухъ о предложеніи, которое министръ сдѣлалъ совѣту, что эти слухи произвели въ народѣ благопріятное впечатлѣніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ убѣждали его не бояться анархіи, если народъ соберется, даже и не будучи позванъ на скупщину, увѣряя, что при этомъ

не будетъ отнято ни у кого и кукурузнаго зерна, и что, напротивъ, такое движенiе въ народѣ можетъ только помочь ему выманить у совѣта постановленiе о созванiи скупщины. Между тѣмъ князь путешествовалъ по Сербiи и, побывавъ въ Крагуевцѣ, посѣтилъ Бумбаревъ-Верхъ, мѣсто полное историческихъ воспоминанiй, ибо на немъ въ концѣ XVII вѣка патрiархъ Арсенiй Черноевичъ собралъ сербовъ и переселился съ ними въ Австрiю; заѣхалъ потомъ въ Карановацъ, гдѣ ему устроена была самая торжественная встрѣча, и къ дивному памятнику древней сербской славы—царoставной Жичѣ. На возвратномъ пути оттуда, Карагеоргiевичъ останавливался въ своемъ имѣнiи и мѣстѣ рожденiя отца своего, Тополѣ. Отсюда онъ прислалъ письмо Гарашанину, въ которомъ упрекалъ его, что администрацiя министерства внутреннихъ дѣлъ не принимаетъ никакихъ мѣръ къ опроверженiю слуховъ, волнующихъ народъ; а между тѣмъ окружной начальникъ Крагуевца извѣщалъ Гарашанина, что князь намѣренъ смѣнить всѣхъ министровъ по возвращенiи своемъ въ Бѣлградъ. Придворная же партiя распространяла по Бѣлграду сплетни въ родѣ слѣдующихъ: Вучичъ де преданъ туркамъ, а Гарашанинъ французамъ и мѣшаютъ князю самому созвать скупщину; и въ то же время одинъ изъ родственниковъ Карагеоргiевича, желавшаго удалить Гарашанина отъ управленiя внутренними дѣлами, приходилъ къ нему и предлагалъ мѣсто представника и попечителя иностранныхъ дѣлъ. Въ виду такого положенiя партiй, министры подумывали и сами подать въ отставку и возвратиться такимъ образомъ въ совѣтъ. Но 23-го августа князь вернулся въ Бѣлградъ и имѣлъ разговоръ съ Гарашаниномъ объ отношенiяхъ министерства къ совѣту, и самъ уже предлагалъ ему мѣсто представника. Послѣ долгихъ переговоровъ, Гарашанинъ изъявилъ готовность принять это званiе, однакожъ съ условiемъ, что самъ выберетъ преемника себѣ по министерству внутреннихъ дѣлъ. Карагеоргiевичъ отказалъ въ этомъ наотрѣзъ. Онъ находился въ странномъ для владѣтельнаго князя положенiи: число его приверженцевъ съ каждымъ днемъ рѣдѣло; вѣрнѣйшiе изъ нихъ засѣдали въ совѣтѣ и составляли тамъ большинство. Еслибы князь захотѣлъ составить изъ нихъ новое министерство, черезъ то ослабилъ бы свою партiю въ совѣтѣ, не говоря уже о томъ, что такая перемѣна противорѣчила примиренiю, заключенному при посредствѣ турецкихъ

комисаровъ. Оставляя же министерство въ рукахъ своихъ противниковъ, князь ничѣмъ не былъ обезпеченъ отъ новаго представленія съ ихъ стороны въ пользу народной скупщины; правда, сохранившееся съ совѣтѣ большинство опять отвергло бы это предложеніе, но чрезъ то возобновились бы прежнія несогласія. Въ эти минуты Карагеоргіевичъ представлялъ собою поучительный примѣръ для владѣтелей, отстороняющихся отъ своего народа и ищущихъ поддержки извнѣ.

Между тѣмъ окружные начальники вновь прислали въ министерство внутреннихъ дѣлъ такія донесенія, что нельзя было долѣе сомнѣваться въ желаніи народа прибыть на скупщину. Члены либеральной партіи исполнили свое дѣло успѣшно. Въ народѣ не только требовали созванія скупщины, но и открыто поговаривали о необходимости возвратить Обреновичей. Въ неизданныхъ запискахъ одного изъ безпристрастнѣйшихъ сторонниковъ изгнанной династіи, Стевчи Михайловича, игравшаго важную роль во время святоандреевской скупщины, описаніе событій 1858 года начинается такими словами: «Въ этомъ году, съ кѣмъ бы изъ сербовъ я ни завелъ разговоръ объ Обреновичахъ, всякій выражалъ радость и отвѣчалъ мнѣ: «Какое бы счастіе, еслибы кто нибудь отважился возвратить ихъ! мало такихъ, кто бы воспротивились, но всѣ бы пристали къ тому, кто бы взялся за это дѣло». Объ этомъ говаривалъ я съ сельчанами, съ кметами, съ священниками, съ чиновниками, а всего чаще съ торговцами, и всего болѣе съ продавцами рогатаго скота и свиней, постоянно живущими съ народомъ, и всѣ мнѣ отвѣчали почти одно и то же. О такомъ положеніи дѣлъ я сообщалъ князю Милошу, проживавшему тогда въ Валахіи, чрезъ вѣрныхъ людей, и князю Михаилу, жившему въ Иванкѣ (въ Венгріи), но они какъ будто не хотѣли знать о томъ». Но сторонникамъ Обреновичей приходилось еще выжидать разрѣшенія самаго вопроса о народной скупщинѣ. Наконецъ Гарашанинъ внесъ 3-го сентября письменное предложеніе о томъ въ общее собраніе совѣта. На словахъ онъ говорилъ, что народъ теряетъ довѣренность къ правительству, не видя распоряженій о созваніи скупщины, и ссылался на доставленныя къ нему мнѣнія окружныхъ начальниковъ; письменно предлагалъ, «чтобы вопросъ о народной скупщинѣ былъ возможно скорѣе разсмотрѣнъ и рѣшенъ, и на основаніи этого рѣшенія высочайше одобрены правила о составѣ и порядкѣ скупщины». Послѣ нѣсколькихъ возраженій совѣтъ опре-

дѣлилъ: созвать именно эту одну скупщину. Не имѣя болѣе возможности сопротивляться народнымъ желаніямъ, правительство и совѣтъ вознамѣрились связать ихъ особыми правилами, дѣйствительными только для этой скупщины. Совѣтники, принадлежавшіе къ большинству, уже знали, что князь подтвердитъ опредѣленіе совѣта, если въ немъ будетъ сказано лишь объ одной скупщинѣ; а потому въ томъ же засѣданіи избрана была и коммисія, долженствовавшая составить правила для предстоящей скупщины. Въ эту коммисію назначены были: предсѣдателемъ Вучичъ, какъ президентъ совѣта, членами—всѣ четыре попечителя: Гарашанинъ, Црнобарацъ, Магазиновичъ и Вельковичъ, изъ совѣтниковъ: Лазарь Арсеньевичъ (Баталака), Еремичъ, Ацика Ненадовичъ и Майсторовичъ, а секретаремъ Ефремъ Груичъ. Послѣдній, по тогдашнимъ понятіямъ въ Сербіи о секретарскихъ обязанностяхъ, приготовилъ въ тотъ же день проектъ закона о скупщинѣ, согласный съ желаніями либеральной партіи, на основаніи котораго члены коммисіи могли бы выработать самый законъ. Князь тогда же подтвердилъ рѣшеніе совѣта, о чемъ на другой день и было помѣщено извѣстіе въ бѣлградскихъ газетахъ, а попечителемъ внутреннихъ дѣлъ сообщено окружнымъ начальникамъ.

Первое засѣданіе коммисіи происходило 5-го сентября. Когда члены стали разсматривать проектъ, представленный секретаремъ, то уже самое введеніе къ нему вызвало возраженія. Въ немъ было сказано: «Соображаясь съ народнымъ обычаемъ, ведущимся изстари, по коему народъ нашъ отъ времени до времени собирается на скупщину для совѣщаній объ общенародныхъ дѣлахъ, и находя, что исполненіе этого обычая вполнѣ отвѣчаетъ правильному теченію земскихъ дѣлъ, мы рѣшили, чтобы созвана была народная скупщина, и потому опредѣлили и опредѣляемъ слѣдующій законъ о скупщинѣ». Одинъ изъ ближайшихъ сторонниковъ князя, Ацика Ненадовичъ, высказалъ по этому поводу мнѣніе, что не слѣдуетъ говорить о народномъ желаніи, ибо эти слова дали бы поводъ говорить, что правительство дѣйствовало по принужденію; а лучше бы сказать, что правительство заблагоразсудило созвать скупщину. Но когда Лазарь Арсеньевичъ, извѣстный собираніемъ матеріаловъ для исторіи Кара-Георгія, возразилъ: «Не такъ! скупщина лежитъ въ обычаяхъ и въ духѣ народа, стало быть, надо сказать, что мы только хотимъ выполнить этотъ старинный обычай;

всѣ вы знаете, что народъ и въ древнѣйшія времена, и въ новыя при Кара-Георгіи и при князѣ Милошѣ, собирался на скупщины, и всякія дѣла рѣшаемы были со скупщиной»,—члены коммисіи согласились оставить введеніе въ законъ безъ измѣненія. Составитель проекта видимо желалъ, чтобы въ самомъ предисловіи къ закону высказано было, что народная скупщина основывается не на писанныхъ законахъ, которые тогдашпяя законодательная власть могла или не издать, или издавши опять отмѣнить, но на обычномъ правѣ, вытекающемъ изъ народныхъ потребностей и живущемъ въ народной совѣсти, которая постоянно стремится осуществить его. За принятіемъ введенія, возникъ вопросъ: слѣдуетъ ли помѣщать въ законѣ, что скупщина впредь будетъ созываться правильно и всякій годъ? Гарашанинъ и Ненадовичъ объявили, что настоящій законъ составляется только для текущей скупщины, а о другихъ не слѣдуетъ говорить. Только Вучичъ замѣтилъ: «Э! знать опять хотимъ обманывать народъ? Это ни къ чему не поведетъ». Общее молчаніе, наступившее затѣмъ, прервано было словомъ Гарашанина: «Ну, далѣе!» Тѣмъ не менѣе вопросъ о правильномъ созываніи скупщины поднятъ былъ еще разъ во второмъ засѣданіи коммисіи, происходившемъ на слѣдующій день. Въ самомъ началѣ его, Еремичъ сталъ говорить: «Не будемъ откладывать, но теперь же рѣшимъ и поставимъ законъ, что скупщина должна быть всякій годъ». Его старался удержать Ненадовичъ, доказывавшій, что «коммисія не можетъ ни разсуждать о томъ, ни рѣшать того дѣла, ибо опредѣленіе совѣта и князя ясно говоритъ, что скупщина созывается только на сей разъ, и что лишь о ней долженъ быть изданъ законъ». Но Еремичъ сталъ возражать ему: «Совсѣмъ не такъ! пусть это рѣшатъ совѣтъ и князь, когда поднесемъ имъ; а наше дѣло предложить, чтобы потомъ было упомянуто въ законѣ». Попечитель финансовъ, Вельковичъ, поспѣшилъ утѣшить его: «Не бойся! на скупщинѣ сами депутаты потребуютъ того первые»; а Вучичъ прибавилъ: «Я первый скажу имъ, чтобы не расходились, пока не получатъ того». Представлялся еще спорный вопросъ: могутъ ли попечители и совѣтники засѣдать въ скупщинѣ? Но Вучичъ на это замѣтилъ: «Нашъ совѣтъ такъ дѣйствовалъ, что изъ-за него не стóитъ грабить народъ; я бы хотѣлъ ужь лучше сидѣть въ скупщинѣ, чѣмъ въ совѣтѣ». Среди такихъ препирательствъ, вопросъ о будущихъ скупщинахъ былъ оставленъ

во мракѣ неизвѣстности, что еще болѣе усилило недовѣріе между правительственною и оппозиціонною нартіями. Между тѣмъ какъ въ сербскихъ, такъ и въ австрійскихъ газетахъ стали появляться статьи о важности народной скупщины и необходимыхъ для ея членовъ свойствахъ. Даже «Сербскія Новины» выражали желаніе, чтобы не повторилась скупщина 1848 года. 12-го сентября коммисія окончила свои занятія и представила совѣту проектъ временнаго закона *одной* только скупщины, въ которомъ опять-таки не упоминалось, а предоставлено было позднѣйшему рѣшенію время, когда должна быть созвана самая скупщина. Не задолго до того «Pester Lloyd» (отъ 9 сентября) напечаталъ у себя извѣстіе, что большинство членовъ сербскаго совѣта враждебно относится къ вопросу о скупщинѣ. Совѣтъ взволновался и пригласилъ министра народнаго просвѣщенія запретить доступъ въ Сербію помянутой газетѣ, тѣмъ болѣе, что австрійское правительство за нѣсколько недѣль предъ тѣмъ наложило такое же запрещеніе на «Сербскія Новины». Но министръ не исполнилъ желанія совѣта. Тогда совѣтники, стараясь доказать другъ другу и всему свѣту, что они всѣ до одного стоятъ за скупщину, позаботились, чтобы въ бѣлградской газетѣ напечатано было возраженіе пештскому журналу. Это заявленіе произвело въ Сербіи выгодное для совѣта впечатлѣніе. Еще неопытные въ политической жизни, жители Бѣлграда не знали, какъ далеко назадъ можетъ отступить реакція, на которую расчитывали приверженцы князя; даже нѣкоторые изъ членовъ либеральной партіи сильно ошибались, полагая, что придворная партія волей или неволей должна уже идти впередъ по пути, указанному народными желаніями.

15-го сентября явились въ засѣданіе совѣта всѣ попечители, и Стефанъ Магазиновичь, княжескій представникъ и попечитель иностранныхъ дѣлъ, объявилъ присутствію: какъ вчера паша бѣлградской крѣпости посѣтилъ князя и сообщилъ ему о телеграмѣ, присланной къ нему Портою, которою запрещается созваніе скупщины; а Гарашанинъ прибавилъ къ этому, что, по мнѣнію министерства, не слѣдуетъ слушаться такого приказанія Порты. Приверженцы князя съ радостію ухватились за распоряженіе Порты, которое уже было извѣстно имъ, и о которомъ противники ихъ говорили, что оно по просьбѣ князя исходатайствовано у Порты Австріей. Опираясь на него придворная

партія старалась пріостановить дальнѣйшее распоряженіе по дѣлу о скупщинѣ. Слухъ объ этомъ, быстро разнесшійся въ народѣ, еще болѣе возстановилъ народную партію противъ князя и совѣтниковъ, а съ другой усилилъ волненіе умовъ, которымъ могло воспользоваться министерство въ своемъ представленіи Портѣ, чтобы, не компрометируя себя предъ нею, оправдаться тѣмъ, почему оно не можетъ отказаться отъ созванія скупщины. И дѣйствительно, 26-го сентября опять явились въ совѣтъ всѣ попечители, и Гарашанинъ объявилъ, что Порта взяла назадъ свое требованіе. Теперь оставалось постановить правила для скупщины на основаніи проекта, внесеннаго комисіей, коимъ должны были воспользоваться, согласно своимъ намѣреніямъ, съ одной стороны, князь и вѣрное ему большинство совѣта, а съ другой, министерство и меньшинство совѣтниковъ. Либеральная же партія, не имѣвшая совѣщательнаго голоса ни при дворѣ, ни въ совѣтѣ, ни министерствѣ, желала только одного, чтобы созвана была хоть одна скупщина и на какихъ угодно основаніяхъ. Она приготовилась воспользоваться для своихъ цѣлей первою же скупщиной, созванной при такихъ ограниченныхъ условіяхъ. Но лишь 28-го октября князь подписалъ правила о скупщинѣ, хотя и на сей разъ параграфомъ восьмымъ за правительствомъ оставлялось право рѣшить впослѣдствіи, гдѣ и когда должна засѣдать скупщина. Въ виду такой медленности сербскаго правительства, австрійскія газеты опять стали говорить о несогласіяхъ и раздорахъ, царствующихъ въ официальныхъ кружкахъ Сербіи. Бѣлградскія газеты ограничивались голословной полемикой противъ нападеній чужеземной журналистики. Но только 7-го ноября обнародованъ былъ законъ о скупщинѣ, а 11-го объявлено, что она соберется въ Бѣлградѣ въ день св. Андрея Первозваннаго. Тогда же министерство внутреннихъ дѣлъ пригласило окружныя начальства произвести выборы народныхъ представителей. Вечеромъ того же дня прибылъ въ Бѣлградъ Кабули-ефенди, посланный снова въ качествѣ комисара Порты. Онъ представилъ князю письмо великаго визиря, указывавшаго Кара-Георгіевичу на Кабули-ефенди, какъ на человѣка опытнаго и разумнаго *).

---

*) Lettre vizirielle, écrite au prince de Servie le 3 Rebiul-akher 1275 (9 Nov. 1858).

„Certaines questions s'étant élevées entre l'administration Serbe et le gouver-

Уже бѣлградскіе выборы, происходившіе 16-го ноября, указали отчасти на характеръ предстоящей скупщины. Либеральная партія желала провести на этихъ выборахъ одного изъ членовъ своихъ, Милована Янковича; но такъ какъ онъ состоялъ на службѣ, а скупщинскій законъ не позволялъ избирать чиновниковъ въ народные представители, то друзья Янковича убѣ-

neur Ottoman de la forteresse de Belgrade, sur des points rélatifs aux forteresses Imperiales de Servie et sur d'autres matières, Cabouli-effendi, secrétaire général des affaires étrangères, a été designé par un decret Imperial pour se rendre en mission speciale en Servie à l'effet de proceder aux enquètes necessaires pour arriver à la solution la plus favorable et d'informer le gouvernement de ce que la situation exige.

„Cette mission coincide avec la réunion de l'assemblée nationale dont la convocation a été reclamée pour discuter certains points relatifs à l'administration interieure de la Servie. Or, comme V. E. sait, ainsi que toute la nation Serbe, que la Porte veut le maintien intégral des privilèges et des immunitès accordés à la Servie, en même temps que la réalisation de tout ce qui peut augmenter le bien-être des populations, et que S. M. le Sultan a toujours fai et confiance entière dans la loyauté et la sincérité du peuple Serbe, il est certain, que l'assemblée s'efforcera dans l'accomplissement de son mandat de répondre à l'attente de la S. Porte. Vous pourrez d'ailleurs reconnaitre par la présence de son commissaire l'ésprit bienveillant du Gouvernement Ottoman et trouver un puissant appui dans son concours, favorable pour les améliorations (réformes) à opérer.

„Cabouli-effendi a l'ordre d'agir dans ce sens et comme il est personellement instruit de la pensée du Gouvernement ainsi que de l'état de la Servie, et comme il est doué d'un ésprit sage et profond, je ne doute pas que le choix qu'on a fait de sa mission ne puisse être considéré comme un témoignage public du haut interét que le Sultan porte à la Servie.

„J'ai également le ferme espoir, qu'à son arrivée Cabouli-effendi trouvera tant pour lui-même que pour l'objet de sa mission toute l'assistance et les facilités désirables auprés de V. E. et de l'administration Serbe.

„C'est à cette fin que je Vous adresse cette lettre".

Это письмо, образецъ уклончиваго языка Турецкой дипломатіи, даже передъ Карагеоргіевичемъ скрывало главную цѣль пріѣзда Кабули-эфенди, прикрывая ее сначала вопросомъ о крѣпостяхъ, о которомъ сей чиновникъ Порты не проронилъ ни слова въ своихъ сношеніяхъ съ сербскимъ министерствомъ. А между тѣмъ Кабули-эфенди привезъ съ собой фирманъ, которымъ, на случай сверженія Карагеоргіевича, Вучичъ, Гарашанинъ и Миша Анастасьевичъ признавались каймакамами, т. е. намѣстниками княжескаго достоинства. Событія не дозволили имъ воспользоваться симъ фирманомъ, и о самомъ существованіи его мало кто зналъ тогда. Но въ 1863 году, когда теперешній представитель Сербіи при Портѣ, Филиппъ Христичъ, сопровождалъ княгиню Юлію въ Лондонъ, онъ успѣлъ достать копію съ этаго акта, сообщеннаго въ 1858 году Портою англійскому министерству иностранныхъ дѣлъ, и послалъ ее въ Бѣлградъ князю Михаилу. Ниже мы встрѣтимся съ этимъ актомъ.

дили его подать въ отставку, ручаясь за успѣхъ выборовъ. Избирательное засѣданіе происходило въ большомъ полицейскомъ зданіи, и въ немъ принимали участіе горожане, духовенство, гражданскіе и военные чиновники. Управитель города, Никола Христичъ, прочелъ всѣ относящіеся къ скупщинѣ правительственные акты, и за тѣмъ удалился изъ залы вмѣстѣ съ полиціей. Предсѣдатель бѣлградской общины, Гр. Іовановичъ, открылъ засѣданіе, пригласивъ присутствующихъ избрать счетчиковъ поданныхъ голосовъ и приступить къ избранію четырехъ депутатовъ. Собраніе было многочисленно; засѣданіе продолжалось болѣе семи часовъ, подача голосовъ совершалась въ чрезвычайномъ порядкѣ и обнаружила не ожиданное придворною партіей согласіе въ городскихъ избирателяхъ. Когда поручикъ Бели-Марковичъ, еще предъ открытіемъ засѣданія, пригласилъ Янковича заявить предъ избирателями, подастъ ли онъ просьбу объ увольненіи изъ службы, если будетъ выбранъ въ депутаты, всѣ съ удовольствіемъ выслушали утвердительный отвѣтъ Янковича. Когда же одинъ изъ сторонниковъ двора, поэтъ и публицистъ старой школы, Матія Банъ, переселившійся въ Сербію изъ Далматіи и написавшій во время восточной войны гимнъ султану, вздумалъ было давать совѣты горожанамъ, кого слѣдуетъ избирать; то былъ выпровоженъ присутствующими изъ избирательной залы. Въ избраніи участвовало 496 человѣвъ и четыре кандидата получили громадное большинство: Михайло Барловацъ, чиновникъ въ отставкѣ, получилъ 471 голосъ; капитанъ Миша Анастасьевичъ, оптовый торговецъ солью,—452; Милованъ Янковичь, секретарь министерства финансовъ,—411 голосовъ; Георгій Акимовичъ купецъ—397. Остальные голоса раздѣлились между 28 кандидатами, изъ коихъ большинство получило самое незначительное число голосовъ. Когда выборы кончились, одинъ изъ горожанъ, предсѣдатель примирительнаго суда, обратился къ выбраннымъ депутатамъ съ словами: «Городская скупщина избрала васъ своими представителями, ибо надѣется, что вы вполнѣ сумѣете защитить народную честь и наши общіе интересы на предстоящей народной скупщинѣ; мы всѣ имѣемъ довѣріе къ вамъ, и потому просимъ принять на себя эту важную и многотрудную обязанность». Такъ какъ Барловацъ былъ уволенъ въ отставку съ сохраненіемъ чиновничьихъ правъ, а Янковичъ еще не успѣлъ подать своей просьбы; то избиратели просили ихъ отказаться отъ своихъ служебныхъ правъ. Оба депутата заявили, что счи-

тають за величайшую честь и счастіе для себя пожертвовать личными интересами на пользу общаго дѣла. Засѣданіе кончилось выдачею депутатамъ ихъ полномочій. Придворная партія, узнавъ о результатѣ выборовъ, подняла крикъ противъ ихъ незаконности. указывая на избраніе двухъ лицъ съ чиновными правами и ссылаясь на удаленіе изъ залы Матія Бана. Нѣкоторые изъ приверженцевъ князя требовали даже кассированія бѣлградскихъ выборовъ. Между тѣмъ Янковичъ подалъ просьбу объ отставкѣ, но получилъ ее уже тогда, какъ скупщина открылась, и потому, по требованію коммисіи, пересматривавшей полномочія депутатовъ, назначены были дополнительные выборы, на которыхъ присутствовало 627 избирателей, и только трое изъ нихъ подавали свои голоса за другихъ кандидатовъ, остальные подали за Янковича. Столь же успѣшно для либеральной и народной партіи прошли выборы и въ другихъ мѣстностяхъ Сербіи. Такъ на примѣръ въ Ягодинѣ кандидатомъ этихъ партій выступилъ Стевча Михайловичъ, получившій не задолго до выборовъ письмо отъ своихъ бѣлградскихъ друзей, приглашавшее его отказаться отъ всего, что лишило бы его права быть народнымъ представителемъ, при чемъ высказывалась надежда, что его выберутъ предсѣдателемъ или товарищемъ предсѣдателя народной скупщины, и что всѣ жители Бѣлграда будутъ на сторонѣ народной партіи. Стевча Михайловичъ былъ избранъ единогласно своими согражданами, а другой его товарищъ получилъ 292 голоса изъ 317.

Въ составъ святоандреевской скупщины вошли представители двоякаго рода. Одни вступили въ нее по своему служебному положенію и званію; къ таковымъ принадлежали: предсѣдатель кассаціоннаго суда, предсѣдатели двухъ отдѣленій суда аппеляціоннаго, предсѣдатель бѣлградскаго и 17 предсѣдателей окружныхъ судовъ, столько же окружныхъ начальниковъ, правитель Бѣлграда и 21 депутатъ отъ духовенства. На скупщинѣ имѣли право присутствовать и сербскіе архіереи, но они обыкновенно являлись только въ день ея открытія и закрытія, или по поводу какихъ либо торжественныхъ случаевъ. Народныхъ же депутатовъ отъ городовъ и сельскихъ общинъ на святоандреевской скупщинѣ было 337. За нѣсколько дней до открытія засѣданій, стали прибывать въ столицу княжества народные депутаты, нерѣдко сопровождаемые тѣми изъ своихъ согражданъ, которые живо интересовались общимъ дѣломъ, столько

лѣтъ не предлагавшимся на обсужденіе народа. Давно уже Бѣлградъ не видалъ на своихъ улицахъ такого народнаго оживленія, давно уже его жители не имѣли въ своихъ домахъ стольких гостей изъ внутреннихъ округовъ Сербіи; давно не соединялись представители сербскаго народа въ такомъ общемъ желаніи видѣть скорую перемѣну къ лучшему въ своемъ отечествѣ. Народное оживленіе поддерживалось еще и тѣмъ, что между высшими представителями чиновнаго міра, между самими жителями Бѣлграда и между народными депутатами стали ясно выдѣляться политическія партіи, имѣвшія на сей разъ опредѣленныя програмы.

Наименьшая по числу своихъ членовъ партія могла быть названа придворною. Къ ней принадлежали близкіе родственники Карагеоргіевича, члены совѣтскаго большинства, возвысившіеся при этомъ князѣ и тѣсно связанные своими интересами съ его судьбою, немногіе изъ чиновниковъ, принадлежавшіе нѣкогда къ партіи уставобранителей и все еще державшіеся стараго значенія ея, и толпа придворныхъ ласкателей, всегда покидающихъ своего владѣтеля въ минуты опасности. Вотъ и всѣ люди, желавшіе тогда удержать на сербскомъ престолѣ Александра Карагеоргіевича. Но эта партія поражена была въ самое сердце еще до открытія засѣданій скупщины. По издавна установившемуся обычаю, предъ открытіемъ скупщины, совершено было торжественное молебствіе, послѣ котораго члены скупщины приглашены были въ княжескій дворецъ къ парадному столу. Но громадное большинство народныхъ депутатовъ не приняло княжескаго зова; въ пустые залы явились только лица, облеченныя въ оффиціальныя званія; смущенный Карагеоргіевичъ даже не вышелъ къ столу. Но дворцовая партія не унывала. Она очень хорошо знала, что приготовлялось ея противниками, и за нѣсколько дней до открытія скупщины, когда уже выяснился характеръ депутатскихъ выборовъ, стала готовиться къ борьбѣ и составила програму дѣйствій «для охраненія какъ нынѣ, такъ и въ будущемъ, народнаго счастія и благосостоянія». Програма эта, состоявшая изъ 43 правилъ, была не что иное, какъ инструкція для полицейскихъ и военныхъ начальствъ. Она предписывала пополнить оружіемъ и пороховою казною бѣлградскія казармы; не пускать туда никого безъ разрѣшенія дежурнаго офицера, не только ночью но и днемъ; избрать изъ унтеръ-офицеровъ трехъ, наи-

болѣе способныхъ къ шпіонству, и образовать изъ нихъ тайный надзоръ за товарищами; по городскимъ улицамъ разставить наиболѣе вѣрныхъ между солдатами; умножить число пожарныхъ; подчинить жандармовъ съ ихъ начальникомъ Іовицей господину Никольчету, котораго назначить сперва тайнымъ, потомъ явнымъ начальникомъ всей полиціи, а Хранисавлевича—верховнымъ вождемъ всего войска; съ 28-го ноября не выпускать офицеровъ изъ казармъ на ночь, а рядовыхъ и днемъ, не фрунтовыхъ же офицеровъ ни подъ какимъ предлогомъ не впускать въ казармы; приготовить къ тому дню подводы подъ аммуницію и багажъ войска; въ случаѣ надобности перевезти изъ министерства финансовъ въ казармы всю кассу, принявъ ее подъ росписку и опечатавъ; держать всегда на готовѣ кавалерійскій отрядъ. На случай какихъ либо рѣшительныхъ дѣйствій со стороны скупщины принято было, чтобы князь никогда не отдѣлялся отъ войска, развлекалъ его увеселеніями, а въ день св. Андрея выдалъ отъ себя вина солдатамъ, каждаго бы изъ нихъ принималъ любезнымъ образомъ, требуя въ то же время почтенія къ себѣ. Когда скупщина приступитъ къ перевороту; то предполагалось дѣйствовать по такому плану: главныхъ зачинщиковъ переворота перебить подъ прикрытіемъ солдатскаго мятежа, не подвергая за то солдатъ никакому суду; другихъ виновниковъ заковать и, назначивъ военный судъ надъ ними, наказать безъ всякаго милосердія, ибо «иначе пропадетъ земля»; министровъ лишить ихъ званія; издать прокламацію къ народу и позвать всѣхъ вѣрныхъ отечеству и князю, безъ особыхъ приказаній на то отъ мѣстныхъ властей, въ Крагуевацъ; остальныхъ членовъ скупщины пригласить къ повиновенію. если не уймутся, арестовать ихъ, убить тайно и закопать; приставшихъ къ нимъ по невѣдѣнію—щадить сколько возможно; въ Бѣлградѣ разставить экзекуцію по всѣмъ подозрительнымъ домамъ, о которыхъ будетъ объявлено въ свое время, а почтенныхъ людей щадить; господъ Іоксича и Радисава пригласить къ подачѣ просьбы о домашнемъ отпускѣ, и во время его лишить начальства; солдатамъ за все это время выдавать двойное жалованье и жизненные припасы въ большемъ количествѣ, позволить имъ весилиться, пьянствовать и т. д.; уставъ измѣнить, давъ господарю неограниченную власть и исходатайствовавъ его фамиліи наслѣдственныя права; министровъ и совѣтниковъ выбирать чрезъ каждые три года посредствомъ скупщинъ; совѣтникомъ можетъ быть избранъ

всякій, даже сельчанинъ, лишь бы былъ почтенный человѣкъ; количество войска увеличить, набирая въ него людей не моложе 20 лѣтъ со срокомъ службы на 4 года; военную администрацію совершенно измѣнить, наполнивъ ее людьми разумными изъ военныхъ же; жалованье офицерамъ повысить, а въ случаѣ выхода ихъ изъ войска, сравнивать съ полицейскими чиновниками; артиллерію умножить, прибавивъ по баттареѣ къ каждому изъ трехъ отдѣленій; систему вооруженія совершенно измѣнить; оружейный и литейный заводъ привести въ лучшее состояніе *).

Вторую партію, которую можно вполнѣ противупоставить партіи Карагеоргіевича, нельзя назвать въ собственномъ смыслѣ партіей. Отличаясь отъ предыдущей не только желаніемъ удалить Карагеоргіевича отъ престола, но и прямымъ намѣреніемъ возвратить княжеское званіе Обреновичамъ, эта партія была слишкомъ обширна для такого названія, ибо опиралась почти на общее желаніе всего населенія Сербіи. Но народъ, желавшій возвращенія Обреновичей, не могъ быть дѣйствующимъ лицомъ на скупщинѣ. Представители же этой партіи состояли большею частію изъ людей, пострадавшихъ за династію Обреновичей послѣ переворота 1842 года, и лицъ, приставшихъ къ нимъ вслѣдствіе разныхъ расчетовъ, или родственныхъ связей, или какихъ либо неудовольствій на существовавшее правительство. Между этими людьми не было однакожъ прочной связи, какая устанавливается твердою, опредѣленною програмою дѣйствій; не было и людей особенно выдававшихся своими способностями или политическою опытностію. Участвовавшіе въ заговорѣ 1857 года жили внѣ Сербіи **), а ста-

*) Эта програма реакціонной партіи составлялась, по видимому, нѣсколькими лицами и сохранилась въ нѣсколькихъ спискахъ, разнящихся между собою не только числомъ статей, но и нѣкоторыми подробностями въ содержаніи ихъ.

**) Между ними замѣчательными людьми были: Стефанъ Стефановичъ Тенька и Паунъ Янковичъ. Послѣдній потомъ самъ расказывалъ, что заговорщики 1857 года дѣйствительно хотѣли низвергнуть Александра Карагеоргіевича; но ихъ выдалъ австрійскій сербъ, бывшій управителемъ одного изъ имѣній князя Милоша. Онъ сообщилъ о ихъ намѣреніяхъ Алексѣю Симичу, считавшемуся преданнымъ слугою Карагеоргіевича и Порты (Рифатъ-паша въ своемъ письмѣ къ Карагеоргіевичу отъ 19 апрѣля 1853 года называлъ Алексѣя Симича, назначеннаго тогда попечителемъ иностранныхъ дѣлъ на мѣсто Гарашанина, «однимъ изъ вѣрнѣйшихъ рабовъ султана»), а Симичь передалъ все Николаевичу, послѣдній же княгинѣ Персидѣ, которая тогда жила на минеральныхъ водахъ и оттуда телеграфировала мужу. Заговорщики жаловались и русскому правительству на плачевное состояніе Сербіи чрезъ тогдашняго консула Мухина,

рый министръ князя Михаила, Георгій Протичъ, скончался не задолго до созванія скупщины, 24 ноября, и «Сербскія новины» почтили его память статьей, въ которой указывались его прежнія заслуги отечеству и вскользь упоминалось о страданіяхъ, претерпѣнныхъ съ 1842 года. Оставшiеся въ живыхъ приверженцы Обреновичей радовались раздору, возникшему внутри партіи уставобранителей, прежде столь сильной; но вслѣдствіе долгихъ преслѣдованій, заключеній и трудныхъ наказаній потеряли всякую рѣшительность и возможность начать дѣло и выжидали удара со стороны другихъ, болѣе энергическихъ людей. Наконецъ, всѣ они видѣли спасеніе Сербіи только въ призваніи Обреновичей, не думая ни о какихъ реформахъ въ управленіи, ни о самой скупщинѣ, которая имъ нужна была лишь для борьбы съ Карагеоргіевичемъ. Многіе изъ нихъ надѣялись получить при этомъ сторицею вознагражденіе за свою преданность изгнанной династіи. Вотъ почему они всѣ стояли за возстановленіе въ княжескомъ достоинствѣ стараго Милоша, который не сталъ бы стѣсняться въ своихъ дѣйствіяхъ противъ прежнихъ враговъ; между тѣмъ какъ молодой князь Михаилъ, въ извѣстномъ письмѣ 1853 года, заявилъ, что по его возвращеніи въ Сербію не будетъ никакихъ гоненій. Словомъ, эта партія сторонниковъ Обреновичей, дѣйствовавшая слѣпо, не могла руководить приближавшимся переворотомъ, хотя и была многочисленна.

Кому же должна была принадлежать во время святоандреевской скупщины дѣятельность, которая могла привести къ важнымъ для Сербіи послѣдствіямъ? Такихъ дѣйствующихъ партій было двѣ.

Первое мѣсто между ними занимала третья по общему счету партія, состоявшая изъ людей, находившихся въ послѣднее время въ правительственной оппозиціи Карагеоргіевичу и его приверженцамъ. Эти люди, принадлежавшіе нѣкогда къ ядру уставобранительской партіи, руководившіе въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ дѣлами Сербіи и обойденные въ послѣдніе годы родственниками Карагеоргіевича и сторонниками его, лично связаными съ интересами князя, — имѣли теперь большое значеніе у Порты, которо-

---

просили совѣта, какъ имъ поступать, и содѣйствія для удаленія Карагеоргіевича но не раскрывали вполнѣ своихъ замысловъ. Съ письмомъ о томъ же они посылали въ Вѣну на свой счетъ къ русскому посланнику Будбергу, Платона Симоновича, бывшаго нѣкогда въ русской службѣ. Тенька же имѣлъ свиданіе въ Пештѣ съ самимъ Милошемъ, уговорился съ нимъ насчетъ переворота и получилъ отъ него деньги.

рая довѣрчиво выслушивала всѣ ихъ обвиненія противъ князя и представленія объ опасности положенія дѣлъ въ Сербіи. Кабули-ефенди долженъ былъ съ ними дѣйствовать за одно. Къ этой партіи тянули всѣ люди, отпавшіе отъ Карагеоргіевича, считавшіе себя такъ или иначе обиженными его правительствомъ, но не покинувшіе своего нерасположенія къ Обреновичамъ. Вождями этой нартіи были: Ѳома Вучичъ, Илья Гарашанинъ и Миша Анастасьевичъ. Если планы ихъ не были ясны для другихъ партій, то сами они сходились между собой въ главномъ вопросѣ,—удаленіи Карагеоргіевича, въ чемъ имъ могли сочувствовать и остальныя партіи, кромѣ придворной. По низверженіи Карагеоргіевича, правительственная оппозиція расчитывала захватить въ свои руки дальнѣйшій ходъ событій, возлагая при этомъ большую надежду на Кабули-ефенди и на привезенный имъ фирманъ. Порядокъ событій, расчитанный троими вождями этой партіи, былъ подражаніемъ переворотамъ 1839 и 1842 годовъ: они думали низвергнуть Карагеоргіевича при помощи скунщины, составить изъ себя намѣстничество или временное правительсво и въ послѣдствіи созвать новую скупщину для избранія князя, при чемъ выборы депутатовъ на эту скупщину совершились бы подъ ихъ вліяніемъ. Но насчетъ кандидата на княжескій престолъ Вучичъ, Гарашанинъ и Анастасьевичъ не могли согласиться между собою. О Вучичѣ говорили, что онъ хочетъ возвести на княжескій престолъ одного изъ малолѣтнихъ сыновей Карагеоргіевича, чтобъ управлять самовластно Сербіей отъ имени новаго князя, что вполнѣ согласовалось съ властолюбивыми привычками стараго воеводы. О Мишѣ Анастасьевичѣ, богатѣйшемъ между Сербами, говорили, что онъ хочетъ возвести въ князья зятя своего Георгія Чернаго, княжескаго племянника. Гарашанинъ не выставлялъ своего кандидата, но между противниками распространено было подозрѣніе, будто бы онъ ищетъ княжеской власти для себя.

Наконецъ четвертая партія, получившая важное значеніе и вліяніе на дѣла уже во время самой скупщины, можетъ быть по справедливости названа народно-либеральною. Основу ея составляли младшіе представители сербской интеллигенціи, получившей образованіе большею частію за границей, которые главнымъ образомъ стремились къ утвержденію за народомъ права высылать своихъ депутатовъ на скупщину, созываемую въ опредѣленные сроки, въ порядкѣ, разъ навсегда установлен-

номъ, и къ введенію въ политическую и общественную жизнь Сербіи болѣе или менѣе либеральныхъ установленій съ наслѣдственною монархіей во главѣ. Въ случаѣ свержения Карагеоргіевича, чего наиболѣе желали и люди, безотчетно преданные Обреновичамъ, и вожди правительственной оппозиціи, народно-либеральная партія предпочитала всѣмъ возможнымъ кандидатамъ въ князья Обреновичей, при чемъ она охотнѣе предпочла бы молодаго князя Михаила старому Милошу, рѣшительно не способному раздѣлять управленіе страной съ народною скупщиной. Но такъ какъ большинство народа и партія безусловныхъ обреновцевъ желали начать возстановленіе этой династіи съ ея родоначальника, то народно-либеральная партія и сочла за лучшее соединить свои голоса въ пользу Милоша. Связью между этой партіей и безусловными приверженцами Обреновичей служили тѣ сторонники старой династіи, которые, заботясь главнымъ образомъ о ея возстановланіи, считали однакожь полезнымъ утверждение законныхъ правъ за народною скупщиной и введеніе нѣкоторыхъ либеральныхъ реформъ, почему и прозваны были сознательными обреновцами. А такъ какъ они впослѣдствіи дѣйствовали за одно съ молодыми либералами и терпѣли общее гоненіе, то вся эта партія стала извѣстна подъ именемъ партіи соединенныхъ либераловъ и сознательныхъ обреновцевъ.

Такимъ образомъ главный вопросъ, на который обращено было вниманіе всѣхъ партій и около котораго вращались всѣ ихъ усилія, сосредоточивался въ необходимости большихъ или меньшихъ перемѣнъ въ образѣ правленія, сознаніе которой развилось въ народѣ вслѣдствіе двадцатилѣтней борьбы между княжескою властью и старѣйшинами. Даже придворная партія, желавшая удержать верховную власть за Карагеоргіевичемъ, готова была на уступки въ виду враждебнаго къ ней расположенія народныхъ представителей, съѣхавшихся въ Бѣлградѣ, и не задумалась бы согласиться на разныя свободныя установленія; но ей уже не вѣрили, зная, что потомъ она нарушить всѣ свой обѣщанія. Партія правительственной оппозиціи также желала нѣкоторыхъ улучшеній въ управленіи, но при этомъ преслѣдовала свои личныя цѣли, нося въ своихъ дѣйствіяхъ всѣ задатки той упорной борьбы съ княземъ, на какую способны были и прежніе старѣйшины сербскаго народа. Безусловные приверженцы Обреновичей, не обладая ни предпріимчивостью, ни смѣлостью, столь же мало понимали сущность необходимыхъ для Сербіи реформъ,

какъ и карагеоргіевцы, ища лишь своихъ выгодъ въ раздорѣ, разложившемъ старинную партію уставобранителей. Но лучшіе изъ нихъ еще предъ началомъ скупщины поспѣшили примкнуть къ народно-либеральной партіи, политическая програма которой была ясна и рѣшительна. Эта партія имѣла то преимущество предъ всѣми остальными, что силу ея составляли наиболѣе образованные въ Сербіи люди, не утомленные никакими гоненіями, никакими личными расприми. Она была свободна отъ всякихъ несогласій внутри; ибо чужда была исключительныхъ предубѣжденій въ пользу того или другаго лица, и способна къ твердости и рѣшительности въ дѣйствіяхъ, что обыкновенно дается общностью и опредѣленностью убѣжденій. Все это давало ей такое положеніе, что въ извѣстныхъ вопросахъ она всегда могла найти содѣйствіе въ которой либо изъ остальныхъ партій, или сама оказать нужную помощь другой партіи въ вопросахъ общихъ съ нею. Партія Карагеоргіевича и партія правительственной оппозиціи имѣли вождей и мѣста для собраній, первая во дворцѣ и совѣтѣ, вторая въ домахъ Миши Анастасьевича, Вучича и Гарашанина. У партіи безусловныхъ обреновцевъ не могло быть ни вождей, ни средоточія, отчасти по тому, что нельзя же было выставлять открито и гласно до рѣшительнаго шага со стороны скупщины знамя Обреновичей, отчасти по тому, что эта партія состояла изъ людей устарѣвшихъ и отвыкшихъ отъ политической дѣятельности. Что же касается партіи народно-либеральной, то, не имѣя до сихъ поръ случая къ публичной дѣятельности, имѣя однакожъ въ средѣ своей не мало людей способныхъ и рѣшительныхъ, она всегда была готова быстро организоваться, выдвинуть впередъ вождей своихъ и найти около нихъ свое средоточіе.

Организація народно-либеральной партіи началась съ того, что сперва изъ среды ея выдѣлился небольшой кружокъ людей, участвовавшихъ въ подготовленіи народа къ движенію въ пользу непремѣннаго созванія скупщины. Изъ нихъ Іованъ Иличъ, по своему не требовательному и не властолюбивому характеру, былъ способнѣе другихъ начать дѣло сближенія между либералами и сознательными обреновцами. У него собрался этотъ первый кружокъ соединенныхъ либераловъ и обреновцевъ. Ихъ было шесть человѣкъ: Стевча Михаиловичъ, состоявшій въ давнихъ связяхъ съ Обреновичами и занимавшій различныя служебныя мѣста во времена Милоша и Михаила; Андрей Стаменковичъ, прибывшій на скупщину какъ предсѣдатель тюпрійскаго окружнаго суда

самъ Іованъ Иличъ, бывшій тогда професоромъ бѣлградской гимназіи; Ранко Алимпичъ, офицеръ и професоръ военной школы; Милованъ Янковичъ, недавній секретарь въ попечительствѣ финансовъ, и Еферемъ Груичъ, секретарь государственнаго совѣта. Только трое изъ нихъ принадлежали къ членамъ народной скупщины: Стаменковичъ по своему званію, Стевча Михайловичъ, какъ депутатъ отъ Ягодины, а Янковичъ какъ депутатъ отъ Бѣлграда. Но такъ какъ народная скупщина могла избирать своихъ секретарей изъ лицъ, не принадлежавшихъ къ ея составу, то Еферемъ Груичъ и Іованъ Иличъ, въ первомъ же засѣданіи, избраны были въ эти званія, первый громаднымъ большинствомъ голосовъ, второй 217 *).

Между членами первоначальнаго кружка соединенныхъ либераловъ и сознательныхъ обреновцевъ представителемъ послѣднихъ былъ Стевча Михайловичъ, пользовавшійся во всей Сербіи репутаціей человѣка безукоризненной честности. Онъ былъ близокъ къ Милошу еще въ тѣ времена, когда тотъ, освободивъ Сербію отъ турецкаго владычества, мало по малу подвигался къ княжескому званію, когда Милошъ былъ еще самоуправенъ и вмѣшивался даже въ частную жизнь своихъ приближенныхъ. Стевча Михайловичъ, исполнявшій неоднократно разныя служебныя порученія Милоша и чаще всего управлявшій таможнями въ Алексинцѣ, Смедеревѣ и Пожаревцѣ, не рѣдко сталкивался съ Милошемъ въ своихъ частныхъ дѣлахъ и отношеніяхъ. Въ не изданныхъ до сихъ поръ запискахъ Стевчи, читанныхъ мною по собственной рукописи автора во время моего прошлогодняго пребыванія въ Бѣлградѣ, расказаны съ чрезвычайно любопытными подробностями, характеризующими внутреннюю жизнь и нравы Сербіи, частная и служебная жизнь его до 1842 года. Изъ этихъ записокъ видна не только любознательность ихъ автора, но необыкновенная отчетливость въ исполненіи своихъ обязанностей и рѣшительность въ трудныя минуты. Переворотъ 1842 года засталъ его уже окружнымъ начальникомъ. На этомъ переворотѣ и прерываются записки Стевчи, дополненныя въ послѣдствіи небольшимъ расказомъ о святоандреевской скупщинѣ **). И теперь еще при самомъ непродолжительномъ зна-

*) За ними наибольшее число голосовъ (191) получилъ начальникъ полицейскаго отдѣленія при попечительствѣ внутреннихъ дѣлъ, Іованъ Ристичъ.

**) Нельзя не пожелать, чтобы записки Стевчи Михайловича появились ско-

комствѣ со Стевчею Михайловичемъ можно встрѣтиться съ неизчезнувшей въ его характерѣ чертою любознательности; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ представляется довольно рѣдкимъ между сербами типомъ человѣка добродушнаго, и хотя усвоившаго себѣ всѣ привычки европейской жизни, но еще сохранившаго и въ личныхъ взглядахъ и въ окружающей его обстановкѣ слѣды привязанности къ сербскимъ обычаямъ прежняго времени. Для полной характеристики этого лица можно прибавить, что въ его домѣ всегда можно встрѣтиться съ людьми всѣхъ партій, если только ихъ частная жизнь не подлежитъ порицанію. Андрей Стаменковичъ, нынѣ умершій, былъ гораздо моложе Стевчи Михайловича и началъ службу уже въ послѣднее время перваго правленія Михаила, но при Карагеоріевичѣ онъ не разъ терпѣлъ неудачи по службѣ. Съ 1847 года онъ былъ душою общества, называвшагося Дружиною сербской молодежи. Въ 1848 году онъ непріязненно отнесся къ вмѣшательству бѣлградскаго паши Мехмеда во внутреннія дѣла Сербіи, призваннаго къ тому самимъ сербскимъ правительствомъ, опасавшимся тогда происковъ Милоша. Стаменковичъ, выйдя изъ залы, гдѣ Мехмедъ давалъ наставленія сербскимъ чиновникамъ, къ стоявшей не подалеку толпѣ лицеистовъ, обратился къ нимъ, смущенный и невеселый, съ такими словами: «Еслибъ у меня не было надежды на молодое поколѣніе, что оно нѣкогда поправитъ все это, то я помѣшался бы отъ муки». Вскорѣ послѣ того насиліе, произведенное турецкимъ низамомъ въ лавкѣ одного бѣлградскаго купца, побудило Стаменковича и еще нѣсколькихъ чиновниковъ идти съ народомъ къ одному изъ членовъ правительства съ требованіемъ объ удаленіи турецкой стражи съ городскаго вала. Но правительство, вмѣсто удовлетворенія, нарядило надъ ними слѣдственную коммисію, что вызвало сильную оппозицію въ бѣлградскомъ населеніи: Общество сербской словесности поспѣшило избрать Стаменковича въ свои члены; а когда Стаменковичъ вмѣстѣ съ другими обвиняемыми былъ осужденъ на уда-

---

рѣе въ печати. Въ нихъ живо изображена общественная жизнь въ Сербіи до 1842 г. Особенно интересны расказы: о пребываніи семейства Стевчи въ Банатѣ послѣ разгрома 1813 года, о его поѣздкахъ въ Нишъ, таможенныхъ занятіяхъ, личныхъ и семейныхъ столкновеніяхъ съ Милошемъ, о происках старѣйшинъ противъ перваго князя и удаленіи его изъ отечества. Кромѣ того у автора сихъ записокъ хранится много документовъ того же времени, объясняющихъ и дополняющихъ его записки.

леніе изъ службы, бѣлградская община посылала три раза къ правительству депутацію съ письменнымъ протестомъ противъ такого осужденія. Въ 1849 году Стаменковичъ былъ дѣятельнѣйшимъ членомъ коммисіи, собиравшей пожертвованія въ пользу банатскихъ сербовъ, пострадавшихъ отъ мадьяръ. Въ 1851 году, когда закрыта была Дружина сербской молодежи, по требованію бѣлградскаго паши, жаловавшагося на рѣчи, произносимыя въ ея общихъ собраніяхъ, Стаменковичъ былъ переведенъ изъ Бѣлграда въ Чачакъ. Наконецъ онъ былъ извѣстенъ сербскому обществу какъ человѣкъ, постоянно помогавшій бѣднымъ ученикамъ, ежегодно жертвовавшій опредѣленную сумму въ школьный фондъ Сербіи и содѣйствовавшій развитію народнаго театра. Стаменковичъ, подобно Стевчѣ Михайловичу, не ѣздившій въ Европу для полученія высшаго образованія, былъ однакожь почитаемъ молодымъ поколѣніемъ и находился въ дружбѣ со многими изъ образованнѣйшихъ тогда въ Сербіи людей. Прибывъ на скупщину въ качествѣ предсѣдателя окружнаго суда, Стаменковичъ имѣлъ одно твердое намѣреніе—высказать предъ княземъ и скупщиною полное неодобреніе всѣмъ вкравшимся въ управленіе злоупотребленіямъ, потребовать устраненія ихъ и принятія болѣе удовлетворительныхъ установленій. Но разговаривая съ своими друзьями о взаимномъ положеніи партій, о ихъ разнородныхъ стремленіяхъ и о различіи будущихъ послѣдствій, которыя должна испытать страна, смотря по тому, какая партія восторжествуетъ, Стаменковичъ обнаруживалъ сильное душевное волненіе *).

Ранко Алимпичъ получилъ высшее военное образованіе въ Берлинѣ и предъ созваніемъ святоандреевской скупщины считался однимъ изъ лучшихъ професоровъ бѣлградской военной школы. Іованъ Иличъ, родомъ изъ Ресницы, изучалъ философію въ Вѣнѣ, и во время своего пребыванія въ Австріи ознакомился съ чешскимъ языкомъ и словесностью; возвратившись на родину, онъ сохранилъ дружественныя связи со многими изъ чешскихъ и словацкихъ патріотовъ. Въ Сербіи онъ былъ болѣе извѣстенъ, какъ любимый молодымъ поколѣніемъ поэтъ, умѣвшій сочетать въ своихъ произведеніяхъ съ красотою внѣшней формы глубоко прочувствованный народный духъ и языкъ **). Кромѣ того Иличъ

*) См. Живот. Андрие Стаменковича, описао *Еврем Груичь*. У Београду, 1869.

**) Срв. Србске Новине за 1858 г., № 77, гдѣ есть отзывъ о стихотвореніяхъ Илича.

въ 1858 году посылалъ корреспонденціи въ новосадскую газету «Србски Дневникъ» (подъ знакомъ §), въ которыхъ отстаивалъ необходимость народной скупщины. Милованъ Янковичъ и Ефремъ Груичъ были самыми дѣятельными и рѣшительными членами тѣснаго кружка соединенныхъ либераловъ и сознательныхъ обреновцевъ. Они почти въ одно время учились въ бѣлградскомъ лицеѣ и участвовали въ трудахъ Дружины сербской молодежи, находившейся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ славянскими кружками, процвѣтавшими тогда въ Пештѣ и Пресбургѣ. Груичъ былъ попеременно секретаремъ, вице-президентомъ и президентомъ Дружины, члены которой имѣли обычай во время лѣтнихъ вакацій странствовать по внутреннимъ округамъ Сербіи, сближаясь чрезъ то съ народомъ. Лѣтомъ 1848 года Груичъ присутствовалъ въ Карловцахъ на великой скупщинѣ австрійскихъ сербовъ, рѣшившихся защищать свои народныя права противъ мадьярскихъ притязаній; а къ Петрову дню того же года онъ явился на народную скупщину въ Крагуевцѣ, гдѣ нѣкоторые изъ членовъ дружины исполняли обязанности секретарей у депутатовъ отдѣльныхъ округовъ. Значительная часть депутатовъ, присутствовавшихъ на этой скупщинѣ, желала, чтобы впредь народная скупщина собиралась постоянно. Отъ имени петровской скупщины составлено было приглашеніе къ князю явиться среди нея, написанное молодыми членами дружины. Карагеоргіевичъ отвѣчалъ, что каждый округъ долженъ представить особую просьбу о народныхъ тягостяхъ. Груичъ и товарищи его исполнили и эту обязанность; представленіе отъ бѣлградскаго округа писано было Груичемъ; въ немъ между прочимъ отвергалась право Порты противиться созыву народныхъ скупщинъ въ Сербіи, а правительство упрекалось въ уступчивости предъ Портою. Карагеоргіевичъ отвѣчалъ, что Порта никогда не согласится на скупщину, ибо ему одному довѣрила сохраненіе порядка. Съ 1849 года Груичъ изучаетъ въ Гейдельбергѣ юридическія науки и слушаетъ профессоровъ: Цепфеля, Миттермайера, Роберта фонъ-Моля и Рау; Янковичъ тогда же ѣдетъ для изученія философскихъ и камеральныхъ наукъ въ Гейдельбергъ и посѣщаетъ Берлинъ. Затѣмъ оба они живутъ съ ученою цѣлію въ Парижѣ. Въ 1853 году они издаютъ тамъ вмѣстѣ небольшое сочиненіе подъ заглавіемъ «Les Slaves du Sud», довольно слабое относительно историческаго изложенія событій, но очень рѣшительное по направленію и написанное совершенно въ духѣ тогдашней французской публицистики. Газеты «Moniteur»

и «Journal des Débats» встрѣтили эту книжку одобреніемъ; но она произвела дурное впечатлѣніе въ Петербургѣ, запрещена была въ Австріи и конфискована въ Бѣлградѣ. Такъ какъ авторы ея видались съ Обреновичами, когда послѣдніе проживали въ Парижѣ, и такъ какъ лѣтомъ 1853 года явилось извѣстное письмо Михаила Обреновича къ сербскимъ старѣйшинамъ; то въ Бѣлградѣ поставили все это въ связь съ выходомъ вышеомянутой книжки. Авторы ея лишены были правительственныхъ стипендій и получили приказаніе возвратиться въ отечество; но тамъ имъ не давали никакихъ служебныхъ занятій. Тогда Груичъ снова поѣхалъ въ Парижъ на свой счетъ и получилъ степень лиценціата. Только въ концѣ 1854 года Груичъ и Янковичъ приняты были на службу, первый въ княжескую канцелярію, а второй въ канцелярію министерства народнаго просвѣщенія. Послѣ того Груичъ участвовалъ въ трудахъ разныхъ правительственныхъ учрежденій: въ 1856 году онъ былъ однимъ изъ редакторовъ докладной записки комитета, занимавшагося составленіемъ торговыхъ законовъ; въ 1857 году онъ написалъ для Общества сербской словесности статью о судебной организаціи въ Сербіи съ 1839 года, но министерство воспротивилось напечатанію ея; затѣмъ онъ былъ секретаремъ комисіи для составленія закона о кассаціонномъ судѣ, и на основаніи представленія этой комисіи кассаціонный судъ получилъ 25 января 1858 года новое устройство, поставившее его въ независимость отъ предписаній министерства, противныхъ закону; въ томъ же году онъ участвовалъ въ трудахъ комисіи, составлявшей законы о государственномъ контролѣ, и наконецъ участвовалъ въ составленіи закона о созваніи самой святоандреевской скупщины *). Милованъ Янковичъ, съ 1855 года до созванія скупщины, напечаталъ въ бѣлградскихъ газетахъ нѣсколько политико-экономическихъ статей, обратившихъ на себя особенное вниманіе молодаго поколѣнія. Наибольшею заслугою, которую признавали за нимъ и люди противныхъ партій, было личное участіе въ составленіи проекта, порученнаго совѣтомъ особой комисіи, на основаніи котораго учреждено было общее управленіе разныхъ народныхъ фондовъ, съ открытіемъ при ней займовъ съ постепеннымъ погаше-

*) См. Histoire générale des hommes vivants et des hommes morts dans le XIX-e siècle (Genève), sub v. Grouitch.

ніемъ, что было крайне важно, ибо въ то время народъ въ Сербіи былъ обремененъ долгами. Въ 1856 году онъ получилъ мѣсто професора въ бѣлградскомъ лицеѣ по каѳедрѣ политической экономіи и статистики, а не задолго предъ созваніемъ скупщины назначенъ былъ секретаремъ при министерствѣ финансовъ. Въ томъ же году онъ издалъ поэму, писанную размѣромъ народныхъ пѣсенъ, подъ заглавіемъ: «Царь Стефанъ или смерть Душанова» *).

Таковы были люди, изъ которыхъ составился тѣсный кружокъ народно-либеральной партіи. Но едва только онъ образовался, какъ къ нему примкнуло нѣсколько лицъ одинаковыхъ съ его членами убѣжденій, и между ними наиболѣе замѣтными были: Іованъ Бели-Марковичъ, професоръ военной школы, Іованъ Димитричевичъ, секретарь министерства внутреннихъ дѣлъ, Стефанъ Диричъ, Стефанъ Лукичъ, Васа Маджаревичъ, Петръ Голубовичъ, Миланъ Янковичъ,—все товарищи по школѣ съ Ефремомъ Груичемъ, Арсеній Туцаковичъ, Георгій Николичъ Миловукъ, Димитрій Маринковичъ, Владиміръ Іовановичъ, большею частію, связанные между собою преданіями, одушевлявшими нѣкогда Дружину сербской молодежи. По временамъ къ этому широкому кружку присоединялись и другіе члены народно-либеральной партіи, какъ принадлежавшіе къ составу скупщины, такъ и не принадлежавшіе къ ней. Благодаря такой организаціи, народно-либеральная партія, уже за два или за три дня до открытія скупщины, была приготовлена къ борьбѣ за свои цѣли. Но замыслы той партіи, которая вела до тѣхъ поръ правительственную оппозицію Кара-Георгіевичу, еще болѣе сплотили между собою молодыхъ либераловъ и сознательныхъ обреновцевъ. И тѣ и другіе все еще находились въ сношеніяхъ съ Гарашаниномъ и Вучичемъ, и эти-то сношенія раскрыли имъ, какъ мало было общаго между ихъ оппозиціей правительству Карагеоргіевича и оппозиціей тройственнаго союза, состоявшаго изъ Вучича, Гарашанина и Миши Анастасьевича.

Первымъ поводомъ къ столкновенію между либералами и членами тройственнаго союза былъ неожиданный пріѣздъ въ Бѣлградъ австрійскаго серба, генерала Стратимировича. Онъ вступилъ въ сношенія и съ простыми обреновцами и съ народно-либеральною партіей, предлагая имъ отъ имени австрійскаго пра-

*) Годомъ ранѣе эта поэма издана была въ нѣмецкомъ переводѣ въ Берлинѣ.

вительства кандидатомъ въ князья Михаила Обреновича, ибо Милоша, по его словамъ; не могли признать великія державы. Либералы отвѣчали Стратимировичу, что имъ неизвѣстно, найдетъ ли народъ необходимымъ мѣнять династію, а если сдѣлаетъ это, то конечно самъ выберетъ себѣ князя, въ чемъ менѣе всего готовъ слушаться совѣтовъ Австріи. Пріѣздъ Стратимировича, о которомъ уже давно составилось въ Сербіи мнѣніе, какъ о человѣкѣ, служащемъ австрійскимъ интересамъ, произвелъ непріятное впечатлѣніе на народъ. Тогда менѣе терпѣливый, чѣмъ остальные его товарищи, Милованъ Янковичъ образовалъ изъ народныхъ депутатовъ разныхъ округовъ депутацію и отправился съ нею къ Гарашанину, какъ министру внутреннихъ дѣлъ. Онъ представлялъ ему, что агитація Стратимировича отъ имени Австріи непріятна народу, который не желаетъ, чтобъ иностранцы вмѣшивались въ политическія дѣла Сербіи, а особенно въ скупщинскія, и просилъ министра удалить Стратимировича изъ Бѣлграда; къ этому онъ присоединилъ еще, что нѣкоторые изъ окружныхъ начальниковъ, особенно чачанскій Перуничичъ, порицаютъ открыто предъ народомъ совѣщанія Янковича и Груича съ членами скупщины, и что по городу ходятъ слухи, будто бы Мита Льотичъ изъ Смедерева образовалъ въ тайнѣ шайку съ цѣлію перебить членовъ скупщины, и будто бы эта шайка нападала ночью на дома нѣкоторыхъ патріотовъ; почему депутація считаетъ нужнымъ довести обо всемъ до свѣдѣнія министра и проситъ его принять необходимыя мѣры, дабы не говорили потомъ, будто скупщина дѣйствовала подъ вліяніемъ страха. Гарашанинъ отвѣчалъ, что все это ему извѣстно, но пусть народъ успокоится, ибо онъ принялъ необходимыя противъ того мѣры. Частое появленіе Янковича среди народа съ депутаціями не нравилось Гарашанину, и такъ какъ утвержденіе Янковича совѣтомъ въ званіи депутата, послѣ вторичнаго избранія его, замедлилось разными формальностями, то народно-либеральная партія сочла Гарашанина виновникомъ такого замедленія. Ефремъ Груичъ собралъ изъ жителей Бѣлграда многочисленную депутацію, которая и жаловалась предъ министромъ, что одинъ изъ депутатовъ Бѣлграда теряетъ возможность присутствовать въ первомъ засѣданіи скупщины, когда будутъ избираться ея должностныя лица. Гарашанинъ говорилъ, что не властенъ созвать совѣтъ въ засѣданіе. Груичъ сказалъ на это, что въ такомъ случаѣ депутація обратиться къ Вучичу, какъ къ предсѣдателю совѣта. Га-

рашанину, по видимому, то было непріятно; и онъ послалъ предсѣдателю скупщины записку о допущеніи Янковича въ засѣданіе, обѣщая позднѣе прислать и самое разрѣшеніе на сіе отъ совѣта.

Но если Гарашанинъ былъ уступчивъ, когда дѣло касалось того или другаго лица изъ партіи народно-либеральной, то онъ оставался твердъ и непреклоненъ въ переговорахъ по болѣе важнымъ вопросамъ. Дня за четыре до втораго засѣданія скупщины, тотъ же Янковичъ, бывъ у Гарашанина, спрашивалъ его: какъ онъ думаетъ, удержится ли на своемъ мѣстѣ Карагеоргіевичъ, и если нѣтъ, то кого другаго онъ считаетъ необходимымъ избрать въ князья? Гарашанинъ отвѣчалъ: «Теперешній никоимъ образомъ не можетъ остаться, а на мѣсто его пусть будетъ тотъ, кого выберетъ народъ, хотя бы то былъ черный цыганинъ». Но когда Янковичъ замѣтилъ ему: «А что, если будетъ избранъ князь Михаилъ Обреновичъ, который и у народа, а особенно у молодаго поколѣнія, чрезвычайно популяренъ»? Гарашанинъ отвѣчалъ: «Я не думаю, чтобъ онъ былъ способенъ осчастливить эту землю»; но не хотѣлъ назвать никакого другаго кандидата. На вопросъ Янковича, какъ будетъ поступлено въ случаѣ, если Карагеоргіевичъ падетъ, Гарашанинъ отвѣчалъ, что надо распустить скупщину хоть на полгода, а между тѣмъ совѣтъ изберетъ намѣстничество, которое и будетъ управлять страной. Въ отвѣтъ Янковичъ сказалъ: «Я бы понялъ это, какъ мѣру предосторожности, чтобъ имѣть болѣе времени избрать въ князья болѣе достойное лицо, но такой шагъ былъ бы не только не популяренъ, но даже и опасенъ: не популяренъ потому, что народъ не желаетъ, чтобы верховная власть исходила отъ кого другаго, а только отъ него самого, опасенъ потому, что намѣстниками, если ихъ будетъ выбирать совѣтъ, можете быть только вы, Вучичъ и капитанъ Миша,—три человѣка, которые теперь поневолѣ соединились между собою на погибель Карагеоргіевича,—но не будете согласны въ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ; между тѣмъ всѣ вы трое одинаково сильны: вы своими правительственными способностями, Вучичъ—своею близостью къ народу, а Миша—громаднымъ богатствомъ, и если вы поссоритесь между собой, тогда и народъ раздѣлится на три равносильныя партіи, а борьба такъ подѣлившихся партій имѣла бы самыя печальныя послѣдствія». На увѣренія Гарашанина, что до этого никогда не дойдетъ, Янковичъ сказалъ, что онъ все-таки будетъ противиться всѣми мѣрами установленію намѣстничества.

По мѣрѣ того, какъ выяснялись планы лицъ, стоявшихъ во главѣ правительственной оппозиціи, образовавшихъ изъ себя тройственный союзъ, народно-либеральная партія все болѣе и болѣе сближалась съ членами скупщины. Къ людямъ, составившимъ тѣсный и широкій кружки, соединявшіе въ себѣ молодыхъ либераловъ и сознательныхъ обреновцевъ, мало-по-малу пристали нѣсколько народныхъ депутатовъ отъ каждаго округа, нѣкоторые изъ депутатовъ отъ духовенства, а также нѣкоторые изъ окружныхъ начальниковъ и предсѣдателей окружныхъ судовъ. Число единомышленниковъ народно-либеральной партіи возрастало столь же быстро между горожанами и сельчанами, наѣхавшими въ то время въ Бѣлградъ *). Всѣ они желали не только удаленія Карагеоргіевича, но и введенія либеральныхъ реформъ въ управленіе. Такъ какъ простые приверженцы Обреновичей, пострадавшіе за нихъ въ прежнія времена, не имѣли ни средоточія, ни вождей, то большинство ихъ также примыкало къ людямъ, увеличившимъ собою широкій кружокъ, управлявшій народно-либеральною партіей. Эти простые люди признали своими руководителями вождей либеральной партіи, надѣясь въ союзѣ съ ними имѣть успѣхъ въ борьбѣ съ обоими отдѣлами, на которые распалась старая уставобранительская партія. Отнынѣ между ними тѣ изъ уставобранителей, которые остались вѣрными Карагеоргіевичу, стали прозываться «удворица» карагеоргіевичей, а сторонники правительственной оппозиціи или тройственнаго союза, желавшіе

*) Изъ народныхъ депутатовъ являлись на частныя совѣщанія съ членами народно-либеральной партіи: изъ алексинацкаго округа—Милосавъ Трифунацъ и Милое Брачинацъ; изъ бѣлградскаго—Яникіе Дробнякъ и Тодоръ Янковичъ, изъ валевскаго—Коста Стойшичъ, изъ гургосовацкаго—Милошъ Станоевичъ, изъ крагуевацкаго—Тодоръ Туцаковичъ, изъ краинскаго—Цена Лиловичъ и Стефанъ Исаковичъ, изъ крушевацкаго—Миладинъ Бошковичъ, изъ подринскаго—Сава Боичъ и Живанъ Радошевичъ, изъ пожаревацкаго—Петръ Протичъ, изъ рудницкаго—Вуя Васичъ и Іованъ Дамяновичъ, изъ смедеревскаго—Матія Поповичъ, изъ ужицкаго—Сима Маричъ и Никола Маринковичъ, изъ черноредкаго—Іота Пековичъ, изъ чачанскаго—Вуя Пантеличъ, изъ шабацкаго—Петръ Петровичъ и Милинко Алимпичъ, изъ ягодинскаго—Міяйло Раденковичъ, изъ тюпрійскаго—Станое Пеливановичъ. Изъ депутатовъ отъ духовенства протоіереи: Игнатъ Васичъ изъ Лозницы, Гаврило Поповичъ изъ Ужицы, Димитрій Милойковичъ изъ Неготина, архимандритъ монастыря Боговати, Григорій. Изъ окружныхъ начальниковъ и предсѣдателей окружныхъ судовъ: Аксентіе Сретьковичъ изъ Шабца, Сима Протичъ изъ Смедерева, Миливой Іовановичъ изъ Ужицы, Аксентіе Марковичъ изъ Крушевца; Маранко Радовановичъ, предсѣдатель апелляціоннаго суда.

учредить намѣстничество (каймакамію), прозваны были каймакамовцами. Такимъ образомъ, партія соединенныхъ либераловъ и сознательныхъ обреновцевъ получила съ самаго начала скупщины необыкновенную силу, имѣя вліяніе и на депутатовъ изъ внутреннихъ округовъ, и на жителей Бѣлграда чрезъ людей, примкнувшихъ къ ея широкому кружку. Лицомъ, соединявшимъ около себя всѣ оттѣнки этой партіи, былъ давно и вполнѣ извѣстный народу, приверженецъ Обреновичей, Стевча Михайловичъ. Его народно-либеральная партія надѣялась избрать въ предсѣдатели скупщины; но онъ попалъ только въ товарищи предсѣдателя, а это званіе получилъ кандидатъ каймакамовцевъ, богачъ и свойственникъ князя, Миша Анастасьевичъ. Въ квартирѣ Стевчи происходили большею частію совѣщанія лицъ, принадлежавшихъ къ болѣе широкому кружку сплотившейся около него партіи. Вучичъ, Гарашанинъ и Миша Анастасьевичъ очень хорошо понимали то значеніе, которымъ пользовался Стевча между многочисленными приверженцами Обреновичей; чрезъ нихъ же знали о томъ правитель бѣлградской крѣпости Османъ-паша и комисаръ Порты Кабули-ефенди.

Вожди каймакамовской партіи, сила которой главнымъ образомъ опиралась на поддержку турецкихъ чиновниковъ, каждый день бывали у нихъ въ крѣпости и вели переговоры съ ними о предстоявшемъ переворотѣ и его исходѣ. Представители Порты уже не надѣялись сохранить княжескую власть за Александромъ Карагеоргіевичемъ, но желали подчинить своему вліянію избраніе новаго князя. Гарашанинъ нѣсколько разъ приглашалъ Стевчу Михайловича идти вмѣстѣ съ нимъ въ крѣпость для свиданія съ пашей и комисаромъ, но Стевча каждый разъ отвѣчалъ, что у него нѣтъ тамъ никакихъ дѣлъ; потомъ однакожь, переговоривъ съ остальными вождями своей партіи, онъ отправился въ крѣпость. Вотъ какъ самъ Стевча описываетъ это свиданіе въ своихъ запискахъ: «Когда наши султановцы усѣлись съ агами, дали и мнѣ мѣсто. Кабули-ефенди спросилъ: что намѣрена дѣлать скупщина? На это одинъ отвѣчалъ одно, другой другое, пока Кабули не спросилъ меня о томъ же. Но въ рѣчь вмѣшался Вучичъ, говоря: «Не нужно вамъ, честной ефенди (при этомъ почтительный знакъ рукою къ головѣ), никого спрашивать,—все что я вамъ говорю и что я вамъ сказывалъ, все такъ и будетъ. Все сдѣлаемъ, какъ намъ писалъ великій султанъ (знакъ рукой). Ничего другаго не хотимъ, но какъ царь (опять знакъ рукой) прика-

залъ, такъ сдѣлаетъ и скупщина. Если я тебѣ говорю, то такъ и будетъ». Я молчалъ; Кабули однакожъ сказалъ: «Г. Вучичъ, не будетъ бѣды, если намъ что нибудь скажетъ мусье Стевча».— «Пускай его!» прибавилъ Вучичъ, а Кабули спросилъ: «Какъ вы, мусье Стевча, думаете о скупщинѣ, что она будетъ дѣлать?» Я отвѣтилъ, что я лишь одинъ изъ членовъ скупщины, которыхъ до пятисотъ человѣкъ; развѣ можно знать, что думаетъ такая толпа людей?—«Эхъ эльбетъ, сказалъ на то Кабули, вы имѣете большое довѣріе въ народѣ и вліяніе на него,—стало быть, можете знать».—Когда скупщина приступитъ къ дѣйствіямъ, отвѣчалъ я, тогда, можетъ быть, и узнаемъ что нибудь, а теперь еще ничего не знаю.—При этомъ Вучичъ опять прибавилъ: «Что вамъ я говорю, то есть и такъ будетъ». Послѣ сихъ словъ султановцы раскланялись предъ комисаромъ, а онъ съ ними, и мы вышли вонъ; но ясно было, что всѣ говорили иначе, чѣмъ думали. Это подтверждается и тѣмъ, что Вучичъ потомъ два раза звалъ меня къ себѣ чрезъ своего сына Стефана, получая всегда въ отвѣтъ: «нѣтъ времени». Но когда онъ меня позвалъ и въ третій разъ, то, переговоривъ съ своими друзьями, я отправился къ нему. «Я васъ пригласилъ къ себѣ по дружбѣ, сказалъ мнѣ Вучичъ, чтобъ извѣстить васъ о положеніи нынѣшнихъ дѣлъ, ибо, можетъ быть, вы того и не знаете, а когда человѣкъ не знаетъ, то легко можетъ пойти кривымъ путемъ. Такъ вотъ я вамъ покажу,—и при этомъ разостлалъ на столѣ султанскій фирманъ.— Гляди, говоритъ, это царскій фирманъ, который присланъ мнѣ и Ильѣ Гарашанину. Царь отдаетъ намъ сербовъ и Сербію на аманетъ (заложниками), чтобы мы созвали скупщину и руководили ею, и что мы установимъ и сдѣлаемъ, то только царь признаетъ и одобритъ. А ты теперь, кажется, пользуешься достаточнымъ довѣріемъ отъ людей, потому я тебѣ и говорю это, чтобы ты зналъ и не пошелъ кривымъ путемъ, чтобы не свелъ на него и народъ, а потомъ сталъ бы говорить, что ничего не зналъ; такъ вотъ знай теперь! Если хочешь, то я дамъ тебѣ этотъ фирманъ въ сербскомъ переводѣ, чтобы ты и самъ прочелъ его; вѣдь ты умѣешь читать?»—Умѣю, но и безъ того вѣрю, что фирманъ этотъ присланъ вамъ отъ султана, какъ вы говорите; мнѣ не нужно, чтобы вы переводили его на сербскій языкъ. Я слышалъ все, что вы мнѣ сказали, и спасибо вамъ на такомъ пріятельскомъ сообщеніи. Но вы сами знаете, что я ничего не могу сдѣлать.—«И то правда, замѣтилъ Вучичъ, но старшіе могутъ навести людей на ка-

кое либо намѣреніе, могутъ и удержать ихъ отъ него».—Но я теперь не самый первый изъ старшихъ, сказалъ я усмѣхаясь (Стевча намекалъ на избраніе Миши Анастасьевича въ предсѣдатели скупщины). «Такъ ты по крайней мѣрѣ дѣлай все, что отъ тебя зависитъ, по царскому фирману, а болѣе ничего». И на этихъ словахъ мы разстались. Въ тотъ же вечеръ я передалъ своимъ, какъ султанъ отдалъ насъ подъ опеку Вучичу и Гарашанину, и мы еще болѣе утвердились въ нашемъ намѣреніи».

Положеніе партій обрисовалось; намѣренія ихъ выяснились; оставалось приступить къ дѣйствіямъ.

Вечеромъ 3-го декабря, наканунѣ втораго засѣданія скупщины, въ которомъ должно было совершаться ея торжественное открытіе самимъ княземъ, происходило совѣщаніе тѣснаго кружка народно-либеральной партіи. Андрей Станенковичъ сталъ было предлагать, что не зачѣмъ свергать князя, но достаточно отнять у него возможность продолжать управленіе въ прежнемъ духѣ, согласивъ его на утвержденіе закона о постоянномъ созывѣ скупщины и окруживъ его болѣе свободными учрежденіями, предоставивъ веденіе дѣлъ въ нихъ наиболѣе уважаемымъ людямъ изъ младшаго поколѣнія. Но остальные члены кружка доказали Стаменковичу, что вліятельнѣйшіе члены прежней уставобранительской партіи уже подготовили паденіе князя и не отступятся отъ своихъ намѣреній; тогда Стаменковичъ отказался отъ предложенія, чтобы либеральная партія явилась посредницею въ примиреніи между княземъ, членами правительства и народомъ. Но лишь только прекратились пренія, вызванныя умѣреннымъ предложеніемъ Стаменковича, какъ высказано было мнѣніе людей, державшихся противуположной крайности. Бѣлградскій депутатъ, Милованъ Янковичъ, съ своей стороны, предложилъ поступить такимъ образомъ: лишь только князь съ совѣтниками и попечителями взойдутъ въ залу скупщины, вооруженные жители Бѣлграда должны окружить домъ, отведенный для ея засѣданій, довѣренные люди занять всѣ его выходы и никого не выпускать изъ залы; затѣмъ будетъ прочтена рѣчь, предлагающая отставку князю, совѣтникамъ и попечителямъ; если они не согласятся на сіе, то слѣдуетъ произнести другую рѣчь, которою бы можно было вызвать отрѣшеніе князя и членовъ высшаго правительства самою скупщиной и объявленіе ихъ арестованными, послѣ чего скупщина, принявъ на себя верховную власть, избрала бы комитетъ, облечен-

ный властью исполнительной и состоящій изъ членовъ либеральной партіи, а въ довершеніе всего дѣла провозгласили бы Милоша Обреновича княземъ Сербіи. Но ему возразили, что соединенная партія либераловъ и сознательныхъ обреновцевъ не должна мѣшаться въ вопросъ о сверженіи Карагеоргіевича, предоставивъ разрѣшить его каймакамовцамъ, которыхъ поддержатъ въ этомъ не только представители Порты, но и безусловные приверженцы Обреновичей. Когда всѣ присутствовавшіе согласились съ тѣмъ, Ефремъ Груичъ представилъ, что, прежде всякаго дѣйствія съ цѣлію удалить прежняго князя и избрать новаго, народно-либеральная партія должна выступить предъ скупщиною съ слѣдующими предложеніями: 1) благодарить отъ имени народа всѣ покровительствующія державы за признаніе нейтралитета Сербіи во время крымской войны, чтобы чрезъ то возвысить скупщину въ общественномъ мнѣніи и вмѣстѣ съ тѣмъ оградить сербскій народъ отъ вмѣшательства въ его дѣла со стороны Австріи, которая въ 1854 году грозила военнымъ занятіемъ Сербіи и съ которою теперь сносились и князь и турки, и которая, какъ подозрѣвали тогда сербскіе патріоты, что въ послѣдствіи и подтвердилось, намѣревалась ввести свои войска въ бѣлградскую крѣпость, чему помѣшали Россія и Франція; 2) заявить предъ Портою сѣтованія сербскаго народа на вмѣшательство ея чиновниковъ во внутреннія дѣла княжества; 3) внести проектъ закона о правильномъ и постоянномъ созываніи скупщины, съ цѣлію навсегда обезпечить и утвердить это важное въ исторіи сербскаго народа учрежденіе. Груичъ доказывалъ, что, не допуская старѣйшихъ членовъ прежней уставобранительской партіи свергнуть Карагеоргіевича внезапнымъ образомъ, народно-либеральная партія можетъ пользоваться и ими, и приверженцами князя; ибо ей тогда легко будетъ утвердить въ отечествѣ политическую и личную свободу посредствомъ законовъ о скупщинѣ, свободной печати, гласномъ и словесномъ судѣ и тому подобныхъ установленіяхъ, на которыя согласится и князь Александръ съ своими совѣтниками въ надеждѣ удержаться посредствомъ такихъ уступокъ; партія же Вучича, Гарашинина и Миши Анастасьевича должна будетъ пристать къ нимъ, чтобы не прійти къ рѣшительному разрыву съ либеральною партіей и не компрометировать себя предъ народомъ. Только добившись признанія предложенныхъ реформъ, народно-либеральная партія, по мнѣнію Груича, могла открыть поле дѣйствій вождямъ прави-

тельственной оппозиціи для сверженія Карагеоргіевича; но при этомъ ни тѣсный, ни широкій кружки соединенныхъ либераловъ и сознательныхъ обреновцевъ, и никто другой изъ сторонниковъ этой партіи не должны выставляться впередъ, когда зайдетъ дѣло объ удаленіи Карагеоргіевича, что должно быть предоставлено вполнѣ приверженцамъ каймакаміи, члены же народно-либеральной партіи могутъ только усвоить тѣ мѣры, которыя предложитъ имъ тройственный союзъ. Затѣмъ, когда паденіе Карагеоргіевича станетъ несомнѣнно, народно-либеральная партія должна опять выступить и участвовать въ послѣднемъ актѣ сверженія князя, чтобы тотчасъ же провозгласить перенесеніе верховной власти на народную скупщину, которая бы тутъ же назначила начальника надъ регулярнымъ войскомъ и надъ столицею княжества, обязаннаго состоять подъ ея непосредственнымъ вѣдѣніемъ, равно какъ и министры, изъ которыхъ всѣ должны остаться на своихъ мѣстахъ. Начальникомъ предполагалось избрать Стевчу Михайловича, а помощниками ему—по полицейской части Іована Бели-Марковича, по военной части Ранка Алимпича. О совѣтѣ и его членахъ, имѣвшихъ по уставу 1839 года правительственную власть, предполагалось вовсе не упоминать въ день самаго переворота. Такою комбинаціей тѣсный кружокъ либераловъ и сознательныхъ обреновцевъ надѣялся сосредоточить въ скупщинѣ всю власть и силу, предупредить образованіе намѣстничества и даже избѣжать рѣзкихъ столкновеній съ остальными партіями. Въ заключеніе же слѣдовало выжидать удобнаго времени для провозглашенія княземъ Милоша, стараясь предупредить неизбѣжный въ такомъ случаѣ союзъ между сторонниками Карагеоргіевича и каймакаміи. Первыя три предложенія Груича приняты были единогласно членами малаго кружка; но дальнѣйшій порядокъ дѣйствій былъ сильно оспариваемъ, особенно Іованомъ Иличемъ, который доказывалъ несомнѣнныя выгоды отъ немедленнаго провозглашенія Обреновича по сверженіи прежняго князя. Наконецъ, всѣ согласились, что скупщина, свергнувъ Карагеоргіевича, должна принять на себя верховную власть и тотчасъ же провозгласить княземъ Милоша съ наслѣдственными правами; касательно же первыхъ предложеній скупщинѣ былъ принятъ такой порядокъ: рѣшено было сперва выступить съ проектомъ закона о скупщинѣ, потомъ съ заявленіями благодарности покровительствующимъ державамъ и жалобы Портѣ. Условились сообщить этотъ планъ только на-

наболѣе извѣстнымъ и вѣрнымъ членамъ народно-либеральной партіи, и скрыть его отъ простыхъ обреновцевъ, отъ которыхъ могли кой-что развѣдать приверженцы Карагеоргіевича и каймакамовцы *).

Однакожъ все засѣданіе скупщины, бывшее на другой день, прошло только въ исполненіи необходимыхъ формальностей. Послѣ молебствія, въ залу засѣданія прибылъ князь, и попечитель иностранныхъ дѣлъ прочелъ въ его присутствіи такъ называемую тронную рѣчь. Въ ней говорилось о давнемъ будто бы желаніи князя собрать около себя представителей народа для общихъ совѣщаній о земскихъ дѣлахъ и выражалось радостное чувство, что таковое собраніе наконецъ состоялось. Упомянувъ объ опасностяхъ, которыми грозила Сербіи восточная война, тронная рѣчь указывала на счастливыя послѣдствія, вытекавшія изъ Парижскаго трактата для юнаго сербскаго княжества. Переходя къ внутреннимъ дѣламъ, тронная рѣчь признавала, что не всѣ они ведутся удовлетворительно, и потому члены скупщины приглашаются выслушать правительственныя предложенія по нѣкоторымъ вопросамъ и представить собственныя указанія на слабыя стороны управленія. Въ заключеніе высказывалась надежда, что скупщина пойдетъ путемъ законнымъ, обѣщающимъ миръ и счастіе отечеству. Объявивъ скупщину открытою, князь удалился. Ждали, что предсѣдатель скупщины, Миша Анастасьевичъ, также произнесетъ рѣчь, но ея не послѣдовало. Тогда одинъ изъ секретарей, Ефремъ Груичъ, представилъ собранію нѣсколько мелкихъ вопросовъ, касающихся занесенія въ протоколы того, что будетъ сказано на скупщинѣ, подписыванія протоколовъ, счета голосовъ при подачѣ ихъ и т. п. Но одинъ изъ карагеоргіевцевъ, предсѣдатель неготинскаго окружнаго суда, Сима Анастасьевичъ, понявъ важность участія секретарей въ дѣлахъ скупщины и опасаясь вліянія ихъ въ томъ случаѣ, если имъ будетъ предоставлено право голоса, заявилъ, что секретари, не будучи депутатами, не могутъ участвовать въ преніяхъ скупщины. Груичъ поспѣшилъ отвѣчать на это цѣлою рѣчью. «Я давно секретаремъ въ совѣтѣ, сказалъ онъ, всегда могъ говорить тамъ, и никто не останавливалъ меня никакимъ замѣчаніемъ. Я писалъ тотъ законъ, на основаніи котораго те-

*) Въ расказѣ о святоандреевской скупщинѣ я пользовался, кромѣ протоколовъ ея и газетъ, еще записками нѣсколькихъ членовъ ея.

перь дѣйствуетъ скупщина, и знаю, что ему нисколько не противорѣчитъ, если секретари обратятся къ скупщинѣ съ какимъ либо вопросомъ, или дадутъ какое либо объясненіе. Разсудите сами. § 4-й говоритъ: «народная скупщина имѣетъ двухъ секретарей», и затѣмъ далѣе: «но скупщина можетъ избрать въ секретари и чиновниковъ, которые не могутъ быть депутатами, а правительство имѣетъ утвердить избранныхъ такимъ образомъ лицъ. Но избранные внѣ скупщины секретари не подаютъ голоса при собираніи мнѣній». Стало быть, по закону различаются голосъ рѣшающій, который принимается въ расчетъ при собираніи мнѣній, чтобъ узнать въ пользу чего большинство голосовъ, и голосъ совѣщательный, то есть, какое либо объясненіе. Первое законъ прямо воспрещаетъ, и я, конечно, не буду изъ числа желающихъ нарушить оный. Но изъ самаго способа, какимъ запрещается это; можно заключать, что второе право разрѣшается; кромѣ того оно вполнѣ подтверждается и самыми секретарскими обязанностями. Мнѣ извѣстны онѣ, и я думаю, что нельзя вести протокола, если секретарь не смѣетъ открыть уста на скупщинѣ, чтобы спросить, или объяснить что либо. Наконецъ, я не назначенъ вамъ силой, но вы сами взяли меня; потому я или буду дѣйствовать, какъ слѣдуетъ и какъ всѣ хотятъ, или совсѣмъ не буду здѣсь; и пусть никто не надѣется, что я стану поступать по волѣ того или другаго, буду писать или говорить, какъ онъ захочетъ, но исполню это лишь въ томъ смыслѣ, какъ опредѣлитъ вся скупщина и какъ захочетъ весь народъ. Посему прошу скупщину рѣшить сей вопросъ, ибо желаю знать свои права и обязанности. При рѣшеніи его вы будете имѣть въ виду, что моимъ голосомъ, который однакожь я не буду подавать при собираніи мнѣній, законъ не нарушится, и что отъ моего участія въ обсужденіи земскихъ вопросовъ, отъ моихъ объясненій, давать которыя я считаю себя обязаннымъ, не произойдетъ вреда народу». Скупщина рѣшила, что требованіе Симы Анастасьевича не можетъ быть уважено, что секретарямъ предоставляется право совѣщательнаго голоса, и что это составляетъ даже ихъ обязанность. Такое право, такая обязанность давать объясненія создали для Груича и Илича, бывшихъ членами тѣснаго кружка народно-либеральной партіи, чрезвычайно важное и вліятельное положеніе, ибо отнынѣ они могли принимать участіе въ обсужденіи всѣхъ важныхъ вопросовъ на самой скупщинѣ подъ видомъ объясненій, или по собственному желанію, или по

требованію какого либо депутата одной съ ними партіи, согласно предварительному уговору, принятому на совѣщаніяхъ тѣснаго кружка. Въ этомъ кружкѣ уже было рѣшено, что совѣщательныя мнѣнія секретарей не должны вноситься въ протоколъ въ видѣ отдѣльныхъ и самостоятельныхъ предложеній, но должны включаться въ общее изложеніе мнѣній, поданныхъ депутатами той же партіи. Согласно такому же предварительному уговору соединенныхъ либераловъ и сознательныхъ обреновцевъ, предложено было скупщинѣ назначить Андрея Стаменковича и Милована Янковича помощниками секретарей при собираніи и счетѣ голосовъ. Наконецъ, въ этомъ же засѣданіи окончательно назначены были депутаты, по одному отъ каждаго округа, для подписыванія протоколовъ и разныхъ актовъ отъ имени скупщины; изъ нихъ многіе принадлежали къ широкому кружку народно-либеральной партіи. Такимъ образомъ партія эта не только организовалась внутри себя, но и получила видимый перевѣсъ въ самой скупщинѣ, чему не мѣшала партія правительственной оппозиціи, ждавшая, что либералы и обреновцы, упрочивъ свое положеніе на скупщинѣ, немедленно приступятъ къ сверженію Карагеоргіевича. Лица, составлявшія тройственный союзъ, желали приступить къ тому въ слѣдующемъ же засѣданіи; но народно-либеральная партія назначила этотъ день для представленія скупщинѣ своихъ предложеній.

Первымъ предложеніемъ былъ проектъ закона о народной скупщинѣ, выработанный на совѣщаніяхъ тѣснаго кружка, поручившаго представить его скупщинѣ Андрею Стаменковичу; предложить заявленія предъ покровительствующими державами и Портою долженъ былъ Милованъ Янковичъ. При самомъ началѣ засѣданія скупщины 5-го декабря, они записались въ число ораторовъ того дня.

Стаменковичъ произнесъ одушевленную рѣчь, въ которой привѣтствовалъ народную скупщину, собравшуюся послѣ стольких ожиданій, указывалъ на важность предстоящихъ ей дѣлъ, высказывалъ желаніе, чтобы депутаты дѣйствовали въ согласіи и любви, и напоминалъ, что рѣшенія народной скупщины будутъ записаны въ исторіи и оцѣнены потомствомъ. Рѣчь Стаменковича была принята скупщиною съ большимъ сочувствіемъ; всѣ депутаты выразили желаніе видѣть ее напечатанною, что и было исполнено впослѣдствіи самимъ авторомъ. Выслушавъ одобренія скупщины, Стаменковичъ направилъ свою рѣчь къ вопросу о

правахъ народной скупщины и ея правильномъ созывании. Чтобы и впредь народъ не былъ лишенъ возможности высылать въ опредѣленное время своихъ депутатовъ для совѣщанія о земскихъ нуждахъ съ правительствомъ, Стаменковичъ предлагалъ прежде всего принять законъ о скупщинѣ и представилъ проектъ его, заявивъ при этомъ, что онъ составленъ при содѣйствіи нѣсколькихъ друзей его. Предсѣдатель благодарилъ Стаменковича отъ имени скупщины, и хотя предлагалъ отложить чтеніе проекта, но онъ былъ немедленно прочтенъ. Читалъ его Груичъ, сопровождая каждый параграфъ проекта объясненіями. Въ предисловіи къ проекту сказано было: народъ сербскій чрезъ свою свитоандреевскую скупщину постановляетъ законъ. «Слышите, братья, объяснялъ Груичъ, — проектъ гласитъ, что вы не предлагаете, но постановляете законъ. Если народъ можетъ поставить князя, то конечно можетъ постановить и законъ. Притомъ старинное право нашего народа — постановлять на скупщинѣ законы, по коимъ слѣдуетъ управлять и судить, и поставлять власть, которая должна управлять и судить. Если временно кому либо повѣряется право издавать вмѣсто народа законы, то это нисколько не мѣшаетъ, чтобы и рѣшенія, принятыя самимъ народомъ, получали силу закона. Нынѣ вы можете издать законъ о скупщинѣ, а хочетъ ли его народъ, то вамъ извѣстно болѣе, чѣмъ намъ». Къ третьему параграфу секретарь прибавилъ такое положеніе: «и князь народный и скупщина народная; стало-быть, не только тотъ, кто противится князю, есть измѣнникъ, но и тотъ, кто противится скупщинѣ». Прочитавъ четвертый параграфъ, секретарь объяснилъ: «Безъ этой статьи вамъ могли бы сказать: это не ваше дѣло, это васъ не касается; а потому удержите эту статью; если скупщина — народная, то пусть же она имѣетъ власть надъ всѣмъ, что касается народа». Въ поясненіе къ слѣдующей статьѣ онъ говорилъ: «Если не удержите этотъ параграфъ, то что потомъ ни рѣшите, не будетъ имѣть никакой силы; ибо только-что вы разойдетесь, все можетъ быть испорчено, и самый законъ вашъ, и потомъ опять пройдетъ десять лѣтъ, а народъ не увидитъ скупщины». Къ параграфу о податяхъ Груичъ прибавилъ. «Вы знаете лучше меня, что между оставшимися дома нѣтъ ни одного, кто бы согласился, чтобы подати и другіе налоги могли падать на народъ безъ его рѣшенія». Въ пользу параграфа о правѣ скупщины утверждать государственные доходы и расходы, Груичъ

говорилъ: «Вы хорошо знаете, что располагающій деньгами располагаетъ и дѣлами; кто имѣетъ власть рѣшать, сколько и на что слѣдуетъ расходовать, тотъ самъ опредѣляетъ, что нужно сдѣлать и чего не нужно; стало быть, каждый изъ васъ, желающій охранить народъ отъ тяжелыхъ налоговъ, а народную казну отъ расточительныхъ издержекъ, долженъ стараться о сохраненіи этой статьи». Десятый параграфъ, дававшій скупщинѣ право отмѣнять всякій законъ и распоряженія правительства, принятыя безъ ея участія, Груичъ защищалъ такими доводами: «Если правительству необходимо распоряжаться по своему благоусмотрѣнію въ то время, когда нѣтъ скупщины, то необходимо и народу сохранить за собой право, по созваніи скупщины, отмѣнить распоряженія вредныя для него. Если вы пропустите нынѣшній удобный случай и оставите по прежнему за правительствомъ право узаконять все, что оно хочетъ, а у народа не будетъ власти снять съ себя тяжесть, хотя бы она давила его, то не будетъ никакой пользы и отъ тѣхъ скупщинъ, которыя должны слѣдовать за нынѣшнею. Если правительство съ совѣтомъ могутъ издавать законы, то народу должна принадлежать власть устранять дурной законъ. Но если со временемъ будетъ установлено, чтобы законы издавались только по соглашенію между княземъ и скупщиною, тогда не будетъ надобности и въ этомъ параграфѣ. Нечего опасаться, чтобы произошли безпорядокъ и путаница въ законахъ, если скупщина получитъ право отмѣнять то, что будетъ установлено правительствомъ: ибо правительство, желающее оставаться въ добрыхъ отношеніяхъ и согласіи съ народомъ, конечно, постарается договориться съ нимъ о нужныхъ законахъ, которые впослѣдствіи и не могутъ быть отмѣняемы безъ согласія на то князя и народа. Но если какое либо правительство стало бы дѣйствовать на зло народу и вопреки ему, то чтобы остановить его, необходимо дать народу равныя права. Итакъ, если вы хотите, а теперь и можете, то не выпускайте десятый параграфъ». По поводу подсудности всѣхъ чиновниковъ народной скупщинѣ, Груичъ объяснилъ, въ чемъ состоитъ отвѣтственность министровъ. Прочитавъ семнадцатый параграфъ, Груичъ припомнилъ, что дѣлалось на петровской скупщинѣ 1848 года: «Бывшіе изъ васъ тогда въ Крагуевцѣ, говорилъ онъ, знаютъ, а не бывшіе слышали, какъ весь народъ требовалъ, чтобы впредь скупщина созывалась правильно. Я былъ

тамъ и вмѣстѣ съ своими товарищами по школѣ служилъ многимъ округамъ, какъ добровольный писарь, когда правительство разрѣшило каждому округу представить просьбы о народныхъ тягостяхъ, и могу воздать хвалу и справедливость ревности отважности, съ какими тогдашніе народные депутаты настаивали, чтобы тогда же изданъ былъ законъ о правильномъ созываніи скупщины. Имъ дано было обѣщаніе въ томъ, а послѣ вышло и законодательное подтвержденіе отъ 26-го сентября того же года, находящееся на 175 страницѣ IV части сборника законовъ и распоряженій, во второмъ пунктѣ котораго сказано, что впредь будутъ созываться скупщины. Но прошло десять лѣтъ, а скупщинъ не было, ибо тогда не успѣли утвердить самыхъ правилъ о скупщинѣ, которыя нарушить не посмѣли бы правители, не подвергая себя личной опасности. Если хотите, чтобы обѣщанія и законодательныя рѣшенія о скупщинѣ, которыя и теперь получимъ, не остались напрасными, какъ было за десять лѣтъ предъ симъ, то примите въ законъ только-что прочитанныя статьи (съ 13-й по 17-ю). Многіе изъ насъ соединились между собою въ намѣреніи послужить народу и, пользуясь опытомъ 1848 года, постарались составить нынѣшнія правила въ такомъ смыслѣ, что ихъ, лишь только они будутъ приняты какъ законъ, не посмѣетъ и не можетъ нарушить никакой правитель. Принявъ ихъ, вы утвердите навсегда народную скупщину и связанныя съ нею послѣдствія». Объясняя 36-ю статью проекта, Груичъ говорилъ: «Вы знаете, что народъ, избирая и посылая васъ на скупщину, требовалъ, чтобы вы объявили все, что, отъ кого и за что народъ терпитъ, будетъ ли то пріятно или непріятно правителямъ. Само собой разумѣется, что послѣднимъ пріятнѣе, когда вы говорите въ пользу ихъ, и непріятнѣе, когда говорите противъ нихъ; а потому, если хотите избавить народнаго представителя, рѣшившагося высказать все, что слѣдовало, отъ гоненій правителей, то постановите, что никто не можетъ привлекать депутата къ отвѣтственности за рѣчь или подачу голоса на скупщинѣ. При отвѣтственности за слова и мнѣнія, высказанныя депутатомъ на скупщинѣ, не можетъ быть полной свободы для рѣчи и сужденій депутатскихъ; а безъ этой свободы нѣтъ и правильнаго народнаго представительства. Только принявъ предлагаемый вамъ параграфъ, вы избавите себя отъ чьей бы то ни было мести, которая преслѣдовала бы васъ и на дому, и въ пути

за слова, сказанныя на скупщинѣ въ пользу народа». Подкрѣпивъ подобными же объясненіями статью, гласившую, что народный депутатъ не можетъ быть ни за что подвергнутъ аресту во время скупщины безъ ея предварительнаго согласія, Груичъ заключилъ свой докладъ словами: «Мы, нѣсколько человѣкъ, состоящихъ въ дружественныхъ отношеніяхъ, приготовили, какъ умѣли и могли, проектъ закона необходимаго и полезнаго для народа; Станенковичъ предложилъ его какъ депутатъ, я какъ секретарь прочелъ и по обязанности, которую вы сами наложили на меня, объяснилъ его вкратцѣ. Теперь ваше дѣло, если онъ вамъ нравится, принять и утвердить его, а чрезъ то обезпечить и самое бытіе скупщинъ, которыя составляютъ нынѣ первую потребность нашего народа».

Во время чтенія проекта, почти при каждомъ объясненіи Груича, Миша Анастасьевичъ и Михайло Барловацъ прерывали чтеца, говоря, что надо сперва прочесть проектъ до конца, а потомъ уже приступить къ объясненіямъ и преніямъ по отдѣльнымъ статьямъ. Но члены скупщины возражали: «Пусть его читаетъ! пускай толкуетъ, чтобы знать въ чемъ дѣло»; а при объясненіяхъ Груича приговаривали: «То самое, что народъ желаетъ! такъ ихъ и надо связать, а народъ обезпечить, чтобы не обманывали и не дурачили его, какъ до сихъ поръ»! По окончаніи доклада, Миша Анастасьевичъ объявилъ, что это дѣло чрезвычайно важно, и что нельзя тотчасъ же перейти къ совѣщаніямъ и пересмотру всего проекта; но онъ и самъ находитъ, что прежде всего надо утвердить народную скупщину, а потому для достиженія сей цѣли предлагаетъ, чтобы теперь же было принято и сообщено правительству рѣшеніе скупщины касательно правильнаго созыванія народныхъ скупщинъ въ будущія времена и при томъ на основаніи закона, который будетъ представленъ правительству нынѣшнею скупщиной. Предсѣдателю возражалъ Милованъ Янковичъ, доказывавшій, что вовсе нѣтъ надобности ни представлять, ни издавать актъ, коимъ бы утверждалась на будущее время скупщина, ибо она признана, какъ земское установленіе, тѣмъ самымъ, что и до устава и послѣ него столько разъ собиралась, а въ 1848 году издано было и законодательное рѣшеніе о созываніи впредь скупщинъ; а если скупщина не созывалась столь долгое время, то причиною ему не была несовмѣстимость ея съ практикой и съ закономъ, но отсутствіе обстоятельнаго письменнаго постановленія, коимъ бы опредѣля-

лись время и порядокъ созиванія и засѣданій скупщины, что и необходимо сдѣлать теперь для ея полнаго утвержденія. Послѣ долгихъ преній, во время которыхъ реакція поддерживала мнѣніе председателя, рѣшено было составить таковой законъ. Миша Анастасьевичъ настаивалъ, чтобъ обсужденіе столь важнаго вопроса, требующаго долгихъ размышленій, было отложено до слѣдующихъ засѣданій. Ему возражали, что самая важность вопроса заставляетъ рѣшить его безъ дальнѣйшихъ отлагательствъ до перехода къ другимъ дѣламъ. Многіе изъ депутатовъ требовали, чтобы снова прочитанъ былъ предложенный Стаменковичемъ проектъ; другіе требовали, чтобъ подвергнуты были обсужденію лишь важнѣйшія статьи его. Послѣ долгихъ препирательствъ, рѣшено было избрать коммисію изъ сорока человѣкъ, которая и должна составить, на основаніи заслушаннаго проекта, подробный законъ о скупщинѣ въ продолженіе слѣдующихъ двухъ дней, которые были праздничными.

По окончаніи преній, вызванныхъ предложеніемъ Стаменковича, Милованъ Янковичъ выступилъ съ заявленіемъ благодарности покровительствующимъ державамъ и съ особымъ предложеніемъ, касавшимся одной Порты. По первому скупщина приняла единогласно такое постановленіе: «Сербскій народъ, получивъ удобный случай собраться здѣсь въ первый разъ послѣ того, какъ вокругъ Сербіи совершились важныя восточныя дѣла, отъ коихъ Сербія была пощажена по уваженію къ ея нейтральности, и послѣ того, какъ пріобрѣтенныя Сербіей права снова утверждены и обезпечены парижскимъ договоромъ, спѣшитъ изъявить чрезъ свою народную скупщину наиусерднѣйшую признательность какъ владѣтельствующему, такъ и всѣмъ дворамъ, которые поручились Сербіи за ея права». Рѣшеніе это сообщено было совѣту для препровожденія его къ иностраннымъ дворамъ. Представленіе, относившееся къ Портѣ, принято было въ такой формѣ: «Въ прошломъ году до народа дошелъ слухъ, что блистательная Порта, писала въ Бѣлградъ, чтобы не дозволяли народу собраться на скупщину. Такимъ слухомъ весь народъ былъ весьма огорченъ, ибо не могъ понять, какъ могло быть, чтобы блистательная Порта при ея извѣстномъ правдолюбіи, пожелала вмѣшаться во внутреннія дѣла Сербіи и нарушить народныя права, чтобъ она при своей прославленной мудрости затронула самую живую сторону народной жизни, обычаи, которые народъ почитаетъ и сохраняетъ, какъ и вѣру. И въ самомъ дѣлѣ народъ долго о томъ думалъ и

размышлялъ, и наконецъ пришелъ къ такому убѣжденію, что кто либо оклеветалъ сербскій народъ предъ высокою Портой, и желалъ посредствомъ такого охлажденія между народомъ и его владѣтелемъ отвратить благоволеніе пресвѣтлаго султана отъ сербскаго народа, умалить народную преданность къ владѣтелю и произвести чрезъ то вражду, которая поколебала бы нашъ миролюбивый народъ и обезпокоила бы премилостиваго султана. Но лишь только народъ увѣрился, что это былъ обманъ, какъ снова распространился слухъ, что въ Сербію ѣдетъ царскій чиновникъ и не только для пребыванія въ Бѣлградѣ, но и для присутствованія на скупщинѣ между народомъ, какъ будто бы султанъ не имѣлъ довѣрія къ благоразумію сербскаго народа и какъ будто бы блистательная Порта хотѣла какимъ бы то ни было образомъ вмѣшаться во внутреннія дѣла нашего отечества. Но при всемъ томъ здравый смыслъ нашего народа не далъ ему поколебаться, и народъ опять скоро успокоился, остерегаясь вѣрить слухамъ, которыми теперь чернятъ предъ нимъ высокую Порту подобно тому, какъ въ прошломъ году чернили сербскій народъ предъ высокою Портой; а извѣстно всякому, кто желаетъ знать истину, что народъ въ семъ княжествѣ точно такъ же миролюбивъ, какъ высокая Порта тверда въ своей политикѣ: она не сдѣлаетъ ничего, что походило бы на дѣйствія, которыя могутъ оскорбить чувства вѣрнаго народа сербскаго, о коемъ извѣстно, что онъ желаетъ самъ и свободно разсуждать и заботиться въ своемъ домѣ о своихъ нуждахъ и земскомъ благѣ. Народная скупщина, которая между прочимъ должна быть и вѣрнымъ выраженіемъ народныхъ чувствованій предъ земскимъ правительствомъ, считаетъ за должное явно провозгласить вышеизложенныя чувства сербскаго народа и представить ихъ свѣтлому князю и высокославному совѣту для ихъ свѣдѣнія и доставленія блистательной Портѣ, дабы и султанъ зналъ мысли и чувства вѣрнаго народа сербскаго». Рѣшено было сообщить это заявленіе совѣту съ просьбой представить его князю для доставленія Портѣ. Такимъ образомъ все засѣданіе занято было предложеніями, выработанными въ тѣсномъ кружкѣ соединенныхъ либераловъ и сознательныхъ обреновцевъ.

Реакція, къ которой по вопросу о народной скупщинѣ принадлежали не только карагеоргіевцы, но и самъ предсѣдатель скупщины съ цѣлымъ министерствомъ и совѣтомъ, исключая Вучича, одобрявшаго предложенія, принятыя въ засѣданіи того дня,—на

первыхъ порахъ оказалась совершенно неприготовленною къ борьбѣ съ народно-либеральною партіей, и потому старалась только ограничить власть и права скупщины. При дворѣ и въ совѣтѣ поднялись обычные крики противъ нѣкоторыхъ параграфовъ проекта, казавшихся реакціи противными уставу: о нихъ говорили, какъ о пагубныхъ для страны, и даже увѣряли, что ни султанъ, ни покровительствующія державы не одобрятъ ихъ. Миша Анастасьевичъ тотчасъ же по окончаніи засѣданія взялъ копію съ проекта и передалъ ее Гарашанину. Окружные начальники и священники, избранные въ коммисію для пересмотра этого проекта, и нѣкоторые изъ депутатовъ получили отъ Гарашанина наставленіе, какихъ измѣненій въ проектѣ требовать при совѣщаніи въ коммисіи.

Въ субботу 6-го декабря происходило первое засѣданіе, которое назначено было въ залахъ скупщицы. Но тамъ было не топлено, и Миша Анастасьевичъ воспользовался тѣмъ, чтобы предложить свой роскошно отдѣланный домъ для коммисіи, гдѣ члены ея, пользуясь всякими удобствами и гостепріимствомъ хозяина, могли бы заняться народнымъ дѣломъ. Чиновные члены коммисіи готовы были принять предложеніе любезнаго предсѣдателя, но скупщиною было прямо опредѣлено, что засѣданія коммисіи должны происходить въ ея помѣщеніи. Опираясь на такое рѣшеніе, Андрей Стаменковичъ высказался противъ перехода въ домъ Миши: «Здѣсь, здѣсь оставайтесь, говорилъ онъ своимъ товарищамъ; только въ этомъ зданіи, въ этихъ освященныхъ залахъ могутъ разсуждать народные представители о томъ, что касается народа. Все, что ни примемъ внѣ этого зданія, въ чьемъ угодно домѣ, не будетъ имѣть никакого значенія, и не слѣдуетъ намъ таскаться по разнымъ угламъ. Мы не можемъ поступать вопреки рѣшенію скупщины, опредѣлившей, чтобы засѣданіе происходило здѣсь, а потому я остаюсь и не признаю ничего, что будетъ постановлено не въ этихъ стѣнахъ». Сторонники Анастасьевича должны были согласиться съ Стаменковичемъ. Засѣданіе открылось. Но между членами коммисіи не было согласія. Получившіе наставленіе отъ Гарашанина требовали, чтобы вмѣсто словъ «измѣнникъ отечеству», примѣненныхъ въ проектѣ къ каждому, кто воспротивился бы созванію и свободнымъ дѣйствіямъ скупщины, поставлено было «нарушитель закона», а слово «свободнымъ» замѣнено выраженіемъ «законнымъ»; чтобы предварительное одобреніе скупщины, считавшееся по проекту

необходимымъ для изданія законовъ о князѣ, совѣтѣ, попечителяхъ и самой скупщинѣ, было замѣнено предварительнымъ слушаньемъ; такое же измѣненіе предлагалось и въ параграфѣ объ утвержденіи государственныхъ приходовъ и расходовъ; предложенія о правѣ скупщины уничтожать всякій законъ и распоряженія, изданныя безъ ея согласія, ограничивали правомъ предлагать отмѣну такого закона; касательно права скупщины отдавать подъ судъ чиновниковъ, говорили, что она можетъ только требовать у законодательной власти отдачи подъ судъ попечителей и не можетъ требовать того же относительно другихъ чиновниковъ; по проекту, попечители, при которыхъ пропущенъ былъ бы законный срокъ для созванія скупщины, осуждались какъ измѣнники отечества, реакціонеры предлагали выразиться: «какъ величайшіе преступники»; ежегодное созываніе скупщины хотѣли замѣнить двухгодичнымъ. Споровъ было много съ обѣихъ сторонъ. Члены народно-либеральной партіи, составлявшіе большинство въ коммисіи, не соглашались на уступки. Засѣданіе закрылось, не придя ни къ какимъ заключеніямъ. Такую твердость народно-либеральной партіи приверженцы каймакаміи толковали по-своему: стали говорить, что вожди ея подкуплены княземъ и стараются, занявъ скупщину разными предложеніями, оттянуть главный вопросъ о низверженіи Карагеоргіевича. И дѣйствительно, отдаленіе этого вопроса на неопредѣленное время обезпокоивало всѣ партіи, враждебныя князю, смущало и безусловныхъ обреновцевъ, имѣвшихъ значеніе по своей многочисленности. Все это было достаточною причиною какъ для Гарашанина, такъ и для тѣснаго кружка либераловъ, вступить въ соглашеніе по вопросу о скупщинѣ.

Въ тотъ же день Гарашанинъ пригласилъ къ себѣ Груича чрезъ Ранка Алимпича, что и было принято съ согласія остальныхъ членовъ тѣснаго кружка. Въ домѣ Гарашанина Груичъ нашелъ всѣхъ окружныхъ начальниковъ, многихъ изъ предсѣдателей окружныхъ судовъ, депутатовъ отъ духовенства и бѣлградскихъ чиновниковъ. Пока Гарашанинъ въ другой комнатѣ разговаривалъ съ нѣкоторыми изъ гостей своихъ, Груичъ долженъ былъ выдержать жаркія нападенія со стороны противниковъ, преимущественно окружныхъ начальниковъ. Іованъ Перуничичъ, начальникъ чачанскаго округа, говорилъ: «Эти молодые господа читали, какъ было нѣкогда во Франціи, и у нихъ закружились головы; теперь они хотятъ и у насъ перестраивать все по какимъ-

то теоріямъ и издѣваться надъ нами; имъ и дѣла нѣтъ, что столько начальниковъ стоитъ съ народомъ,—имъ хочется, чтобы народъ ихъ слушалъ; не хотятъ договориться съ господиномъ Гарашаниномъ; думаютъ ввести какія-то республиканскія утопіи». Перуничичъ продолжалъ говорить на эту тему, а другіе начальники поддакивали ему и подсмѣивались; Груичъ не отвѣчалъ. Когда его пригласили въ другую комнату, то Гарашанинъ встрѣтилъ его вопросомъ: «Чего ты только хочешь съ такимъ проектомъ? Развѣ чтобъ явилась чужестранная коммисія? такимъ закономъ о скупщинѣ нарушается уставъ, за который поручилась Европа». Груичъ отвѣчалъ рѣшительно, что его друзья безъ предварительнаго утвержденія закона о скупщинѣ на желаютъ перемѣны князя. Гарашанинъ нѣсколько удивился тому. Груичъ однакожь былъ уполномоченъ своимъ кружкомъ согласиться на все, что признаетъ не существенно противорѣчащимъ ихъ взглядамъ. Съ другой стороны, Гарашанинъ могъ склонить къ уступкамъ Мишу Анастасьевича, Вучича и большую часть совѣтниковъ. При такихъ условіяхъ начались переговоры между Гарашаниномъ и Груичемъ. Они стали пересматривать тѣ параграфы проекта, которые въ копіи Гарашанина были подчеркнуты и снабжены примѣчаніями. Споръ начался съ самаго введенія въ проектъ. Гарашанинъ говорилъ, что святоандреевская скупщина, по §§ 7 и 23 закона о ней, можетъ только дѣлать предложенія, которыя не имѣютъ никакого значенія, пока не одобритъ ихъ правительство; а потому и нельзя сказать въ предисловіи къ закону, что скупщина постановляетъ его, но слѣдуетъ употребить выраженіе: предлагаетъ. Гарашанинъ былъ правъ; но народно-либеральная партія не была ничѣмъ обезпечена, что князь и совѣтъ тотчасъ же подтвердятъ законъ, а потому хотѣли провозгласить его отъ имени народа, какъ источника всякой власти, даже не дожидаясь одобренія князя и совѣта; нарушившихъ прежнее обѣщаніе о созваніи скупщины. Министру, подкапывавшемуся подъ своего князя и бывшему въ разладѣ съ значительною частію совѣтниковъ, трудно было убѣдить вождя либеральной партіи, ссылавшагося на право народа не только избирать своего князя, но и собираться на скупщины. Оба они не могли ни принять котораго либо изъ двухъ предложенныхъ ими выраженій, ни найти такого слова, которое имѣло бы среднее значеніе. По поводу словъ: «скупщина есть законная воля всего сербскаго народа», Гарашанинъ высказалъ опасеніе, что всякое заключеніе скупщины на такомъ основаніи само по себѣ можетъ

быть считаемо закономъ, и что всякое собраніе народа можетъ присвоить себѣ право провозглашать подобныя постановленія. Но Груичъ объяснялъ иначе смутившее министра выраженіе: онъ говорилъ, что волею и голосомъ цѣлаго народа будетъ считаться лишь то, что принято скупщиною, созванною законнымъ образомъ, а произвольныя заключенія, выкрикнутыя какою либо толпою народа или населеніемъ отдѣльной мѣстности, даже представителями цѣлаго округа, никоимъ образомъ не могутъ подходить подъ это правило. Гарашанинъ, не отвергавшій необходимости законнаго опредѣленія скупщины, согласился съ Груичемъ. Далѣе онъ находилъ, съ одной стороны, слишкомъ широкимъ, съ другой черезчуръ сильнымъ выраженіе: «кто противится свободной дѣятельности скупщины, тотъ есть измѣнникъ отечеству». По его мнѣнію, свободная дѣятельность допускаетъ всякаго рода дѣйствія, и если при этомъ нельзя остановить ихъ при превышеніи границъ, поставленныхъ закономъ, то скупщина можетъ сдѣлаться для своей земли въ одно и то же время и княземъ, и министерствомъ, и совѣтомъ, что поведетъ къ безпорядкамъ. Груичъ возражалъ, что подъ свободною дѣятельностію скупщины разумѣются только дѣйствія законныя, обязательныя для нея столько же, сколько для князя, совѣта и министерства. Послѣ долгихъ разговоровъ они согласились на такую поправку: «кто противится свободной законной дѣятельности». Слова: «измѣнникъ отечеству» Гарашанинъ желалъ замѣнить выраженіемъ: преступникъ закона. По мнѣнію Груича, оба выраженія были равносильны; на названіи измѣнникомъ ихъ партія настаиваетъ по тому, что оно возбуждаетъ въ народѣ презрѣніе и прямо отвѣчаетъ уголовнымъ законамъ Сербіи, въ которыхъ за измѣну положена смертная казнь, а такое наказаніе есть единственное средство удержать властолюбцевъ отъ покушеній противъ скупщины. Соглашенія по этому спору не послѣдовало. Далѣе Гарашанинъ желалъ исключить примѣненное проектомъ къ скупщинѣ выраженіе: «по своему старинному обычаю». Хотя народно-либеральная партія хотѣла выразить такимъ прибавленіемъ, что права скупщины не суть дѣло новое, а происходятъ изъ давнихъ временъ, но такъ какъ Гарашанинъ говорилъ, что притязанія на древность могутъ быть предметомъ безпрестанныхъ споровъ между правительствомъ и скупщиной и повлекутъ за собой стремленіе съ обѣихъ сторонъ присвоить исключительную власть себѣ; то Груичъ, не желая выказывать особеннаго упорства, согласился выкинуть эти слова. Сильныя пре-

*

пирательства вызваны были вопросомъ: слѣдуетъ ли признать за скупщиною право одобренія всѣхъ законовъ, или только предварительнаго выслушанія ихъ? Груичъ говорилъ, что, поставляя въ зависимость дѣйствующую силу каждаго закона отъ одобренія скупщиною, друзья его хотятъ разъ навсегда прекратить, съ одной стороны, всякія притязанія князя и совѣта на исключительную власть, съ другой, борьбу между ними, вслѣдствіе которой нарушаются законы то въ ущербъ, то въ выгодѣ того или другаго изъ этихъ правительственныхъ органовъ, смотря по тому, на чьей сторонѣ болѣе силы; а особенно желаютъ отнять возможность у Порты и чужеземныхъ консуловъ поддерживать своимъ вліяніемъ то одну, то другую сторону, какъ поступилъ Ететъ-паша; кромѣ того необходимо придать твердость основнымъ законамъ и разграничить объемъ и содержаніе власти князя, совѣта и министерства, чего нельзя достигнуть, не допустивъ, что главные законы не могутъ мѣняться безъ скупщины. Гарашанинъ ссылался на уставъ, по которому законодательная власть принадлежала только князю и совѣту; а еслибы теперь опредѣлили, что для изданія и отмѣны нѣкоторыхъ, хотя бы и важнѣйшихъ законовъ, необходимо одобреніе скупщины, то, обрѣзавъ такимъ образомъ власть князя и совѣта, нарушили бы уставъ, чего недопустятъ ни Порта, ни покровительствующія державы. Груичъ возражалъ, что въ крайнемъ случаѣ можно оправдать новое правило передъ Портою и покровительствующими державами его цѣлію, ибо оно ведетъ не къ ограниченію, а къ утвержденію власти, которую уже имѣютъ князь и совѣтъ и на основаніи которой они могутъ издавать всѣ остальные законы. «А впрочемъ, замѣтилъ Груичъ, вы сами столько разъ говорили, и я вполнѣ въ томъ убѣжденъ, что стоитъ намъ захотѣть чего либо порѣшительнѣе и всѣмъ сообща, то и сама Порта не будетъ противиться тому. Кромѣ того извѣстно, что въ основныхъ законахъ нашихъ нѣтъ твердости и быть не можетъ, пока совѣтъ и князь, по установившемуся обычаю, могутъ мѣнять ихъ когда и какъ угодно; а потому и нужно, чтобы участвовалъ въ томъ кто либо третій, но третьимъ могутъ быть только или Порта, или народъ; ужь конечно нѣтъ ни одного Серба, который пожелалъ бы первой». Гарашанинъ отвѣчалъ, что онъ не желаетъ вмѣшательства Порты, а хочетъ выслушивать народъ, но только не можетъ согласиться на слово «безъ одобренія». Груичъ возражалъ: «Если мы искренно хотимъ скупщину, то

должны желать и того, что обезпечиваетъ ея дѣятельность, иначе значило бы обманывать свѣтъ, ибо, судя по прежнему, никто не можетъ повѣрить, чтобы правительство захотѣло вполнѣ сохранить скупщинскій законъ, если само можетъ передѣлывать и измѣнять его. Условіемъ же выслушанія скупщиной новаго закона не достигается ровно ничего, ибо тогда правительству было бы достаточно предъявить скупщинѣ законъ, выслушать, что она скажетъ, и потомъ опять дѣйствовать какъ угодно». Тогда Гарашанинъ предложилъ третье выраженіе: «безъ споразумленія со скупщиной», на что Груичъ замѣтилъ, что новое слово ведетъ къ такимъ же послѣдствіямъ, какъ и предложенное проектомъ, ибо споразумленіе предполагаетъ соглашеніе скупщины. Гарашанинъ отвѣчалъ: «только не слово одобреніе, а тамъ какъ хотите». Груичъ уступилъ, хотя и видѣлъ, что новое слово не столь сильно, какъ стоявшее въ проектѣ, но при случаѣ удобно для широкаго толкованія. Въ другихъ мѣстахъ проекта, заключавшихъ въ себѣ условіе одобренія со стороны скупщины, на примѣръ, въ вопросахъ о новыхъ налогахъ, о приходахъ и расходахъ, Гарашанинъ предложилъ замѣнить «одобреніе» словами: «пока не докажется необходимость того», и Груичъ согласился съ его мнѣніемъ. Однакожъ въ статью о томъ, что Сербія не можетъ ни заключать государственныхъ долговъ, ни принимать на себя какихъ либо обязательствъ безъ одобренія скупщины, Груичъ не соглашался вставить принятое для предшествовавшихъ статей выраженіе, и такъ какъ Гарашанинъ вполнѣ раздѣлялъ основную мысль параграфа о заключеніи долговъ, то и предложилъ вмѣсто слова «одобреніе» сказать: «пока не пристанетъ на то скупщина», противъ чего Груичъ не спорилъ.

Разсматривая статью, гласившую, что «народная скупщина есть высшій контроль въ странѣ и можетъ провѣрять всѣ государственныя дѣла и изрекать свой судъ о нихъ», Гарашанинъ выразилъ желаніе, чтобы первая половина статьи была совсѣмъ откинута, а вмѣсто другой поставлена: «народная скупщина можетъ провѣрить состояніе народной кассы посредствомъ особой коммисіи». Но когда Груичъ, принявъ первое предложеніе, не согласился со вторымъ, тогда Гарашанинъ придумалъ поставить слово «мнѣніе» вмѣсто «судъ», ибо опасался, чтобы кто не подумалъ, будто скупщина можетъ судить за то или другое дѣло. Груичъ не противорѣчилъ такому измѣненію. Въ проектѣ дано было скупщинѣ право пересматривать законы и распоряженія,

изданныя въ промежутокъ между двумя скупщинскими сессіями, и отмѣнять тѣ изъ нихъ, которыя она найдетъ неудовлетворительными и вредными; Груичъ старался доказать Гарашанину, что изъ такого права скупщины не можетъ произойти никакой опасности ни для правительства, ни для порядка въ странѣ, ибо въ проектѣ нигдѣ не дано было народу права издавать какой либо законъ или распоряженіе, но только отмѣнять не согласные съ народными интересами, правительству же предоставлялось или договориться со скупщиной, или самому размыслить и издать другой законъ, болѣе выгодный для страны. Хотя Гарашанинъ и признавалъ, что такое согласіе или несогласіе скупщины съ изданнымъ безъ нея закономъ полезно для народа и страны, но никакъ не могъ допустить слово «отмѣнить»; по его мнѣнію скупщина могла только предлагать отмѣну такого закона, ибо въ противномъ случаѣ, еслибъ скупщина могла уничтожить постановленія князя, совѣта и вообще правительства, то этимъ былъ бы нарушенъ уставъ. Груичъ вмѣстѣ съ своими друзьями желали возможно болѣе воспользоваться существовавшимъ тогда между правительственными партіями раздоромъ и извлечь изъ него всякія выгоды для народа; но въ то же время онъ видѣлъ, что противная партія начинала опасаться послѣдствій, къ которымъ могло привести усиленіе скупщины, и потому согласился съ мнѣніемъ Гарашанина, выговоривъ однакожь для скупщины право не «предлагать» отмѣну законовъ, а «требовать» ея. Съ параграфомъ, дававшимъ скупщинѣ право суда не только надъ министрами, но и надъ всѣми чиновниками, Гарашанинъ никакъ не могъ согласиться. Онъ признавалъ за скупщиной право предлагать законодательной власти отдачу министровъ подъ судъ, но отрицалъ это право относительно другихъ чиновниковъ, ибо опасался, что оно откроетъ путь внутренней борьбѣ между партіями и личнымъ гоненіямъ. Послѣ многихъ возраженій со стороны Груича, онъ сдѣлалъ еще уступку: предоставилъ скупщинѣ право жаловаться на министровъ предъ судомъ, говоря, что этимъ вполнѣ достигается главная цѣль и устраняются опасныя послѣдствія отъ суда надъ всѣми чиновниками. Хотя Груичъ и понималъ умѣстность замѣчаній Гарашанина, но заявилъ, что не можетъ взять на себя такую перемѣну въ проектѣ. Наконецъ касательно срока созыванія скупщинъ въ проектѣ указанъ былъ августъ каждаго года; Гарашанинъ предлагалъ созывать скупщину черезъ годъ. Груичъ совѣтовалъ и этотъ вопросъ предо-

ставить рѣшенію самой скупщины съ такой оговоркой: если будетъ принятъ двухгодичный срокъ, то въ постановленіи о немъ прямо упомянуть, что слѣдующая скупщина должна быть созвана непремѣнно въ 1859 году. Окончивъ переговоры съ Груичемъ, Гарашанинъ вышелъ къ ожидавшимъ ихъ въ другой комнатѣ окружнымъ начальникамъ и членамъ правительственной оппозиціи, участвовавшимъ въ трудахъ коммисіи, и сообщивъ, на чемъ онъ съ Груичемъ договорился, поручилъ имъ поддерживать принятыя измѣненія.

Въ воскресенье происходило второе засѣданіе коммисіи, но Миша Анастасьевичъ не явился, подъ предлогомъ болѣзни. Снова пересмотрѣли весь проектъ, статью за статьей. Члены тѣснаго кружка народно-либеральной партіи, уже сдѣлавшіе нѣкоторыя уступки Гарашанину, находились въ неловкомъ положеніи относительно депутатовъ того же направленія, засѣдавшихъ въ коммисіи,но не участвовавшихъ въ нереговорахъ съ министромъ. Послѣдніе помнили проектъ въ его прежнемъ видѣ, какъ онъ зачитанъ былъ на скупщинѣ, и знать не хотѣли ни о какихъ перемѣнахъ. Лишь только послышались замѣчанія окружныхъ начальниковъ на предисловіе къ проекту, какъ помянутые депутаты стали сердиться и покрикивать на нихъ. Молодымъ либераламъ пришлось быть посредниками. Они утромъ договорились съ своимъ кружкомъ даже о необходимости перемѣнить постановленіе закона самою скупщиной на простое предложеніе его. Доводы Гарашанина, ссылавшагося при переговорахъ съ Груичемъ на законъ о святоандреевской скупщинѣ, по видимому, возымѣли дѣйствіе. Коммисія приняла эту поправку. Прочли также и всѣ измѣненія, въ которыхъ условились Гарашанинъ съ Груичемъ. Кромѣ того нѣкоторые параграфы были разбиты на два, иные же соединены въ одинъ, такъ что число всѣхъ статей увеличилось до сорока. Наконецъ чиновнымъ членамъ коммисіи удалось выторговать двѣ новыя уступки. Въ проектѣ упоминалось о сербской державѣ. Іованъ Перуничичъ поднялъ страшный крикъ противъ такого выраженія, доказывая, что Сербія вовсе не держава, и что скупщина не смѣетъ называть свою страну такимъ титуломъ, который оскорбитъ покровительствующія державы. Рѣшено было употреблять вездѣ выраженіе «Сербское княжество». Въ проектѣ сказано было, что «чиновники не могутъ ни избирать, ни быть избираемы въ депутаты на скупщину въ тѣхъ округахъ, гдѣ они пользуются властью». Окружные начальни-

ки возражали противъ такого исключенія; но народные депутаты сами согласились на уступку, говоря: «А пусть они участвуютъ въ выборахъ, пусть даже избираются; насъ все-таки болѣе, чѣмъ ихъ, и мы не выберемъ человѣка негоднаго въ глазахъ народа». Статья объ отнятіи у чиновниковъ избирательнаго права была вычеркнута. По пересмотрѣ всего проекта, составленъ былъ докладъ скупщинѣ, который и подписали всѣ присутствовавшіе.

На другой день, 8-го декабря, происходило четвертое засѣданіе святоандреевской скупщины. Миша Анастасьевичъ не явился и въ этотъ день, сказавшись больнымъ. Но ходили слухи, что его болѣзнь притворная, а причину ея объясняли такимъ образомъ: будто онъ представилъ Кабули-еФенди французскій переводъ проекта закона о скупщинѣ, и турецкій комисаръ встрѣтилъ его грознымъ выговоромъ за такія затѣи. Не только Кабули-еФенди, но и французскій консулъ Дезессаръ были убѣждены карагеоргіевцами, что скупщина не выйдетъ изъ воли Гарашанина и Миши Анастасьевича; а потому послѣдній въ глазахъ турецкаго комисара казался виновнымъ въ нарушеніи даннаго обѣщанія. Не явившись въ засѣданіе, Миша дѣлалъ видъ, будто не согласенъ на изданіе закона о скупщинѣ, и въ то же время скрывалъ отъ комисара, что не могъ отвратить скупщину отъ задуманнаго ею дѣла. Предсѣдательствовалъ вмѣсто него Стевча Михаиловичъ, и проектъ закона былъ принятъ единогласно, за исключеніемъ одного параграфа, получившаго только большинство голосовъ. Этотъ параграфъ опредѣлялъ число депутатовъ на будущихъ скупщинахъ. Чиновники, изъ своихъ расчетовъ, а нѣкоторые изъ народныхъ депутатовъ въ видахъ экономіи допускали избраніе одного депутата на тысячу жителей, платящихъ подати; а проектъ предлагалъ по два депутата, и послѣднее было принято большинствомъ голосовъ. Окончательно пересмотрѣнный и обсужденный законъ имѣлъ такой видъ:

«Сербскій народъ чрезъ свою святоандреевскую скупщину, собранную въ Бѣлградѣ 1858 года, предлагаетъ законъ о народной скупщинѣ. Народная скупщина есть одно изъ наистарѣйшихъ и наисвятѣйшихъ установленій въ Сербскомъ княжествѣ. Она есть законная воля всего сербскаго народа. Кто противится существованію и законнымъ свободнымъ дѣйствіямъ народной скупщины, тотъ измѣнникъ народу. Народную скупщину никто не можетъ ни уничтожить, ни ограничить въ ея

правахъ. Народная скупщина заботится обо всемъ, чего требуютъ земскія выгоды. Никакіе законы о князѣ, совѣтѣ, попечителяхъ, народной скупщинѣ не могутъ быть изданы или измѣнены безъ предварительнаго согласія съ народною скупщиной. Народная скупщина имѣетъ власть требовать отъ имени народа, чтобы всякій несоотвѣтствующій цѣли законъ и всякое административное, противное народнымъ интересамъ, распоряженіе были отмѣняемы. Сербія не можетъ не сдѣлать долга, ни принять какого либо обязательства, пока не согласится на то народная скупщина. Никакой доходъ въ пользу государственной кассы, который бы посредственно или непосредственно послужилъ къ отягощенію народа, не можетъ быть установленъ, и никакая выдача изъ народной казны не можетъ быть учинена, пока прежде не будетъ доказана необходимость того предъ народной скупщиной, или особо, или при обсужденіи годичнаго бюджета. Народная скупщина можетъ пересматривать всѣ государственныя дѣла и высказать о нихъ мнѣніе свое. Народная скупщина можетъ отъ имени народа обжаловать предъ судомъ—попечителей, чиновниковъ и служебныя лица безъ различія званія и вѣдомства за ихъ противузаконныя доказанныя дѣла, и судъ долженъ принять жалобу для изслѣдованія и произнесенія приговора. Народная скупщина составляется изъ лицъ, которыя избираетъ народъ. Народная скупщина созывается каждый годъ въ престольномъ городѣ Сербіи около Рождества Богородицы (8 сентября). Правительство должно распорядиться, чтобы избраніе депутатовъ было совершено до Успенія Богородицы (15 августа). Если новые депутаты не будутъ избраны до Успенія Богородицы, тогда депутаты послѣдней скупщины считаются какъ-бы вновь избранными, и должны, не ожидая приглашенія со стороны властей, сами явиться въ назначенное мѣсто и открыть скупщину въ день Рождества Богородицы. Попечители, при коихъ будетъ пропущенъ срокъ, назначенный для созванія и открытія скупщины, должны быть считаемы и наказаны какъ величайшіе преступники закона. Всякій полнолѣтній гражданинъ сербскій, какого бы ни былъ онъ состоянія, чина или званія и занятій, несужденный за преступленіе, учиненное изъ алчности или корыстолюбія, можетъ избирать депутатовъ отъ той мѣстности, гдѣ онъ пребываетъ, или гдѣ имѣетъ недвижимыя имущества или средства къ существованію. Кто можетъ избирать депутатовъ, тотъ можетъ быть вездѣ избранъ въ депутаты, если имѣетъ 30 лѣтъ,

не взирая на то, находится ли онъ въ той мѣстности, гдѣ его избираютъ. Избраніе депутатовъ для народной скупщины должно быть совершенно свободно отъ всякаго вмѣшательства властей. Кто бы угрозами, подарками, или какимъ инымъ недозволеннымъ образомъ старался объ избраніи себя, или кого другаго въ народные депутаты, тотъ долженъ быть наказанъ по суду заключеніемъ отъ одного мѣсяца до года. Каждый срезъ и каждый окружной городъ избираетъ депутатовъ отъ себя, также и всякій городъ въ срезѣ, имѣющій 100 податныхъ душъ, избираетъ отъ себя депутата. Въ срезахъ выбираетъ избирательная скупщина, которую составляютъ избиратели изъ всякаго села или города въ срезѣ. Всякое селеніе, которое не избираетъ отъ себя, если имѣетъ менѣе 50 податныхъ душъ, избираетъ на сельской сходкѣ двухъ человѣкъ; а села, имѣющія болѣе 50 податныхъ душъ, избираютъ по два человѣка на каждыхъ 50 таковыхъ обывателей. Эти избранные люди должны собраться въ опредѣленный день въ назначенномъ мѣстѣ на срезскую скупщину, которая изберетъ депутатовъ для народной скупщины. Въ окружныхъ городахъ, въ Бѣлградѣ, а также въ городахъ, хотя не окружныхъ, но могущихъ избрать отъ себя депутатовъ, выбираетъ ихъ избирательная скупщина, которую составляютъ всѣ имѣющіе таковое право. На избирательной скупщинѣ предсѣдательствуетъ предсѣдатель примирительнаго суда, гдѣ сходится и самая скупщина. Кто имѣетъ наиболѣе голосовъ, тотъ и признается депутатомъ. Каждый срезъ и каждый окружной городъ, а также городъ, находящійся въ срезѣ, но избирающій отъ себя, избираютъ на каждыя 500 податныхъ душъ одного депутата, и тѣ окружные города, которые имѣютъ менѣе 500 податныхъ душъ, избираютъ одного депутата. Если число обывателей, остающееся въ какомъ либо срезѣ или городѣ свыше 500 податныхъ душъ, превзойдетъ 250 таковыхъ душъ, то тамъ долженъ быть избранъ еще одинъ депутатъ; если же сей остатокъ не превышаетъ 250 душъ, то онъ не идетъ въ счетъ. Попечительство внутреннихъ дѣлъ должно обнародовать таблицу, въ которой было бы обозначено, сколько какой окружной городъ, срезъ или городъ неокружной, имѣющій право избрать депутата, имѣютъ податныхъ обывателей и скольких депутатовъ должны избирать. Народная скупщина, подъ управленіемъ старѣйшаго по лѣтамъ между депутатами, должна избрать себѣ изъ своей среды предсѣдателя, подпредсѣдателя и двухъ секретарей. Но секретарей скуп-

щина можетъ избрать и внѣ себя. Полномочія депутатовъ, которыя должны быть снабжены печатью общины и подписаны предсѣдателемъ и производителемъ дѣлъ избирательной скупщины, а въ городахъ и отъ членовъ общины, въ срезѣ же подписями одного избирателя изъ каждаго села, принимаетъ и разсматриваетъ коммисія народной скупщины, составленная изъ 18-ти депутатовъ, а скупщина сама рѣшаетъ, законны ли полномочіе и выборы. По избраніи должностныхъ лицъ народной скупщины и по пересмотрѣ скупщиною полномочій, послѣдняя извѣщаетъ совѣтъ, а сей князя, который или самъ лично, или чрезъ своего представника открываетъ скупщину. Скупщина продолжается не болѣе мѣсяца; но, въ случаѣ чрезвычайной надобности, можетъ продолжаться и долѣе. Засѣданія скупщины могутъ начаться, когда присутствуютъ двѣ трети депутатовъ. Всякое заключеніе скупщины становится законнымъ, когда за него поданы голоса половиною депутатовъ, находящихся въ засѣданіи, и сверхъ того еще одинъ голосъ. Заключеніе народной скупщины подписываютъ предсѣдатель, по одному депутату изъ каждаго округа и секретари. Свои предложенія объ изданіи какого либо закона скупщина представляетъ совѣту. На представленное заключеніе скупщина имѣетъ получить благовременный отвѣтъ. Протоколы засѣданій народной скупщины печатаются въ правительственныхъ и другихъ газетахъ. Въ случаѣ какой либо важной надобности, князь, въ согласіи съ совѣтомъ, можетъ собрать и чрезвычайную скупщину въ такомъ же составѣ, какъ и обыкновенная; но такое созваніе чрезвычайной скупщины не должно ни въ чемъ мѣшать созванію и дѣйствіямъ обыкновенной народной скупщины. Народные депутаты не должны никому и никогда отвѣчать за то, что говорили на скупщинѣ. Народный депутатъ не можетъ во время скупщины быть заключенъ за что бы то ни было, пока не согласится на то скупщина. Но если власть схватила его на самомъ исполненіи преступленія, то можетъ арестовать его, но должна тотчасъ же испросить одобреніе скупщины на дальнѣйшее заключеніе. На печати народной скупщины долженъ стоять сербскій гербъ съ надписью вокругъ: «сербская народная скупщина». Подъ надзоромъ предсѣдателя и секретарей скупщины должно быть ведено достаточное изложеніе всѣхъ дѣлъ скупщины, которое при концѣ послѣдняго засѣданія снабжается обычною подписью скупщины и отдается въ печать, такъ что каждому депутату дается по

одному экземпляру его, и кромѣ того доставляется всѣмъ земскимъ властямъ и общинамъ. Срезскія окружныя власти созываютъ срезскія и городскія скупщины и читаютъ имъ это изложеніе дѣйствій народной скупщины, такъ что весь народъ получаетъ вѣрное и точное извѣстіе обо всемъ, что дѣлано на скупщинѣ. По выслушаніи предложеній, коими занималась народная скупщина, князь, въ согласіи съ совѣтомъ, выслушавъ предварительно о томъ мнѣніе скупщины, издаетъ указъ о прекращеніи дѣйствій скупщины. Указъ сей совѣтъ доставляетъ скупщинѣ, и потомъ князь, или самъ, или чрезъ своего представника, закрываетъ скупщину бесѣдою. Такъ утверждено и провозглашено на народной скупщинѣ 8 декабря 1858 года въ Бѣлградѣ». Законъ этотъ слѣдовало еще представить совѣту и правительству на утвержденіе.

Въ тотъ самый день Вучичъ, недовольный и княжеской партіей и своими каймакамовцами, и слыша отовсюду, какъ усиливается вліяніе либеральной партіи на скупщину, возвращаясь домой изъ совѣтскаго засѣданія, подъѣхалъ къ дому Груича, чего прежде никогда не бывало, и звалъ его къ себѣ послѣ обѣда. Когда Груичъ явился къ нему, Вучичъ распространился въ одобреніяхъ всему, что сдѣлано было либеральною партіей, и приглашалъ соединиться съ нимъ и помочь депутатамъ, съ которыми онъ уже уговорился, позвать его въ завтрашнемъ засѣданіи на скупщину, чтобы взяться съ народомъ за общее дѣло. Такое предложеніе было заманчиво, но Груичъ не рѣшился принять его, ибо зналъ, что Вучичемъ можно было воспользоваться при совершеніи народныхъ дѣлъ, но трудно было бы дѣйствовать въ одномъ съ нимъ направленіи, и потому отвѣчалъ, что не можетъ сказать ничего рѣшительнаго, пока не переговоритъ съ своими друзьями. Между тѣмъ, хотя каймакамовцы и понимали, что уже пора приступить къ сверженію Карагеоргіевича, но Миша Анастасьевичъ, по свойству съ княземъ, желалъ, чтобъ это было исполнено скупщиною безъ его видимаго участія, подъ вліяніемъ кого либо другаго.

Въ слѣдующій день члены скупщины стали рано собираться въ засѣданіе. Между отдѣльными кучками ихъ сновали уже депутаты изъ Гружи, приверженные Вучичу, и поговаривали, что надо позвать его на скупщину, ибо народъ до сихъ поръ дѣйствовалъ за одно съ Вучичемъ, и не слѣдуетъ теперь отдѣляться отъ него, а онъ хочетъ быть съ народомъ и непремѣнно явиться на скуп-

щину, если только позовутъ его. Но члены тѣснаго кружка постарались отговорить помянутыхъ депутатовъ отъ такого шага, доказывая, что Вучичъ и по закону не можетъ присутствовать на скупщинѣ: «Если кто предложитъ позвать его сюда, говорили они, тотъ поступитъ вопреки закона; да кромѣ того Вучичъ совсѣмъ не за насъ, и мы противъ него; съ нами же законъ, всѣ остальные депутаты и цѣлый Бѣлградъ; мы всѣ не желаемъ и не позволимъ, чтобы Вучича приглашали на скупщину». Такое рѣшительное заявленіе отняло у пріятелей стараго воеводы возможность выступить съ ихъ предложеніемъ; а Миша Анастасьевичъ и на этотъ разъ не явился на скупщину. Такимъ образомъ партія, желавшая ускорить паденіе Карагеоргіевича, была ослаблена. Тѣмъ не менѣе, въ рѣчахъ и предложеніяхъ, высказанныхъ въ этотъ день, слышалась приближающаяся гроза. Сторонникъ правительственной оппозиціи, бѣлградскій депутатъ, Михайло Барловацъ, выступилъ съ пятью предложеніями. Онъ требовалъ, чтобы скупщина пересмотрѣла дѣйствія правительства, для каковой цѣли совѣтъ долженъ представить ей извлеченіе изъ министерскихъ отчетовъ съ 1842 года. Хотя нѣкоторые изъ депутатовъ и предлагали начать пересмотръ только съ 1848 года, но скупщина приняла мнѣніе Барловца. Далѣе онъ требовалъ, чтобы совѣтъ представилъ на пересмотръ скупщинѣ уже выработанные особыми коммисіями проекты гражданскаго и уголовнаго судопроизводствъ, чтобъ рѣшенъ былъ спорный вопросъ о нѣкоторыхъ таможняхъ, и чтобы исполнено было желаніе гургусовацкой общины, просившей разрушить въ ея городѣ башню, прославившуюся во время послѣднихъ гоненій. По принятіи всѣхъ предложеній Барловца, начальникъ крушевацкаго округа, Іоца Наумовичъ, единственный карагеоргіевецъ на скупщинѣ, предложилъ отвѣчать благодарственнымъ адресомъ на тронную рѣчь; но единогласно было заключено не давать на рѣчь князя никакого отвѣта. Послѣ того, какъ нѣкоторые изъ депутатовъ заявили о разныхъ злоупотребленіяхъ, совершающихся въ ихъ мѣстностяхъ, предсѣдатель суда въ рудницкомъ округѣ, Божо Божовичъ, предложилъ, чтобы въ судахъ Сербіи введено было гласное судопроизводство и судоговореніе, чтобъ изданъ былъ законъ противъ непомѣрно высокихъ процентовъ и чтобъ у задолжавшихъ сельчанъ нельзя было продавать телѣгъ и воловъ, какъ необходимыхъ для земледѣльца орудій. Лозницкій протоіерей, Игнатій Васичъ, и депутатъ отъ города Крагуевца,

Тодоръ Туцаковичъ, предлагали, чтобъ изданъ былъ законъ о свободѣ печати, что, по ихъ мнѣнію, есть лучшее ручательство за народную свободу. Сдѣлано было еще нѣсколько очень дѣльныхъ предложеній по финансовой части и по народному хозяйству депутатомъ качерскаго среза, Милоемъ Петровичемъ, излагавшимъ свои предложенія со всею подробностью. Засѣданіе кончилось указаніемъ на беззаконныя дѣйствія нѣкоторыхъ капетановъ, бравшихъ деньги изъ общинскихъ кассъ для раздачи ихъ подъ произвольные проценты.

Такимъ образомъ прошло уже шесть дней, какъ собралась скупщина, а вопросъ о судьбѣ князя не подвинулся ни на шагъ впередъ. Вечеромъ каймакамовцы собрались въ домѣ Миши Анастасьевича, пригласивъ туда же Стевчу Михайловича, Ранка Алимпича и Ефрема Груича. Тамъ были и всѣ чиновные члены скупщины: окружные начальники и предсѣдатели окружныхъ судовъ, архимандриты и протоіереи. Имѣя за себя большинство въ этомъ класѣ членовъ скупщины, Гарашанинъ и Миша Анастасьевичъ вполнѣ были увѣрены въ успѣхѣ своего предпріятія; но Вучича не было при этихъ совѣщаніяхъ. Хозяинъ дома и Гарашанинъ договаривались съ представителями либеральной партіи въ особой комнатѣ. Стевча такъ описываетъ въ своихъ запискахъ разговоръ съ ними. «Они спросили меня:—«рѣшились ли вы, чтобы вмѣстѣ низвергнуть Александра?»—Въ томъ не можетъ быть никакого сомнѣнія; мы готовы,—было отвѣтомъ. Они протянули мнѣ руки и такимъ завѣреніемъ мы утвердились другъ въ другѣ; но только и было разговора: свергнемъ Александра! а болѣе ни о чемъ ни слова ни они, ни я не говорили, никто не спросилъ, какъ будемъ дѣйствовать далѣе. Только Миша сказалъ мнѣ: «держись ты насъ и будешь счастливымъ человѣкомъ!»»

Предчувствуя опасность, придворная партія, вѣрная въ своихъ дѣйствіяхъ принятой ею охранительной програмѣ, вывела 10-го декабря съ ранняго утра на Врачаръ всѣ войска, конницу, пѣхоту и артиллерію, какъ-бы для маневровъ, и около того времени, когда народные депутаты собирались на скупщину, войска возвращались въ казармы большой топчидерской дорогой, предшествуемыя музыкантами, наигрывавшими побѣдный маршъ. Всѣ начальники войска и офицеры остались въ казармахъ, находившихся не болѣе какъ во ста шагахъ отъ зданія, гдѣ засѣдала скупщина. Совѣтъ также находился въ полномъ составѣ въ обычномъ помѣщеніи своемъ. Министры собрались въ своей канце-

ляріи, находившейся подлѣ дворца. Но въ самомъ городѣ незамѣтно было никакого особеннаго движенія. Въ засѣданіе скупщины явился и Миша Анастасьевичъ. До открытія его, депутаты разговаривали отдѣльными кружками и почти шепотомъ. Все собраніе имѣло видъ торжественный, но по временамъ не трудно было замѣтить на лицахъ депутатовъ, что они внутренно чемъ-то озабочены. Въ $9^1/_2$ часовъ раздался звонокъ предсѣдателя; наступила минута глубокой тишины. Но вотъ всталъ предсѣдатель, и общее вниманіе сосредоточилось на немъ. Миша просилъ скупщину выслушать его рѣчь, которую онъ будто бы хотѣлъ произнести еще въ день открытія скупщины, но отчасти изъ необходимости предварительно установить порядокъ въ скупщинѣ, а потомъ по болѣзни, не могъ исполнить этого. Рѣчь эту однакожь Миша не самъ говорилъ, хотя и считался человѣкомъ краснорѣчивымъ, но далъ ее въ рукописи прочесть Груичу. Поблагодаривъ депутатовъ за свое избраніе въ предсѣдатели народной скупщины, Миша Анастасьевичъ въ своей рѣчи главнымъ образомъ упиралъ на то, что отнынѣ его честь связана съ дѣятельностію скупщины, что, будучи щедро одаренъ отъ судьбы всѣми благами, онъ желаетъ лишь одного, чтобъ охранить свое имя отъ всякаго порицанія и при удобномъ случаѣ, каковъ нынѣшній, оказать помощь своему народу: «счастливъ человѣкъ, котораго сопровождаетъ народное благословеніе; тяжко тому, на кого надѣется весь народъ». Далѣе Миша изображалъ себя человѣкомъ чуждымъ обманчивыхъ мечтаній неопытной молодости, проникнутымъ искреннимъ чувствомъ любви къ народу и отечеству и заботящимся, чтобы все шло своимъ порядкомъ и законнымъ путемъ. «А потому до всего дойдетъ своя очередь, говорилось въ рѣчи;—пусть каждый изъ васъ будетъ терпѣливъ и не нарушаетъ порядка. Есть вопросы, о которыхъ надо долго разсуждать, и если они будутъ предложены, не станемъ требовать ихъ рѣшенія въ тотъ же день, ибо потомъ можемъ раскаяться, что рѣшили ихъ такъ. Надо дать людямъ время хорошо размыслить обо всемъ; въ такихъ дѣлахъ поспѣшность всегда вредна, а медленность и осмотрительность—никогда. Будемъ совѣщаться тихо, разсудительно и достойно, какъ приличествуетъ депутатамъ сербскаго народа. Никто не долженъ спрашивать скупщину, одобряетъ ли она его мысли; это прав принадлежитъ одному предсѣдателю, и кромѣ того мнѣніе скупщины обнаружится при собираніи голосовъ. Отнынѣ мы и

будемъ такъ дѣйствовать». Прочитанная рѣчь председателя произвела различное впѣчатлѣніе на депутатовъ. Чиновнымъ людямъ и членамъ каймакамовской партіи она показалась безукоризненною. Приверженцы Обреновичей видѣли въ ней намеки на рѣшительное намѣреніе председателя руководить народнымъ движеніемъ и, по сверженіи князя, овладѣть ходомъ дѣлъ. Народно-либеральная партія смотрѣла на рѣчь председателя, какъ на попытку возвысить свое положеніе, нѣсколько ослабленное дѣйствіями либераловъ во время предшествовавшихъ засѣданій, поднять свое первенствующее значеніе въ ту минуту, когда вся страна готовилась перемѣнить своего главу, и въ то же время ограничить вмѣшательство либераловъ въ дѣйствія скупщины. Въ самомъ нежеланіи лично сказать свою рѣчь и въ передачѣ ея для прочтенія секретарю иные видѣли подражаніе князю, тронная рѣчь котораго прочтена была при открытіи скупщины его представникомъ. Своею рѣчью Миша Анастасьевичъ какъ-бы давалъ знать, что лишь теперь начинается настоящее дѣло, для коего народъ послалъ своихъ депутатовъ на скупщину. Въ этомъ смыслѣ рѣчь произвела ободряющее впечатлѣніе. Даже крайніе либералы, которымъ не понравился намекъ на обманчивыя мечтанія неопытной молодости, сочли за лучшее присоединить свои голоса къ общему заявленію признательности, гремѣвшему во всѣхъ концахъ собранія и славившему мудрость председателя. Когда смолкли хвалы, Миша Анастасьевичъ объявилъ, что слово принадлежитъ бѣлградскому депутату Михаилу Барловцу.

Барловацъ взошелъ на трибуну и сталъ говорить, частію на память, частію по рукописи, длинную бесѣду, въ которой пересчитывалъ народныя тягости и обвинялъ въ нихъ правительство. При этомъ онъ часто восклицалъ: «Не такъ ли братья»? и вмѣстѣ съ председателемъ, забывшимъ, что право спрашивать скупщину о ея мнѣніи онъ самъ только что объявилъ принадлежащимъ исключительно ему, всѣ присутствовавшіе отвѣчали: «Такъ! все такъ»! Послѣ Барловца сталъ говорить председатель окружнаго смедеревскаго суда, Сима Протичъ. Онъ довольно краснорѣчиво доказывалъ, что сербскій народъ, добывшій свои права кровію, можетъ имѣть собственное правительство въ лицѣ князя и совѣта, и, стало быть, права послѣднихъ проистекаютъ отъ народнаго права, а не оно изъ правъ князя и совѣта: «если это такъ, продолжалъ онъ, тогда народъ

имѣетъ право привлечь князя и совѣтъ къ отвѣтственности за дѣла, которыя были бы противны уставу и народнымъ интересамъ». Затѣмъ онъ сталъ исчислять всѣ правительственныя злоупотребленія. Изложивъ ихъ по пунктамъ и кончивъ свою рѣчь, онъ передалъ обвинительный актъ противъ правительства скупщинѣ, а предсѣдатель спросилъ депутатовъ: «Такъ ли братья»? и вся скупщина отвѣчала единодушно: «Такъ! все такъ»! при чемъ нѣкоторые прибавили: «Народъ можетъ всякого судить! нельзя болѣе терпѣть того»! Оба оратора, высказавшіеся противъ правительства, и Барловацъ, сторонникъ каймакаміи, и Протичъ, приверженецъ Обреновичей, были люди рѣчистые и обладали голосомъ, потрясавшимъ всю залу. Послѣ ихъ рѣчей, вмѣсто заботливости и напряженности, въ скупщинѣ воцарились увѣренность и развязность. Тогда опять сталъ говорить арловацъ, но голосомъ тихимъ, заявляя, что прочтетъ обвиеніе противъ князя, и сталъ читать актъ, составленный Гараанином ъ еще для скупщины, которая предполагалась правиельственною оппозиціей во время пріѣзда въ Бѣлградъ Етемъаши. Обвиненіе касалось шести видовъ преступленій: князь еступилъ уставныя и законныя опредѣленія о законодательной асти сербской; онъ нарушилъ обычное скупщинское право нада; онъ поступалъ въ противность уставнымъ и законнымъ редѣленіямъ объ административной власти; нарушалъ такія же редѣленія о судебной власти; не соблюдалъ постановленій, каающихся личной безопасности и свободы гражданъ; наконецъ, ъ преступалъ законы, обезпечивающіе неприкосновенность ущества. Обвиненія сопровождались доказательствами, заимвованными изъ архивовъ, или изъ частныхъ свидѣтельствъ, подкрѣплялись ссылками на сборникъ законовъ *). Чѣмъ лѣе шло чтеніе обвинительнаго акта, тѣмъ болѣе увеличилось огорченіе членовъ народной скупщины и распалялся хъ гнѣвъ. На предложенные неоднократно ораторомъ вопроы: «Такъ ли это»? скупщина не переставала отвѣчать: «Такъ, акъ! все такъ»! Наконецъ нѣкоторые изъ депутатовъ закричали: «Да кто-жь виноватъ въ томъ»? и когда Барловацъ, продолжая бесѣду, самъ крикнулъ: «Кто же виновенъ въ томъ»? и тотчасъ же отвѣчалъ: «Я думаю, братья, что князь причиной того, что народъ терпитъ такія бѣдствія»,—тогда и вся скуп-

*) См. «Россія и Сербія», т. II, стр. 647—653.

щина закричала въ одинъ голосъ: «Онъ, онъ виноватъ»! Председатель три раза повторилъ вопросъ: «Утверждаете ли всѣ, что онъ виноватъ»? и трижды зала засѣданій оглашалась ужаснымъ крикомъ: «Всѣ утверждаемъ, что онъ виновенъ». Миша Анастасьевичъ опять три раза спросилъ: «Хотимъ ли терпѣть то и далѣе?» и получалъ постоянно въ отвѣтъ: «Не хотимъ»! Тогда ораторъ сказалъ: «Что-жъ теперь надо дѣлать? чего требовать отъ него»? а въ отвѣтъ раздался общій крикъ: «Отставку, отставку»! Предсѣдатель всталъ и, позвонивъ въ колокольчикъ, повторилъ троекратно: «Хотятъ ли всѣ отставку»? Члены скупщины, вскочивъ на ноги, отвѣчали: «Отставку, отставку, отставку! не хотимъ его болѣе»! Миша Анастасьевичъ обратился къ секретарямъ съ словами: «Господа секретари! внесите въ протоколъ заключеніе скупщины, что отъ князя требуется прошеніе объ отставкѣ; напишите и самое прошеніе, которое мы пошлемъ ему для подписи, а также актъ, при которомъ мы препроводимъ прошеніе къ князю». Составленный заранѣе актъ скупщины, адресованный къ князю, гласилъ: «Народная скупщина отъ имени сербскаго народа, въ нынѣшнемъ засѣданіи своемъ, единогласно изъявила единодушное желаніе своего народа, чтобы вы сложили съ себя достоинство сербскаго князя и передали свою власть народной скупщинѣ. Народная скупщина шлетъ къ вамъ депутацію изъ своей среды и передаетъ ей сей актъ для поднесенія вашей свѣтлости вмѣстѣ съ отреченіемъ, которое ваша свѣтлость изволите подписать. Народная скупщина надѣется, что ваша свѣтлость уважите голосъ своего народа, и изъ любви къ счастію, миру и спокойствію отечества, и нашего и вашего, добровольно отречетесь отъ власти и подобно тому, какъ въ 1842 году народная скупщина передавала вамъ власть, такъ и вы, свѣтлый князь, возвратите ее нынѣ скупщинѣ, а чрезъ нее народу». Форма для отреченія князя отъ своего достоинства была принята слѣдующая: «Какъ мнѣ сербскій народъ, избравъ меня своимъ княземъ въ 1842 году, ввѣрилъ власть и княжеское достоинство, такъ я теперь, по всеобщему желанію, передаю святоандреевской народной скупщинѣ всю власть и княжеское достоинство, испрашивая счастіе и благословеніе Божіе моему народу, а всѣхъ моихъ чиновниковъ разрѣшаю отъ присяги, принесенной мнѣ».

Надлежало приступить къ избранію депутаціи, которая должна была поднести князю оба скупщинскіе акта и требовать отъ

него отставки. «Приличнѣе было бы, замѣчаетъ Стевча Михайловичъ въ своихъ запискахъ, чтобы депутацію велъ самъ предсѣдатель; но онъ взволновался говоря, что состоя въ родствѣ съ Карагеоргіевичемъ чрезъ свою дочь, не можетъ лицемѣрить, не можетъ представить князю прошеніе объ отставкѣ и требовать отъ него подписи этого акта; а понуждалъ меня идти во дворецъ, приговаривая: «Когда воротишься, получишь отъ меня двѣсти дукатовъ въ благодарность за то, что ты ходилъ»; но я сказалъ, что сама скупщина должна выбрать и депутацію, и вождя ей». *) Депутація составилась изъ лицъ всѣхъ партій, по одному человѣку отъ каждаго округа Сербіи; обязанность вести ее къ князю возложена была на Стевчу. Отправивъ своихъ вѣстниковъ къ Карагеоргіевичу съ печальнымъ для него извѣстіемъ, скупщина написала сообщенія о принятыхъ ею рѣшеніяхъ не только совѣту, но также начальникамъ военнаго штаба и мѣстнаго гарнизона. Бумага въ совѣтъ отправлена была съ особою депутаціей. Не расходясь изъ залы совѣщаній, скупщина ожидала возвращенія своихъ депутатовъ, которые были приняты Карагеоргіевичемъ, успѣли сообщить ему опредѣленіе скупщины и подать прошеніе объ отставкѣ для подписи. «Онъ взялъ его въ руки, сказано въ запискахъ Стевчи, свернулъ его, опять развернулъ и потомъ сказалъ: «Чего хотите теперь?»—«Чтобъ вы подписали это прошеніе объ отставкѣ; народъ не хочетъ болѣе имѣть васъ своимъ княземъ, а потому и повинуйтесь опредѣленію скупщины», отвѣчалъ я.—«Кого жъ вы хотите въ князья?» спросилъ онъ. «Обреновича», отвѣтилъ я. «Но котораго Обреновича?» спросилъ онъ опять. «Князя Милоша».—«Истинно, сказалъ онъ, нѣтъ болѣе справедливаго выбора: человѣкъ заслуженный»,—какъ будто мы не знали заслугъ Милоша, и какъ будто самъ онъ не зналъ, что мы ищемъ не избранія, но возстановленія наслѣдственныхъ правъ Обреновичей. «Но, прибавилъ онъ далѣе, вы не можете того достигнуть».—«Будьте покойны и не заботьтесь много о томъ, господарь, достигнемъ съ Божіей помощью», отвѣтилъ я. «Знаю, говоритъ, что вы хотите этого, но вы не знаете, какъ все

---

*) Миша Анастасьевичъ любилъ прибѣгать къ денежнымъ подаркамъ людямъ, которыхъ просилъ о чемъ нибудь. Такъ Этемъ-пашѣ, при его отъѣздѣ изъ Бѣлграда, онъ далъ большую сумму въ видѣ займа, и тотъ выстроилъ на эти деньги большой домъ на Босфорѣ, а занятыхъ денегъ не возвратилъ.

*

слажено и рѣшено: каймакамы уже назначены, и вѣруйте мнѣ, ничего не можете сдѣлать въ пользу Обреновичей; другіе будутъ на ихъ мѣстѣ». На эти слова я отвѣчалъ: «Такъ какъ народъ теперь согласился и отважился призвать Обреновичей, то никто не будетъ въ силахъ, кромѣ Бога, воспротивиться тому. А вы слышите и видите, что всѣ схватились за оружіе, чтобы достичь своихъ желаній».—«Еслибъ вы знали, возразилъ онъ, какъ я, что̀ противъ васъ приготовлено! Подпись же мою подъ отставкой прошу васъ подождать до утра; пусть въ восемъ часовъ придетъ г. Стевча, и она будетъ готова». Но всѣ остальные депутаты закричали:«Теперь! теперь!»Тогда онъ раскрылъ руками платье на груди и сказалъ: «Вотъ вамъ, убейте меня, если не хотите подождать до утра». Я отвѣтилъ: «Если дѣло идетъ объ убійствѣ, тогда надо дѣйствовать иначе, а мы желаемъ достигнуть нашей цѣли мирнымъ путемъ; надѣемся, что и вы не будете прибѣгать къ силѣ, когда васъ народъ болѣе не хочетъ». Онъ опять сказалъ: «Я подпишу отставку и утромъ въ 8 часовъ отдамъ вамъ...» Въ это время юркнула изъ дверей въ нашу залу княгиня Персида и начала было кричать. Но Александръ встрѣтилъ ее въ дверяхъ и сталъ толкать назадъ, она не хотѣла; онъ едва могъ протурить ее и, затворивъ двери, обернулся къ намъ съ словами: «Утромъ въ 8 часовъ отставка будетъ готова; до тѣхъ поръ прошу васъ подождать».—«Можемъ ли положиться на ваши слова, что къ тому времени отставка будетъ готова надлежащимъ образомъ?»—спросилъ я.«Вполнѣ вѣрьте мнѣ, г. Стевча»,—послышалось въ отвѣтъ, чѣмъ мы и удовлетворились». Депутація была вынуждена согласиться на усиленныя просьбы князя; но когда начали выходить изъ залы, у Станенковича сжалось сердце отъ мысли, что порученіе скупщины не исполнено, и они возвращаются съ пустыми руками. Онъ сталъ было просить товарищей вернуться назадъ, но многіе уже вышли на улицу, и онъ долженъ былъ пристать къ нимъ *). Какъ бы то ни было, возвратившись въ залу засѣданія скупщины, Стевча Михаиловичъ объявилъ, что князь желаетъ обождать своимъ рѣшеніемъ до утра, и что депутація согласилась на то. Затѣмъ пришли депутаты, ходившіе въ совѣтъ, и принесли извѣстіе, что совѣтники приняли посланный имъ скупщиною актъ и не изъявили

*) «Живот Андрие Стаменковича», стр. 35.

противорѣчія народному желанію. Вслѣдъ за нимъ совѣтъ самъ прислалъ къ народной скупщинѣ депутацію, членами которой были Вучичъ, Гаврило Еремичъ и Ранко Матеичъ, съ вопросомъ, какія причины побудили скупщину требовать отъ князя отреченія. Имъ отвѣчали, что причины эти всѣмъ извѣстны, а если нужно, то скупщина можетъ послать совѣту цѣлую записку о злоупотребленіяхъ верховной власти. Совѣтники удалились, и скупщина разошлась въ половинѣ третьяго.

Между тѣмъ князь пригласилъ къ себѣ всѣхъ консуловъ и обратился за совѣтами къ турецкому комисару Кабули-ефенди и бѣлградскому Османъ-пашѣ. Расказавъ консуламъ, что произошло въ этотъ день, князь просилъ у нихъ совѣта относительно того, что ему дѣлать, прибавивъ, что считаетъ скупщину вышедшею изъ законныхъ границъ. Консулы отвѣчали, что они извѣстятъ свои правительства, но что во всемъ этомъ наиболѣе компетентные судьи—совѣтники и министры князя. Комисаръ Порты и паша также не дали никакихъ совѣтовъ, но обѣщали испросить по телеграфу приказаній изъ Константинополя. Вскорѣ разнесся слухъ, что князь хочетъ обратиться къ народу и бѣжать съ свойскомъ въ Крагуевацъ. Такое подозрѣніе могло быть справедливо; но безхарактерность Карагеоргіевича, совершенно растерявшагося среди подстрекательствъ родныхъ и придворныхъ и уклончивыхъ отвѣтовъ турецкихъ властей и чужеземныхъ консуловъ, не позволяла думать, чтобы онъ рѣшился на какой либо важный шагъ. Однакожь смущеніе было общее, и большія толпы вооруженныхъ жителей Бѣлграда съ одной стороны обступили дворецъ, а съ другой засѣли по дорогѣ въ Крагуевацъ. Тогда вожди каймакамовской партіи рѣшились овладѣть ходомъ событій и для большей увѣренности въ дѣйствіяхъ перевести скупщину изъ ея обычнаго помѣщенія, находившагося въ такой опасной близости къ казармамъ, переполненнымъ войсками, въ большую залу лучшей тогда въ Бѣлградѣ гостинницы «у Сербской короны», находившейся между домами Вучича и Миши Анастасьевича, противъ дома Гарашанина и вблизи крѣпостныхъ стѣнъ, защищаемыхъ турецкими пушками. Миша и Гарашанинъ пришли въ гостинницу, и первый, въ качествѣ предсѣдателя скупщины, отправилъ разсыльныхъ къ депутатамъ съ приглашеніемъ собрать всѣхъ въ новое приготовленное для нихъ помѣщеніе, нанятое Мишей еще въ ноябрѣ, на всякій непредвидѣнный случай, за 600 ду-

катовъ на три мѣсяца. Депутаты, большею частію толпившіеся въ народѣ, собрались и готовы были направиться по указанному пути. Съ возвышеннаго перекрестка Теразійской улицы, ведшей отъ дворца къ крѣпости и къ прежнему помѣщенію скупщины, видны были оба пути: направо людная улица къ гостинницѣ «у Сербской короны», находившейся въ рукахъ сторонниковъ каймакаміи и подъ прикрытіемъ турецкихъ пушекъ, налѣво спускалась дорога къ скупщинскому дому, но къ нему обращены были пушки, охраняемыя войсками, которыми управляли родственники князя. Направо толны народа, налѣво пусто; тамъ полная безопасность, здѣсь опасность очевидная. Толпа собравшихся депутатовъ уже готова была двинуться направо съ Теразійской улицы, когда Андрей Стаменковичъ все еще встревоженный неудачными переговорами съ княземъ, отдѣлился и повернулъ налѣво. Ему кричали: «Куда ты?» а онъ отвѣчалъ: «На скупщину, гдѣ она была до сихъ поръ».—«Здѣсь теперь скупщина», говорили ему, указывая направо; но онъ продолжалъ: «Я лучше хочу находиться подъ страхомъ отъ сербскихъ, нежели подъ защитой отъ турецкихъ пушекъ; я хочу туда, откуда исходятъ народныя рѣшенія», и двинулся далѣе *). Тогда вся толпа послѣдовала за нимъ, а къ остальнымъ депутатамъ разосланы были люди съ извѣстіемъ, что засѣданіе будетъ на старомъ мѣстѣ. За депутатами направился и народъ. Начинало смеркаться, когда скупщинская зала наполнилась депутатами, а на дворѣ и въ сосѣднихъ улицахъ и переулкахъ собрались вооруженные жители Бѣлграда. Не безъ смущенія взирали вожди либеральной партіи на слабо освѣщенную залу скупщинскихъ засѣданій, на нестройную толну депутатовъ съ красными фесами на головахъ, съ блиставшими серебряной оправой пистолетами въ поясахъ и съ перекинутыми подъ мышки саблями въ позолоченныхъ ножнахъ; на сосѣднія улицы, начинавшія покрываться вечернимъ мракомъ и переполненныя народомъ, увѣшаннымъ самымъ разнороднымъ оружіемъ. Туда же долженъ былъ явиться и Миша Анастасьевичъ, уговоренный къ тому Гарашаниномъ. Онъ открылъ чрезвычайное засѣданіе. Начались пренія о томъ, что должна дѣлать скупщина въ виду разнесшихся слуховъ о предполагаемомъ бѣгствѣ князя въ Крагуевацъ. Рѣшили еще разъ

*) «Живот. Андрие Стаменковича», стр. 36.

пойти путемъ переговоровъ. Составлена была депутація и отправлена къ совѣту, собравшемуся въ княжеской канцеляріи, съ просьбой высказаться рѣшительно, пристають ли совѣтники къ народу, и, въ случаѣ согласія на то, дѣйствовать на князя, чтобы до утра подписалъ свою отставку и передалъ власть народной скупщинѣ. Депутація должна была ждать отвѣта цѣлыхъ два часа. Совѣтъ, получивъ запросъ отъ скупщины, долго совѣщался объ этомъ дѣлѣ вмѣстѣ съ приглашенными въ засѣданіе попечителями. Нѣкоторые изъ совѣтниковъ, состоявшіе въ родственныхъ и вообще близкихъ отношеніяхъ къ фамиліи Обреновичей, то и дѣло ходили изъ канцеляріи въ дворцовыя комнаты и назадъ. Придворная партія, столь кичливая во времена неограниченной власти, разсыпалась, и каждый думалъ о себѣ. Немногіе предлагали взяться за рѣшительныя мѣры, двинуть войска; но не находилось людей, способныхъ руководить борьбою съ народомъ. Сильнѣе другихъ говорила въ пользу строгихъ мѣръ княгиня Персида; она склоняла мужа уйти въ Крагуевацъ, хотя такое бѣгство было почти невозможно въ виду поспѣшно вооружившагося народа. Карагеоргіевичъ колебался и наконецъ самъ рѣшился позвать къ себѣ совѣтниковъ и попечителей, чтобы выслушать ихъ мнѣнія о томъ, что слѣдуетъ предпринять. Совѣтъ, обязанный дать такой же отвѣтъ и скупщинѣ, явился къ князю. Карагеоргіевичъ просилъ помощи у своихъ совѣтниковъ; но нѣкоторые изъ нихъ не только отказали въ ней, но и пугали еще князя опасностями, которыя онъ могъ накликать на себя сопротивленіемъ народной волѣ. Карагеоргіевичъ не могъ добиться ни отъ совѣтниковъ, ни отъ попечителей ни одного утѣшительнаго слова. Они разошлись отъ него, чтобы дать скупщинской депутаціи благопріятный отвѣтъ касательно ихъ полнаго согласія съ рѣшеніями скупщины, но вмѣстѣ съ тѣмъ сообщить, что князь не поддается никакимъ совѣтамъ и все еще не подписалъ отреченія.

Между тѣмъ, пока скупщина ожидала отвѣта отъ совѣтниковъ и попечителей, Карагеоргіевцы и сторонники каймакаміи пытались подбить скупщину къ провозглашенію князя низверженнымъ, лишеннымъ верховной власти. Карагеоргіевцы, вызвавъ скупщину на столь крайнюю мѣру до отреченія самого князя, расчитывали потомъ обвинить ее въ произвольныхъ и насильственныхъ дѣйствіяхъ. У каймакамовцевъ была другая

цѣль при этомъ: воспользовавшись такимъ рѣшеніемъ скупщины и присутствіемъ низложеннаго князя во дворцѣ, они надѣялись еще до выбора преемника ему захватить верховную власть въ свои руки. Къ скупщинскому дому и въ народъ были подосланы нарочные люди изъ приверженцевъ уставобранительской партіи, въ которой послѣ паденія Карагеоргіевича ежеминутно могло возстановиться прежнее равновѣсіе и согласіе. Эти люди успѣли вызвать изъ залы засѣданій нѣкоторыхъ депутатовъ и, пугая ихъ упорствомъ князя, намѣревавшагося будто бы опереться на войско, склоняли ихъ выкрикнуть на скупщинѣ низверженіе его; такую же мысль распространяли и въ вооруженныхъ толпахъ народа, охранявшихъ сосѣднія съ скупщинскимъ зданіемъ улицы. Въ случаѣ успѣха такихъ подстрекательствъ, могли произойти двоякія послѣдствія: или скупщина не успѣла бы постановить никакого рѣшенія ни о новомъ князѣ, ни о временномъ правительствѣ, и тогда бы совѣтъ въ тотъ же вечеръ назначилъ правленіе, какого захотѣли бы Гарашанинъ, Вучичъ и Миша Анастасьевичъ, и съ которымъ на другой день скупщина должна была бы примириться, чтобы не подвергать себя новой ссорѣ и новымъ опасностямъ; или же скупщина, объявивъ низверженіе Карагеоргіевича, провозгласила бы новаго князя, по всей вѣроятности Обреновича, и тотчасъ же бы составила временное правленіе, что̀ заставило бы враждовавшія до тѣхъ поръ обѣ части старой уставобранительской партіи соединиться противъ скупщины; а такъ какъ все находилась въ рукахъ этихъ партій, и впереди была цѣлая ночь для составленія плана дѣйствій, то онѣ могли бы на другой день распустить скупщину, разогнать вождей народно-либеральной партіи и чрезъ то отстранить успѣхъ Обреновичей. Вотъ почему люди, руководившіе дѣйствіями соединенныхъ либераловъ и Обреновичевыхъ сторонниковъ, поспѣшили предупредить такой шагъ со стороны скупщины, въ чемъ и имѣли успѣхъ, благодаря множеству своихъ приверженцевъ среди нея. Когда депутація, ходившая въ совѣтъ, принесла отвѣтъ его, то, по занесеніи въ протоколъ ея доклада, рѣшено было разойтись, ожидать до утра княжескаго отреченія, и, въ случаѣ отказа его подписать актъ,—предпринять другія мѣры.

Былъ восьмой часъ вечера, когда члены скупщины стали расходиться. Но едва предсѣдатель съ остальными депутата-

ми показался на дворѣ, какъ изъ народной толпы послышались общіе крики: «Не выходите вонъ! не пустимъ, пока не свершите народнаго дѣла». Нѣкоторые изъ депутатовъ хотѣли было спорить съ предводителями народной толпы, но ихъ никто не слушалъ, и только раздавался одинъ крикъ: «Не пустимъ!».. Члены скупщины возвратились въ залу. Миша Анастасьевичъ объявилъ, что вооруженный народъ, окруживъ скупщину со всѣхъ сторонъ, не пускаетъ никого выйти и кричитъ, что не дозволитъ разойтись скупщинѣ, «пока она не совершитъ дѣла». Всѣ депутаты столпились около предсѣдательскаго стола, не зная, что предпринять. Вожди народно-либеральной партіи догадались, что ихъ друзья, бывшіе съ народомъ и руководившіе имъ, не поняли подставленной имъ западни, потому что не только не укрощали, но еще подстрекали и поддерживали толпу въ ея неотступныхъ требованіяхъ, чтобы скупщина, не расходясь, объявила Карагеоргіевича лишеннымъ власти, ибо такое значеніе имѣли слова: «пока не свершитъ народнаго дѣла». Тогда послѣ минутнаго колебанія вышелъ на крыльцо скупщинскаго дома Ефремъ Груичъ. Прежде всего онъ вызвалъ тѣхъ изъ друзей своихъ и пріятелей, которые были съ народомъ, какъ-то: Ранка Алимпича, Іована Бели-Марковича, Іована Дмитричевича, Стефана Лукича, Васу Маджаревича, Стефана Кирича и другихъ, кто находился поближе. Онъ вкратцѣ объяснилъ имъ истинное положеніе народнаго дѣла и необходимость отложить все до утра, для чего и просилъ пропустить членовъ скупщины. Выслушавъ Груича и усвоивъ его взгляды, они разошлись въ толпѣ, чтобы утишить ее; а самъ Груичъ обратился къ народу съ рѣчью. Сперва онъ спросилъ: «Братья! знаете ли вы, кто я и что вамъ хочу сказать?» и не давъ времени отвѣтить, продолжалъ: «Я по имени Ефремъ Груичъ, по желаніямъ тотъ самый, что съ вами вмѣстѣ выбиралъ бѣлградскихъ депутатовъ, по званію секретарь скупщины». Ему отвѣчали: «Знаемъ тебя всѣ, говори!» Груичъ спросилъ: «Имѣете ли довѣріе ко мнѣ? вѣрите ли, что я хочу того же самаго, чего и вы?» Въ отвѣтъ слышалось отовсюду: «Вѣримъ, вѣримъ! говори свободно!» Тогда Груичъ началъ свое слово: «Народной скупщинѣ нѣтъ непріятнаго въ томъ, что вы сошлись около нея такъ вооруженные. Ей пріятно видѣть васъ около себя, ожидающихъ въ такомъ числѣ и въ такомъ согласіи, чтобы совершилось великое народное дѣло. Но прошу васъ, подумайте, кто засѣдаетъ въ этой залѣ?—избранники всего народа, депутаты,

которыхъ вся Сербія послала въ Бѣлградъ. Такъ этимъ-то людямъ вы заграждаете путь? Развѣ вы хотите, чтобы враги могли еще нынѣшнею ночью сорвать два плода: пустить слухъ въ народѣ, что жители Бѣлграда осадили скупщину, а по чужимъ странамъ разгласить, что сербская скупщина не имѣетъ свободы, и однимъ разомъ оклеветать васъ предъ своимъ народомъ и осрамить предъ остальнымъ просвѣщеннымъ міромъ? Развѣ вы вмѣсто того, чтобы слушаться народной скупщины, помогать ей, хотите ее угнетать? Жители Бѣлграда! слушайте хорошенько! Что вы до сихъ поръ дѣлали, все было патріотично и разумно; не было ничего такого, чего бы вы стыдились. Не поступайте же и теперь такъ, чтобъ можно было бросить клевету на престольный городъ. Положитесь на разсудительность скупщины, которая дѣйствуетъ по извѣстному и вѣрному плану. Не покидайте ея, но и не препятствуйте ей; останьтесь и будьте всегда готовы помочь ей, званые и незваные, когда улучите время и случай. Но не думайте, что народные представители покажутъ менѣе патріотизма и отваги, чѣмъ вы, когда наступитъ время рѣшить великое и народное дѣло. А теперь немедля дайте дорогу, чтобы народные депутаты могли свободно пройти».—«Дорогу депутатамъ!» послышались голоса людей, руководившихъ народомъ, а за ними и остальная толпа подхватила тотъ же крикъ. Члены скупщины прошли среди разступившагося народа, а вслѣдъ за ними и вся вооруженная толпа направилась на дворцовую улицу, гдѣ народъ давно уже окружалъ мѣстопребываніе князя.

Народное волненіе, конечно, не осталось тайной во дворцѣ. Смущеніе князя достигло послѣднихъ границъ, и онъ, напуганный представленными ему Гарашаниномъ опасностями въ случаѣ дальнѣйшаго сопротивленія, не сказывая женѣ своей, сѣлъ въ экипажъ Гарашанина и вмѣстѣ съ нимъ пробрался въ крѣпость, гдѣ его приняли паша и комисаръ Порты. Избавившись отъ Карагеоргіевича, Гарашанинъ отправился на совѣщеніе съ Мишей Анастасьевичемъ и членами совѣта, державшимися ихъ партіи. Уговорились, чтобы завтра Миша предложилъ скупщинѣ объявить Карагеоргіевича, покинувшаго народъ, лишеннымъ власти; и когда это будетъ исполнено, послать отъ совѣта депутацію на скупщину, чтобы договориться съ ней о назначеніи временнаго правительства изъ лицъ, опредѣленныхъ уже къ тому султанскимъ фирманомъ, которыя потомъ условились бы съ совѣтомъ о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ. Тѣсный кружокъ

народно-либеральной партіи также скоро узналъ о бѣгствѣ Карагеоргіевича, о чемъ извѣстили его стражи, разставленные по разнымъ мѣстамъ жителями Бѣлграда. Либералы тотчасъ же условились, какъ дѣйствовать имъ на другой день. Они знали уже, что Миша Анастасьевичъ предложитъ объявить бѣжавшаго князя лишеннымъ своего званія; допуская это, они готовились выполнить потомъ програму, предложенную еще въ первомъ совѣщаніи ихъ, т. е., принятіе скупщиной верховной власти, провозглашеніе Милоша, оставленіе на мѣстахъ всѣхъ министровъ, умолчаніе о совѣтѣ, назначеніе Стевчи Михайловича начальникомъ регулярнаго войска и городской полиціи, а помощниками ему Ранка Алимпича и Іована Бели-Марковича. Нѣсколько человѣкъ изъ широкаго кружка *) приняли на себя обязанность познакомить въ продолженіи ночи надежнѣйшихъ депутатовъ съ принятымъ планомъ, стараясь однакожъ скрыть его отъ каймакамовской партіи. Груичъ приготовилъ прокламацію о сверженіи Карагеоргіевича и возстановленіи Обреновича, а также указъ о назначеніи новыхъ начальниковъ. Миланъ Янковичъ переписалъ прокламацію въ семи экземплярахъ для четырехъ министровъ, совѣта, городскаго и военнаго управленій, а указъ въ трехъ экземплярахъ—для двухъ только-что названныхъ управленій и для министерства внутреннихъ дѣлъ. Условились также, чтобы Сима Протичъ, тотчасъ же по объявленіи прежняго князя сверженнымъ, предложилъ скупщинѣ все, что содержали въ себѣ прокламація и указъ, а по принятіи его предложеній всюду разослать эти акты прежде, чѣмъ противная партія успѣетъ что либо сдѣлать. Люди, полагавшіе, что карагеоргіевцы и каймакамовцы успѣютъ соединиться и приступятъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, не спали всю ночь, опасаясь, чтобъ эти партіи не составили еще до утра временнаго правительства. Но каймакамовцы строго держались принятыхъ ими формальностей и, обманутые недавнею медлительностію народно-либеральной партіи въ вопросѣ о сверженіи князя, не ожидали, чтобы она повела переворотъ быстрымъ ходомъ къ его развязкѣ.

---

*) Ранко Алимпичъ, Іованъ Бели-Марковичъ, Филипъ Станковичъ, Стефанъ Лукичъ, Іованъ Дмитричевичъ, Васа Маджаревичъ, Стефанъ Киричъ, Марко Бакалинъ, Петръ Голубовичъ, Георгій Николичъ, лозницкій протоіерей Игнатій, Павелъ Башкаловичъ и многіе другіе.

Въ четвергъ 11-го декабря зимнее утро освѣтило дворецъ безъ князя, казармы полныя войска, стоявшаго подъ ружьемъ, улицы столь же полныя вооруженнымъ народомъ. Въ зданіи совѣта собрались всѣ его члены и попечители въ ожиданіи извѣстія изъ скупщины, что она приняла предложеніе, которое долженъ былъ сдѣлать Миша Анастасьевичъ, и по полученіи такого извѣстія готовились немедленно приняться за правительственныя распоряженія. Засѣданіе скупщины открылось въ девять часовъ. При чтеніи протокола вечерняго засѣданія, Михайло Барловацъ и Сима Протичъ замѣтили, что въ немъ пропущено въ донесеніи второй депутаціи, ходившей въ совѣтъ, сообщеніе, что совѣтники были у князя и склонили его подписать отреченіе, но князь отвѣчалъ, что скорѣе умретъ, чѣмъ подпишетъ. Тогда всталъ предсѣдатель и объявилъ, что князь не сдержалъ обѣщанія скупщинѣ дать до утра отвѣтъ на ея требованіе и сложить съ себя власть, но еще ночью побѣжалъ въ крѣпость и такимъ образомъ измѣнилъ своему отечеству и народу. Въ отвѣтъ на это, скупщина постановила отправить новую депутацію къ совѣту, чтобы получить удостовѣреніе въ томъ, гдѣ теперь находится князь и дѣйствительно ли онъ измѣнилъ отечеству. Депутація возвратилась съ извѣстіемъ, что предсѣдатель совѣта и министръ внутреннихъ дѣлъ подтвердили заявленіе предсѣдателя скупщины. Вслѣдъ затѣмъ пришло и письменное сообщеніе отъ совѣта, что онъ, исполняя желаніе скупщины, вчера еще ходилъ къ князю, но послѣдній не принялъ его представленій, и что совѣтъ раздѣляетъ желанія скупщины относительно Карагеоргіевича. По прочтеніи этого акта, Миша Анастасьевичъ обратился къ скупщинѣ съ торжественнымъ видомъ: «Что мы должны сдѣлать съ такимъ измѣнникомъ, братья? Я думаю: свергнуть его!» и вся скупщина закричала: «Свергнуть его! свергнуть его!» Миша продолжалъ: «А имѣетъ ли народъ право свергнуть недостойнаго князя? Кто далъ ему достоинство и власть княжескую, какъ не народъ? если народъ могъ поставить его, то я говорю, что народъ можетъ и свергнуть его; говорите ли и вы всѣ братья?» тогда всѣ отвѣчали: «Говоримъ; народъ можетъ его свергнуть; народъ даетъ, народъ и отнимаетъ власть». Миша по обычаю три раза повторилъ вопросъ о сверженіи Карагеоргіевича, и трижды своды залы оглашались утвердительными криками; послѣ чего онъ всталъ на ноги и, позвонивъ въ колокольчикъ, объ-

явилъ постановленіе скупщины такими словами: «Господа секретари! напишите, что сегодня народная святоандреевская скупщина отъ имени цѣлаго народа сербскаго свергла князя Александра съ княжескаго достоинства». Секретари сдѣлали видъ, что пишутъ. Наступила минута тишины. Ее прервалъ предсѣдатель новымъ предложеніемъ, чтобы о таковомъ постановленіи скупщины немедленно извѣщены были или посредствомъ депутаціи, или письменно, Османъ-паша и Кабули-эфенди, а чрезъ министра иностранныхъ дѣлъ—консулы покровительствующихъ дворовъ. Нѣкоторые изъ чиновныхъ депутатовъ замѣтили, что надо извѣстить о томъ же и совѣтъ, и что представителей Порты не слѣдуетъ извѣщать прямо, а лишь чрезъ министерство. Предсѣдатель передалъ секретарямъ и эти заключенія скупщины. Наступило опять молчаніе. Такая же тишина царствовала и кругомъ скупщинскаго зданія. Можно было подумать, что на дворѣ и улицахъ нѣтъ ни души, еслибъ изъ оконъ залы, гдѣ засѣдали депутаты, не видно было блеска отъ оружія, коимъ былъ увѣшанъ собравшійся народъ. Только иногда подходили къ окнамъ люди, преданные замысламъ народно-либеральной партіи, и спрашивали на ухо знакомыхъ имъ депутатовъ: скоро ли? Немного спустя, секретари сдѣлали знакъ глазами Симѣ Протичу, и онъ вышелъ на ораторское мѣсто. Послѣ минутнаго молчанія, что удвоило общее вниманіе и нѣсколько озадачило предсѣдателя, Протичъ обратился къ скупщинѣ съ словами, потрясшими всѣхъ депутатовъ: «Свергнувъ князя Александра, мы оставили землю безъ главы. Я думаю, братья, что отлагать того не нужно; нельзя же оставлять народъ безъ главы. Скупщина, которая отъ имени народа свергла Карагеоргіевича, должна отъ имени народа тотчасъ же провозгласить княземъ того, къ кому стремится весь народъ. Итакъ скажите, теперь, братья, всѣ: кого хотите княземъ?» Всѣ депутаты вскочили на ноги съ крикомъ: «Милоша Обреновича! его-то и было!» Нѣкоторые поспѣшили открыть окна и еще не смолкли въ скупщинской залѣ крики: «Милоша хотимъ! да здравствуетъ князь Милошъ!» а народъ съ улицы уже подхватилъ, и далеко разнеслись крики: «Милошъ! да здравствуетъ Милошъ!» которые долго повторялись тысячами голосовъ. Предсѣдатель скупщины сидѣлъ первыя минуты какъ окаменѣлый. Сима Протичъ, выждавъ минуту, когда крики стали смолкать, снова сталъ говорить, что княжескую власть должна взять на себя скупщина, должна охранять

ее до прибытія князя Милоша и потомъ вручить ему, а не кому либо другому. Члены скупщины отвѣчали утвердительно. Протичъ продолжалъ, что скупщина должна имѣть человѣка, который бы исполнялъ ея повелѣнія, который бы охранялъ ее вмѣстѣ съ народомъ, и предложилъ назначить начальникомъ войска и города Стевчу, а помощниками ему Алимпича и Бели-Марковича. Скупщина одобрила и это предложеніе. Тогда Груичъ подалъ Протичу прокламацію и указъ для прочтенія. Они также были приняты. Между тѣмъ Груичъ приложилъ печать скупщины во всѣмъ заранѣе приготовленнымъ экземплярамъ, подалъ ихъ для подписи предсѣдателю и пригласилъ къ тому же уполномоченныхъ отъ каждаго округа. Но Миша Анастасьевичъ уже пришелъ въ себя и, не желая подписывать предложенныхъ ему актовъ, сталъ говорить: «Братья! что бы мы ни дѣлали, должны дѣлать по порядку; сперва должны составить актъ свержения и всѣ подписать его, потомъ уже составить актъ возстановленія князя, и его также всѣ подписать; это будетъ вѣрнѣе, и лишь тогда можемъ издать прокламацію». Такое предложеніе, направленное, по видимому, къ большему обезпеченію народныхъ рѣшеній, отнимало однакожъ много времени, еслибы всѣ депутаты, въ числѣ 437, стали подписывать каждый актъ отдѣльно, и давало возможность приверженцамъ Карагеоргіевича и каймакаміи, располагавшимъ всѣми силами совѣта, войска, столькими чиновниками въ самой скупщинѣ и вообще всѣми выгодами, которыя даются правительственною властью и согласіемъ, произведеннымъ общею опасностью, найти всѣ средства, чтобы въ теченіи скупщинскаго засѣданія не было приступлено къ подписи подъ актомъ возстановленія Обреновича и къ обнародованію прокламаціи, при чемъ и самая минута одушевленнаго воспоминанія о Милошѣ могла бы остаться только воспоминаніемъ. Но противорѣчить предложенію предсѣдателя, имѣвшему весь видъ законности, никто не рѣшился, и скупщина приняла его. Секретари, не теряя времени, написали оба акта, послѣ чего Груичъ объявилъ: «Братья! акты, постановленные вами, готовы», и прочитавъ оба акта другъ за другомъ, не дожидаясь даже, чтобы самъ предсѣдатель спросилъ скупщину, обратился къ ней съ вопросомъ: «Если одобряете ихъ, то, чтобы не вставать два раза для подписи, лучше всего положить ихъ рядомъ одинъ подлѣ другаго и оба подписывать въ одно время». Скупщина отвѣчала: «Одобряемъ!» Груичъ прибавилъ: «Если одобряете это, то, конечно, одобрите, чтобы

уполномоченные подписывали въ одно время и прокламацію и указы; такъ все будетъ кончено скорѣе». Депутаты отвѣчали: «Пусть подписываютъ; такъ лучше». Груичъ представилъ всѣ акты Мишѣ Анастасьевичу, чтобы онъ первый подписалъ ихъ, но тотъ не хотѣлъ, говоря: «Подайте другимъ, пусть подписываются, а я послѣ». Тогда секретари положили оба акта вмѣстѣ съ остальными экземплярами прокламаціи и указовъ на столъ и пригласили депутатовъ къ подписыванію ихъ. Опасаясь дальнѣйшаго промедленія и не дожидаясь, пока всѣ депутаты подпишутся подъ предложенными имъ актами, Груичъ опять обратился къ скупщинѣ съ новымъ предложеніемъ: «Братья! неразумно оставлять долѣе столько народа въ нетерпѣніи и въ неизвѣстности; но надо сейчасъ же огласить предъ нимъ явно и обнародовать, что постановила скупщина, чтобы всѣ знали, на чемъ стоимъ. А это можно сдѣлать и скоро и легко, если одобрите, чтобы съ крыльца прочитаны были прокламація и указъ, пока скупщина будетъ подписывать оба эти акта». Скупщина отвѣчала: «Одобряемъ! одобряемъ!» Предлагали выйти къ народу Мишѣ Анастасьевичу съ нѣсколькими депутатами и секретарями, но онъ отказался. Тогда, оставивъ нѣкоторыхъ изъ друзей своихъ наблюдать за подписываніемъ, Стевча Михайловичъ, часть депутатовъ изъ народно-либеральпой партіи и обреновцевъ вмѣстѣ съ Груичемъ вышли на крыльцо, и когда народъ пересталъ кричать: «Да живи Милошъ Обреновичъ!», Груичъ показалъ ему прокламацію, обращая ее на всѣ стороны и указывая на скупщинскую печать, какъ на знакъ полной законности, а потомъ спросилъ: «Видите ли и узнаете ли сей офиціальный актъ и законную прокламацію народной скупщины?» Народъ кричалъ: «Знаемъ, читай!» Груичъ продолжалъ: «Народная скупщина, рѣшающая отъ имени всего народа, желаетъ, чтобы знали теперь же и вы, и цѣлый народъ, на чемъ стоите; а потому и выслала насъ, чтобы обнародовать предъ вами эту прокламацію ея, которая вскорѣ разошлется по всей землѣ». Прокламація, прочтенная секретаремъ скупщины, гласила: «Народная скупщина отъ имени сербскаго народа изъявляетъ слѣдующее. Послѣ того, какъ беззаконія князя Александра Карагеоргіевича были размотрѣны на скупщинѣ, и послѣ того, какъ она увѣрилась, что за нимъ не можетъ быть оставлена далѣе повѣренная ему власть княжеская, народная скупщина, желая сохранить во всякое время достоинство своего князя и щадить честь его имени, рѣшила и вчера

чрезъ депутацію просила князя, чтобы, изъ любви къ счастію и спокойствію нашего и его отечества, добровольно отрекся отъ княжескаго достоинства. Князь изъявилъ желаніе, чтобы отреченіе отложено было до утра, и скупщинская донутація, снисходя къ такому желанію князя нашего, обѣщала ему ждать до утра. Къ величайшему сожалѣнію и сраму, князь не сдержалъ своего слова, но, что еще хуже, измѣнилъ своему народу и отечеству, ибо вчера предъ полночью убѣжалъ тайно въ крѣпость. Вслѣдствіе того народная скупщина въ нынѣшнемъ засѣданіи своемъ единогласно заключила и провозглашаетъ: что князь Александръ Карагеоргіевичъ свергнутъ съ княжескаго достоинства и лишенъ княжеской власти, о чемъ скупщина и объявляетъ всѣмъ властямъ и всему народу. Но какъ послѣ того земля осталась безъ главы, то народная скупщина, имѣя въ виду желанія народа, взирая на государственную потребность имѣть одну династію съ наслѣдственными нравами, и находя, что какъ желанія народа, такъ и государственная потребность удовлетворяются фамиліей Обреновичей, провозгласила въ нынѣшнемъ засѣданіи отъ имени народа: что прежній князь Милошъ Обреновичъ возстановляется въ достоинствѣ сербскаго князя съ наслѣдственными правами, которыя дарованы уставомъ его фамиліи въ мужской линіи. Но такъ какъ пройдетъ нѣкоторое время, пока нашъ князь Милошъ Обреновичъ прибудетъ въ Сербію и приметъ власть, а необходимо, чтобы земскія дѣла отправлялись и до того времени, то народная скупщина рѣшила принять и приняла всю власть на себя, которую и будетъ исполнять своимъ порядкомъ, пока князь Милошъ не приспѣетъ въ Сербію, и тогда княжеская власть будетъ немедленно передана ему. Попечительства (министерства) остаются въ такихъ же отношеніяхъ къ скупщинѣ, въ какихъ находились и къ князю. Народная скупщина объявляетъ о томъ всѣмъ властямъ и каждому сербу и препоручаетъ: чтобы миръ охранялся съ наибольшею заботливостію въ цѣлой странѣ, чтобы народъ жилъ въ наилучшемъ согласіи и братской любви, чтобы всѣ покорялись всякимъ распоряженіямъ скупщины и исполняли въ точности ея повелѣнія. Такъ утверждено и провозглашено въ засѣданіи сербской народной скупщины въ четвергъ 11-го декабря 1858 года. Въ Бѣлградѣ, № 57». Послѣ прокламаціи, Груичу слѣдовало прочесть еще указъ о назначеніи новыхъ начальниковъ надъ войскомъ и городомъ.

Между тѣмъ, собравшіеся въ зданіи совѣта члены его и попечители ожидали извѣстій со скупщины о свержении Карагеоргіевича; ждали отъ нея самой депутаціи съ сообщеніемъ о таковомъ событіи, чтобы приступить къ назначенію временнаго правительства. Но вотъ одинъ изъ полицейскихъ служителей, разставленныхъ по дорогѣ между скупщиной и совѣтомъ, прибѣжалъ и, отворивъ двери, гдѣ засѣдали недавніе сотрудники павшаго князя, большею частію сами подъ него подкапывавшіеся, крикнулъ: «Свергли князя»! Лица многихъ совѣтниковъ просіяли отъ удовольствія. Но едва успѣлъ выйти за ворота совѣтскаго зданія первый вѣстникъ, какъ двери опять отворились и новый прокричалъ: «Провозгласили князя Милоша». Какъ громъ, поразила эта неожиданная новость только-что радовавшихся паденію князя соправителей его. Все собраніе взволновалось. У одного изъ присутствовавшихъ вырвалось крѣпкое слово: «Не можемъ мы плевать, да потомъ подлизывать», сказалъ онъ. Вучичъ и Гарашанинъ, а за ними и другіе, рѣшительно объявили, что никакъ не хотятъ Обреновичей. Отправляясь отъ той мысли, что избраніе Милоша скупщиной не имѣетъ для нихъ никакого значенія, совѣтники и попечители разсуждали, что надо послать депутацію къ скупщинѣ для избранія временнаго правительства прежде, чѣмъ скупщина успѣетъ сообщить о своихъ рѣшеніяхъ. Наканунѣ каймакамовцы еще надѣялись сами избрать временныхъ правителей; теперь они видѣли, что нельзя къ тому приступить помимо скупщины, при чемъ расчитывали своимъ появленіемъ среди нея произвести впечатлѣніе на депутатовъ и народъ. Актъ о временномъ правительствѣ былъ уже готовъ, но всегдашнее зло, царствовавшее въ совѣщаніяхъ совѣтниковъ и попечителей,—разногласіе отняло и теперь у нихъ возможность явиться во-время на скупщину. Спорили о томъ, кому участвовать въ депутаціи: не всѣмъ нравилась эта честь. Вучичъ, на котораго напирали всѣ съ просьбами, чтобъ онъ велъ депутацію, сталъ ломаться, какъ и всегда, когда случались важныя обстоятельства и когда чувствовалась надобность въ немъ. Онъ сталъ говорить, что теперь уже ничего не можетъ сдѣлать и не хочетъ идти за тѣмъ, чтобы только срамиться. При этомъ онъ припоминалъ, что хотѣлъ было идти на скупщину, когда еще было время, но тогда его не пустили; упрекалъ всѣхъ, что теперь, когда онъ надобенъ, всѣ просятъ его, а потомъ опять покажутъ ему спины, и

т. д., все въ одномъ родѣ. Вучичъ не высказывался прямо, чего именно ему хочется; но многіе подозрѣвали, что старый, властолюбивый воевода мечталъ въ тѣ минуты о той первенствующей роли, которую онъ игралъ въ 1839 году предъ сверженіемъ Милоша, въ 1842 предъ избраніемъ Карагеоргіевича и въ 1845 при усмиреніи Стоянова мятежа: ему снова хотѣлось, чтобы совѣтъ облекъ его титуломъ «народнаго предводителя», и тогда-бъ онъ направилъ переворотъ по своему желанію. Но печальный опытъ уже давно показалъ, что значило дать Вучичу въ руки полную власть. Гарашанинъ первый воспротивился бы тому самымъ рѣшительнымъ образомъ. На сей разъ демагогическія разглагольствія Вучича не повели ни къ чему. Наконецъ, когда всѣ пристали къ нему съ требованіемъ, чтобы непремѣнно участвовалъ въ депутаціи, и когда вызвался идти вмѣстѣ вице-президентъ совѣта Алекса Янковичъ, Вучичъ уступилъ и отправился къ скупщинскому дому въ сопровожденіи Янковича, совѣтника Лазаря Арсеніевича и трехъ министровъ, въ томъ числѣ и Гарашанина. Они приблизились къ воротамъ скупщинскаго дома, когда Груичъ не прочелъ еще и половины прокламаціи къ народу. Чтеніе вдругъ заглушено было криками: «Да здравствуетъ князь Милошъ!», раздавшимися при появленіи совѣтниковъ и попечителей на скупщинскомъ дворѣ. Народъ разступался передъ ними, но оглушалъ крикомъ: «Живіо Обреновичъ!», не прекращавшимся и все возраставшимъ, пока совѣтская депутація не вошла въ залу засѣданій. Стевча Михаиловичъ и депутаты, стоявшіе на крыльцѣ при чтеніи прокламаціи и указа, пошли туда же. Груи́чъ остался и прочелъ оба акта до конца. Довершивъ обнародованіе постановленій скупщины, Груичъ прибавилъ: «Отъ сего часа по праву и закону Обреновичи суть законные и наслѣдственные владѣтели Сербіи; княжеская власть до ихъ прибытія принадлежитъ скупщинѣ; а вашъ военный и гражданскій начальникъ и управитель—Стевча съ данными ему помощниками. Жители Бѣлграда! отъ васъ зависитъ, чтобы теперь осталось все такъ и на дѣлѣ!» Народъ отвѣчалъ: «Хотимъ, хотимъ! но видимо смущался появленіемъ правительственныхъ лицъ на скупщинѣ, опасаясь, чтобъ они не испортили дѣла; а нѣкоторые изъ членовъ либеральной партіи, бывшіе съ народомъ, шептали Груичу: «Ступай въ залу! ты теперь нужнѣе тамъ, а о насъ не заботься больше». Груичъ вернулся къ скупщинѣ. Тамъ уже

прочтенъ былъ актъ совѣта, обращенный къ скупщинѣ и приглашавшій ее обсудить мѣры для управленія страной, оставленной своимъ княземъ. По прочтеніи акта, Вучичъ взошелъ на предсѣдательское мѣсто, а Гарашанинъ — направо отъ него, при чемъ послѣдній выражалъ тихимъ голосомъ депутатамъ, сидѣвшимъ съ той стороны, свое изумленіе передъ дѣйствіями скупщины. Вучичъ стоя обратился къ скупщинѣ съ привѣтствіемъ: «Помоги Богъ»! и потомъ началъ говорить: «Что это, люди? что вы надѣлали? за что, братья, хотите и себя и вашихъ дѣтей живыхъ въ землю закопать? что вы дѣйствуете такъ безъ договора? зачѣмъ начинаете то, чего быть не можетъ? зачѣмъ избираете въ князья такихъ, которые никогда ими не могутъ быть, которыхъ не допустятъ до того ни султанъ, ни одна великая держава? Я не боюсь ни Бога, никакого князя, ни Милоша, ни Михаила, ни Александра: мнѣ дали то царь (то есть, султанъ) и великій визирь». При этихъ словахъ, его стали поддерживать нѣкоторые изъ депутатовъ со скамьи крагуевацкаго округа; вставъ и обратившись къ остальнымъ членамъ скупщины, они говорили имъ съ упрекомъ: «Видите, что вы надѣлили? захотѣли Милоша! говорили мы, что сперва надо позвать ихъ (причемъ указывали на депутацію). Теперь будете знать»! Вучичъ продолжалъ: «Я говорилъ съ садразамомъ въ Цареградѣ, великимъ визиремъ Али-пашой,—нынѣ что онъ ни скажетъ, царь его слушаетъ; разговаривалъ я въ Вѣнѣ съ княземъ Горчаковымъ, что теперь первый министръ у русскаго царя, говорилъ и съ Буолемъ, первымъ министромъ въ Вѣнѣ, и съ Бахомъ, что посылаетъ вѐдро и облака *), и всѣ мнѣ говорили, что того быть не можетъ. Только вы себя срамите! Если будутъ здѣсь Обреновичи», при этомъ онъ схватился за усъ,—«то киньте мнѣ его въ поганое мѣсто, забросайте меня каменьями». Начинавшаго завираться старика прервалъ Гарашанинъ, обратившись къ депутатамъ съ словами: «Мы не противны ни желаніямъ, ни волѣ народа. Не мы ли созвали эту скупщину?» «Спасибо вамъ!» отозвались многіе. «Мы хотѣли съ вами договориться, продолжалъ Гарашанинъ;—не думайте, что мы хотимъ чего-то другаго. Но Бога ради! не таковъ путь, которымъ надо идти. Если хотимъ чего, то надо такъ дѣйствовать, чтобы имѣть успѣхъ, а не дѣйствуйте зря, безъ договора. У насъ

*) Выраженіе, подтвержденное многими свидѣтелями сей сцены.

есть уставъ и законы». Нѣсколько голосовъ возразили: «И мы хотимъ по уставу!» Вучичъ, съ своей стороны, прибавилъ: «Я болѣе всѣхъ пострадалъ за уставъ». Но его прервали громкими криками депутаты ужицкаго округа, гдѣ сильнѣе другихъ мѣстностей жила въ народѣ память о жестокихъ поступкахъ Вучича во время прежнихъ переворотовъ. Изъ нихъ Никола Мариновичъ крикнулъ: «Ты первый нарушилъ уставъ!», послѣ чего вся скупщина поднялась на ноги. Вучичъ говорилъ что-то, но его заглушилъ своимъ голосомъ Іованъ Копитуница изъ рудницкаго округа, крикнувшій на депутацію: «Да зачѣмъ вы пришли сюда? съ народомъ что ли ссориться? или портить то, что народомъ сдѣлано?» Гарашанинъ хотѣлъ отвѣтить на это, но его не слушали. Миша Анастасьевичъ, блѣдный еще съ той минуты, какъ скупщина пошла непредвидѣннымъ для него путемъ, забылъ о посредничествующей роли предсѣдателя. Вмѣсто него выступилъ Стевча Михаиловичъ съ вопросомъ, обращеннымъ къ Гарашанину и Вучичу вмѣстѣ: «Хотите ли вы быть съ народомъ или нѣтъ?» Вучичъ гнѣвно отвѣчалъ: «А что-жъ вы не договариваетесь? зачѣмъ дѣйствуете помимо уговора?» Вучичъ не зналъ, что на совѣщаніяхъ его единомышленниковъ съ вождями народно-либеральной партіи не было сказапо ни слова о томъ, какъ дѣйствовать по низверженіи Карагеоргіевича, но только помнилъ свой разговоръ со Стевчею о фирманѣ. Когда Стевча отвѣтилъ на его вопросъ: «Опомнись! не бери грѣха на душу! не городи лишнихъ сплетень! довольно ихъ было!», Вучичъ весь вспыхнулъ отъ гнѣва и крикнулъ: «Знаю я, чего ты хочешь, Стевча! знаю! да не неудастся тебѣ, что ты задумалъ. Не получишь, знай это!» Въ словахъ Вучича звучало оскорбительное подозрѣніе, что Стевча Михайловичъ надѣялся при Обреновичахъ разыгрывать первую роль. Стевча вспылилъ и, ударивъ одной рукой по пистолету, который всегда носилъ за поясомъ, а другою указавъ на Вучича, въ свою очередь крикнулъ: «Довольно ужь было и на твою долю! не бывать отнынѣ по-твоему; но или такъ будетъ, какъ народъ постановилъ, или не будетъ и насъ съ тобой». Нѣкоторые изъ депутатовъ поспѣшили поддержать Стевчу, а за ними поднялся общій крикъ на депутацію. Тогда Стевча взялъ Вучича за плеча и, указавъ ему дорогу къ дверямъ, довелъ до нихъ. Вучичъ вышелъ на крыльцо съ словами: «Пусть выпадетъ и второй мой глазъ (первый былъ потерянъ за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ), если придутъ къ вамъ Обре-

новичи!» За Вучичемъ послѣдовалъ Гарашанинъ и остальные члены депутаціи. Лишь только они показались на крыльцѣ, какъ народъ встрѣтилъ ихъ оглушительными криками: «Да здравствуетъ Обреновичь!» Въ залѣ скупщины водарилась тишина; на лицахъ большинства выражалось торжество надъ противной партіей. Чтобы отнять у появленія совѣтниковъ и попечителей на скупщинѣ всякое вліяніе на состоявшіяся постановленія, Груичъ представилъ депутатамъ какъ-бы докладъ отъ секретарей въ такихъ выраженіяхъ: «Скупщинскій секретаріатъ обнародовалъ жителямъ Бѣлграда, которые собрались вокругъ скупщины съ людьми изъ внутреннихъ округовъ, прокламацію о возстановленіи народной династіи Обреновичей съ наслѣдственными правами, объ удержаніи княжеской власти за скупщиною до прибытія князя Милоша, и указъ о начальникахъ, которые должны состоять подъ вѣдѣніемъ скупщины. Жители Бѣлграда съ готовностію приняли на себя заботы, чтобы всѣ рѣшенія скупщины удержались въ силѣ; ибо по земскимъ законамъ, со времени обнародованія сихъ рѣшеній, они стали обязательны для всякой власти въ Сербіи и для всякаго сербскаго гражданина». Скупщина приняла это сообщеніе съ громкими кликами: «Да здравствуетъ Обреновичъ»! которые подхватилъ народъ, какъ-бы провожая ими оставившихъ скупщину совѣтниковъ и попечителей. Но въ ту же минуту двери скупщины отворились, и въ нихъ показался Вучичъ, жалуясь, что народъ не пропускаетъ ихъ. Миша Анастасьевичъ просилъ Стевчу выйти къ народу и сказать, чтобы онъ пропустилъ совѣтниковъ. Но Стевча отвѣчалъ, что Миша и самъ можетъ исполнить это, какъ председатель.

«Онъ всталъ и вышелъ,—сказано въ запискахъ Стевчи. Что говорилъ съ народомъ, не знаю, но вскорѣ воротился. Мы продолжали наши дѣла, но вотъ снова Вучичъ отворилъ двери съ словами: «Просимъ васъ, дѣлайте съ нами, что хотите, только не задерживайте здѣсь». Тогда скупщина сказала мнѣ: «Выдьте и распорядитесь». Я вышелъ и увидалъ, что народъ стѣснился со всѣхъ сторонъ, занялъ всѣ выходы и не даетъ имъ пройти. Когда я обратился къ народу съ словами: «Братья! зачѣмъ вы ихъ здѣсь держите»? со всѣхъ сторонъ меня стали спрашивать: «Зачѣмъ они сюда пришли? что здѣсь дѣлали? куда пойдутъ отсюда? съ нами ли они, или противъ насъ»?—Я отвѣчалъ: «Они, братья, отпущены по домамъ и изъ домовъ своихъ никуда не выйдутъ; спрашивать же ихъ: хотятъ ли съ нами, или не хо-

тятъ,—не стоитъ: должны будутъ все сдѣлать, чего народъ хочетъ. Пропустите ихъ, пусть идутъ по домамъ». Въ ту же минуту народъ разступился, пропуская ихъ и безпрестанно говоря: «Кричите—да здравствуетъ князь Милошъ»! Они закричали. Послѣ имъ стали говорить, что если они кричатъ эти слова, то пусть и шапки скинутъ; они скинули шапки и закричали: «Да здравствуетъ князь Милошъ»! Тогда я нарядилъ нѣсколько человѣкъ провожать ихъ къ домамъ, чтобы не случилось съ ними чего нибудь, и вернулся къ скупщинѣ. Въ дѣйствіяхъ скупщины замѣтна была нѣкоторая холодность, заботливость, мнительность. Видно было, что между членами скупщины многіе, особенно изъ чиновныхъ, слѣпо вѣрившихъ во вліяніе на народъ тѣхъ двухъ лицъ, которыхъ мы только что выпроводили за двери, ожидали, что все дѣло повернется по ихъ желанію. Но ожиданія эти оказались тщетными». И дѣйствительно, въ протоколахъ скупщины о посѣщеніи ея депутаціей записаны лишь слѣдующія слова: «На требованіе депутаціи скупщина отвѣчала, что дѣло уже совершено и что скупщина остается при своемъ рѣшеніи». Тогда же заключено было послать сообщенія о постановленіяхъ скупщины ко всѣмъ правительственнымъ мѣстамъ. Но когда нѣкоторые изъ членовъ скупщины пожелали знать: всѣ ли подписались подъ актами, принятыми скупщиной, то Миша Анастасьевичъ отвѣчалъ: «Я держусь противнаго мнѣнія и думаю, что вы поступили неправильно». Тогда Яникіе Дробнякъ изъ Рипня, бѣлградскаго округа, подошелъ къ нему свади съ словами: «Помнишь ли, господинъ, какъ ты поклялся въ своемъ домѣ, что будешь держаться съ народомъ, имѣть на сердцѣ только народныя желанія; теперь они извѣстны, а ты отстаешь отъ народа, — грѣхъ тебѣ на душу»! Слова эти задѣли Мишу, и онъ въ ту же минуту обратился къ скупщинѣ съ вопросомъ: «Желаете ли, братья, чтобъ и я подписалъ? всѣ ли того желаютъ»? Когда вся скупщина отвѣтила: «Да, да, желаемъ!» Миша сказалъ: «Грѣхъ на вашу душу»! Взялъ перо въ руки и подписалъ актъ сверженія Карагеоргіевича, актъ возстановленія Обреновичей, прокламацію и указъ въ такомъ числѣ экземпляровъ, какое было нужно для отсылки въ правительственныя мѣста. Отдавая секретарямъ подписанныя акты, Миша говорилъ: «Напрасно! вы не знаете князя Милоша, а я его хорошо знаю; ужь если вамъ хотѣлось такъ сдѣлать, то лучше бъ взяли князя Михаила: онъ человѣкъ способный

къ управленію». Но либеральная партія помнила противоположный отзывъ о Михаилѣ, высказанный друзьями Миши. Впрочемъ, Гарашанинъ, всегда осторожный, и теперь пенялъ либераламъ лишь за то, что скупщина поступила вопреки принятыхъ порядковъ. Онъ говорилъ, что святоандреевская скупщина могла только низвергнуть Карагеоргіевича и не имѣла полномочій для избранія новаго князя; для этой же цѣли, по его мнѣнію, надо было созвать новую скупщину, а для управленія страной выбрать временное правительство. Но такія сужденія, имѣвшія нѣкоторый видъ правительственной формалистики, не могли быть признаны справедливыми народно-либеральною партіей. Никто не имѣлъ права и не могъ сказать, что скупщина созывалась для сверженія Карагеоргіевича. Какъ и всѣ скупщины, она созвана была для обсужденія земскихъ дѣлъ съ точки зрѣнія народнаго блага; если же, опираясь на подобномъ основаніи, она имѣла право удалить одного князя, то съ такимъ же точно правомъ могла выбрать другаго князя. Казуистика противниковъ скупщины была понята всѣми, какъ прикрытіе какихъ-то тайныхъ желаній и плановъ, которые каймакамовская партія все еще надѣялась привести въ исполненіе.

По рѣшенію скупщины, Стевча долженъ былъ принять главное начальство надъ войскомъ и городомъ, а Ранко Алимпичъ и Іованъ Бели-Марковичъ дѣйствовать въ качествѣ помощниковъ его; но прежній начальникъ города, Никола Христичъ, не сдавалъ имъ своей должности безъ предписаній Гарашанина, который, принявъ прокламацію и указъ отъ скупщины, не посылалъ требуемаго Христичемъ приказа. Стевча Михайловичъ и Груичъ должны были отправиться къ Гарашанину съ объясненіями по этому дѣлу, ибо ни успѣхъ скупщинскихъ постановленій, ни личная безопасность ея членовъ не могли быть обезпечены, пока управленіе городомъ оставалось въ рукахъ человѣка, имѣвшаго женою внучку Вучича и считавшагося вѣрнымъ орудіемъ обоихъ отдѣловъ старой уставобранительской партіи. Когда вице-президентъ и секретарь скупщины явились къ Гарашанину, то встрѣтили тамъ и Христича. На всѣ ихъ увѣщанія онъ отвѣчалъ, что не противится постановленіямъ скупщины, но не можетъ исполнить ея требованій безъ предписанія отъ своего непосредственнаго начальника. Стевча и Груичъ обратились тогда къ Гарашанину съ такимъ же требованіемъ; но министръ отвѣчалъ, что долженъ идти въ крѣпость, гдѣ у него

есть спѣшное дѣло, и по окончаніи его онъ переговоритъ съ ними. Узнавъ о безуспѣшности переговоровъ съ Гарашаниномъ, вожди народа двинули къ его дому большую толпу бѣлградскихъ жителей, чтобы поддержать требованіе скупщины. Жеста Магазиновичъ и Іованъ Бели-Марковичъ убѣждали народъ разойтись, говоря, что можно вѣрить Гарашанину и что до сихъ поръ онъ дѣйствовалъ за одно со скупщиной; но народъ все болѣе и болѣе настаивалъ на своемъ. Министръ вернулся изъ крѣпости и, подойдя къ окну своего дома, окруженаго народною толпой, спросилъ ее, имѣетъ ли народъ довѣріе къ нему, и получивъ утвердительный отвѣтъ, сказалъ: «Ну, если имѣете ко мнѣ довѣріе, то зачѣмъ же не дозволяете мнѣ сдѣлать все, какъ надо»? Изъ толпы однакожь раздались крики: «А кто намъ поможетъ, когда станутъ рубить наши головы?» Гарашанинъ отвѣтилъ: «Я ручаюсь за вашу безопасность; еслибы кто предпринялъ что либо противъ васъ, то вотъ вамъ домъ и мое семейство; отомстите на нихъ». Такое упорство министра заставило вождей народной толпы отказаться отъ дальнѣйшихъ переговоровъ. Слова, сказанныя Гарашаниномъ, не могли однакожь успокоить народа. Къ вождямъ народно-либеральной партіи безпрестанно приходили люди, предсказывавшіе, что совѣтники и попечители задумали что-то недоброе; что людямъ, руководившимъ до сихъ поръ скупщиной, предстоитъ большая опасность; что противъ народныхъ депутатовъ и жителей Бѣлграда, поддерживающихъ скупщину, будутъ направлены войска; что въ виду всего этого необходимо отобрать начальство надъ городомъ и войскомъ у людей, преданныхъ прежнему правительству *). Стевча и Груичъ снова отправились къ Гарашанину. Послѣдній, отклоняясь отъ главнаго предмета переговоровъ, успокоивалъ Стевчу разными обѣщаніями, и тотъ вскорѣ удалился; но оставшись наединѣ съ Груичемъ, Гарашанинъ повернулъ разговоръ на другой вопросъ. «Вѣдь скупщина, сказалъ онъ, не можетъ исполнять княжеской власти; не лучше ли выбрать временное правительство?» Груичъ отвѣчалъ утвердительно. Тогда Гарашанинъ спросилъ: «Кого же назначить членами правительства?»

*) Стевча былъ два раза предостерегаемъ въ тотъ день объ опасности, грозившей лично ему и его друзьямъ,—чрезъ Милана Миличевича отъ имени русскаго консула, и госпожею Ковыльчетовичъ на обѣдѣ у Угричича, ссылавшеюся въ своихъ показаніяхъ на австрійское консульство.

Груичъ отвѣтилъ: «О васъ говорить ужь нечего, а кто другіе?» Гарашанинъ прибавилъ: «Надо Стевчу»; Груичъ не противорѣчилъ, но, предупреждая разговоръ о третьемъ лицѣ, замѣтилъ: «А Вучичъ не можетъ быть,—его мы не захотимъ». Гарашанинъ возразилъ: «Безъ него трудно будетъ; онъ больше помѣшаетъ, если не попадетъ въ правительство; лучше бы принять его и руководить имъ». Груичъ стоялъ на своемъ, продолжая утверждать, что Вучича не пуститъ въ правители ихъ партія, хотя бы это и повело къ совершенному разрыву съ нимъ. Помолчавъ нѣсколько минутъ, Гарашанинъ обратился къ Груичу съ неожиданнымъ вопросомъ: «Ужь если вы на скупщинѣ провозгласили князя, то зачѣмъ вамъ нужно было читать народу прокламацію? хоть бы этого вы не дѣлали»! Груичъ ссылался на народныя требованія, чтобъ народу сообщены были рѣшенія скупщины. Гарашанинъ возражалъ; «Ты знаешь лучше меня, что это не порядокъ, что такимъ путемъ нельзя успѣть; надо постараться, чтобъ опять возстановить въ дѣлахъ условленный порядокъ». Груичъ, видя, къ чему эти слова клонятся, сказалъ рѣшительно: «Что сдѣлано, то сдѣлано, а надо стараться, чтобъ и далѣе все шло своимъ путемъ».—«А развѣ, спрашивалъ Гарашанинъ, нельзя было остановиться на томъ и не выходить къ народу, пока не будетъ назначено правительство?» — «Остановить рѣшеніе скупщины уже нельзя,—былъ отвѣтъ;—но теперь можно предложить о временномъ правительствѣ; сама же скупщина не можетъ отступить назадъ».—«Хорошо, говорилъ Гарашанинъ,—нельзя ли остановить дѣло въ совѣтѣ, когда ему будутъ сообщены всѣ рѣшенія? А вы между тѣмъ обсуждайте другіе вопросы».—«Нельзя и такъ поступить, отвѣтилъ Груичъ:—народъ требуетъ отъ совѣта одного, пристаетъ ли совѣтъ къ нему?» Гарашанинъ съ упрекомъ замѣтилъ: «Скажи лучше: я того требую».—«Нельзя же отдѣляться отъ народа», возразилъ Груичъ. Гарашанинъ всталъ и, взглянувъ на собесѣдника, сказалъ ему: «Смотри Груичъ! если дѣло пойдетъ иначе, чѣмъ нужно, то знай, что я не буду винить въ томъ никого другаго, кромѣ тебя, и строго осужу тебя». Разговоръ становился крупнѣе съ каждой минутой; съ обѣихъ сторонъ сыпались упреки, какъ въ комнату вошелъ жандармъ съ извѣстіемъ, что на теразійской улицѣ пожаръ. Гарашанинъ хотѣлъ было отправиться туда, но семья не пустила его. Груичъ вышелъ на улицу и вмѣстѣ съ народомъ побѣжалъ къ мѣсту пожара, вспыхнувшаго не подалеку отъ его

жилища. Пожаръ вскорѣ былъ потушенъ, но въ народѣ раздавались голоса, что огонь былъ подложенъ сторонниками павшаго князя, чтобы во время смятенія перебить вождей народно-либеральной партіи. Толпа волновалась и собиралась идти къ дому Гарашанина, такъ неосторожно поручившагося за безопасность города своимъ домомъ. Но Стевча остановилъ толпу. Изъ народа однакожь кричали ему: «Хорошо, господинъ, вы защищаете и защитите Гарашанина и его домъ отъ насъ; вы, можетъ быть, думаете, что только въ томъ и заключаются наша радость и наше несчастіе; такъ знайте же, что они съ совѣтниками и другими чиновниками все уже приготовили, подговорили войско противъ скупщины; увидите, что завтра будетъ».—«Если эти правда, объявилъ Стевча на весь народъ, то сообщите теперь же всѣмъ жителямъ Бѣлграда, да и я пошлю разсыльныхъ съ проказомъ, чтобы завтра закрыты были всѣ лавки и чтобы всѣ люди, сколько ихъ тамъ ни есть, собрались спозаранку къ скупщинѣ съ оружіемъ въ рукахъ».—«Будемъ! будемъ»! раздался крикъ въ народѣ, и на улицахъ остались лишь небольшія толпы для охраненія порядка и тѣхъ домовъ, гдѣ собирались вожди народно-либеральной партіи. Маджаревичъ съ своимъ отрядомъ охранялъ домъ, гдѣ происходили совѣщанія тѣснаго кружка этой партіи. Арса Туцаковичъ цѣлую ночь провелъ на конѣ. Къ вождямъ народно-либеральной партіи являлись нѣкоторые изъ окружныхъ начальниковъ, чтобъ уговориться о третьемъ лицѣ, которымъ слѣдовало на другой день пополнить предполагавшееся временное правительство. Чиновники указывали на попечителя иностранныхъ дѣлъ Стефана Магазиновича, одного изъ вѣрныхъ друзей Гарашанина; либералы выставляли Андрея Стаменковича. Но Стевча колебался, и вопросъ о составѣ временнаго правительства разрѣшился только на слѣдующій день.

Въ ту же ночь созрѣлъ заговоръ противъ скупщины, въ которомъ главнымъ образомъ участвовали карагеоргіевцы, опираясь на войско, коимъ начальствовалъ Іованъ Лукавчевичъ, женатый на сестрѣ княгини Персиды. Заговорщики надѣялись, окруживъ войсками скупщину, схватить вождей либеральной партіи, сломить значеніе секретарей ея, затѣмъ или подчинить скупщину своему вліянію, или разогнать ее и, предупредивъ такимъ образомъ возстановленіе Обреновичей, вывести Карагеоргіевича изъ крѣпости во дворецъ. Тѣ изъ людей, принадлежавшихъ къ старой уставобранительской партіи, которые теперь составляли силу

каймакамовцевъ, не хотѣли предупредить этого заговора, ибо могли извлечь изъ него двоякіе плоды: съ одной стороны, избавиться отъ Обреновичей, не компрометируя себя, съ другой, удержавъ Карагеоргіевича въ крѣпости при содѣйствіи турецкихъ властей, прибрать въ свои руки княжескую власть, такъ какъ совѣтская и попечительская уже принадлежали имъ.

Утромъ 12-го декабря министры, а въ числѣ ихъ и Гарашанинъ, не покидали своихъ домовъ; предсѣдатель совѣта, Вучичъ, также остался дома; но вице-президентъ Алекса Янковичъ и остальные члены явились вооруженные въ зданіе совѣта. Въ казармахъ все войско стояло подъ ружьемъ, а кругомъ скупщины собрались безчисленныя толпы народа. Миша Анастасьевичъ, прибывъ въ обычный часъ, объявилъ засѣданіе открытымъ. По подписаніи протокола прошлаго засѣданія, встрѣченнаго нѣсколькими замѣчаніями, началась борьба противъ вождей народно-либеральной партіи. Ее открылъ самъ предсѣдатель, говорившій такъ громко, на сколько у него было силы: «Что здѣсь дѣлается, братья? рѣшаетъ ли здѣсь скупщина или секретари? я ли здѣсь предсѣдатель, или они? я думаю, что ихъ обязанность здѣсь писать то, что рѣшитъ скупщина, а не что подготовлено по закоулкамъ. Еще въ началѣ совершенно неожиданно предложенъ былъ безразсудный проектъ закона о скупщинѣ, и они сами толковали его и проводили чуть не силой. Потомъ внезапно представили, а когда мы хотѣли задержать, то опять съ настойчивостью провели адресъ покровительствующимъ державамъ и какое-то укорительное заявленіе или предостереженіе Портѣ. Поссорили насъ не только съ совѣтомъ и нашимъ правительствомъ, но и съ чужестранными консулами и султанскими представителями. Вчера явились съ какими-то прокламаціями и указами къ народу, чтобъ еще болѣе разсорить насъ со всѣми властями и вовлечь въ союзъ съ народными партіями, поджигая всюду раздоръ и не согласія. Откуда они могли знать, что скупщина рѣшитъ вчера? непоказываетъ ли это, что существуютъ тайныя совѣщанія по неизвѣстнымъ закоулкамъ, и что наши секретари пишутъ лишь то, на чемъ тамъ уговорятся, а здѣсь намъ потомъ предложутъ и не ожидая, что скупщина постановитъ, тутъ же предъ нами и напишутъ то. Я не хочу подписываться подъ заключеніями, приготовленными внѣ скупщины; я признаю лишь то, что опредѣлено скупщиною здѣсь. Скупщинскіе акты находятся не въ ея зданіи и не у меня, хотя я предсѣдатель, но ихъ берутъ къ

себѣ секретари и передѣлываютъ какъ имъ угодно. Секретари эти, злоупотребляя своими обязанностями, присвоили себѣ право депутатовъ, захватили права предсѣдателя и покушаются на власть самой скупщины. Къ стыду всѣхъ насъ и на бѣдствія всего народа, они надѣлали все и вся, происшедшее на этой скупщинѣ». Предсѣдатель забылъ, произнося такія обвиненія на секретарей, что всѣ высчитанныя имъ предложенія внесены были въ засѣданіе скупщины не секретарями, а депутатами одной съ ними партіи, и приняты скупщиною или единогласно, или по большинству голосовъ. Выставляя дѣло всей народно-либеральной партіи личнымъ дѣломъ секретарей, онъ тѣмъ самымъ оскорблялъ значительную часть депутатовъ и заранѣе вызывалъ ихъ на поддержку секретарей, которыхъ ему хотѣлось обвинить въ незаконныхъ дѣйствіяхъ и отстранить. Но и у Мичи была не малая партія на скупщинѣ, для которой слова предсѣдателя были вызовомъ вмѣшаться въ начавшуюся борьбу. Груичъ сталъ было говорить: «Нашъ предсѣдатель вмѣсто того, чтобы переговорить съ секретарями приличнымъ образомъ и условиться съ ними, желаетъ возбудить раздоръ въ скупщинѣ и обвиняетъ насъ предъ всѣми вами»; но не успѣлъ онъ договорить этихъ словъ, какъ до двадцати депутатовъ вскочили на ноги и подняли такой крикъ противъ Груича, что нельзя было ничего разобрать. Между ними громче всѣхъ кричали: Гавра Вуковичъ, купеческій товарищъ изъ Иваницы въ ужицкомъ округѣ, и Мартинъ Милутиновичъ изъ села Врбицы крагуевацкаго округа *). Бывало не разъ и прежде, что во время шумныхъ преній, когда не могъ возстановить порядка на скупщинѣ самъ предсѣдатель, Груичъ своимъ голосомъ возстановлялъ тишину, и она любила выслушивать его объясненія. Надѣясь на это, онъ опять сталъ говорить: «Мы подверглись нападенію и обвиненію и должны защититься; вы слышали жалобу на насъ, выслушайте же и наши объясненія, а потомъ рѣшайте, какъ васъ Богъ научитъ»; но эти слова не могли быть разслушаны изъ-за криковъ сторонниковъ Мичи. Груичъ крикнулъ: «Я отъ имени секретаріата спрашиваю всю скупщину, желаетъ ли она выслушать мою защиту?» и вся зала потряслась отъ депутатскихъ голосовъ: «Хотимъ! говори!» Поль-

---

*) Милутиновичъ былъ давній, неизмѣнный сторонникъ Вучича; Вуковичъ въ послѣдствіи, во время пріятельскаго посѣщенія Гарашанина, пораженъ былъ въ его домѣ апоплексическимъ ударомъ и умеръ.

зуясь наставшею за тѣмъ минутою тишины, Груичъ продолжалъ: «Такъ, братья! господинъ Миша справедливо сказалъ, что онъ председатель, а не я, что скупщина рѣшаетъ, а не секретари; но онъ сказалъ не вѣрно, что все, написанное и прочтенное здѣсь секретарями, не есть народное желаніе и ваше рѣшеніе. Служба наша здѣсь не принадлежитъ ни князю, ни правительству, ни совѣту, ни сему председателю; она принадлежитъ всѣмъ вамъ, всей скупщинѣ, которая насъ избрала, точно такъ же, какъ ваша служба принадлежитъ цѣлому народу, который послалъ васъ сюда. Что-жъ мы такое прочитали, чего бы вы не одобрили? и что же вы такое одобрили, что не было бы желаніемъ всего народа? Какому сербу, если только онъ не думаетъ объ измѣнѣ народу, можетъ быть непріятно, что своимъ заявленіемъ мы отстранили вмѣшательство турокъ въ наши внутреннія дѣла? или мы должны спрашивать ихъ, что намъ надо дѣлать и кто намъ нуженъ? Какому разсудительному и почтенному сербу можетъ быть непріятно, что первымъ дѣломъ нашимъ было стараніе успокоить народъ утвержденіемъ неизмѣннаго закона о правильно-созываемой народной скупщинѣ? или мы должны прежде исполнить всѣ желанія важныхъ лицъ, а когда дойдетъ до народныхъ дѣлъ, разойтись и остаться, какъ и донынѣ, безъ скупщины, охраняющей народъ, и безъ точнаго закона, обезпечивающаго ея существованіе и значеніе? какому сербу, если онъ не предпочитаетъ своихъ личныхъ выгодъ общимъ, можетъ быть непріятно возстановленіе народной наслѣдственной династіи? или мы должны, упразднивъ престолъ, оставить землю безъ главы, чтобы сановники препирались нынѣ о княжествѣ, какъ нѣкогда препирались о царствѣ?»

Миша Анастасьевичъ, успокоенный первыми словами Груича, сначала молчалъ, а за нимъ и его сторонники; но когда рѣчь секретаря стала клониться къ обвиненію самихъ правителей, Миша подалъ знакъ своимъ приверженцамъ, и голосъ Груича заглушенъ былъ криками и свистомъ. Груичъ сѣлъ на свое мѣсто и понявъ, что противная партія дѣйствуетъ по заранѣе условленному плану, поспѣшилъ сообщить своимъ друзьямъ опасенія насчетъ устроившагося противъ скупщины заговора. Крики сторонниковъ каймакаміи росли съ каждымъ мгновеніемъ; но и противники ихъ повскакали съ своихъ мѣстъ, отвѣчая на крикъ крикомъ. Въ скупщинѣ воцарился полнѣйшій безпорядокъ; депутаты спорили между собой отдѣльными кучками; нельзя было разобрать ни единаго

слова. Была ужасная минута, во время которой депутатскіе голоса слились въ общій, непрерывный гулъ, и могли смутить народную толпу, окружавшую зданіе скупщины. Въ эту-то минуту поднялся второй секретарь скупщины Іованъ Иличъ, обыкновенно молчаливый и отчасти угрюмый. Сильно ударивъ ногой о полъ, онъ крикнулъ, сколько было у него силы: «Ты, Миша, кинулъ сегодня кровавый ножъ въ скупщину; но не думай, что выйдешь отсюда живой; твоя голова падетъ первою», и съ этими словами ударилъ рукой о пистолетъ, висѣвшій у него на ремнѣ подъ полою. Эта угроза была спасительною. Миша Анастасьевичъ поблѣднѣлъ и, подозвавъ къ себѣ Груича, сталъ ему шептать что-то, чего однакожъ и самъ собесѣдникъ его не могъ разслышать. Но видъ предсѣдателя, мирно бесѣдующаго съ секретаремъ, произвелъ успокоительное впечатлѣніе на скупщину. Позвонивъ, Миша возстановилъ порядокъ, и съ обѣихъ сторонъ было объявлено, что согласіе между ними снова утверждено, и что весь споръ вызванъ недоразумѣніемъ. Вопросъ о правахъ секретарей былъ устраненъ чрезъ то, и первая часть плана, въ которомъ условилась наканунѣ партія чиновныхъ лицъ, осталась неисполненною.

Едва однакожъ скупщина притихла, какъ открыто было второе нападеніе на либеральную партію. Коста Янковичъ, начальникъ краинскаго окружія, братъ Пауна Янковича, участвовавшаго въ заговорѣ 1857 года, приверженецъ каймакаміи, особенно Мишинъ, сталъ требовать, чтобы отъ имени скупщины изданъ былъ приказъ къ вооружившимся жителямъ Бѣлграда, дабы они разошлись по домамъ и обратились къ своимъ занятіямъ. Привести въ исполненіе такой приказъ онъ предлагалъ поручить Стевчѣ Михаиловичу, какъ начальнику города, назначенному самою скупщиной. «Какая мы скупщина, говорилъ Коста Янковичъ, когда насъ окружила такая сила? Мы находимся подъ арестомъ; иначе зачѣмъ было бы собирать около скупщины столько народа». Нѣкоторые изъ сторонниковъ каймакаміи поддерживали Янковича. Но Стевча возразилъ, что если народъ вооружился и безъ приказа съ его стороны, сдѣлавъ это по необходимости, съ цѣлію не только охранять себя и свое имущество, но и защищать скупщину, подкрѣпляя ея рѣшенія, то заслуживаетъ скорѣе похвалы, чѣмъ осужденія; что неблагоразумно распускать и отгонять народъ отъ скупщины въ то время, когда носятся слухи, что нѣкоторые изъ совѣтниковъ вмѣстѣ съ свергнутымъ кня-

земъ составили въ эту ночь планъ вывести его изъ крѣпости въ городъ, опять провозгласить княземъ, а скупщину разогнать. Кромѣ того Стевча сообщилъ достовѣрное извѣстіе, что въ казармахъ стоитъ все войско подъ ружьемъ, готовое къ бою, а пушки направлены противъ скупщинскаго зданія, и что въ казармахъ находятся люди, старающіеся возмутить солдатъ. Скупщина рѣшила не издавать приказа о роспускѣ народа, и только поручила Стевчѣ поддерживать въ толпахъ порядокъ. Такимъ рѣшеніемъ уничтожена была и вторая часть враждебнаго скупщинѣ плана. Но всѣ эти нападенія на либеральную партію еще болѣе убѣдили ея вождей, что скупщинѣ грозитъ рѣшительная опасность. Въ виду ея они рѣшились провозгласить непрерывность скупщинскаго засѣданія на все время опасности. Они уже нѣсколько разъ замѣтили, что нѣкорые изъ чиновныхъ депутатовъ то и дѣло поглядывали въ окна, или выходили на крыльцо въ ожиданіи чего-то. Члены народно-либеральной партіи опасались, чтобы въ рѣшительную минуту Миша Анастасьевичъ не объявилъ засѣданія закрытымъ. Съ этою цѣлію, когда прекратился споръ, касавшійся вооруженнаго народа, Груичъ обратился къ скупщинѣ съ словами: «Братья! исполняю обязанность, наложенную на меня сначала скупщины закономъ и ввѣренную мнѣ вами, чтобы объяснить вамъ потребность, наставшую въ настоящее время. Кто знаетъ, на что народные враги могутъ покуситься противъ скупщины? Когда надо было рѣшать, вы рѣшали единодушно во имя народа и для его пользы,—и въ томъ вы успѣли. Нынѣ, когда дошло до необходимости защищать народныя постановленія, мы обязаны дѣйствовать столь же единодушно отъ имени народа и ради его выгодъ. Когда и пока вы засѣдаете здѣсь, вы—скупщина, пользующаяся нынѣ народною и княжескою властію и располагающая силами Бѣлграда и всей земли. Но чтобы употреблять эту власть и эту силу во всякое мгновеніе и при всякомъ случаѣ, когда будетъ удобнѣе, и чтобы жители Бѣлграда вмѣстѣ съ людьми, пришедшими и непрестанно прибывающими изъ внутреннихъ округовъ, видѣли, гдѣ скупщина, и знали, вокругъ кого должны собраться и кого защищать, нужно рѣшить, чтобъ скупщина не расходилась и чтобъ всѣ вы оставались въ засѣданіи; а если которые либо депутаты по необходимости и выдутъ, то должны возвратиться, чтобъ могло, не прекращаясь, продолжаться законное и полноправное для всякихъ рѣшеній засѣданіе. Еще, братья, примемъ торжественное заявленіе: что не измѣнимъ заключеніямъ

скупщины и не покоримся народнымъ измѣнникамъ, хотя бы всѣмъ пришлось погибнуть на этихъ мѣстахъ! Пусть и народъ, ставшій подъ оружіе, стечется весь около сего освященнаго мѣста и твердо знаетъ, что̀ будетъ защищать и за что бороться. Сознаніе и убѣжденіе въ правдѣ, свободѣ и во всемъ, что для народа важно и полезно, рано ли поздно должны побѣдить. Если насъ и перебьютъ, то не могутъ избить цѣлый народъ; а этотъ народъ отомститъ за своихъ избранниковъ и защитниковъ». Вся скупщина поднялась на ноги и, какъ сказано въ протоколахъ, рѣшила, что остается на своемъ мѣстѣ и не разойдется ни въ какомъ случаѣ, что бы ни было предпринято противъ нея. Громадное большинство депутатовъ торжественно объявило, что скорѣе погибнутъ на своихъ мѣстахъ, чѣмъ покорятся измѣнникамъ народа.

Отбивъ такимъ образомъ нападеніе своихъ враговъ въ собственной средѣ и принявъ рѣшеніе на случай нападенія извнѣ, скупщина попыталась еще разъ привлечь совѣтъ къ соглашенію съ ней. Къ совѣтникамъ отправлена была депутація для передачи имъ прокламаціи и указовъ скупщины и для требованія отъ нихъ немедленнаго отвѣта. Депутація вернулась скоро и объявила, что предъ совѣтомъ нашла военную стражу и что часовой не хотѣлъ пропустить ее внутрь, пока не раздался сверху сквозь окно голосъ одного изъ совѣтниковъ, приказывавшаго пропустить депутацію; затѣмъ совѣтъ, принявъ скупщинскіе акты, объявилъ чрезъ своего вице-президента, чтобъ скупщина не принимала никакихъ рѣшеній безъ соглашенія съ нимъ, а отвѣтъ на сообщенія скупщины обѣщалъ прислать чрезъ князя Александра. Депутація прибавила къ этому, что нѣкоторые изъ членовъ совѣта, послѣдовавъ за нею изъ засѣданія, говорили, что изъ дѣйствій скупщины ничего не выйдетъ, что такимъ образомъ нельзя поступать, и совѣтовали скупщинѣ отказаться отъ своихъ рѣшеній. Сообщенія депутаціи произвели сильный ропотъ между членами скупщины. Многіе потребовали, чтобы прочитано было прежнее письмо совѣта, въ которомъ онъ соглашался со скупщиной касательно сверженія Карагеоргіевича. По прочтеніи его, со всѣхъ сторонъ послышались возгласы, что не можетъ быть довѣрія къ совѣту, который прежде говорилъ такъ, а теперь иначе. Послѣ новыхъ совѣщаній о томъ, отправлена была другая депутація къ совѣту съ требованіемъ, чтобы онъ начисто объяснилъ свой образъ мыслей. Но эта депутація вернулась еще скорѣе и объявила,

что зданіе совѣта охраняетъ стража, присланная изъ казармъ; отъ этой же стражи депутація узнала, что въ совѣтѣ нѣтъ никого, что нѣкоторые изъ совѣтниковъ отправились въ казармы, а нѣкоторые въ крѣпость, чтобы вывести оттуда князя и возвратить ему власть.

Въ чемъ же дѣйствительно заключались намѣренія совѣтниковъ? Пока скупщина занята была внутренней борьбой, вызванной заявленіями предсѣдателя и Косты Янковича, совѣтъ рѣшился на крайнюю мѣру. Одни изъ его членовъ должны были двинуть изъ казармъ отдѣленіе войска противъ скупщины съ тѣмъ, чтобы или разогнать ее, или по крайней мѣрѣ отвлечь вниманіе охранявшаго ее народа отъ другаго предпріятія, которое должны были исполнить наиболѣе преданные прежнему князю совѣтники. Эта часть совѣтниковъ должна была двинуться съ болѣе сильнымъ отрядомъ войска другими улицами, лежавшими сзади дворца, провести ихъ къ крѣпости и вручить тамъ Карагеоргіевичу адресъ такого содержанія: «Ваша свѣтлость! премилостивый господарь! народная скупщина, созванная выразить предъ лицемъ правительства свои желанія и представить народныя нужды, съ самаго начала выступила изъ предѣловъ законности и дошла до того, что напослѣдокъ учинила самый бѣдственный шагъ. Представивъ свои заключенія совѣту чрезъ толпу людей, она принудила и самый совѣтъ ходатайствовать предъ вашей свѣтлостью, дабы вы изъ любви къ отечеству принесли на алтарь его жертву, отрекшись отъ княжескаго достоинства. Но такъ какъ совѣтъ узналъ, что такое желаніе не было гласомъ народа, но лишь гласомъ нѣсколькихъ горячихъ головъ, а особенно секретарей скупщины, которые по закону не могутъ даже имѣть голоса на скупщинѣ, то совѣтъ умоляетъ вашу свѣтлость возвратиться въ свой дворецъ и принять княжескую власть въ свои руки, дабы земля не подверглась анархіи и не погибла, а народную скупщину, проникнутую пагубнымъ духомъ, выступившую изъ предѣловъ законности и учинившую безпорядокъ, распустить» (№ 165 декабря 12 дня 1858, въ Бѣлградѣ. Адресъ: Его свѣтлости премилостивому господарю и князю сербскому Александру Карагеоргіевичу) *).

Изготовивъ и подписавъ это письмо, всѣ наличные совѣтни-

*) Срв. Правни претрес пропасти великог суда у Србіи. 1864. У Новоме Саду 1867; стр. 105, 114.

ки отправились въ казармы, гдѣ предъ цѣлымъ войскомъ, приготовленнымъ къ нападенію, прочитано было рѣшеніе совѣта и провозглашено возвращеніе Карагеоргіевича. Часть войскъ была немедленно двинута по переулку, ведшему къ зданію скупщины. Но почти до самыхъ казармъ простирались отдѣльныя толпы вооруженнаго народа, становившіяся все гуще и тѣснѣе, чѣмъ ближе къ скупщинѣ подвигались войска. При вступленіи ихъ на самую улицу, гдѣ стоялъ скупщинскій домъ, въ толпѣ поднялись враждебные крики; а смѣненный скупщиной правитель города, но еще не сдавшій своей должности, Никола Христичъ, по званію своему принадлежавшій къ членамъ скупщины, очутился на ея дворѣ и съ насмѣшкой говорилъ вождямъ народа: «Ну, что-то теперь сдѣлаетъ вашъ Груичъ!». Вѣсть о томъ, что солдаты уже приблизились къ скупщинѣ, разнеслась по залѣ засѣданій, депутаты взволновались и многіе пришли въ безпокойство; но Стевча Михайловичъ, какъ дѣйствительный начальникъ надъ жителями Бѣлграда, пригласилъ депутатовъ сѣсть на свои мѣста, а самъ вышелъ къ толпѣ, чтобы издать въ случаѣ необходимости какія либо распоряженія. Выйдя на крыльцо, Стевча увидалъ, что солдаты не могутъ пробиться къ воротамъ скупщинскаго дома и что народъ направилъ на нихъ все свое оружіе. Онъ попытался пробраться сквозь толпу, чтобы переговорить съ начальниками, управлявшими войскомъ. Но въ этомъ уже не было никакой надобности. Защитники скупщины, разгнѣванные тѣмъ, что еще наканунѣ не была отнята власть у Христича, и что ручательство Гарашанина за безопасность города оказалось обманчивымъ, не дожидаясь приказаній Стевчи, устремились противъ солдатъ, а на насмѣшки Христича отвѣчали: «Пусть Груичъ и его друзья остаются на скупщинѣ; тамъ они нужнѣе, а здѣсь справимся и мы». Ранко Алимпичъ, получившій отъ скупщины власть надъ войскомъ, выѣхалъ на конѣ предъ народную толпу и, спрыгнувъ съ него, кинулся къ капитану Глишѣ Божичу, ведшему солдатъ, съ крикомъ: «Стой! куда идешь?» а когда Божичъ отвѣчалъ: «Мнѣ надо впередъ», Алимпичъ возразилъ: «Не пройдешь впередъ», и въ ту же минуту подставилъ ему къ горлу пистолетъ съ взведеннымъ куркомъ. Въ то же время Аксентіе Міятовичъ, сынъ кнеза изъ Гружи, подмастерье у одного изъ бѣлградскихъ промышленниковъ, придвинулъ къ груди капитана Тодора длинное ружье; а секретарь совѣта Іованъ Бабичъ приставилъ пистолетъ къ унтеръ-офицеру Нешѣ. То же

самое сдѣлалъ народъ, окруживъ солдатъ справа и слѣва, спереди и сзади, обходя ихъ со всѣхъ сторонъ и даже стараясь пролѣзть въ ихъ ряды. Такая неожиданная солдатами встрѣча, а еще болѣе неизбѣжная смерть, ожидавшая начальниковъ при малѣйшемъ движеніи впередъ, принудили ихъ возвратиться назадъ и даже въ казармахъ ударили отбой. Стевча Михайловичъ, убѣдившись въ торжествѣ народнаго дѣла, возвратился въ залу скупщины, гдѣ всѣ депутаты повыскакали съ своихъ мѣстъ, а сторонники каймакаміи повыбѣжали на крыльцо. Стевча обратился къ нимъ съ успокоительными словами: «Садитесь, братья, на мѣста; нѣтъ никакой опасности; ваши лавки крѣпче, чѣмъ ихъ пушки». Скупщина успокоилась. Но вскорѣ получено было извѣстіе, что другой отрядъ войска, гораздо сильнѣйшій, предводимый не только офицерами, но и двумя совѣтниками: Ранкомъ Матѣичемъ и Антоніемъ Майсторовичемъ, двинулся мимо совѣтскаго зданія, чрезъ палилускую площадь позади дворца, къ стамбульскимъ воротамъ турецкой части города, чтобы потомъ проникнуть въ крѣпость и привести оттуда Карагеоргіевича, захвативъ съ собой на возвратномъ пути Вучича и Гарашанина. Узнавъ о томъ, Стевча снова вышелъ на крыльцо и встрѣтилъ Гарашанинова зятя, Рашу, который говорилъ ему, что солдаты пошли только за Вучичемъ и Гарашаниномъ и не думаютъ о Карагеоргіевичѣ; но другіе утверждали, что главная цѣль военнаго движенія къ крѣпости возвратить павшаго князя и, въ случаѣ успѣха, напасть на скупщину при помощи войскъ, оставшихся въ казармахъ, и предать ее суду. Хотя кругомъ дворца и на улицахъ, ведшихъ къ крѣпости, было много вооруженнаго народа, но Стевча отпустилъ туда же значительную часть толпы, защищавшей скупщину.

Въ такихъ обстоятельствахъ скупщина рѣшилась провозгласить временное правительство, которое завѣдывало бы дѣлами до прибытія князя Милоша, и назначила членами его: попечителя внутреннихъ дѣлъ Илью Гарашанина, своего вице-президента и начальника Бѣлграда и гарнизоннаго войска Стевчу Михайловича, а также предсѣдателя кассаціоннаго суда и члена скупщины Іевту Угричича. Тогда же составлена была и прокламація отъ имени скупщины, возвѣщавшая совѣту, всѣмъ министрамъ, архіереямъ, гарнизонному войску, жителямъ Бѣлграда, всѣмъ властямъ и цѣлому народу сербскому о новомъ правительствѣ. Пока скупщина занималась избраніемъ членовъ временнаго пра-

*

вительства и составленіемъ необходимыхъ при этомъ актовъ, судьба военнаго движенія къ крѣпости уже была рѣшена. Первое достовѣрное извѣстіе о томъ скупщина получила отъ вице-президента совѣта Алексѣя Янковича, который имѣлъ нахальство обратиться къ самой же скупщинѣ съ жалобами на противодѣйствіе со стороны народа военному предпріятію, направленному противъ ея постановленій. Въ письмѣ его сказано было: «Одно отдѣленіе войска за нѣсколько минутъ предъ симъ подверглось нападенію отъ нѣкоторыхъ вооруженныхъ жителей, у него отняты военныя вещи, нѣкоторые офицеры задержаны, а также и члены совѣта. Со стороны совѣта княжества сербскаго народная скупщина приглашается издать приказаніе и съ своей стороны, чтобы солдатъ не задирали, не раздражали и не навлекали тѣмъ большихъ несчастій». Дѣйствительно военное движеніе къ крѣпости потерпѣло полную неудачу. Еще на палилулской площади отрядъ солдатъ, среди котораго ѣхали на коняхъ совѣтники реакціонной партіи, окруженъ былъ со всѣхъ сторонъ народомъ. Дѣло не доходило даже до угрозъ оружіемъ. Войскамъ уже извѣстны были распоряженія скупщины, извѣстно было и народное расположеніе; они знали, что идя за Карагеоргіевичемъ, идутъ противъ открыто заявленныхъ желаній всей земли. Въ народной толпѣ они встрѣтили знакомыя лица близкихъ родственниковъ и друзей, изъ устъ которыхъ должны были выслушивать не только укоризны, но и проклятія. Солдаты остановились и смѣшались; ряды ихъ наполнились вооруженными гражданами и даже дѣтьми, издѣвавшимися надъ обоими совѣтниками, шедшими съ войскомъ къ крѣпости. Послѣ долгихъ препирательствъ, совѣтниковъ стащили съ коней и вмѣстѣ съ офицерами арестовали и повели къ скупщинѣ, которая давала въ это время отвѣтъ на письмо Янковича. По предложенію Стевчи, солдату, принесшему это письмо, было сказано для передачи совѣтникамъ, что народная скупщина ручается за безопасность и свободу совѣтниковъ, если они присоединятся къ народнымъ желаніямъ, и что народу нельзя запретить задерживать тѣхъ совѣтниковъ, которые ему измѣняютъ, дѣйствуютъ противъ него и, возмутивъ войско, предводительствуютъ имъ; что же касается войска, то пусть оно подчинится народному голосу, не нападаетъ на сограждань и скупщину, тогда и граждане не нападутъ на казармы; если же войска выйдутъ изъ казармъ и станутъ нападать, граждане будутъ бороться и защищать народное дѣло съ оружіемъ въ рукахъ. Когда посланный

Янковича былъ отпущенъ съ такимъ отвѣтомъ, Стевча сообщилъ скупщинѣ о неудачѣ военнаго движенія по свѣдѣніямъ, полученнымъ уже отъ его помощниковъ. Объявивъ, что солдаты выразили готовность повиноваться повелѣніямъ скупщины, вслѣдствіе чего при нихъ оставлено оружіе, Стевча прибавилъ, что совѣтники Матѣичъ и Майсторовичъ арестованы вмѣстѣ съ двумя офицерами и, для ихъ же личной безопасности и охраненія отъ народной мести, помѣщены въ подвалахъ скупщинскаго дома. Вскорѣ явились на скупщину тѣ изъ совѣтниковъ, которые не раздѣляли желанія товарищей своихъ касательно возвращенія Карагеоргіевича, и сообщили, что часть совѣтниковъ была удержана въ казармахъ, гдѣ начальствовали люди, преданные павшему князю. Они изъявляли готовность раздѣлить со скупщиной счастіе и несчастіе. Между тѣмъ послана была депутація къ Гарашанину съ извѣстіемъ о избраніи его въ члены временнаго правительства. Гарашанинъ, не выходившій изъ дому во все время солдатскихъ движеній, хотя и былъ упрашиваемъ многими выйти къ войску и остановить его замыслы, явился теперь на скупщину и принялъ вмѣстѣ со Стевчею и Угричичемъ управленіе земскими дѣлами, при чемъ замѣтилъ, что онъ принимаетъ новую должность лишь на нѣсколько дней, пока не будетъ возстановленъ порядокъ. Наконецъ представлены были скупщинѣ нѣкоторые изъ совѣтниковъ, участвовавшихъ въ замыслѣ возстановить прежняго князя; они дали клятвенное обѣщаніе дѣйствовать отнынѣ за одно съ народомъ. Такъ восторжествовала народно-либеральная партія, а съ нею народъ и скупщина, надъ замыслами приверженцевъ Карагеоргіевича, надъ проискомъ сторонниковъ каймакаміи и надъ возстаніемъ войска. Уже вечеромъ разошлись члены скупщины послѣ засѣданія, продолжавшагося около восьми часовъ.

Народная побѣда измѣнила взаимное положеніе партій. Случайный союзъ между карагеоргіевцами и каймакамовцами, который могъ закрѣпиться въ случаѣ успѣха первыхъ, самъ собой разсыпался, и карагеоргіевцы должны были сдаться на милость и немилость скупщины. Положеніе каймакамовцевъ было совершенно иное. Они ничѣмъ не изобличили явно своихъ плановъ и только вызвали въ народной партіи упрекъ въ безучастномъ отношеніи къ общему дѣлу, въ неумѣньи стать выше тѣхъ обязанностей и формальностей, къ которымъ пріучила ихъ долговременная правительственная практика, и въ преданности распоряженіямъ Порты, что́ особенно не нравилось горячимъ патріотамъ. Когда

неудача, постигшая планы карагеоргіевцевъ, стала ясною для всѣхъ, каймакамовцы, все еще пользовавшіеся властію, измѣнили образъ дѣйствій, открыто изъявляя свое удовольствіе совершившимся событіями и приглашая торжествующую партію быть великодушною къ побѣжденнымъ. Но народная скупщина и не думала дѣйствовать иначе. Не могли однакожь каймакамовцы простить либераламъ ни той энергіи, съ какою дѣйствовали послѣдніе въ разрѣзъ всѣмъ ожиданіями каймакаміи, ни ихъ вліятельнаго союза съ народомъ и обреновцами. Выставляя себя также сторонниками народнаго торжества и возстановленія Обреновичей, каймакамовцы подвергали самымъ безпощаднымъ порицаніямъ всѣ дѣйствія соединеннаго кружка либераловъ и сознательныхъ обреновцевъ; они говорили, что тѣхъ же самыхъ результатовъ можно было достигнуть, не прибѣгая къ крайнимъ мѣрамъ и не дѣйствуя отдѣльно отъ людей болѣе опытныхъ; они давали вождямъ народно-либеральной партіи прозвища мечтателей, разгоряченныхъ головъ и несвѣдущихъ ни въ чемъ людей. Отнынѣ поле дѣйствій должно было оставаться за партіей каймакаміи и либералами. Между ними должна была открыться борьба за вліяніе на народъ, за союзъ съ простыми обреновцами и за довѣріе новаго князя. Но пока народная скупщина еще дѣйствовала, пока либеральная партія и сознательные обреновцы стояли на почвѣ права, борьба каймакамовцевъ съ ними была трудна; гораздо выгоднѣе и расчетливѣе для каймакаміи было искать поддержки себѣ у Порты и стараться о сближеніи съ самими Обреновичами, нѣкогда пострадавшими отъ уставобранителей и возвращавшимися нынѣ помимо ихъ желаній. Такимъ новымъ характеромъ и направленіемъ борьбы между партіями, участвовавшими въ дѣйствіяхъ святоандреевской скупщины, и запечатлѣны остальныя засѣданія этой скупщины до самаго прибытія князя Милоша въ Бѣлградъ.

ГЛАВА II.

СВЯТОАНДРЕЕВСКАЯ СКУПЩИНА

И

ВОЗВРАЩЕНІЕ ОБРЕНОВИЧЕЙ.

Взаимныя отношенія между временнымъ правительствомъ, совѣтомъ и народною скупщиной по сверженіи Карагеоргіевича.—Отношенія къ Портѣ и Австріи.—Посылка депутаціи къ Милошу въ Букарештъ.—Борьба партій въ Бѣлградѣ и демонстраціи на скупщинѣ въ пользу Милоша.—Утвержденіе его Портою въ званіи князя. — Народное одушевленіе въ Сербіи. — Представленіе депутаціи Милошу и первыя его распоряженія.—Отношенія къ нимъ скупщины.—Намѣстникъ князя.—Законъ о скупщинѣ.—Переѣздъ Милоша изъ Румыніи въ Сербію.—Постановленія скупщины противъ нѣкоторыхъ чиновниковъ.—Паденіе митрополита Петра и отставка Вучича.—Переѣздъ Михаила изъ Австріи съ Сербію.—Мемуаръ народно-либеральной партіи о совѣтникахъ. — Намѣренія простыхъ обреновцевъ.—Постановленія скупщины о совѣтникахъ, попечителяхъ и другихъ чиновникахъ, о преобразованіи общиннаго управленія.—Народное движеніе на встрѣчу Обреновичамъ.—Паденіе совѣта и его значеніе.—Пріѣздъ обоихъ князей въ Бѣлградъ и празднества.—Положеніе партій при дворѣ.—Чтеніе берата и постановленія скупщины по этому поводу.—Отдача подъ судъ Вучича.—Первое министерство Милоша.—Арестъ Вучича.—Послѣднее засѣданіе скупщины.

Прошло уже двое сутокъ съ тѣхъ поръ, какъ Александръ Карагеоргіевичъ, не отрекаясь отъ княжескаго достоинства, оставилъ дворецъ и переселился въ крѣпость подъ прикрытіе турецкихъ властей, съ тѣхъ поръ, какъ народная скупщина объявила его низверженнымъ и провозгласила наслѣдственнымъ княземъ Сербіи Милоша Обреновича; но и въ самомъ Бѣлградѣ все еще не было объявлено правительственнымъ путемъ о такой перемѣнѣ, не всѣми еще властями она была признана и даже въ газетахъ не было сказано о ней ни слова. Только секретарь скупщины успѣлъ прочесть народу опредѣленіе касательно смѣны двухъ княжескихъ фамилій; но затѣмъ произошло противуположное движеніе

въ лагерѣ, враждебномъ Обреновичамъ и народному самовластію, а временное правительство, возникшее изъ этого движенія, еще не успѣло приступить къ дѣйствіямъ. Отсутствіе правительственнаго акта, которымъ бы народъ извѣщался о совершившемся переворотѣ, должно было подвергать сомнѣніямъ самое значеніе этого событія въ глазахъ населенія ближайшихъ къ Бѣлграду округовъ, куда вѣсть о бѣлградскихъ произшествіяхъ уже проникла частными путями. Подобное извѣстіе, не подтвержденное официально, могло и тамъ произвести такую же борьбу партій, какая разразилась въ столицѣ княжества. Чѣмъ далѣе распространялась вѣсть о переворотѣ, тѣмъ усерднѣе готовились къ отпору народному движенію провинціальныя власти, болѣе или менѣе преданныя павшему князю. Уже изъ сосѣднихъ съ Бѣлградомъ округовъ поднималось населеніе и наиболѣе рѣшительные люди спѣшили въ Бѣлградъ и примыкали тамъ къ защитникамъ святоандреевской скупщины; уже въ общественныхъ собраніяхъ ближайшихъ къ столицѣ городовъ, по кофейнямъ, гостинницамъ и постоялымъ дворамъ передавался изъ устъ въ уста радостный слухъ о возстановленіи Обреновичей, а приверженцы ихъ все еще не могли выражать открыто своего сочувствія такому событію; ибо его продолжали отвергать сторонники прежняго князя, большею частію представители мѣстной власти. Вотъ почему временное правительство должно было поспѣшить изданіемъ прокламаціи, не только извѣщавшей о государственномъ переворотѣ, но и ставившей его на законную почву; вотъ почему и сама скупщина должна была отнестись снисходительно къ той формѣ, какую временное правительство могло признать наиболѣе согласною съ его взглядами.

Въ суботу, 13-го декабря, лишь только открылось засѣданіе скупщины, зданіе которой по прежнему окружено было многочисленными толпами жителей Бѣлграда и новоприбывшихъ сельчанъ, какъ на скупщину явились члены правительства, и Гарашанинъ прочелъ предъ народными депутатами составленную имъ прокламацію. Въ ней сказано было, что, вслѣдствіе удаленія Карагеоргіевича, скупщина вынуждена была передать княжескую власть до прибытія Милоша, избраннаго въ князья *), временному правительству изъ трехъ лицъ; что это правительство желаетъ

*) Въ черновомъ экземплярѣ прокламаціи не было упомянуто о провозглашеніи Обреновича.

сохранить въ странѣ миръ и законный порядокъ, подтверждаетъ всѣ существующія власти, гражданскія, церковныя и военныя, приглашаетъ народъ повиноваться прежнимъ властямъ и будетъ дѣйствовать на основаніи благотворительнаго устава, дарованнаго Портой и гарантированнаго великими державами, издавая свои распоряженія въ согласіи съ совѣтомъ. Въ прокламаціи ни слова не было сказано о сверженіи Карагеоргіевича скупщиною, о наслѣдственныхъ правахъ Обреновичей, и весь правительственный строй оставленъ былъ на прежнихъ основаніяхъ. Хотя оба товарища Гарашанина были сторонниками Обреновичей, но не сочли возможнымъ требовать включенія въ прокламацію болѣе рѣшительныхъ выраженій; люди же противной имъ партіи все еще расчитывали, что Порта не признаетъ Милоша княземъ. По прочтеніи прокламаціи, Груичъ замѣтилъ было Гарашанину, что въ ней не упомянуто о наслѣдственныхъ правахъ Обреновичей; но Гарашанинъ сказалъ ему: «Не могу я поступать по твоимъ приказаніямъ». Хотя нѣкоторые изъ находившихся по близости къ нимъ депутатовъ, особенно Тодоръ Туцаковичъ, и требовали гласнаго объясненія спора, возникшаго между однимъ изъ правителей и секретаремъ скупщины, но, не желая возбудить новой распри, Гарашанинъ и Груичъ промолчали. Такимъ образомъ весь переворотъ получилъ въ прокламаціи характеръ мирный и, что всего было важнѣе для каймакамовской партіи, временное правительство высказалось противъ всякой перемѣны въ составѣ чиновниковъ. По принятіи прокламаціи скупщиной, въ ея засѣданіе приглашены были начальники: главнаго военнаго штаба, военнаго отдѣленія въ попечительствѣ внутреннихъ дѣлъ и артиллерійскій. Всѣ трое объявили предъ скупщиной, что войска присоединяются къ желаніямъ и волѣ народа. Наконецъ прокламація прочитана была народу, окружавшему скупщину, и засѣданіе послѣдней было объявлено закрытымъ. Къ вечеру появились печатные экземпляры прокламаціи, и кромѣ того она помѣщена была въ «Сербскихъ Новинахъ». Но въ тотъ же вечеръ Стефанъ Лукичъ и другія лица, управлявшія толпами вооруженнаго народа, сопровождая Гарашанина всюду, гдѣ онъ ни появлялся, на всѣ его приглашенія распустить народъ, твердили: «То же самое вы говорили и въ четвергъ, но мы видѣли, какова могла быть пятница; намъ нѣтъ охоты завтра снова драться». По ихъ настоянію, Гарашанинъ взялъ наконецъ власть у Лукавчевича надъ войскомъ, а у Николы Христича надъ городскимъ

управленіемъ. День прошелъ безъ дальнѣйшихъ тревогъ: по видимому, всѣ партіи искали успокоенія послѣ недавняго напряженія и борьбы.

Каймакамовская партія и войска уладили свои отношенія къ народной скупщинѣ; оставался еще совѣтъ, которому надо было оправдываться въ своихъ послѣднихъ дѣйствіяхъ, въ своей попыткѣ возвратить Карагеоргіевича при помощи насилія. Члены его собрались въ засѣданіе, чтобы обдумать, какое объясненіе они могутъ дать скупщинѣ, и послѣ долгихъ совѣщаній составили актъ такого содержанія: «Вчерашняго числа земскій совѣтъ, собравшись въ обычное время для засѣданія, готовился обсуждать дѣла; но около 10 часовъ утра въ совѣтъ явились три офицера съ отрядомъ вооруженныхъ солдатъ изъ здѣшней казармы и въ засѣданіи совѣта объявили желаніе гарнизоннаго войска, чтобы князь Александръ Карагеоргіевичъ вызванъ былъ на свое мѣсто, и чтобы совѣтъ явился въ казармы и объявилъ предъ войскомъ, желаетъ ли онъ князя Александра, или нѣтъ, а кто не исполнитъ этого требованія, пусть припишетъ себѣ послѣдствія, которыя постигнутъ его. Совѣтъ, не имѣя возможности поступить иначе, отправился въ казармы въ сопровожденіи солдатъ и объявилъ предъ войскомъ, что и онъ желаетъ того же самаго. Возвратившись назадъ подъ прикрытіемъ солдатъ, которые и остались предъ зданіемъ совѣта, совѣтники, согласно обѣщанію своему, составили актъ, коимъ князь Александръ приглашенъ былъ возвратиться, принять въ свои руки княжескую власть и распустить скупщину. Сіе опредѣленіе совѣтъ долженъ былъ, явившись снова въ казармы въ сопровожденіи солдатъ, объявить всему войску. Когда къ князю Александру отправилась депутація, дабы сообщить ему таковое опредѣленіе, совѣтникамъ сказано было, чтобы они оставались въ одной изъ казарменныхъ комнатъ, гдѣ они дѣйствительно и остались, пока не явилась депутація отъ народной скупщины, которая дала возможность совѣтникамъ тотчасъ же перейти изъ казармъ въ совѣтъ. Такъ какъ все вышеизложенное совершено совѣтомъ не по собственной волѣ, а подъ вліяніемъ внѣшней силы, то онъ нынѣ, получивъ свободу, опредѣлилъ и свое опредѣленіе сообщаетъ народной скупщинѣ: что то дѣло его не было дѣйствіемъ свободной воли, но послѣдствіемъ вымогательства и принужденія, что онъ отказывается отъ своего прежняго поступка и даетъ народной скупщинѣ увѣреніе, что стоитъ, какъ прежде,

такъ и нынѣ, на сторонѣ народа». Наканунѣ въ своемъ письмѣ къ Карагеоргіевичу совѣтъ ссылался на насиліе со стороны скупщины, а теперь лгалъ предъ самой скупщиной, ссылаясь на насиліе войска. Эта ложь была сознательна, ибо совѣтники имѣли время обдумать свое оправданіе предъ скупщиной, такъ какъ ея засѣданіе въ тотъ день кончилось очень рано, и совѣту пришлось отложить сообщеніе своего акта до другаго дня.

Дѣйствительно, засѣданіе народной скупщины, происходившее въ воскресенье, 14-го декабря, открылось чтеніемъ совѣтскаго объясненія, по выслушаніи котораго скупщина постановила: просить совѣтъ, чтобы онъ сообщилъ ей свой адресъ къ Карагеоргіевичу, писанный въ день солдатскаго волненія. Затѣмъ скупщина единогласно опредѣлила извѣстить султана надлежащимъ путемъ о возстановленіи сербскимъ народомъ Милоша Обреновича въ княжескомъ достоинствѣ, и просить его объ утвержденіи народной воли; къ самому же Милошу отправить особую депутацію отъ имени цѣлаго народа сербскаго съ приглашеніемъ возвратиться въ отечество. Рѣшили однакожъ отложить избраніе этой депутаціи до слѣдующаго дня. Во время совѣщаній объ этомъ вопросѣ получено было новое письмо отъ совѣта, которымъ онъ соглашался на прежнія опредѣленія скупщины касательно сверженія Карагеоргіевича, возстановленія Милоша, передачи княжеской власти скупщинѣ и назначенія Стевчи Михайловича начальникомъ города и войска. Совѣтъ былъ въ такомъ смущеніи, что, подписавъ это согласіе двѣнадцатымъ декабря, помѣтилъ его позднѣйшимъ нумеромъ, чѣмъ оправданіе своихъ дѣйствій, подписанное днемъ позднѣе. Вслѣдъ затѣмъ пришло и третье письмо отъ совѣта, которымъ онъ подтверждалъ составъ временнаго правительства. Въ самой скупщинѣ не происходило ничего важнаго; только по предложенію предсѣдателя принятъ былъ благодарственный адресъ жителямъ Бѣлграда, въ коемъ было сказано: «Братья! когда возстала сила на борьбу противъ разума, воли, права и свободы народа, вы заслонили собой народную скупщину отъ оружія и обезпечили ея дѣйствія и успѣхъ. Двѣнадцатое декабря 1858 года будетъ поминаемо впредь на вѣки сербами не только по вашей отважности и одушевленію за драгоцѣнную свободу народа, но и по безпримѣрной мудрости и почтительности, которыя вы обнаружили при защитѣ нашего святого дѣла. Вы подвергали вашу собственную жизнь крайней опасности, чтобы охранить право

и свободу народа, и защитили ихъ безъ малѣйшей мести побѣжденнымъ непріятелямъ. Такимъ образомъ дѣйствій, братья, вы покрыли блескомъ себя и весь народъ сербскій, за что и примите заслуженную благодарность отъ народной скупщины именемъ всего нашего народа».

Народъ однакожь желалъ знать о томъ, гдѣ находится Милошъ и приняты ли мѣры къ утвержденію его въ княжескомъ достоинствѣ. Съ этими вопросами толпа обратилась къ Мишѣ Анастасьевичу, когда онъ, по окончаніи засѣданія, показался на крыльцѣ скупщинскаго зданія, въ сопровожденіи нѣсколькихъ депутатовъ. Миша сталъ было говорить, что Букарештъ, гдѣ находился Милошъ, и Цареградъ, откуда надо было ожидать подтвержденія его, не такъ близки отъ Бѣлграда, какъ Топчидеръ, и что надо вооружиться терпѣніемъ; но народъ требовалъ, чтобы скупщина объяснила ему настоящее положеніе дѣлъ. Чтобы склонить народныя толпы разойтись отъ скупщины, пришлось прибѣгнуть къ объясненіямъ Груича. Онъ, упомянувъ о предполагаемой депутаціи къ Милошу, о приготовляемой просьбѣ къ султану, сослался на благодарственный адресъ скупщины къ жителямъ Бѣлграда и прибавилъ: «У скупщины, какъ вамъ извѣстно, есть много другихъ дѣлъ; она должна разсмотрѣть и устранить множество народныхъ тягостей, искоренить всякаго рода злоупотребленія и удовлетворить самыя разнообразныя общенародныя потребности. Кромѣ установленія народной скупщины и наслѣдственной династіи, уже провозглашенныхъ святоандреевскою скупщиной отъ имени народа и поддержанныхъ вами, надо утвердить и другія ручательства, необходимыя для обезпеченія общественныхъ правъ каждаго серба, для внутреннихъ и внѣшнихъ успѣховъ государства и всего народа. Братья! надо не только хранить народъ отъ возвращенія въ бѣдственное состояніе, но и дать ему средства къ дальнѣйшему преуспѣянію. Заботы о томъ возможны лишь при полной свободѣ народной скупщины, а потому прошу васъ предоставить ей попеченія о народныхъ дѣлахъ: вы же, возвратясь къ своимъ занятіямъ, будьте всегда готовы оберегать, при помощи оружія, всѣ народныя постановленія скупщины». Съ криками одобренія: «Такъ! правда! такъ надо поступить!» народъ разошелся отъ скупщинскаго зданія, чтобы возвратиться къ своимъ занятіямъ, въ чемъ его еще болѣе утвердило обнародованное на другой день воззваніе Іована Бели-Марковича, какъ помощника городскаго управителя. Со-

гласно этому воззванію, каждый, кто дѣломъ, или словомъ предпринялъ бы что либо противъ новаго князя и установленнаго порядка вещей, подвергся бы наказанію по закону. Народъ, видя ближайшую къ нему власть въ рукахъ извѣстныхъ людей, успокоился, и съ 15-го декабря предъ скупщиною уже не собирались вооруженныя толпы.

Въ этотъ день скупщина приняла адресъ къ султану, въ которомъ, изложивъ подробно весь ходъ событій, приведшихъ къ перемѣнѣ династіи, но не упомянувъ о военномъ движеніи и попыткѣ совѣта противустать рѣшеніямъ скупщины, она просила султана утвердить Милоша въ княжескомъ достоинствѣ съ наслѣдственными правами. Адресъ этотъ составленъ былъ наканунѣ въ маломъ кружкѣ народно-либеральной партіи и, по принятіи его скупщиной, препровожденъ въ совѣтъ съ просьбой утвердить его своимъ актомъ и представить чрезъ временное правительство султану. Въ соединенномъ засѣданіи правительства и попечителей, гдѣ присутствовалъ и вице-президентъ совѣта Алексѣй Янковичъ, адресъ снова былъ пересмотрѣнъ, при чемъ нѣкоторыми выражено желаніе, чтобы члены временнаго правительства, о коемъ также упоминалось въ адресѣ, названы были по именамъ; но такъ какъ составъ правительства могъ измѣняться, то предложеніе это было взято назадъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ составленъ былъ скупщиною адресъ къ князю Милошу съ просьбой возможно скорѣе возвратиться въ отечество, и такой же адресъ отъ совѣта, подъ которымъ подписался и Вучичъ. Избрана была депутація для доставленія адресовъ въ Букерештъ, въ составъ которой вошли отъ скупщины 18 народныхъ депутатовъ, по одному отъ Бѣлграда и каждаго округа, одинъ окружной начальникъ, одинъ предсѣдатель окружнаго суда, одинъ архимандритъ, одинъ протоіерей и секретарь скупщины Іованъ Иличъ, а также приглашены одинъ изъ членовъ совѣта, какъ депутатъ отъ него, одинъ архіерей, депутаты отъ гарнизоннаго войска, по назначенію временнаго правительства, и одинъ изъ жителей Бѣлграда по выбору общины. Оба эти акта сообщены великому визирю во французскомъ переводѣ при особомъ письмѣ, въ которомъ выражена была просьба о скорѣйшемъ признаніи новаго князя. Такъ какъ съ возстановленіемъ Милоша должно было прекратиться гоненіе на людей, участвовавшихъ въ 1857 году въ заговорѣ противъ Карагеоргіевича, и уже раздавались голоса, требовавшіе ихъ торжественнаго возвращенія изъ ссылки въ Сербію;

то сознательные обреновцы, не желая смѣшивать своего дѣла съ происками дѣятелей предшествовавшаго года и не желая допустить ихъ тріумфъ прежде прибытія въ Бѣлградъ Обреновичей, поспѣшили представить скупщинѣ чрезъ Милована Янковича предложеніе, чтобы всѣ политическіе преступники и страдальцы возвращены были въ отечество, лишь только князь Милошъ прибудетъ и порядокъ въ странѣ утвердится, что и было послѣднимъ постановленіемъ скупщины въ засѣданіи 15-го декабря.

Съ слѣдующаго дня стали приходить въ Бѣлградъ изъ разныхъ городовъ и мѣстностей Сербіи благодарственныя телеграмы скупщинѣ за ея патріотическій образъ дѣйствій; а затѣмъ послѣдовали и цѣлые адресы, число которыхъ къ концу года возрасло до такого неожиданнаго количества, что не было времени ни прочитать ихъ всѣхъ на скупщинѣ, ни напечатать вполнѣ въ газетахъ. Въ тотъ же день совѣтъ извѣстилъ скупщину, что имъ переданы временному правительству адресы къ покровительствующимъ державамъ и къ Портѣ, принятые еще въ началѣ скупщинскихъ засѣданій. Но потомъ узнали, что временное правительство одобрило только адресъ къ иностраннымъ державамъ и удержало адресъ въ Портѣ, при чемъ Гарашанинъ говорилъ: «Не можемъ мы дѣлать укоровъ Портѣ». Скупщина въ ту минуту не настаивала на своемъ, ибо знала, что адресъ уже сталъ извѣстенъ Портѣ изъ газетъ и чрезъ Кабули-ефенди.

Дѣятельность комисара Порты давно уже ограничивалась одними сообщеніями въ Цареградъ обо всемъ, что происходило въ Сербіи. Порта была озадачена неожиданнымъ оборотомъ, какой приняли дѣйствія народной скупщины. Великій визирь созвалъ совѣтъ министровъ и по окончаніи его совѣщаній, 16-го декабря, отправлена была изъ Константинополя слѣдующая телеграфическая инструкція Кабули-эфенди: «Совѣтъ министровъ разсмотрѣлъ ваши телеграфическія депеши, касающіяся нынѣшняго состоянія Сербіи. Блистательная Порта, по свойственнымъ ей чуствамъ справедливости, никогда не имѣла иного желанія, кромѣ желанія счастія сербскому народу; она приметъ во вниманіе съ тѣми же самыми чувствами всѣ его законныя заявленія, если только онъ не переступитъ за предѣлы своихъ правъ и обязанностей. Но такъ какъ скупщина не имѣетъ никакого полномочія отъ народа касательно удаленія, или избранія князя,

и такъ какъ послѣднія дѣйствія этого собранія находятся въ противорѣчіи съ правами Блистательной Порты, какъ двора владѣтельнаго, съ правами сербской націи, съ привиллегіями и преимуществами княжеской власти; то императорское правительство вполнѣ одобряетъ и утверждаетъ тотъ образъ дѣйствій, съ какимъ вы отнеслись къ сему незаконному поступку, объявивъ энергически и категорически не имѣющимъ никакого значенія и какъ-бы не существующимъ все, что было провозглашено скупщиной. Посему: 1) такъ какъ князь Сербіи оставилъ мѣстопребываніе своего правительства и удалился въ крѣпость, то было бы желательно, чтобы временное управленіе страною было поручено каймакаміи, и такъ какъ Миша, по избранію самой народной скупщины, уже отправлялъ важныя обязанности предсѣдателя въ этомъ собраніи, то Блистательная Порта считаетъ приличнымъ назначить его каймакамомъ для дѣйствій въ согласіи съ другими членами правленія. Въ случаѣ же, если такая мѣра не будетъ сочтена согласною съ установившимся положеніемъ дѣлъ, то исполнительная власть должна быть поручена членамъ правленія или сенату, который есть законный органъ, рѣшающій всѣ текущія дѣла страны; въ то же время на нихъ должна быть возложена обязанность поддерживать порядокъ. 2) Принимая во вниманіе, что установленіе новыхъ узаконеній не можетъ быть сочтено правильнымъ, пока страна находится подъ временнымъ правительствомъ и пока въ ней не существуетъ постоянной исполнительной власти; а также признавая необходимымъ, чтобы скупщина, которая имѣетъ быть созвана для избранія князя въ случаѣ перемѣны его, была организована согласно съ требованіями существующихъ законовъ, слѣдуетъ считать постановленія нынѣшней скупщины уничтоженными. 3) Въ виду того, что Блистательная Порта не можетъ провозгласить смѣны князя, не получивъ отъ него офиціальной просьбы объ отставкѣ, и что лишь въ такомъ случаѣ нація должна приступить къ избранію преемника ему, согласно съ существующими правилами и обычаями, и слыша, съ другой стороны, что все происшедшее находится въ совершенномъ противорѣчіи съ столь справедливыми требованіями, Блистательная Порта будетъ ожидать или просьбы князя объ отставкѣ, или еще лучше офиціальнаго прошенія отъ имени всей націи объ удаленіи князя и объ избраніи новаго. Таковы опредѣленія императорскаго правительства, удостоившіяся получить утвержденіе отъ его величества

султана. Вамъ поручается вызвать къ себѣ членовъ правленія и сената для сообщенія имъ всего вышеписаннаго и передать имъ копію съ настоящей депеши». Кабули-эфенди видѣлъ, что нѣкоторыя изъ предписаній Порты были излишни, иныя же неисполнимы: ибо временное правительство уже образовалось и вмѣстѣ со скупщиною, не созывая новой, признало Милоша Обреновича княземъ Сербіи. Представлялось возможнымъ или потребовать отъ Карагеоргіевича письменнаго отреченія, или отправить въ Константинополь то прошеніе, которое было принято наканунѣ святоандреевской скупщиной и теперь было представлено комисару временнымъ правительствомъ. Онъ послалъ и то, и другое.

Въ среду 17-го декабря окончательно составлена была депутація, которой предстояло отправиться въ Букарештъ для приглашенія Милоша къ возвращенію въ отечество и для сопровожденія его: отъ совѣта присоединился къ ней Гая Еремичъ, изъ архіереевъ Іоанникій ужицкій, отъ бѣлградской общины Живко Карабиберовичъ, пять человѣкъ отъ разныхъ отдѣленій войска, и наконецъ отъ еврейской общины, согласно ея просьбѣ, банкиръ Іосифъ Русо. Всѣхъ членовъ депутаціи было 33, не считая людей, присоединившихся къ ней добровольно. Отпущена была значительная сумма (2.000 дукатовъ) изъ земской кассы на расходы по путешествію; временное правительство назначило одного медика сопровождать депутацію; Миша Анастасьевичъ, владѣвшій обширными имѣніями въ Валахіи, далъ ей провожатаго, хорошо знавшаго румынскій языкъ и мѣстные обычаи. Сперва думали нанять для депутаціи особый пароходъ австрійскаго дунайскаго общества, но, получивъ отказъ въ томъ *), рѣшились отправить ее на своихъ парусныхъ судахъ, что могли исполнить только 19-го декабря.

За переходомъ многихъ членовъ скупщины въ составъ депутаціи и временнаго правительства, скупщина лишилась нѣкоторыхъ изъ должностныхъ лицъ своихъ: такъ Стевча Михайловичъ уже не могъ быть товарищемъ ея предсѣдателя, а Іованъ Иличъ исправлять должность секретаря. На мѣсто Стевчи пред-

*) Телеграма Мишѣ Анастасьевичу изъ Вѣны отъ 18-го декабря: «Всѣ пароходы на зимнихъ стоянкахъ; мы хлопочемъ, чтобы одинъ изъ нихъ приготовить къ пути. Изъ Оршовы извѣщаютъ, что Желѣзныя ворота теперь непроходимы для пароходовъ. *Эрихсенъ*».

ложены были: большимъ числомъ голосовъ Андрей Стаменковичъ и меньшимъ начальникъ тюпрійскаго округа, Стефанъ Мильковичъ. Но Стаменковичъ, вѣрный своему обычаю не выставляться впередъ, отказался отъ такой чести; а такъ какъ Мильковичъ не хотѣлъ милости, то скупщина подвергла его избранію, которое оказалось единогласнымъ. Секретарямъ скупщины приданы были помощники изъ лицъ, стоявшихъ внѣ ея и принадлежавшихъ къ либеральной партіи: Владиміръ Іовановичъ и Миланъ Янковичъ, двоюродный братъ бѣлградскаго депутата. Обновивъ составъ должностныхъ лицъ своихъ, скупщина должна была перейти къ разсмотрѣнію различныхъ предложеній по вопросамъ изъ внутренней жизни сербскаго народа, представленныхъ какъ депутатами, такъ и самими общинами; съ этой цѣлью избранъ былъ особый комитетъ для предварительнаго разсмотрѣнія всѣхъ предложеній, просьбъ, жалобъ и запросовъ, распадавшійся на отдѣленія, по характеру разбиравшихся дѣлъ, и состоявшій изъ 51 лица. Совѣтъ, продолжая ухаживать за скупщиной, извѣстилъ, что вполнѣ согласенъ съ представленнымъ ею закономъ о постоянныхъ скупщинахъ, и увеличилъ суточную плату депутатовъ на праздники Рождества Христова двумя талерами каждому, что было одобрено временнымъ правительствомъ, но чему много смѣялись австрійскія газеты.

Временное правительство, съ своей стороны, напечатало 18-го декабря въ офиціальной газетѣ и въ «Сербскихъ Новинахъ» замѣтку, успокоивавшую чиновниковъ, между которыми ходили слухи о томъ, что многихъ изъ нихъ смѣнятъ. Эта замѣтка составлена была по мысли Гарашанина, а русскій консулъ Милошевичъ убѣдилъ подписаться подъ ней и Стевчу Михайловича. По видимому, всѣ власти и вѣдомства въ Сербіи хлопотали о томъ, чтобы установилось общее согласіе и примиреніе. Но это только казалось. Въ засѣданіяхъ скупщины нерѣдко раздавались жалобы кого либо изъ ея членовъ, или какой либо общины на того или другаго чиновника, продолжавшаго дѣйствовать въ смыслѣ прежняго правленія, или осмѣливавшагося мутить народъ, послѣ чего скупщина должна была каждый разъ обращать на то вниманіе временнаго правительства.

Стали приходить первыя извѣстія о путешествіи депутаціи, отправившейся въ Букарештъ, изъ мѣстностей, мимо которыхъ она плыла: изъ Смедерева, изъ Рамы, изъ Текій. По всѣмъ слухамъ, 22-го декабря она должна была прибыть въ пограничный го-

родъ Кладово, потомъ ей оставалось переправиться на другой берегъ въ румынскій городъ Турнъ-Северинъ, и оттуда отправиться уже сухимъ путемъ. Въ этотъ самый день въ Бѣлградѣ рѣшенъ былъ вопросъ о дальнѣйшемъ пребываніи Карагеоргіевича въ предѣлахъ Сербіи. По желанію скупщины, весь совѣтъ отправился въ крѣпость къ Османъ-пашѣ и Кабули-ефенди съ просьбой удалить Карагеоргіевича. Послѣ формальнаго представленія о томъ, начались отдѣльные разговоры между турецкими сановниками и сербскими совѣтниками. Между прочимъ Кабули-ефенди спросилъ Филиппа Христича: «Не пристанетъ ли совѣтъ къ Портѣ, если она не одобритъ избраніе Милоша?» На лицѣ Христича выразилось удивленіе, и Кабули-эфенди сталъ просить Христича не переводить его вопроса присутствовавшимъ. Сербскій совѣтъ получилъ обѣщаніе, что Карагеоргіевичъ будетъ высланъ изъ крѣпости. Между тѣмъ на скупщинѣ разсматривалась жалоба чачанской общины на срезскаго начальника, который продолжалъ дѣйствовать въ смыслѣ, противуположномъ совершившемуся перевороту. Во время преній по этому поводу обнаружилось, что нѣкоторыя изъ мѣстныхъ властей не приступали еще къ обнародованію прокламацій временнаго правительства. Андрей Станковичъ предложилъ пригласить въ засѣданіе скупщины Стевчу Михайловича и попросить у него объясненій. Стевча, явившись на скупщину, сообщилъ, что временнымъ правительствомъ приняты всѣ мѣры для предупрежденія различныхъ покушеній со стороны отдѣльныхъ лицъ, которыя могли бы смутить народъ; что по извѣстіямъ, полученнымъ изъ внутреннихъ округовъ, весь народъ одушевленъ успѣшными дѣйствіями скупщины и противодѣйствіе со стороны нѣсколькихъ чиновниковъ исчезаетъ въ единогласныхъ желаніяхъ народа; что временное правительство писало князю Милошу и получило отъ него отвѣтъ, изъ коего видно, что князь здоровъ, ждетъ депутацію и поздравляетъ всѣхъ; и прибавилъ, что Карагеоргіевичъ въ тотъ же день выѣдетъ за предѣлы Сербіи. Дѣйствительно въ три часа по полудни павшій князь переѣхалъ въ Землинъ на австрійскомъ пароходѣ. Выйдя на берегъ, онъ сказалъ: «Семнадцать лѣтъ я вѣрно служилъ Портѣ, и вотъ какъ награжденъ!» Вмѣстѣ съ нимъ уѣхали оба Трифковича, Льотичъ изъ Смедерева и другіе люди. Австрійскія власти встрѣтили Карагеоргіевича разными почестями. Онъ поселился въ лучшей изъ гостинницъ Землина и принималъ мно-

гочисленныхъ посѣтителей изъ мѣстныхъ жителей. Вечеромъ того же дня уѣхала къ нему и княгиня Персида.

Отдѣлавшись отъ Карагеоргіевича, народно-либеральная партія не была нисколько обезпечена въ томъ, что Порта поспѣшитъ утвердить Милоша. Всѣ внѣшніе переговоры находились въ рукахъ временнаго правительства и совѣта, гдѣ собственно либералы не имѣли своего представителя. Правда, у нихъ оставалось очень сильное вліяніе на скупщину; но партія каймакаміи уже простирала свои виды и на народныхъ депутатовъ. Ефремъ Груичъ получилъ чрезъ редактора «Сербскихъ Новинъ», Милоша Поповича, письмо на французскомъ языкѣ отъ Матіи Бана, который находился въ давнихъ связяхъ со всѣми властями сербскими, Османомъ-пашей, Александромъ Карагеоргіевичемъ, французскимъ и англійскимъ консулами, и просилъ теперь свиданія съ Груичемъ. Послѣдній не хотѣлъ видѣться съ нимъ; но прежній професоръ Груича, Димитрій Тодоровичъ склонилъ его къ свиданію, которое и происходило ночью въ маломъ кружкѣ соединенныхъ либераловъ и обреновцевъ. Здѣсь присутствовалъ и Стевча Михайловичъ. Посланникъ каймакаміи, упомянувъ сперва о быстрой смѣнѣ неожиданныхъ событій, которыя произвели очень сильное впечатлѣніе на всѣхъ, особенно на иностранныхъ дипломатовъ, сказалъ, что однакожь совершена еще только половина дѣла, другую же надо кончить такъ, чтобы всѣ были довольны. Словомъ, онъ намекалъ на общее довольство сверженіемъ Карагеоріевича и недовольство нѣкоторыхъ возстановленіемъ Милоша Обреновича, и по крайней мѣрѣ желаніе ихъ ограничить стараго князя. Матія Банъ предлагалъ представителямъ народно-либеральной партіи свое посредничество въ переговорахъ съ людьми, стоявшими ближе къ Портѣ и къ иностранной дипломатіи. Но Груичъ молчалъ на всѣ разглагольствія знаменитаго пѣвца разныхъ одъ и гимновъ. Матія Банъ повторилъ то же самое Стевчѣ, но и тотъ не сказалъ ему ни да, ни нѣтъ. Матія Банъ видимо хотѣлъ привлечь на сторону каймакаміи главныхъ дѣятелей народной скупщины, хотя сама чиновная партія уже имѣла участіе въ дѣлахъ временнаго правительства чрезъ Гарашанина, пользовалась вліяніемъ на дипломатическія сношенія чрезъ Косту Магазиновича, представника и попечителя иностранныхъ дѣлъ. Для сношеній съ иностранными агентами и редакціями чужеземныхъ газетъ она пользовалась услугами Матіи Бана, который редактировалъ на французскомъ языкѣ всѣ правительственные акты и депеши. Да-

же въ скупщинѣ председатель ея, Миша Анастасьевичъ, тѣсно связанный съ остальными членами правленія, все еще не утратилъ своего значенія. Въ совѣтѣ не было никого изъ рѣшительныхъ приверженцевъ Обреновичей, сторонники же павшаго князя всегда готовы были въ важныя минуты соединиться съ каймакамовцами. Стевча и Угричичъ не могли имѣть никакого вліянія на совѣтъ; а Гарашанинъ, сохранившій за собою званіе попечителя внутреннихъ дѣлъ, имѣлъ безпрестанныя сношенія съ совѣтомъ. Даже во временномъ правительствѣ Угричичъ болѣе слушался Гарашанина, чѣмъ Стевчи. Министры всѣ безъ исключенія принадлежали къ сторонникамъ каймакаміи. Войско не выпускалось изъ казармъ, и хотя наймакамовцы не могли опереться на него, но точно также не могла расчитывать на его содѣйствіе и народно-либеральная партія. Получившій временное начальство надъ нимъ Ранко Алимпичъ пользовался властью случайною, и считался по службѣ моложе нѣкоторыхъ товарищей своихъ. Хотя городскимъ управленіемъ и завѣдывалъ Бели-Марковичъ; но главнымъ начальникомъ всей полиціи въ княжествѣ былъ Гарашанинъ, какъ попечитель внутреннихъ дѣлъ; такъ что и самъ Стевча въ этомъ отношеніи былъ какъ бы подъ его начальствомъ. Между партіями не было никакихъ связей, напротивъ, существовала взаимная подозрительность. Повсюду въ самыхъ различныхъ кружкахъ можно было ежедневно слышать упреки главнымъ дѣятелямъ обѣихъ партій. Особенною нетерпимостью къ чужимъ мнѣніямъ отличались приверженцы каймакаміи. Хотя народно-либеральная партія, восторжествовавшая въ дни опасностей, ни кого не гнала и всѣхъ чиновниковъ оставила на своихъ мѣстахъ; но ея противники все еще боялись потерять свое служебное положеніе,—и въ этомъ страхѣ за свои личныя выгоды каждаго чиновника, получившаго болѣе или менѣе важное мѣсто при прежнемъ князѣ, заключалась главная причина вражды и ненависти къ людямъ, содѣйствовавшимъ возстановленію Обреновичей. Всѣ лица, участвовавшія нѣкогда въ ихъ паденіи, или выдвинувшіяся впередъ по ихъ изгнаніи и оттѣснившія отъ выгодныхъ мѣстъ сторонниковъ возстановленной теперь династіи, не могли оставаться спокойными при мысли, что Порта можетъ утвердить Милоша въ званіи князя. Вожди народно-либеральной партіи очень хорошо понимали побужденія, руководившія ихъ противниками, и узнавъ отъ Филиппа Христича о вопросѣ, который былъ предложенъ ему турецкимъ комисаромъ, еще болѣе

утвердились въ недовѣріи къ временному правительству и совѣту. Вотъ почему они не приняли посредничества, такъ любезно предложеннаго имъ Матіею Баномъ. Но ограничиться однимъ отпоромъ замысламъ каймакамовцевъ либераламъ казалось недостаточнымъ.

Опасаясь сношеній неудавшейся каймакаміи съ Портою, вожди народно-либеральной партіи столько же боялись и происковъ Австріи, желавшей во что бы то ни стало вмѣшаться въ сербскія дѣла. Австрійское правительство никакъ не ожидало, чтобы скупщина могла низвергнуть Карагеоргіевича; оно полагало, что для того понадобится открытый бунтъ и прислало приказъ графу Коронини, командовавшему войсками расположенными въ мѣстахъ пограничныхъ съ Сербіей, быть готовымъ, чтобы идти въ Бѣлградъ по первому приглашенію паши. Хотя Франція протестовала противъ такого распоряженія, а Россія и Англія присоединились къ протесту; но австрійское правительство дало объясненіе, что бѣлградская крѣпость составляетъ турецкое владѣніе, и что австрійскія войска вступятъ туда лишь по приглашенію турецкихъ властей. Въ то же время Коронини получилъ новый приказъ охранять со всею заботливостью границы, отдѣляющія Сербію отъ Австріи. Хотя Гарашанинъ нисколько не былъ расположенъ къ Австріи, но въ вопросѣ объ отношеніяхъ къ Портѣ, съ которою старалась связать себя Австрія, народно-либеральная партія совершенно расходилась съ Гарашаниномъ. Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ, въ тѣсномъ кружкѣ ея возникла мысль помѣстить кого либо изъ своихъ въ министерство: хотѣли провести Груича въ помощники представнику и попечителю иностранныхъ дѣлъ; по достиженіи сего предполагали склонить Магазиновича взять временный отпускъ, чрезъ что Груичъ могъ бы получить вліяніе на дипломатическія сношенія Сербіи. 23-го декабря Стевча и Угричичъ вошли съ словеснымъ представленіемъ о Груичѣ въ засѣданіи временнаго правительства; но Гарашанинъ уклонился отъ прямого отвѣта, обративъ разговоръ на другіе вопросы. Стевча подалъ письменное представленіе, Гарашанинъ отвѣчалъ письменнымъ же отказомъ. Тогда Стевча переслалъ свое представленіе въ скупщину при письмѣ, въ которомъ упомянулъ, что Гарашанинъ грозится подать въ отставку. Партія Груича въ скупщинѣ не была подготовлена къ такому обороту дѣла. Изъ тѣснаго кружка въ засѣданіи былъ только одинъ Милованъ Янковичамъ; съ же Гуичъ не могъ говорить о своемъ дѣлѣ. Всѣ привер-

женцы Гарашанина подняли крики противъ новыхъ замысловъ либеральной партіи. Подъ ихъ вліяніемъ скупщина отправила депутацію къ членамъ временнаго правительства съ просьбой остаться въ согласіи между собой; но разошлась изъ засѣданія, не дождавшись отвѣта. Въ тотъ же вечеръ въ домѣ Ранка Алимпича происходило большое собраніе либераловъ и обреновцевъ. Видя невозможность посадить кого либо изъ своихъ въ министерство, совѣщавшіеся единогласно желали, чтобы Груичъ назначенъ былъ начальникомъ канцеляріи временнаго правительства; но Груичъ самъ не хотѣлъ того подъ предлогомъ, что это званіе отнимало у него возможность участвовать въ засѣданіяхъ скупщины. Вернувшись домой, онъ составилъ на всякій случай письменный отказъ отъ такого назначенія. Но скупщина, собравшись на другой день, узнала, что члены временнаго правительства снова находятся во взаимномъ согласіи, и въ скупщинскихъ протоколахъ все это дѣло пройдено было молчаніемъ. Единственно важнымъ эпизодомъ въ засѣданіи того дня было появленіе въ скупщинѣ депутаціи отъ войскъ, составлявшихъ гарнизонъ въ Бѣлградѣ и Крагуевцѣ: она выразила предъ народными представителями патріотическое одушевленіе войскъ, ихъ великую преданность и вѣрность сербскому народу, скупщинѣ и наслѣдственному князю Милошу Обреновичу. За два дня предъ тѣмъ войска послали адресъ и самому князю. Затѣмъ скупщина не собиралась въ продолженіи четырехъ дней, по случаю рождественскихъ праздниковъ.

Между тѣмъ вѣсть о возстановленіи Обреновичей облетѣла всю Сербію и вызвала въ народѣ общее одушевленіе. Многочисленныя телеграмы и адресы, присланные изъ разныхъ общинъ на имя скупщины, единогласно свидѣтельствовали, что святоандреевская скупщина угадала желаніе народа, вполнѣ уразумѣла свою задачу и явилась достойною представительницей народной воли. Смедерево, Шабацъ, Крагуевацъ, Ягодина, Неготинъ, Валѣво, Гургусовацъ, Алексинацъ, Заечаръ, Крушевацъ, Пожаревацъ, Лозница, и другіе города, одинъ за другимъ, выражали свое удовольствіе скупщинѣ одинаково горячими адресами. Въ «Сербскихъ Новинахъ» появлялись безпрестанныя описанія торжествъ, устроенныхъ въ разныхъ мѣстностяхъ по поводу возстановленія Обреновичей. Повсюду прокламаціи скупщины и временнаго правительства читались на площадяхъ предъ народомъ; на улицахъ являлись по народному обычаю хороводы

съ пѣснями и игрою; въ гостинницахъ и кофейняхъ, гдѣ сербы проводятъ все время свободное отъ занятій, подымались заздравныя чаши въ честь Милоша и народной скупщины. «Шестнадцать съ половиною лѣтъ текъ между нами ядъ, пусть же отнынѣ течетъ медъ», сказалъ въ Заечарѣ на одной изъ публичныхъ пирушекъ портной Іова Петровичъ. Многіе города въ первый же день по полученіи радостной вѣсти освѣщались добровольной иллюминаціей; въ иныхъ мѣстахъ звонили въ колокола и стрѣляли изъ ружей; повсюду вывѣшивались праздничные флаги; иногда выносились къ народу портреты стараго Милоша, отыскивались знамена, подъ которыми онъ водилъ сербовъ противъ турокъ. Жители Крагуевца, Ягодины, Ужицы, Валѣва, Гургусовца и другихъ городовъ прислали благодарственные адресы жителямъ Бѣлграда за защиту, оказанную ими народному дѣлу 12-го декабря; изъ нѣкоторыхъ мѣстностей получено было выраженіе сочувствія свято-андреевской скупщинѣ даже за попытку установить законъ о постоянныхъ скупщинахъ; почти повсюду совершены были церковныя празднества за успѣхъ переворота. Изъ разныхъ округовъ посылались привѣтственныя телеграмы Милошу прямо въ Букарештъ, помимо временнаго правительства. Одушевленіе было сильное, но, какъ всегда бываетъ въ подобныя минуты, не обошлось и безъ крайностей. Бѣлградъ наполнился вооруженными людьми изъ окрестныхъ мѣстъ, прибывшими по первой вѣсти о несогласіяхъ между скупщиной и совѣтомъ. Въ послѣдствіи, когда эти несогласія прекратились, часть пришельцевъ образовала изъ себя небольшой отрядъ съ цѣлію охраненія народной партіи. Во главѣ этого отряда стоялъ Филиппъ Станковичъ, окружившій себя большею частію смедеревцами и похвалявшійся, что онъ одинъ можетъ остановить происки людей, относившихся враждебно къ перевороту. Хотя начальникомъ города и считался Бели-Марковичъ, но Филиппъ Станковичъ не всегда повиновался ему и распоряжался по своему. Два случая изъ дѣйствій тогдашней городской стражи остались памятными жителямъ Бѣлграда.

Въ видахъ предупрежденія ночныхъ безпорядковъ, издано было правило, чтобы каждый изъ жителей съ наступленіемъ вечера не иначе выходилъ изъ дому, какъ съ фонаремъ въ рукахъ. Въ ночь съ 23-го на 24-е декабря стража остановила великобританскаго вице-консула Дайля, шедшаго по улицѣ безъ соблюденія устан вленнаго правила. Хотя Дайль и заявилъ о своемъ

званіи, но стража, не зная его лично, просила его дойти вмѣстѣ съ нею до ближайшаго полицейскаго мѣста. Поравнявшись съ домомъ Гарашанина, провожавшіе Дайля убѣдились отъ министра въ справедливости даннаго имъ показанія и довели его до квартиры. На другой день Бели-Марковичъ счелъ нужнымъ явиться къ великобританскому вице-консулу съ извиненіемъ, но послѣдній не только похвалилъ сербскую стражу за вѣрное исполненіе своихъ обязанностей, но и передалъ управителю города письмо на имя Гарашанина, котораго просилъ выдать остановившей его стражѣ представленный при письмѣ дукатъ, завѣряя, что онъ первый умѣетъ уважать законы страны, и приглашая доставлять къ нему тѣхъ англійскихъ подданныхъ, которые бы осмѣлились нарушить предписанія бѣлградской полиціи.

Не столь учтиво обходилась съ своими вольная стража, которою начальствовалъ Филиппъ Станковичъ. Руководясь чувствомъ подозрительности къ людямъ противной партіи, она слѣдила за ними съ излишнимъ усердіемъ. Въ одинъ изъ праздничныхъ вечеровъ, она смутила домашнее спокойствіе самого предсѣдателя скупщины, и вотъ какъ въ тотъ же день Илья Гарашанинъ описывалъ этотъ случай въ письмѣ къ Стевчѣ Михайловичу, какъ главному начальнику полиціи и войска: «Я не могу пропустить случая, чтобъ не сообщить вамъ моихъ замѣчаній о нѣкоторыхъ происшествіяхъ, причиною которыхъ въ послѣднее время была здѣшняя полиція. Ниже я буду говорить о томъ, что слышалъ; но напередъ сообщу вамъ, что случилось въ моемъ присутствіи за полчаса предъ симъ. Я пришелъ вечеромъ къ г. Мишѣ. Спустя нѣкоторое время, изъ его дома пошли въ свои квартиры дѣти: двое изъ моей семьи, а двое изъ семьи покойнаго г. Раи (Дамьяновича). У воротъ Мишинова дома эти дѣти были задержаны двумя вооруженными людьми, которые имъ сказали, что поставлены тутъ отъ полиціи съ приказомъ никого не выпускать изъ дома. Доложили мнѣ о томъ, и я послалъ сказать помянутымъ полицейскимъ, чтобъ они не мѣшали выйти дѣтямъ; но они все-таки не послушались. Тогда я самъ вышелъ на улицу, чтобы увѣриться, дѣйствительно ли возможенъ такой безпорядокъ; оказалось, что меня не обманывали: ибо тѣ самые люди сказали мнѣ въ глаза, что они въ самомъ дѣлѣ получили строгое приказаніе никого не выпускать изъ сего дома. На мой вопросъ: кто имъ далъ такой приказъ?—отвѣчали, что получили его изъ полиціи и хорошо слышали. Можете себѣ представить,

какъ меня удивилъ такой полицейскій безпорядокъ; поступку этому не было ничего подобнаго въ полиціи цѣлаго свѣта; это что-то новое, но очень дурно придуманное. Если полиція хочетъ услѣдить, кто входитъ въ домъ, или выходитъ изъ него, то сего можно было достигнуть такимъ способомъ, что никто бы и не замѣтилъ присмотра. У полиціи есть на то много способовъ, если только она захочетъ потрудиться. Если же она считаетъ нужнымъ содержать чей либо домъ подъ формальнымъ арестомъ, то должна напередъ извѣстить о томъ живущихъ въ домѣ чрезъ полицейскаго; ибо никто не можетъ знать, что стража дѣйствительно поставлена отъ полиціи, въ слѣдствіе чего легко могли бы произойти недоразумѣнія, полныя печальныхъ послѣдствій. Я прошу васъ внушить полиціи, чтобы она была осмотрительнѣе при всякомъ своемъ распоряженіи; ибо вы знаете, что, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, могутъ дать самой невиннѣйшей ошибкѣ Богъ знаетъ какое странное и ложное значеніе. Ко мнѣ только что приходилъ слуга и сказывалъ, что говорилъ съ Филиппомъ изъ Смедерева, который увѣрялъ его, что не давалъ приказанія никого не выпускать изъ дому, но что есть только подозрѣніе противъ Миши, Вучича и Гарашанина, почему и приказано стражѣ смотрѣть, кто изъ важныхъ лицъ приходитъ къ нимъ и т. п. Не хочу вамъ говорить о Вучичѣ и Мишѣ, но что касается Гарашанина, то я не хочу, чтобы Филиппъ такъ легкомысленно поступалъ со мной. Я васъ прошу прекратить столь безобразныя дѣйствія Филиппа, ибо никоимъ образомъ не могу терпѣть ихъ. Этотъ бѣдняга обманывается, если думаетъ, что я принадлежу къ какому нибудь картежному обществу, съ которымъ онъ можетъ играть, сколько хочетъ. Оставляя теперь себя въ сторонѣ, я прошу позволенія замѣтить вамъ, что Филиппъ не есть человѣкъ годный для полиціи, а потому или надо совсѣмъ освободить его отъ сей должности, или держать подъ строгой управой. Я увѣренъ, что вы желаете повелѣвать не такою полиціей, которая можетъ лишь обезпокоивать людей, но такою, которая умѣетъ защищать отъ нападенія честь всякаго. Мнѣ неизвѣстны великія услуги Филиппа нынѣшнему дѣлу; но извѣстно и могу подтвердить то доказательствами, что онъ своею невѣжественностью доводилъ народное дѣло до большихъ опасностей; и если онѣ были устранены, то заслуга въ этомъ принадлежитъ кому либо другому, а не Филиппу. Наконецъ, мнѣ мерзко выступать обвинителемъ противъ Филиппа; я только пред-

ставляю вамъ положеніе дѣлъ, каково оно есть, и предоставляю вашему благоразумію поступить такъ, чтобы свѣтъ не смѣялся надъ нами. Вы знаете, какъ онъ сегодня съ толпою конницы промчался чрезъ Бѣлградъ безъ всякой цѣли. Это болѣе смѣшно, чѣмъ полезно, и нельзя себѣ объяснить значеніе такого поступка. Мы всѣ, можно сказать, прыснули смѣхомъ, что тишина, столь важная и полезная для общаго дѣла, охраняется такимъ образомъ, что онъ самъ, т. е., полиція, нарушаетъ эту тишину. Къ чему все это служитъ, я не знаю. Кромѣ того мнѣ говорили, но я не ручаюсь за то, что Филиппъ прошлою ночью игралъ въ кофейнѣ въ карты на деньги, при чемъ было и крику немало. Полицейская обязанность въ настоящее время и игра въ карты, все это нисколько не согласно съ полицейскими предосторожностями. Око полиціи должно быть обращено не только на туза, но и на всякій закоулокъ города, и то скромнымъ и тихимъ образомъ. Говорятъ, что и при домѣ Вучича сегодня стояла стража, но потомъ отошла отъ него. Было ли это, и съ какою цѣлію, я совершенно не знаю. Такъ какъ все вышеписанное я сообщилъ вамъ съ полною искренностію и съ желаніемъ возстановить добрый порядокъ; то оставляю все дѣло вашей предусмотрительности, будучи увѣренъ, что вы употребите необходимыя мѣры, которыя положатъ предѣлъ не нужнымъ крайностямъ, подобнымъ тѣмъ, которыя я вамъ описалъ. Вашъ искреннѣйшій другъ, Илья Гарашанинъ. 27-го октября». Изъ этого происшествія Миша Анастасьевичъ сдѣлалъ даже предметъ для запроса въ скупщинѣ, которая увѣдомила обо всемъ Стевчу, коему и были представлены объясненія, опиравшіяся главнымъ образомъ на недоразумѣніи. Но заниматься личными ссорами и препирательствами не приходилось. У всѣхъ было на умѣ: какимъ успѣхомъ увѣнчалась депутація, поѣхавшая къ Милошу? Какъ отнесется Порта къ возстановленію стараго князя, не воспротивится ли ему, или же не поставитъ ли какихъ нибудь стѣснительныхъ условій при возстановленіи стараго князя? Наконецъ чѣмъ кончатся происки Австріи?

О депутаціи, отправившейся въ Букарештъ, все еще не было никакихъ вѣрныхъ свѣдѣній. Прибывъ въ Кладово, она не рѣшилась тотчасъ же перебраться на румынскій берегъ. Только Предичъ, посланный Мишею сопровождать депутацію, и одинъ изъ депутатовъ, стоявшихъ въ зависимости отъ совѣтника Еремича, который какъ-бы предводительствовалъ депутаціей, съ-

ѣздили 22-го декабря въ Турнъ-Северинъ и послали телеграму Милошу съ извѣстіемъ о прибытіи депутаціи на румынскую границу. Милошъ отвѣчалъ, чтобы они ждали, пока онъ не пришлетъ своего человѣка за ними. Милошу хотѣлось имѣть до принятія депутаціи какой либо отвѣтъ отъ Порты. Но ни въ Букарештѣ, ни въ Бѣлградѣ не имѣли еще никакихъ рѣшительныхъ свѣдѣній изъ Константинополя. Курьеръ, съ которымъ посланы были просьбы временнаго правительства и скупщины къ султану и письма къ великому визирю, не успѣлъ прибыть въ Цареградъ. Получивъ телеграму Милоша, Еремичъ не сообщилъ ее остальнымъ членамъ депутаціи, а сказалъ только, что надо ждать парохода. Вслѣдъ затѣмъ Еремичъ отослалъ назадъ людей, присоединившихся къ депутаціи добровольно, между тѣмъ часто посылалъ въ Турнъ-Северинъ Предича и Барловца. Карабиберовичъ провѣдалъ, что они нерѣдко телеграфируютъ оттуда Мишѣ Анастасьевичу. Къ этому присоединился новый отказъ въ пароходѣ со стороны австрійскаго общества, сославшагося на позднее зимнее время, хотя Дунай не покрывался еще льдомъ. Въ остальныхъ членахъ депутаціи возникли сомнѣнія въ искренности Еремича и его партіи; поднялись споры, кончившіеся крикомъ и бранью. Всѣ отправились къ Іовану Иличу, какъ секретарю народной скупщины, съ просьбой, чтобы онъ потребовалъ объясненій отъ Еремича: чего депутація ждетъ въ Кладовѣ? Тогда Еремичъ показалъ телеграму Милоша, но ей уже не повѣрили и часть депутатовъ переѣхала въ Турнъ-Северинъ, а оттуда направилась въ Букарештъ, при чемъ румынскія власти отобрали у нея все оружіе. На пути эта часть депутаціи встрѣтила Милошева человѣка, распопа Максима, который везъ съ собою указъ валашскаго правительства къ турнъ-северинскимъ властямъ о дозволеніи сербскимъ депутатамъ имѣть при себѣ оружіе. Милошевъ посланникъ поѣхалъ далѣе и нашелъ въ Турнъ-Северинѣ остальныхъ депутатовъ, которые и выѣхали съ нимъ въ Букарештъ, догоняя отправившихся прежде. Между тѣмъ люди, сопровождавшіе депутацію добровольно и удаленные Еремичемъ изъ Кладова, возвратились въ Бѣлградъ и распустили между его жителями слухъ, что Еремичъ угнетаетъ депутацію и держитъ ее въ неволѣ, имѣя въ своихъ рукахъ денежную казну, данную на расходы по путешествію депутаціи. Эти слухи произвели волненіе въ сторонникахъ Обреновичей. Въ то же время пришли неблагопріятныя извѣстія изъ Констан-

тинополя: сербскій повѣренный въ дѣлахъ при Портѣ, Миланъ Петроніевичъ извѣщалъ, что Порта предлагаетъ нѣкоторыя условія Милошу и между прочимъ требуетъ, чтобы онъ прибылъ въ Константинополь для принятія княжескаго достоинства. Послѣднее условіе особенно не нравилось народно-либеральной партіи.

«Сербскія Новины», которыя относились сочувственно къ дѣйствіямъ святоандреевской скупщины, помѣстивъ на своихъ столбцахъ цѣлый рядъ статей, посвященныхъ обзору этой дѣятельности и вышедшихъ изъ-подъ пера Платона Симоновича, напечатали замѣтку Панты Іовановича о томъ, что, на основаніи хаттишерифа 1830 года, Милошу Обреновичу принадлежитъ право управлять внутренними дѣлами Сербіи, по договору со скупщиной, составленной изъ поглаварей земли; что по тому же хаттишерифу турецкія власти не должны вмѣшиваться во внутреннія дѣла Сербіи, а по парижскому трактату никакая держава не можетъ приступить къ вооруженному вмѣшательству въ сербскія дѣла безъ предварительнаго согласія всѣхъ договаривавшихся сторонъ. «Стало быть, Сербія, сказано было въ замѣткѣ, имѣетъ по хаттишерифу 1830 года свое, независимое во внутреннихъ дѣлахъ, народное управленіе, главою котораго есть князь съ правомъ наслѣдства, и это княжеское достоинство принадлежитъ фамиліи нашего князя Милоша Обреновича. Независимое внутреннее управленіе съ наслѣдственнымъ княжескимъ достоинствомъ въ фамиліи Обреновичей утверждено и нашимъ благотворнымъ уставомъ земскимъ. Независимое внутреннее управленіе составляетъ политическую жизнь Сербіи; наслѣдственное княжеское достоинство въ фамиліи Обреновичей есть условіе, безъ котораго эта жизнь не можетъ развиваться и преуспѣвать. Народъ сербскій, возвративъ чрезъ свою святоандреевскую скупщину Милошу Обреновичу достоинство сербскаго князя съ наслѣдственными правами, совершилъ самое законное, патріотическое и благороднѣйшее дѣло. Такимъ актомъ возстановлена законность въ Сербіи, а законность есть прочное основаніе всякаго государства, условіе народнаго счастія и благосостоянія».

Патріотическое настроеніе народной скупщины выразилось также во взаимномъ обмѣнѣ привѣтствіями по телеграфу между нею и Михаиломъ Обреновичемъ. Молодой князь первый прислалъ изъ Вѣны въ Бѣлградъ свое поздравленіе, въ которомъ было сказано: «Съ особенною радостію изъявляю народной скуп-

щинѣ признательность, которую чувствую къ народу, почтившему возвращеніемъ князя Милоша въ Сербію его заслуги предъ отечествомъ. Поздравляю народъ, скупщину и правительство, что согласнымъ, разсудительнымъ и достойнымъ образомъ дѣйствій оправдали предъ Европой политическую зрѣлость Сербіи, и съ радостію признаю, что горжусь быть первымъ гражданиномъ среди такого народа, и всегда буду готовъ жертвовать всѣми моими силами за благосостояніе и счастливую будущность моего народа». На привѣтствіе это, прочитанное предъ скупщиною въ засѣданіи 29-го декабря, послѣдовалъ на другой день отвѣтъ отъ нея, составленый Милованомъ Янковичемъ: «Свѣтлый князь! славный наслѣдникъ сербскаго престола, Михаилъ Обреновичъ! Поздравленіе, присланное твоею свѣтлостью скупщинѣ, а чрезъ нее и цѣлому народу сербскому, скупщина, отзываясь вѣрно глубочайшимъ ощущеніямъ своего и народнаго сердца, приняла съ великимъ одушевленіемъ. Блистательный образецъ людского благородства и возвышенности, ты послалъ сербскому народу въ своемъ привѣтствіи печать и вѣнецъ гражданскихъ и государственныхъ доблестей, коимъ ты былъ вѣрнѣйшимъ другомъ въ продолженіи всей тяжкой и полной испытаній жизни твоей. Ты съ благородною гордостью довольствуешься скромнымъ именемъ сербскаго гражданина и радуешься отъ всего сердца вмѣстѣ съ народомъ, что дожилъ до минуты, когда можешь вмѣстѣ съ нимъ предпоставлять заслуги отца, хотя и подлинно знаешь, что горячая любовь сербскаго народа призываетъ васъ обоихъ въ одинъ голосъ для одной и той же цѣли. О, какъ желала сербская исторія такой доблести! и какъ нынѣ сладко сердцу твоего народа это первое.... такою величественностью отличающееся дѣйствіе! Доблестный наслѣдникъ великаго отца твоего и любимаго владѣтеля нашего, прими милостиво нашу безграничную преданность, съ какою мы нынѣ отзываемся на твое поздравленіе отъ имени цѣлаго народа сербскаго! Скупщина поздравляетъ тебя, князь, симъ краткимъ выраженіемъ своихъ горячихъ чувствованій, и всѣ мы нетерпѣливо ожидаемъ видѣть тебя въ нашей средѣ подлѣ свѣтлѣйшаго отца твоего».

Съ цѣлію не только возбудить и безъ того весьма сильное патріотическое настроеніе народа, но еще рѣзче подѣйствовать на представителей Порты, пребывавшихъ въ бѣлградской крѣпости, а чрезъ нихъ и на турецкое правительство, въ совѣщаніи малаго кружка, происходившемъ вечеромъ 30-го декабря, по-

становлено было произвести на другой день демонстрацію въ скупщинѣ, чтобы вызвать скорѣйшее возвращеніе Милоша въ отечество. Дѣйствительно, въ утреннемъ засѣданіи 31-го декабря Андрей Стаменковичъ предложилъ, а скупщина постановила обратиться къ совѣту съ слѣдующимъ письмомъ: «Весь народъ съ нетерпѣніемъ ожидаетъ, чтобы князь Милошъ прибылъ наконецъ въ отечество: почему народная скупщина проситъ совѣтъ склонить надлежащимъ путемъ чрезъ телеграфъ князя Милоша отъ имени скупщины и народа, чтобы возможно скорѣе направился въ путь и перешелъ на сербскій берегъ. Это необходимо для успокоенія нашей земли, пребывающей столько времени въ движеніи и безпокойствѣ. Народная скупщина ожидаетъ немедленнаго и успокоительнаго для нея и народа отвѣта, каковымъ можетъ быть лишь то извѣстіе, что князь Милошъ двинулся въ путь». По предложенію того же Стаменковича, принято было другое письмо къ совѣту, въ которомъ прямо говорилось, что медлительность Порты, до сихъ поръ не возстановившей Милоша въ его наслѣдственныхъ правахъ, озабочиваетъ весь народъ и производитъ смятеніе въ умахъ; а потому интересы Сербіи и самой турецкой имперіи требуютъ, чтобы не замедлялось дѣло, затрогивающее самый жизненный вопросъ для политическаго существованія сербскаго народа. А депутатъ отъ колубарскаго среза бѣлградскаго округа, Радосавъ Марковлевичъ изъ Даросавы, представилъ, какъ необходимо для облегченія жителей Бѣлграда, обязанныхъ содержать постоянную стражу, и для обезпеченія общей безопасности вызвать въ Бѣлградъ изъ ближайшихъ округовъ 400 пѣшихъ и 200 конныхъ, хорошо вооруженныхъ людей изъ достаточныхъ и почтенныхъ семействъ, подчинить ихъ главному правителю Бѣлграда и содержать на счетъ государства, не назначая однакожь денежнаго жалованья имъ и не распуская прибывшихъ прежде изъ внутренности Сербіи для защиты скупщины сельчанъ. Объ этомъ постановленіи рѣшено было также сообщить совѣту. Наконецъ Милованъ Янковичъ напомнилъ, что на другой день должны быть посланы поздравительныя телеграмы обоимъ князьямъ съ новымъ годомъ; а Миша Анастасьевичъ замѣтилъ, что, согласно предложенію скупщины, правительство назначило совершить въ первый день новаго года по всѣмъ монастырямъ и церквамъ въ Сербіи благодарственное молебствіе за успѣхъ состоявшейся до того дня дѣятельности скупщины, а особенно за возстанов-

леніе князя Милоша и за отклоненіе тѣхъ опасностей, которыя угрожали народному благу 12-го декабря. Всѣ члены скупщины условились быть на общемъ молебствіи въ соборной церкви. Но имъ суждено было еще разъ сойтись въ чрезвычайное засѣданіе до наступленія новаго года.

Вслѣдствіе разнесшихся по городу слуховъ, что между членами совѣта и временнаго правительства возникло несогласіе по поводу послѣднихъ требованій скупщины, что Гарашанинъ и его сторонники не рѣшаются обратиться къ Портѣ съ новыми настояніями объ утвержденіи Милоша наслѣдственнымъ княземъ Сербіи, народные депутаты явились въ скупщину и отправили депутацію сперва къ совѣту, а потомъ къ временному правительству съ требованіемъ, чтобы утреннія постановленія скупщины были немедленно приведены въ исполненіе. Депутація возвратилась съ отвѣтомъ временнаго правительства, что всѣ рѣшенія скупщины опредѣлено исполнить, и что на другой день особая депутація отъ совѣта и правительства явится къ Османъпашѣ и изложитъ ему желанія народныхъ представителей. Засѣданіе кончилось чтеніемъ поздравительныхъ къ новому году телеграмъ Милошу и Михаилу. Въ первой между прочимъ говорилось, что народная скупщина недоумѣваетъ, кого ей слѣдуетъ прежде поздравить: Милоша ли, составлявшаго издавна счастіе сербскаго народа, съ новымъ годомъ; или самоё себя съ новою славой, которую онъ откроетъ для будущности Сербіи. Въ телеграмѣ къ Михаилу сказано было: «Когда яркое солнце обновляетъ свою небесную стезю, кто утерпитъ, чтобы среди величайшей радости не поздравить съ новымъ годомъ тебя, которымъ снова гордится сербскій народъ». Оба князя отвѣчали на эти поздравленія, при чемъ Михаилъ снова отзывался съ величайшимъ уваженіемъ о разсудительности всѣхъ дѣйствій скупщины, умѣньи избѣгать кровавыхъ столкновеній и приглашалъ ее продолжать свою дѣятельность въ такомъ же духѣ.

Демонстраціи, произведенныя народною скупщиной, имѣли добрыя слѣдствія. Временное правительство передало по телеграфу въ Константинополь сербскому агенту вѣсть о дурномъ расположеніи умовъ. Миланъ Петроніевичъ сообщилъ Портѣ, что при такомъ положеніи дѣлъ возможны новыя волненія въ Бѣлградѣ. Самъ Кабули-ефенди, напуганный рѣшительными дѣйствіями скупщины, телеграфировалъ обо всемъ великому визирю, а послѣдній поспѣшилъ извѣстить Петроніевича, что Порта

согласна утвердить Милоша въ княжескомъ достоинствѣ. Въ то же время въ Константинополѣ получено было извѣстіе отъ Милоша, что онъ отказывается отъ поѣздки туда въ зимнее время по причинѣ старости, и Порта согласилась отложить поѣздку до весны. Петроніевичъ немедленно сообщилъ сербскому правительству о состоявшихся рѣшеніяхъ Порты. Его донесеніе подтверждено было телеграмою Милоша, извѣщавшаго о томъ же.

Наконецъ положеніе, принятое Австріей относительно Сербіи, также разъяснилось. Наполеонъ III не удовольствовался объясненіями вѣнскаго правительства и его приказаніемъ графу Коронини ограничиться только наблюденіемъ за сербскими границами. Французскій кабинетъ объявилъ, что если Австрія сочла достаточнымъ издать новое распоряженіе, а не прямо отмѣнить свой первый приказъ, то Франція не можетъ удовлетвориться этимъ и остается при своемъ протестѣ. Наполеону нужно было, чтобы Австрія извинилась; но въ Вѣнѣ не хотѣли сдѣлать того, и отношенія между Австріей и Франціей, безъ того уже натянутыя, стали грозить разрывомъ. Рѣчь, произнесенная Наполеономъ въ новый годъ при пріемѣ дипломатическаго корпуса, заключавшая между прочимъ намекъ на дурныя отношенія къ Австріи, дала поводъ французскому консулу въ Бѣлградѣ Дезессару увѣрять сербовъ, что Франція намѣрена наказать Австрію за ея поведеніе относительно Сербіи. На самомъ же дѣлѣ между Австріей и Франціей готовился совершенный разрывъ и война по поводу итальянскаго вопроса.

Перваго января въ Бѣлградъ пріѣхалъ изъ Букарешта Петръ Стойковичъ и привезъ отъ Милоша отвѣтъ Стевчѣ, который спрашивалъ его отъ имени всѣхъ друзей своихъ, какимъ бы образомъ вывезти его изъ Румыніи. Милошъ писалъ между прочимъ, что Порта приказала валашскому правительству оберегать его и держать подъ присмотромъ; чтобы скорѣе достигнуть полнаго согласія Порты на всѣ требованія скупщины, Милошъ совѣтовалъ чинить безпрестанныя демонстраціи, смѣнить подозрительныхъ чиновниковъ и назначить на ихъ мѣста людей преданныхъ, войска распустить, въ Бѣлградъ созвать вѣрныхъ людей изъ внутреннихъ округовъ, что впрочемъ уже было сдѣлано скупщиной, на румынской границѣ собрать двѣ тысячи конницы подъ предлогомъ встрѣчи князя, въ Алексинцѣ, находящемся ближе къ турецкой границѣ, собрать четыре тысячи пѣхоты для того же.

Втораго января скупщина опять имѣла два засѣданія. Утромъ между прочимъ прочтена была телеграма Милоша, извѣщавшаго, что, вслѣдствіе дурныхъ путей сообщенія, онъ ожидаетъ прибытія депутаціи въ Букарештъ не ранѣе суботы, 3-го января. Вечернее засѣданіе созвано было самимъ предсѣдателемъ скупщины, который объявилъ народнымъ представителямъ, что въ промежутокъ между обоими засѣданіями онъ приглашенъ былъ членами временпаго правительства, предсѣдателемъ и подпредсѣдателемъ совѣта отправиться съ ними въ крѣпость. Не зная, за чѣмъ его звали, онъ пошелъ въ крѣпость во дворецъ Османа-паши, гдѣ собрались кромѣ названныхъ имъ лицъ и министры сербскіе. Всѣмъ имъ Кабули-ефенди прочиталъ депешу изъ Цареграда, въ которой значилось, что Порта одобряетъ князя Милоша, что бератъ ему на княжеское достоинство пишется и будетъ посланъ въ Валахію, что Порта, по своей благосклонности къ князю Милошу, дала ему право назначить вмѣсто себя одно лицо правителемъ страны до его прибытія въ Бѣлградъ. Раздавшіеся въ ту минуту пушечные выстрѣлы подтвердили, что извѣстія, сообщенныя предсѣдателемъ скупщины, были справедливы. Далѣе Миша передалъ слова Кабули-ефенди, что такая же депеша послана изъ Цареграда къ Милошу. Скупщина не имѣла ничего противъ утвержденія Милоша Портою, но ей не понравились ни форма, ни порядокъ самаго сообщенія ей такихъ извѣстій. Когда Миша Анастасьевичъ кончилъ свою рѣчь, то одинъ изъ предсѣдателей аппеляціонаго суда и членъ скупщины, Маринко Радовановичъ, замѣтилъ, что предсѣдатель не былъ уполномоченъ скупщиною являться въ крѣпость, а стало быть и не могъ представлять скупщину у Кабули-ефенди. Начались пренія и, по предложеженію Милована Янковича, рѣшено было занести въ протоколъ: «Такъ какъ предсѣдатель скупщины не имѣлъ отъ нея одобренія предстать съ членами правительства, совѣта и попечителями предъ Кабули-ефенди, то народная скупщина принимаетъ, что онъ присутствовалъ тамъ не въ качествѣ ея предсѣдателя, а потому и не считаетъ, что онъ тамъ представлялъ ее; на основаніи сего скупщина не смотритъ на его сообщенія какъ на офиціальныя, но имѣя въ виду важность земскихъ интересовъ, которые могутъ быть нарушены вслѣдствіе промедленія, отправляетъ депутацію къ временному правительству съ порученіемъ вытребовать отъ него копію съ помянутой депеши».

Среди ожиданія отвѣта отъ временнаго правительства и оживленныхъ разговоровъ, одинъ изъ депутатовъ, разговаривавшихъ въ глубинѣ залы, сказалъ громко, что надо ждать и нераздѣляться, пока князь Милошъ не прибудетъ въ Бѣлградъ, и что надо бы было вызвать еще братій изъ народа. При этихъ словахъ, предсѣдатель смедеревскаго окружнаго суда, Сима Протичъ, обратился къ скупщинѣ съ рѣчью, въ которой развилъ мысль, что для успокоенія народа необходимо заявить торжественно, что народная скупщина не разойдется до тѣхъ поръ, пока князь Милошъ не возвратится въ Сербію. Скупщина единогласно заключила, что народные представители не разъѣдутся и народная скупщина не закроется, пока Милошъ не приметъ въ свои руки правленія страною; такое постановленіе рѣшено было сообщить совѣту, а чрезъ него и временному правительству. Этимъ постановленіемъ скупщина выразила свое недовѣріе людямъ, составлявшимъ большинство въ тогдашнемъ правительствѣ. Вскорѣ возвратилась депутація и принесла съ собой копію съ депеши турецкаго министерства иностранныхъ дѣлъ къ Кабули-ефенди, которою подтверждались всѣ извѣстія, сообщенныя уже Миланомъ Петроніевичемъ сербскому правительству, а Мишею Анастасьевичемъ святоандреевской скупщинѣ. По прочтеніи депеши, народные представители выразили радость, что султанъ исполнилъ желаніе сербскаго народа, утвердивъ Милоша княземъ; но другія мѣста депеши вызвали безпокойство въ нихъ. Отложивъ обсужденіе этихъ мѣстъ до слѣдующаго засѣданія, скупщина нашла необходимымъ высказаться безотлагательно по поводу позволенія, даннаго Милошу Портою, назначить кого либо для временнаго управленія Сербіей до его прибытія. Въ преніяхъ по этому вопросу высказано было мнѣніе, что было бы несогласно съ благоразумною политикой предоставлять князю, находящемуся въ чужой землѣ и подъ чужою властію, право назначать себѣ намѣстника, что противно и правамъ сербскаго народа. На основаніи такого мнѣнія, скупщина обратилась къ временному правительству съ письменнымъ заявленіемъ, что назначеніе временнаго правительства земскаго, пока князь не ступитъ на сербскую землю и не приметъ самъ управленія, принадлежитъ по праву исключительно народу, представленному чрезъ свою скупщину, почему скупщина въ свое время уже и назначила временное правительство. Члены послѣдняго приглашались сооб-

щить такое заявленіе кому слѣдуетъ и поступать согласно съ нимъ. Послѣднее рѣшеніе скупщины легко объясняется тѣмъ, что большинство народныхъ депутатовъ опасалось, чтобы Милошъ, страстно желавшій вернуться поскорѣе въ Сербію, не поддался на какія либо невыгодныя для нея условія и не назначилъ въ намѣстники лицо враждебное народно-либеральной партіи.

Въ тотъ же вечеръ Груичъ долженъ былъ посѣтить Гарашанина, и при этомъ съ обѣихъ сторонъ высказаны были взаимные упреки въ недовѣріи. «Вы не знаете еще Милоша! говорилъ Гарашанинъ: зачѣмъ не выбрали Михаила, если хотѣли Обреновичей? зачѣмъ не уговорились съ нами заранѣе?» Гарашанинъ, по видимому, забылъ свой разговоръ о Михаилѣ съ Милованомъ Янковичемъ, происходившій не задолго до открытія свято-андреевской скупщины, забылъ и то, что правительственная оппозиція, желавшая свергнуть Карагеоргіевича, не считала нужнымъ договариваться о чемъ бы то ни было съ людьми, принадлежавшими къ младшему поколѣнію. Такъ какъ скупщина уже три раза повторяла свои настойчивыя требованія, чтобы совѣтъ и временное правительство утвердили представленный ею проектъ закона о постоянныхъ скупщинахъ безъ всякихъ измѣненій, то Гарашанинъ спросилъ Груича: «Что вы такъ добиваетесь этого закона?» Когда Груичъ отвѣтилъ: «Чтобы обезпечить въ будущемъ народное участіе въ дѣлахъ», Гарашанинъ сказалъ: «Ну, Милошъ все это отвергнетъ! увидите, что онъ скажетъ!» Груичъ возразилъ: «Мы ему объявимъ, что скупщина, выбравшая его, приняла такія-то и такія-то постановленія». Разговоръ Гарашанина нисколько не отличался отъ мнѣній другихъ людей прежняго поколѣнія о старомъ князѣ. Они сильно побаивались его и въ то же время не безъ радостнаго чувства говорили молодымъ членамъ скупщины: вотъ узнаете его и горько раскаетесь! Тѣмъ не менѣе и старое и молодое поколѣніе съ нетерпѣніемъ ожидали дальнѣйшихъ извѣстій изъ Букарешта. Въ скупщинѣ не разъ повторялись запросы о томъ, есть ли какія либо вѣсти отъ депутаціи, отправившейся къ Милошу.

Депутація уже приближалась къ своей цѣли. Совѣтникъ Еремичъ, распоряжавшійся хозяйственною частію всего путешествія, переѣхавъ съ сербскаго берега въ Турнъ-Северинъ, купилъ за 14 дукатовъ большой экипажъ и вмѣстѣ съ епи-

скопомъ Іоанникіемъ и Барловцемъ поскакалъ на почтовыхъ, желая догнать уѣхавшихъ ранѣе. Въ Кралевѣ съѣхались всѣ и остановились отдыхать. Вблизи этой мѣстности находилось богатое имѣніе, принадлежавшее Мишѣ Анастасьевичу. Отъ послѣдняго былъ данъ приказъ Предичу завезти депутацію въ это имѣніе и угостить ее на славу. Іованъ Иличъ и нѣкоторые изъ депутатовъ отказывались отъ такой чести, говоря, что они посланы за дѣломъ къ князю, а не въ гости къ предсѣдателю скупщины. Послѣ долгихъ препирательствъ, ихъ убѣдили ѣхать вмѣстѣ съ остальными депутатами въ имѣніе Миши. Большинство депутатовъ принадлежало къ числу людей, привыкшихъ къ простой сельской жизни, широко и свободно развившейся въ ихъ отечествѣ. Они были поражены тѣмъ великолѣпіемъ, которое нашли въ домѣ Миши, но еще болѣе изумлены были, когда подлѣ раскошнаго барскаго дома увидали крайне бѣдныя низменныя землянки. На вопросъ ихъ: Кто тутъ живетъ? имъ отвѣчали: Волошскіе сельчане. «Да что, здѣсь по селамъ живутъ цыгане или люди, которыхъ называютъ волошскимъ народомъ, какъ насъ сербами?» спрашивали представители сербскаго народа. Имъ объяснили, въ чемъ состоитъ крѣпостное право, и какія отношенія существовали тогда между помѣщиками и крестьянами въ румынскихъ земляхъ. «Э, братья, говорили сербскіе депутаты,—если эти люди не могутъ себя избавить отъ того, лучше было бы имъ за одинъ разъ всѣмъ погибнуть, перебивъ своихъ женъ и дѣтей, чѣмъ такъ жить, а дѣтей оставлять въ такомъ рабствѣ».

2-го января вечеромъ депутація имѣла торжественный въѣздъ въ Букарештъ и остановилась въ двухъ отеляхъ. Секретари Милоша, Моя Гавриловичъ и Б. Райовичъ, племянникъ стараго Цвѣтка, не зная, что при депутаціи былъ секретарь народной скупщины, составили програму церемоніальнаго представленія депутатовъ Милошу и назначили первое мѣсто въ немъ представителю совѣта Еремичу. Іованъ Иличъ, провѣдавъ о томъ, пригласилъ къ себѣ княжескихъ секретарей и вмѣстѣ съ ними исправилъ програму. На другой день при переѣздѣ депутатовъ, бывшихъ въ парадныхъ одѣяніяхъ, изъ гостинницъ къ дому, гдѣ жилъ Милошъ, жители Букарешта съ любопытствомъ смотрѣли на представителей сосѣдняго народа. У крыльца княжескаго дома депутація была встрѣчена секретарями Милоша и Миликомъ Теодосіевичемъ, котораго старый князь назвалъ своимъ

побратимомъ. Въ сѣняхъ депутаты увидали прислугу Милоша, а въ первыхъ комнатахъ семейство Ефрема Обреновича, брата Милошева, и множество румынскихъ бояръ. Милошъ встрѣтилъ депутатовъ словами: «Радъ вашему пріѣзду, братья и сыновья мои!»—«Живіо нашъ отецъ отечества!» крикнула трижды депутація. Затѣмъ начальникъ смедеревскаго округа и членъ скупщины, Станойло Петровичъ сказалъ князю краткое поздравленіе отъ имени народа: «Прими, свѣтлый господарь, поздравленіе отъ народной скупщины и всего вѣрнаго народа твоего! Важное дѣло, совершенное народомъ съ величайшимъ одушевленіемъ, благословилъ самъ Богъ. Возвратись, господарь, въ благословенную землю твою, Богомъ и тобой осчастливленную! Народъ въ нетерпѣніи едва можетъ дождаться, когда снова увидитъ тебя, отца и избавителя своего». Тронутый Милошъ прервалъ оратора словами: «Самъ Богъ такъ устроилъ! Безъ Его благословенія не можетъ ничего сдѣлаться. Я всегда заботился о счастіи народа, сколько могъ и умѣлъ, и нынѣ молю Бога, чтобы укрѣпилъ и умудрилъ меня послужить своему народу. Я не имѣю другой семьи: народъ—мое семейство. Каждый сербъ предо мною равенъ отъ великаго до малаго. Буду трудиться, братья, за всѣхъ васъ и весь народъ мой, какъ отецъ за дѣтей своихъ». Новые крики депутатовъ были отвѣтомъ Милошу. За симъ Іованъ Иличъ прочелъ письмо скупщины къ князю, составленное въ засѣданіи 15-го декабря, и передалъ его Станойлѣ, а тотъ Милошу. Потомъ Еремичъ подалъ поздравленіе отъ архіерейскаго собора; оба поздравленія читалъ тотъ же Иличъ. Старый Милошъ благодарилъ народъ, скупщину, совѣтъ и архіереевъ, послѣ чего депутаты подходили къ его рукѣ, а онъ цѣловалъ каждаго въ лобъ и голову. Князь былъ взволнованъ, выслушивая привѣтствія, даже прослезился и къ концу церемоніи почувствовалъ утомленіе; депутація послѣ угощенія уѣхала. Раказываютъ, что румынскіе бояре спрашивали Милоша по уходѣ депутаціи: чѣмъ онъ заслужилъ такую любовь своего народа, и что бы сдѣлалъ, еслибъ былъ румынскимъ княземъ,—и будто бы Милошъ отвѣчалъ: сербскій народъ любилъ его за то, что онъ всегда защищалъ его отъ притѣсненій старѣйшинъ; и еслибъ сдѣлался онъ румынскимъ княземъ, то прежде всего велѣлъ бы повѣсить спрашивавшихъ его бояръ, при чемъ нѣкоторыхъ назвалъ по именамъ.

Отпустивъ всѣхъ, Милошъ остался среди людей близкихъ и

родственныхъ. Въ его рукахъ уже былъ приказъ Порты о назначеніи временнаго правителя надъ Сербіей, пока князь не пріѣдетъ въ Бѣлградъ. Въ семейномъ совѣтѣ, окружавшемъ Милоша, всѣ указывали на Гарашанина. Особенно хлопотали о немъ женщины изъ семьи Ефрема Обреновича; онѣ подговаривали содѣйствовать тому владыку Іоанникія, Станойла Петровича и Еремича. Милошъ позвалъ къ себѣ на совѣщаніе Іована Илича, и тотъ, на вопросъ князя: кого лучше назначить временнымъ правителемъ,—отвѣчалъ: «по способностямъ надо бы Гарашанина, по народному довѣрію Стевчу; если взять послѣдняго, то надо придать ему Ефрема Груича въ секретари». Милошъ пожелалъ выслушать мнѣнія остальныхъ членовъ депутаціи и велѣлъ позвать ихъ къ себѣ. На вопросъ, повторенный Милошемъ депутатамъ, нѣкоторые крикнули было имя Стевчи; но Еремичъ, выступивъ впередъ, краснорѣчиво распространился о достоинствахъ Гарашанина. Онъ указывалъ на то, какъ Гарашанинъ умѣлъ устроить самую скупщину святоандревскую, какъ онъ сносился обо всемъ съ султаномъ и какъ удачно велъ переговоры съ великими державами. Еремичъ доказывалъ, что нѣтъ другого болѣе опытнаго человѣка, способнаго съ успѣхомъ довести до конца столь удачно начатое дѣло. Милошъ слушалъ, слушалъ Еремича и въ нетерпѣніи крикнулъ: «Что разболтался! стану я тебя одного слушать; пусть говорятъ и другіе». Въ этихъ словахъ предъ депутатами воскресъ старый князь Сербіи, не любившій, чтобы ему перечили. Всѣ депутаты принялись кричать: «Стевчу! Стевчу!» Князь въ тотъ же день послалъ телеграму въ Бѣлградъ о назначеніи Стевчи намѣстникомъ, Угричича помощникомъ ему, въ качествѣ директора его канцеляріи, а Ефрема Груича секретаремъ при временномъ правителѣ. Когда эта телеграма пришла въ Бѣлградъ, тѣсный кружокъ соединенныхъ либераловъ и обреновцевъ поспѣшилъ собраться въ совѣщаніе, и по его требованію Стевча Михайловичъ отвѣчалъ на приказъ Милоша депешей, въ которой просилъ его оставить все какъ было. Не довольствуясь этимъ, Стаменковичъ, Груичъ, Алимпичъ, Милованъ Янковичъ составили письмо къ Милошу, которое долженъ былъ подписать Стевча, и въ которомъ говорилось о правахъ народа, о прежнемъ рѣшеніи скупщины насчетъ временнаго правительства, о шаткомъ положеніи дѣлъ, и изъ всего этого выводилась необходимость оставить уже установившійся порядокъ правленія. Но 4-го января получена была вторая телеграма Милоша къ Стѣвчѣ: «При всей

доброй волѣ исполнить желаніе скупщины, не могу этого сдѣлать; ибо въ депешѣ великаго визиря, посланной въ согласіи съ покровительствующими державами, прямо сказано, чтобы я назначилъ одно лицо изъ числа моихъ повѣренныхъ людей въ качествѣ временнаго управителя; поэтому я вчера и распорядился такъ, увѣдомивъ о томъ великаго визиря. Снова повторяю, что вы—мой намѣстникъ, Угричичъ вашъ adlatus, Груичъ секретарь». Узнавъ объ этой телеграмѣ, либеральный кружокъ раздумалъ посылать письмо къ князю, между тѣмъ въ Бѣлградѣ три дня праздновали вѣсть объ утвержденіи Милоша Портою. Примѣру столицы слѣдовали другіе города.

Первое, по полученіи всѣхъ этихъ извѣстій, засѣданіе скупщины происходило въ понедѣльникъ 5-го января. Стевча Михайловичъ увѣдомилъ скупщину о назначеніи его намѣстникомъ князя. Скупщина отвѣчала актомъ на имя временнаго правительства, совѣта и самого намѣстника. Указавъ на свой протестъ отъ 2-го января противъ назначенія княземъ, находящимся въ чужой землѣ, намѣстника себѣ, скупщина заключала: «Но такъ какъ князь сдѣлалъ это прежде, чѣмъ узналъ о постановленіи скупщины, и такъ какъ благоразуміе обязываетъ предупредить столкновеніе, которое могло бы быть опасно для нашей внутренней независимости, а также видя, что и самъ князь нашъ, дѣйствуя въ томъ же духѣ предосторожности, который руководилъ скупщиною, выбралъ своимъ намѣстникомъ именно то лицо, къ коему и скупщина имѣетъ полное довѣріе, послѣдняя, принимая съ радостною готовностью таковое рѣшеніе князя, и сама постановляетъ, чтобы подпредсѣдатель сербской народной скупщины, г. Стевча Махайловичъ, какъ намѣстникъ князя сербскаго, управлялъ землею и пользовался княжескою властью до прибытія князя». Затѣмъ скупщина постановила отпустить своего секретаря Ефрема Груича къ отправленію секретарскихъ обязанностей при княжескомъ намѣстникѣ, при чемъ Миша Анастасьевичъ предложилъ выразить Груичу отъ имени скупщины письменную благодарность за его дѣятельность при ней, что и было принято; секретаремъ же скупщины избранъ былъ Милованъ Янковичъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ прекращалась дѣятельность временнаго правительства, послѣднимъ актомъ котораго было подтвержденіе закона о постоянныхъ скупщинахъ, но, какъ уже было сказано, съ значительными измѣненіями противъ проекта, составленнаго самою скупщиной.

Шестаго января, не смотря на праздничный день, скупщина собралась въ чрезвычайное засѣданіе, чтобы выслушать прокламацію княжескаго намѣстника, приступившаго къ отправленію своихъ обязанностей. Хотя Угричичъ и требовалъ, чтобы въ прокламаціи было упомянуто о немъ, но Груичъ, писавшій прокламацію, отказался исполнить такое желаніе, и Гарашанинъ согласился съ тѣмъ. Наиболѣе важнымъ мѣстомъ прокламаціи было объявленіе намѣстника, что попечители, совѣтъ, скупщина и всѣ существующія власти и чиновники остаются при своихъ обязанностяхъ. Но Гарашанинъ тогда же заявилъ Стевчѣ, что намѣренъ просить увольненія отъ званія попечителя внутреннихъ дѣлъ, и какъ намѣстникъ ни упрашивилъ своего бывшаго товарища остаться въ министерствѣ, онъ подалъ просьбу объ отставкѣ. Скупщина же, по предложенію Миши Анастасьевича, отправила къ намѣстнику съ поздравленіемъ депутацію, въ составъ которой вошли всѣ чиновные члены скупщины и по одному представителю отъ каждаго округа. Стевча въ тотъ же день переѣхалъ въ княжескій дворецъ. 7-го января Гарашанинъ былъ уволенъ изъ министерства и перемѣщенъ въ совѣтъ, а попечителемъ внутреннихъ дѣлъ назначенъ членъ совѣта Стоянъ Іовановичъ. 8-го января представители иностранныхъ державъ сдѣлали визиты княжескому намѣстнику. До тѣхъ поръ они принимали бумагй отъ временнаго правительства, но не отвѣчали, считая его не утвержденнымъ Портою.

Въ скупщинскомъ засѣданіи 8-го января, если вѣрить протоколамъ, не происходило ничего особенно важнаго. Но на самомъ дѣлѣ было не такъ. Сторонники Гарашанина намѣревались выступить въ этомъ засѣданіи съ предложеніемъ изъявить ему письменную благодарность за труды по созванію самой скупщины и за поддержку ея важнѣйшихъ рѣшеній. Но еще наканунѣ малый кружокъ соединенныхъ либераловъ и обреновцевъ пришелъ къ заключенію не давать Гарашанину одобрительнаго адреса и поручилъ Андрею Стаменковичу возражать, хотя и умѣренно, противъ предложенія въ этомъ смыслѣ. Дѣйствительно, предложеніе было сдѣлано; но Стаменковичъ, не имѣвшій привычки нападать на лица, молчалъ; тогда всталъ Сима Маричъ изъ Ужицы и произнесъ горячую рѣчь противъ предложенія. По его мнѣнію, не Гарашанинъ помогъ созвать скупщину, а обстоятельства, заставившія народъ собираться въ малыя скупщины еще въ августѣ. Онъ отрицалъ и заслуги Гарашанина предъ народнымъ

дѣломъ, ибо хотя министръ не противился прямо народнымъ стремленіямъ и желаніямъ, но былъ заодно съ Вучичемъ 11-го декабря, когда они пришли на скупщину и старались отвратить ее отъ провозглашенія Обреновича; затѣмъ министръ, не передавая власти лицамъ, назначеннымъ скупщиною, допустилъ составленіе заговора противъ нея, а 12-го, когда народъ и войско готовы были биться между собой до пролитія крови, онъ сидѣлъ дома и не хотѣлъ пристать къ народу, пока тотъ не одолѣлъ. Эта рѣчь коснулась Гарашанина прямо въ сердце и открыла глубокую пропасть между нимъ и соединенными либералами и обреновцами. Какъ бы то ни было, скупщина отказала въ благодарственномъ адресѣ; но Миша Анастасьевичъ и Милованъ Янковичъ уговорились между собой не заносить этого дѣла въ протоколъ. За то самъ Миша былъ польщенъ въ тотъ день прочтеніемъ предъ скупщиною письма Милоша на его имя: «Любезный мой Миша! писалъ старый князь, письмо ваше отъ 18-го декабря сильно меня обрадовало, ибо я увидалъ изъ него, что вы дышете чисто народнымъ духомъ и питаете общія съ народомъ чувства. На таковое заявленіе съ вашей стороны я всегда надѣлся и мнѣ пріятно, что я не ошибся. Поздравляю васъ съ почетнымъ именемъ народнаго человѣка! Вы показали дѣломъ, что были, стараетесь и теперь быть, а если Богъ продлитъ вашу жизнь, то и навсегда останетесь народнымъ человѣкомъ. Исторія и потомство будутъ говорить о васъ и о знаменитой народной скупщинѣ нынѣшней со славою, похвалою и благодарностью».

Въ томъ же засѣданіи прочтенъ былъ законъ о народной скупщинѣ, утвержденный временнымъ правительствомъ; но многіе изъ депутатовъ замѣтили, что правительственный законъ не во всемъ вѣренъ проекту, составленному скупщиной, и содержитъ въ себѣ такія перемѣны, которыя не могутъ быть угодны народной волѣ. Андрей Станенковичъ говорилъ, что правительство должно было до утвержденія закона объяснить скупщинѣ основанія, по которымъ оно рѣшилось внести перемѣны въ проектѣ, а потомъ договориться о нихъ со скупщиною; но такъ какъ правительство этого не сдѣлало, то надо избрать коммисію для разсмотрѣнія правительственнаго закона и представленія скупщинѣ замѣчаній къ нему. Милованъ Янковичъ настаивалъ на томъ, что законъ о постоянныхъ скупщинахъ можетъ быть принятъ лишь въ томъ видѣ, въ какомъ былъ представленъ

святоандреевскою скупщиной, и что скорѣе слѣдуетъ расширить его, чѣмъ сокращать; ибо дальнѣйшія уступки могутъ лишить скупщину всѣхъ плодовъ ея дѣятельности, и въ виду такихъ обстоятельствъ предложилъ изъявить отъ имени скупщины неудовольствіе правительству. Миша Анастасьевичъ возражалъ, говоря, что было бы благоразумнѣе принять законъ о скупщинѣ въ томъ видѣ, какъ его утвердило правительство, и не дѣлать никакихъ покушеній для измѣненія его. Но депутатъ пожаревацкаго округа, Стоянъ Іовановичъ представилъ въ живой рѣчи, какъ весь народъ желаетъ, чтобы законъ о скупщинѣ былъ именно таковъ, какимъ представила его скупщина, которая не имѣетъ права ни подъ какимъ предлогомъ оставаться равнодушною къ общенародной волѣ, а должна всѣми силами стремиться, чтобы присвоить значеніе закона своему проекту, ибо только подъ его покровомъ скупщина можетъ быть свободна въ своихъ дѣйствіяхъ и постановленіяхъ. «Если, заключилъ онъ, мы не отказывались въ опасныя минуты исполнять народную волю, то зачѣмъ бы стали малодушествовать теперь въ заступничествѣ народныхъ интересовъ, когда всѣ непріятельскія покушенія въ этомъ смыслѣ такъ счастливо устранены». Послѣ долгихъ преній скупщина рѣшила наконецъ избрать особую коммисію для разсмотрѣнія и оцѣнки правительственнаго закона. Раздраженная неискренностью правительственныхъ дѣйствій, скупщина рѣшила снова потребовать отъ совѣта, чтобы онъ представилъ ей адресъ, которымъ совѣтники приглашали Карагеоргіевича возвратиться изъ крѣпости; кромѣ того, Сима Протичъ напомнилъ, что скупщина до сихъ поръ не получила отчета о дѣятельности всѣхъ министерствъ, начиная съ 1842 года, который потребовала еще въ одномъ изъ первыхъ засѣданій своихъ; а когда зашла рѣчь о свободѣ печати, то Милованъ Янковичъ предложилъ включить постановленіе о ней въ законъ о скупщинѣ.

Въ засѣданіи слѣдующаго дня пренія о скупщинскомъ законѣ продолжались. Миша Анастасьевичъ объявилъ, что, предлагая принять правительственный законъ, онъ не отказываетъ будущей скупщинѣ въ правѣ внести въ него необходимыя перемѣны. Не смотря на то, всѣ замѣчанія, сдѣланныя коммисіей, разсматривавшей правительственный законъ, были приняты. Въ нихъ между прочимъ включено было правило о свободѣ печати; сказано, что будущая скупщина созывается въ томъ же 1859 году, что попечители могутъ являться на скупщину лишь тогда, когда позоветъ

ихъ сама скупщина, или когда они имѣютъ сообщить ей какое либо предложеніе со стороны правительства; кромѣ того нѣкоторые изъ параграфовъ правительственнаго закона замѣнены были соотвѣтственными статьями прежняго проекта. Всѣ эти замѣчанія препровождены были въ совѣтъ при письмѣ, въ которомъ выражалось отъ имени скупщины сильное сожалѣніе, что правительство измѣнило ея проектъ. «Народная скупщина, говорилось въ письмѣ, полагаетъ, что въ цѣломъ свѣтѣ нельзя найти ничего умѣреннаго, если не признать умѣренными всѣ донынѣшнія дѣйствія не только скупщины, но и самаго народа сербскаго. Болѣе всего сожалѣетъ народная скупщина о заботливомъ стѣсненіи свободы въ ея законѣ по той причинѣ, что совѣтъ и бывшее временное правительство прямо обѣщали чрезъ ея депутаціи сообщить предварительно тѣ основанія, по которымъ измѣнены нѣкоторыя статьи въ законѣ, но это обѣщаніе не было исполнено. При всемъ своемъ желаніи руководиться духомъ умѣренности, народная скупщина не могла оставить полученный ею законъ безъ замѣчаній и проситъ совѣтъ и правительство усвоить ихъ отъ слова до слова, и при томъ не въ видѣ прибавленій къ закону, а включивъ въ него и перепечатавъ въ такомъ видѣ весь законъ, если не желаютъ оскорбить до глубины сердца народъ и его скупщину». Затѣмъ принято было предложеніе о введеніи устнаго и гласнаго судопроизводства въ Сербіи, какъ по гражданскимъ, такъ и по уголовнымъ дѣламъ, объ изданіи особаго закона касательно адвокатовъ.

Десятаго января скупщина отправила въ совѣтъ депутацію, какъ съ требованіемъ прислать ей адресъ къ Карагеоргіевичу, такъ и для доставленія совѣту замѣчаній на законъ о скупщинѣ. Депутація возвратилась съ извѣстіемъ, что совѣтъ постарается отыскать и прислать адресъ, писанный 12-го декабря къ Карагеоргіевичу, и что совѣтъ не виноватъ въ томъ, что правительство не сообщило скупщинѣ, почему оно сочло нужнымъ внести измѣненія въ составленный ею законъ; ибо совѣтъ утвердилъ его безъ всякихъ перемѣнъ, а узнавъ объ измѣненіяхъ, сдѣланныхъ правительствомъ, взялъ слово съ бывшаго попечителя внутреннихъ дѣлъ сообщить о нихъ скупщинѣ прежде окончательнаго утвержденія закона, но попечитель не сдержалъ своего слова. Такимъ образомъ совѣтъ выставлялъ Гарашанина предъ святоандреевскою скупщиною главнымъ виновникомъ того искаженія, которое потерпѣлъ ея проектъ. Скупщина, выразивъ крайнее неудовольствіе

свое такимъ поступкомъ бывшаго попечителя внутреннихъ дѣлъ, не нашла однакожь оправданія въ томъ для совѣта, который не позаботился узнать, исполнено ли точно и вѣрно попечителемъ его порученіе по столь важному дѣлу и, не просмотрѣвъ закона, утвердилъ его въ искаженномъ видѣ. Совѣту не впервые было ссылаться на другихъ, тѣмъ болѣе что Гарашанинъ теперь былъ уже не у дѣлъ и считался только членомъ обвинявшаго его во всемъ совѣта; замѣчанія скупщины совѣтъ представилъ княжескому намѣстнику.

У Стевчи въ это время было много хлопотъ по дѣламъ этикета. Османъ-паша и Кабули-эфенди не хотѣли первые ѣхать къ нему съ визитомъ, ибо со временъ Карагеоргіевича сербскій князь сталъ являться къ представителямъ Порты прежде ихъ посѣщенія; это завелъ еще Авраамъ Петроніевичъ, бывшій при Карагеоргіевичѣ первымъ попечителемъ иностранныхъ дѣлъ. Но Стевча не хотѣлъ ѣхать въ крѣпость прежде, чѣмъ не получитъ визиты отъ Османа-паши и Кабули-ефенди. Гарашанинъ совѣтовалъ уступить, говоря, что пусть Милошъ измѣнитъ установившійся при Карагеоргіевичѣ порядокъ; Угричичъ держался того же мнѣнія, и Стевча отправился 9-го января съ визитами къ турецкимъ властямъ и иностраннымъ консуламъ. Кромѣ того къ Стевчѣ обращались съ просьбами о разныхъ лицахъ. Такъ Гарашанинъ писалъ ему, чтобы онъ постарался облегчить свиданіе тѣхъ совѣтниковъ и лицъ, которые были арестованы за участіе въ военномъ движеніи 12-го декабря и содержались теперь въ палилулскихъ казармахъ съ ихъ семействами. Онъ же просилъ Стевчу о священникѣ Динѣ, который желалъ получить мѣсто при войскѣ. «Я не могъ успѣть въ томъ при бывшемъ князѣ Александрѣ, писалъ Гарашанинъ: попъ Дина преданъ и душою и сердцемъ нынѣшнему положенію дѣлъ, но я рекомендую его въ войсковые священники за его отличное и истинно духовное поведеніе. Мнѣ не прилично говорить о его страданіяхъ; онъ самъ вамъ о нихъ раскажетъ. Если вы исполните его желаніе, то снимете съ меня долгъ, который остался за мною предъ этимъ человѣкомъ; а если скажете ему, что я помогъ ему въ томъ, тогда я совершенно расплатился съ нимъ». Стевча исполнилъ просьбу Гарашанина. Къ Стевчѣ присылались письма и изъ-за границы. Стефанъ Радичевичъ, бывшій министромъ во время перваго правленія князя Михаила, писалъ изъ Нейдорфа подъ Вѣной отъ 7-го января: «Вѣсть о знаменитомъ движеніи въ Сербіи до-

стигла и до окрестностей села, въ которомъ я пребываю по неволѣ. Всѣ тяжести и бѣдствія, отъ которыхъ я страдалъ въ продолженіи стольких лѣтъ, облегчены нынѣ увѣренностію, что сербство возстановленіемъ своего наслѣдственнаго князя омыло грѣхъ, который долго препятствовалъ его успѣхамъ. Въ виду такъ отважно доказаннаго здраваго разума народнаго должны умолкнуть и искорениться чьи бы то ни было искательства получить престолъ Сербіи. Если эти люди не могутъ понять общей пользы отъ прекращенія такихъ происковъ, раждающихъ несчастія, то пусть всегда помнятъ о преградѣ, которую имъ полагаетъ народная воля. Эта общая, нынѣ явная, воля всегда была именно такою, но интриги себялюбцевъ заглушали ее. Берегитесь же, чтобъ и теперь не быть обманутыми кѣмъ нибудь и не помрачить этой воли. Вѣрный всегда началамъ, которыя народъ сербскій заявилъ нынѣ предъ цѣлымъ свѣтомъ, считаю долгомъ привѣтствовать успѣхъ, коимъ вы вмѣстѣ съ народомъ завершили истекшій годъ, и прошу васъ одобрить выраженіе моей радости о нынѣшнихъ дѣлахъ вашихъ въ такой же мѣрѣ, въ какой я желаю, чтобы вы наполнили сей 1859 годъ твердымъ законнымъ порядкомъ и чрезъ то еще болѣе показали свѣту, кто этотъ Стевча?»

Между тѣмъ почти ежедневно получались депеши отъ Милоша. 7-го января онъ телеграфировалъ Ильѣ Гарашанину, въ минуту его выхода въ отставку: «Сегодня отсылаю большую часть депутаціи, а завтра съ остальными отправляюсь въ путешествіе; въ воскресенье буду въ Крайовѣ, въ понедѣльникъ въ Турнъ-Северинѣ; на берегъ схожу близъ Кладова; извѣстите власти». Милошъ однакожь не зналъ точно, когда и какимъ путемъ выѣдетъ изъ Букарешта, но, по старому обычаю, замѣталъ свой слѣдъ. Гарашанинъ поспѣшилъ сообщить Стевчѣ полученное имъ извѣстіе. Онъ писалъ намѣстнику: «Прилагаю при семъ мою телеграму отъ его свѣтлости. Прошу васъ назначить скорѣе преемника мнѣ, дабы я могъ указать ему, что необходимо сдѣлать теперь же для княжеской встрѣчи». Дѣйствительно, Милошъ располагалъ добраться до сербскаго берега сухимъ путемъ, и часть депутаціи, отправленная имъ впередъ, уже достигла Слатины, когда ее догналъ посланный съ письмомъ отъ князя, извѣщавшаго, что дунайское общество предоставило въ его распоряженіе нароходъ, и чтобъ уѣхавшіе впередъ депутаты направились къ Журжеву. Но исполнить это приказаніе Милоша

было уже не когда; Милошъ поспѣшилъ выѣхать въ Журжево съ остальными депутатами и отправилъ оттуда телеграму на имя Стевчи: «На пароходѣ «Сечени» выѣзжаю сегодня въ 8 часовъ утра отсюда на Турнъ-Северинъ. Извѣстите объ этомъ князя Михаила». Но, не доѣхавъ до упоминаемаго въ депешѣ города, Милошъ сошелъ на сербскій берегъ въ воскресенье 11-го января, въ селеніи Радуевцѣ, а пороходъ отправился къ Турнъ-Северину и привезъ оттуда въ Радуевацъ депутатовъ, отправившихся изъ Букарешта сухимъ путемъ. Въ Бѣлградѣ и другихъ городахъ Сербіи тотчасъ же были получены извѣстія о томъ, что старый князь вступилъ на родную почву. Событіе это вызвало новыя празднества во всѣхъ округахъ Сербіи. Въ самомъ Радуевцѣ устроена была торжественная встрѣча Милошу. Неготинскій епископъ Герасимъ, сопровождаемый двумя священниками, встрѣтилъ Милоша при сходѣ съ парохода. Послѣ принятія хлѣба и соли, съ обычнымъ при этомъ случаѣ намекомъ на возстановленіе такой же тѣсной связи между старымъ княземъ и его народомъ, какая существуетъ между хлѣбомъ и солью, Милошъ, ступая на землю, перекрестился и проговорилъ: «Хвала великому Богу, который помогъ мнѣ освободить эту землю отъ чужого ярма и тиранства; хвала ему за великую помощь, оказанную моему народу и мнѣ, возвратившую меня нынѣ въ отечество. Молю тебя, милостивый Боже, даруй мнѣ силы и помощь, да буду истиннымъ отцомъ моимъ милымъ сынамъ—сербамъ». Затѣмъ, обратившись къ народу, князь привѣтствовалъ его словами: «Доброе утро, дѣти мои!» Изъ Радуевца, въ сопровожденіи большой толпы коннаго и пѣшаго народа, Милошъ отправился въ Неготинъ и послалъ оттуда въ Бѣлградъ депешу, для передачи ее князю Михаилу, съ приказаніемъ: «Тотчасъ же собирайся въ путь ко мнѣ па встрѣчу». Депеша передана была въ Вѣну, и вечеромъ 11-го января Стевча получилъ отвѣтъ отъ Цукича, проживавшаго въ столицѣ Австріи въ качествѣ члена международной коммисіи по дунайскому вопросу: «Ваши депеши получены; но князь еще сего дня утромъ уѣхалъ безъ княгини по желѣзной дорогѣ чрезъ Вершацъ въ Базіяшъ. Если князь Милошъ поѣдетъ водой, то князь Михаилъ будетъ ждать его въ Базіяшѣ и потомъ отправится вмѣстѣ съ нимъ; если же князь Милошъ ѣдетъ сухимъ путемъ, то Михаилъ перейдетъ въ Смедеревѣ на сербскій берегъ за день до Милоша, и потомъ вмѣстѣ съ нимъ поѣдетъ въ Бѣлградъ. Извѣстите о томъ Михаила по телеграфу въ Вершацъ. Въ Смедеревѣ встрѣтьте

его просто, безъ всякихъ церемоній.» Въ Неготинѣ Милошъ оставался нѣсколько дней въ ожиданіи турецкаго чиновника, ѣхавшаго съ братомъ; туда явились для сопровожденія стараго князя сынъ Стевчи, Миланъ, и племянникъ Гарашанина, Петръ; а смедеревцы готовились встрѣтить князя Михаила. Попечитель иностранныхъ дѣлъ, Стефанъ Магазиновичъ получилъ изъ Смедерева 12-го января телеграму отъ начальника рудницкаго округа, Младена Жуевича, Гарашанинова свояка: «Депутація, которая завтра утромъ идетъ въ Ковинъ (на австрійскомъ берегу) для встрѣчи князя Михаила, желаетъ привѣтствовать его въ самомъ городѣ, но безъ визировки консульской не можетъ вступить туда; нужно, чтобы консулъ телеграфировалъ ковинскому маіору о дозволеніи депутаціи явиться въ Ковинъ.»

Между тѣмъ скупщина продолжала заниматься вопросомъ о своемъ законѣ. Въ засѣданіи 12-го января Милованъ Янковичъ передалъ народнымъ представителямъ сообщеніе намѣстника, что для соглашенія между скупщиной, совѣтомъ и правительствомъ необходимо уговориться: чтобы о свободѣ печати изданъ былъ отдѣльный законъ; чтобы число депутатовъ на будущихъ скупщинахъ было ограничено однимъ человѣкомъ на тысячу податныхъ душъ, и лишь въ такомъ случаѣ можетъ быть внесено въ законъ, что скупщина собирается каждый второй, а не третій, годъ; чтобы попечители могли присутствовать во всѣхъ засѣданіяхъ скупщины и давать необходимыя объясненія. Скупщина, тщательно разсмотрѣвъ всѣ эти предложенія, не нашла никакихъ основаній для того, чтобы въ законѣ о ней не упоминалось о свободѣ печати, признала, что большее число депутатовъ (по два съ тысячи) даетъ ей большее значеніе и силу, и что для самостоятельности скупщины необходимо, чтобы попечители, по крайней мѣрѣ, еще на нѣсколько лѣтъ, не имѣли права являться во всѣ ея засѣданія. Принявъ все это во вниманіе, скупщина единогласно опредѣлила, что она уже сдѣлала достаточныя уступки правительству, не можетъ идти далѣе по сему пути и остается при своемъ послѣднемъ рѣшеніи. На это Миша Анастасьевичъ замѣтилъ, что къ общему рѣшенію о скупщинскомъ законѣ надо прибавить, что всякая чрезвычайная скупщина можетъ рѣшать только чрезвычайныя дѣла, а не пускаться въ обсужденіе вопросовъ, подлежащихъ разсмотрѣнію обыкновенныхъ скупщинъ, и не можетъ отмѣнять постановленія послѣднихъ. Къ мнѣнію Миши присоединился предсѣдатель

окружнаго суда въ Крушевцѣ Аксентій Марковичъ, доказывавшій съ другой точки зрѣнія, что всякая чрезвычайная скупщина не можетъ быть иначе разсматриваема, какъ орудіе правительства. Милованъ Янковичъ возразилъ на это, что «въ законѣ предвидѣны и указаны необходимыя и достаточныя средства, чтобы чрезвычайная скупщина не могла сдѣлаться орудіемъ правительства, а именно: съ одной стороны, чрезвычайная скупщина, точно такъ же какъ и обыкновенная, должна состоять изъ народныхъ депутатовъ, избранныхъ на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, а съ другой стороны, не можетъ быть меньшею по числу членовъ, но скорѣе большею; а потому было бы противорѣчіемъ утверждать, что народъ то имѣетъ, то не имѣетъ довѣрія къ самому себѣ, и было бы безсмыслицей, еслибы народъ свои собственныя права то расширялъ закономъ относительно самого себя, то ограничивалъ!» Послѣ такого возраженія скупщина опредѣлила единогласно, кромѣ самого Миши и Марковича, что не можетъ усвоить предложенія своего предсѣдателя.

Раздраженіе скупщины, вызванное постояннымъ противодѣйствіемъ правительства ея закону о будущихъ скупщинахъ, видимо увеличивалось; но оно усилилось еще болѣе, когда Милованъ Янковичъ произнесъ рѣчь, въ которой живо представилъ несообразность такихъ совмѣстныхъ явленій, какъ давно желанное возвращеніе въ отечество князя Милоша и присутствіе въ странѣ многихъ заклятыхъ враговъ его самого, его семейства и цѣлаго народа, которые занимаютъ и важнѣйшія служебныя мѣста: «нашъ народъ не обнаружилъ бы ни малѣйшей политической мудрости, заключилъ Янковичъ, еслибы такихъ людей еще прежде, чѣмъ князь прибудетъ въ Бѣлградъ, не выгналъ, однихъ изъ службы, а другихъ изъ земли, ибо они, по извѣстной подлости своей, снова бы измѣнили князю Милошу и погубили бы землю и его самого». Такими словами ораторъ взывалъ къ страстямъ простыхъ обреновцевъ, начинавшихъ сознавать свою силу послѣ извѣстія, что Милошъ уже вступилъ на сербскую почву. Это была первая уступка со стороны кружка соединенныхъ либераловъ и сознательныхъ обреновцевъ тому накипѣвшему чувству ненависти, которое питали къ открытымъ приверженцамъ Карагеоргіевича всѣ безусловные сторонники возстановленной теперь династіи, пострадавшіе при павшемъ князѣ. Такъ какъ, за отсутствіемъ Илича и Груи-

ча, Янковичъ былъ единственнымъ представителемъ тѣснаго кружка либераловъ въ этомъ засѣданіи, то впослѣдствіи правительственная партія и винила главнымъ образомъ его за то постановленіе скупщины, которое было вызвано его рѣчью. Скупщина единогласно постановила, что, при всемъ своемъ человѣколюбіи и великодушіи, которому останется вѣрна и впредь, она не можетъ быть столь малоумною, чтобы снова предоставить старымъ волкамъ своихъ отбѣглыхъ ягнятъ; самую же рѣчь Янковича опредѣлила напечатать особой брошюрой вмѣстѣ съ рѣчью, сказанною имъ 19-го декабря.

Отъ общаго рѣшенія уже не трудно было перейти къ частнымъ примѣненіямъ. Депутатъ ужицкаго округа, Гаврило Милошевичъ, изъ села Біоски, обратился къ скупщинѣ съ просьбой, чтобы прежде всего не только удалены были изъ службы, но и немедленно прогнаны изъ земли нѣкоторые наиболѣе опасные люди, которыхъ, быть можетъ, не всякій хорошо знаетъ, ибо они всегда только приготовятъ величайшія бѣды и несчастія, потомъ подсунутъ ихъ другимъ, а тѣ исполнятъ ихъ, они же сами всегда остаются чистыми и невинными и предъ закономъ и предъ людьми. Такими наиболѣе опасными лицами изъ числа многихъ другихъ Милошевичъ назвалъ четырехъ: Аѳанасія Николича—помощника попечителя внутреннихъ дѣлъ, Якова Живановича—помощника попечителя правосудія и народнаго просвѣщенія, Тимоѳея Княжевича—члена кассаціоннаго суда и Франца Заха—управителя военной академіи, родомъ изъ Моравіи. Къ этому Милошевичъ прибавилъ, что могъ бы и еще одного помѣстить въ число такихъ людей, но изъ уваженія къ его священному званію было бы лучше, еслибы Сербія избавилась отъ него какимъ либо инымъ способомъ, и еслибъ чрезъ него не предалось поруганію носимое имъ званіе, которое народъ привыкъ почитать. Обвинитель разумѣлъ при этомъ митрополита Петра, который былъ однимъ изъ давнихъ сторонниковъ Карагеоргіевича и непріятелей Милоша. Вслѣдствіе такого предложенія, скупщина единодушно приняла письмо на имя совѣта, гласившее такъ: «Народная скупщина, какъ вѣрное выраженіе народныхъ жалобъ, желаній и чувствованій, вынуждена заявить совѣту, что народъ считаетъ нѣкоторыхъ чиновниковъ своими заклятыми и кровными злодѣями; ибо твердо увѣренъ, что они во всѣ времена, при всѣхъ князьяхъ и старѣйшинахъ, были подкожными клещами, которые сосали кровь

изъ народа». Приведя имена вышеназванныхъ лицъ, скупщина продолжала въ своемъ письмѣ: «нѣкоторыя дѣла каждаго изъ этихъ людей народъ стыдится передать своими устами, но вообще всѣ четверо суть такіе люди, которые словно тайные черви—иные сплятнями и доносами, подъ видомъ служебныхъ обязанностей, иные неприличнымъ и развратнымъ поведеніемъ въ частной жизни—подгрызали сердце и источники народнаго существованія. Цѣлому свѣту извѣстны умѣренность и великодушіе народа нашего, да и скупщина достаточно засвидѣтельствовала, на сколько она была въ этомъ отношеніи истиннымъ и вѣрнымъ выраженіемъ и зеркаломъ народныхъ мыслей и чувствованій; но народная скупщина не смѣетъ обращаться легкомысленно съ этими добродѣтелями и оставлять ядовитыхъ непріятелей народа своего, дабы они, пользуясь и далѣе свободою, распространялись по нашей, дорогою цѣною окупленной, но страшными грѣхами, далъ Богъ, еще не зараженной, землѣ. А потому скупщина воздвигаетъ нынѣ единодушный кликъ сербскаго народа, желая спасти землю и населеніе ея отъ такихъ злыхъ и несчастныхъ существъ; потому она неотступно требуетъ, чтобы помянутые четыре человѣка тотчасъ же были прогнаны изъ земли, по предварительномъ отнятіи у нихъ всѣхъ сербскихъ званій и чиновъ, и чтобы объявлено было, что они болѣе не смѣютъ осквернять своими ногами нашу чистую и невинную землю». Это постановленіе было какъ-бы отвѣтомъ на тягостное воспоминаніе о томъ, что ровно мѣсяцъ назадъ сторонники Карагеоргіевича осмѣлились поднять оружіе противъ народа. 12-го декабря произошла послѣдняя попытка раздавить народную волю со стороны людей, столько лѣтъ господствовавшихъ надъ Сербіей именемъ Карагеоргіевича; 12-го января послѣдовала первая рѣшительная кара надъ людьми, которые, справедливо, или нѣтъ, считались общественнымъ мнѣніемъ наиболѣе ненавистными орудіями прежнихъ правителей.

Скупщина не ограничилась въ этотъ день замѣчаніями бывшему временному правительству и совѣту и наказаніемъ людей непріятныхъ народу, но рѣшилась прямо высказать свое мнѣніе и о дѣйствіяхъ Порты. Милованъ Янковичъ указавъ на нѣкоторыя мѣста въ депешѣ Порты, сообщенной чрезъ Кабули-эфенди временному правительству, а чрезъ него скупщинѣ, назвалъ ихъ стѣсняющими и ограничивающими добытыя кровью права сербскаго народа; и потому предложилъ, а скупщина единогласно

приняла слѣдующія рѣшенія: «Народная скупщина ничего не знаетъ и не хочетъ знать объ отставкѣ бывшаго князя Александра Карагеоргіевича, о которой упоминается въ депешѣ, ибо скупщина свергла его, какъ неспособнаго и невѣрнаго своему народу владѣтеля, съ княжескаго достоинства; скупщина не знаетъ и не признаетъ существующимъ никакого правила, по которому сербскіе князья должны являться въ Цареградъ для своего утвержденія, и потому рѣшаетъ, что сербскій князь ни прежде, чѣмъ вступитъ на престолъ, ни послѣ того не можетъ отправляться въ подобныя путешествія, пока скупщина не изъявитъ на то своего согласія; скупщина считаетъ необходимымъ изданіе закона, чтобы на случай осиротѣнія княжескаго престола нынѣшній наслѣдникъ князь Михаилъ, а равно и будущіе законные наслѣдники, тотчасъ же получали княжескую власть и верховное управленіе землей на основаніи сего самаго закона; скупщина снова проситъ совѣтъ, чтобы онъ постарался о скорѣйшемъ представленіи Портѣ перваго скупщинскаго адреса, ибо совѣтъ до сихъ поръ не исполнилъ сего, что скупщина узнала съ величайшимъ неудовольствіемъ». Засѣданіе кончилось предложеніемъ протоіерея Игната Васича изъ Лозницы, одобреннымъ скупщиною единогласно, чтобы всѣ погибшіе въ политическихъ переворотахъ съ 1842 года или убитые подъ предлогомъ, что они были политическими преступниками, соединены были отнынѣ въ общей могилѣ, а кости священниковъ, погибшихъ по тѣмъ же причинамъ, перенесены были въ церкви, при которыхъ они служили. Это засѣданіе скупщины задало большаго страху всѣмъ, кто былъ прежде противъ нея или не съ нею, и навлекло много хлопотъ совѣту и намѣстнику. А между тѣмъ Милошъ начиналъ уже распоряжаться съ полнымъ сознаніемъ своей власти и проявлялъ въ каждомъ шагѣ пониманіе народнаго духа. Вечеромъ 12-го января получена была въ Бѣлградѣ депеша изъ Крагуевца такого содержанія: «Здѣшнимъ войскамъ присланъ слѣдующій приказъ: дѣти! чтобы исполнились и мои и ваши желанія, отправьтесь въ Тюпрію, гдѣ могъ бы видѣть васъ отецъ вашъ, князь *Милошъ*».

Тринадцатаго января совѣтъ и намѣстникъ должны были дать свои рѣшенія на постановленія, изданыя скупщиною наканунѣ. Скупщина съ утра приняла грозное положеніе. Андрей Стаменковичъ въ началѣ засѣданія предложилъ отправить депутацію въ совѣтъ съ требованіями: чтобы законъ о скупщинѣ былъ утверж-

денъ безъ отлагательства согласно съ примѣчаніями, составленными коммисіей; чтобы совѣтъ не медлилъ далѣе присылкою своего адреса, писаннаго къ Карагеоргіевичу 12-го декабря; чтобы совѣтъ не расходился изъ своихъ засѣданій ранѣе скупщины, которая можетъ въ такомъ случаѣ сообщать ему свои рѣшенія благовременно, и чтобы совѣтъ исполнилъ скупщинское опредѣленіе относительно четырехъ лицъ, признанныхъ наканунѣ врагами народа. Депутація отправилась въ совѣтъ, и въ ея отсутствіе разсмотрѣно было нѣсколько предложеній, касавшихся внутренняго устройства Сербіи, въ томъ числѣ объ устраненіи консульской юрисдикціи. Возвратившись, депутація принесла извѣстіе, что совѣтъ не могъ отыскать своего адреса къ Карагеоргіевичу, ибо оригиналъ его остался у совѣтниковъ, отправлявшихся 12-го декабря съ войскомъ въ крѣпость, а черновой отпускъ пропалъ со стола въ то время, когда остальные совѣтники находились въ казармахъ; что совѣтъ одобрилъ примѣчанія скупщины на новоизданный законъ о ней и обѣщалъ учинить съ своей стороны рѣшеніе относительно указанныхъ скупщиною четырехъ лицъ, а засѣданія свои будетъ закрывать по окончаніи скупщинскихъ. По выслушаніи этихъ сообщеній, скупщина отправила депутацію къ намѣстнику съ просьбой о принятіи ея замѣчаній на законъ, о допросѣ арестованныхъ совѣтниковъ касательно адреса къ Карагеоргіевичу и объ изгнаніи изъ Сербіи лицъ, объявленныхъ скупщиною внѣ закона. Намѣстникъ также обѣщалъ удовлетворить скупщинскія желанія. Но на дѣлѣ было не совсѣмъ такъ. Совѣтъ первый разъ послѣ того, какъ издалъ 13-го декабря оправдательный актъ своихъ дѣйствій, рѣшился отказать скупщинѣ на ея требованіе удалить четырехъ опальныхъ лицъ, считая это противнымъ уставу; но, утративъ въ послѣдній мѣсяцъ всякую нравственную силу и правительственное значеніе, счелъ за лучшее представить все дѣло на благоусмотрѣніе Стевчи Михайловича. Совѣтъ сильно боялся, чтобы потомъ очередь скупщинскихъ преслѣдованій не дошла и до него. Намѣстникъ рѣшилъ это дѣло слѣдующимъ образомъ: троихъ между опальными лицами онъ удалилъ отъ исправленія должности, но оставилъ за ними пенсію и званія; Заха же, какъ человѣка полезнаго своими свѣдѣніями по военнымъ наукамъ, оставилъ на службѣ. Что касается скупщинскаго закона, то Стевча, подъ вліяніемъ Груича, исправилъ его согласно съ представленными ему замѣчаніями и подтвердилъ отъ имени князя. Допросъ же арестованныхъ совѣт-

никовъ объ адресѣ къ Карагеоргіевичу не привелъ ни къ чему. Кромѣ того Стевча поставленъ былъ въ затруднительное положеніе полученною имъ въ тотъ день телеграмою Милоша, все еще жившаго въ Неготинѣ и приказывавшаго: «Подвергните тотчасъ же допросу предсѣдателя совѣта, Вучича, который былъ причиною насильнаго собиранія денегъ на памятникъ Карагеоргію; разслѣдуйте, что съ этими деньгами сдѣлано и гдѣ онѣ находятся; также поручается вамъ розыскать все, что сдѣлано противъ закона; однимъ словомъ, дѣйствуйте безъ пристрастія, не медлите и не отлагайте до моего возвращенія». Стевча однакожь рѣшился не исполнить требованія князя и, переговоривъ съ Груичемъ, скрылъ депешу отъ остальныхъ.

Было еще одно лицо, въ судьбѣ коего день 13-го января имѣлъ рѣшительное значеніе: то былъ митрополитъ Петръ Іовановичъ. Онъ уже зналъ, что наканунѣ въ скупщинѣ произносили его имя съ порицаніями и готовились выступить на другой день съ очень тяжкими обвиненіями противъ него. Въ 1839 году, во время сверженія князя Милоша, онъ выходилъ къ солдатамъ на Трешню и склонялъ ихъ сложить оружіе, поднятое за Милоша. Приверженцы Обреновичей не любили его не только за этотъ поступокъ, но и за противодѣйствіе князю Михаилу, наслѣдовавшему послѣ отца своего. Съ 1842 года митрополитъ Петръ былъ въ близкихъ отношеніяхъ къ правительству Карагеоргіевича и участвовалъ въ его главнѣйшихъ дѣйствіяхъ. Онъ не пользовался даже расположеніемъ подвластнаго ему духовенства. Многіе изъ протоіереевъ, имѣющихъ въ Сербіи значеніе благочинныхъ, были съ нимъ во враждѣ. Въ народѣ, особенно въ Бѣлградѣ, ходило много расказовъ о томъ, какъ онъ, пользуясь большимъ жалованіемъ, мало заботился о церковныхъ дѣлахъ, бралъ значительныя деньги при поставленіи священниковъ, при брачныхъ разводахъ, при разрѣшеніи браковъ между родственниками. Народъ зналъ кое-что и о его не совсѣмъ нравственной жизни. Наконецъ подобно тому, какъ злоупотребленія чиновниковъ пали на голову сверженнаго князя, такъ и злоупотребленія нѣкоторыхъ протоіереевъ повредили митрополиту. Въ эпоху, о которой у насъ идетъ рѣчь, ему было около 59 лѣтъ (родился 18 февраля 1800 года). По происхожденію своему. онъ былъ изъ венгерскихъ сербовъ; родившись въ Илокѣ, учился въ Карловцахъ и Сегединѣ, въ продолженіи десяти лѣтъ служилъ професоромъ въ карловацкой гимназіи, но въ 1831 году перешелъ въ Сербію

и вскорѣ сдѣлался секретаремъ княжеской канцеляріи. Не принадлежала еще къ иноческому чину, онъ содѣйствовалъ устройству въ Бѣлградѣ консисторіи и богословской школы, назначенію постояннаго жалованья членамъ консисторіи, професорамъ богословской школы и окружнымъ протоіереямъ, а также денежнаго пособія отъ правительства общежительнымъ монастырямъ. Въ 1853 году онъ принялъ монашество и въ концѣ того же года, при началѣ восточной войны, посвященъ былъ въ митрополита Сербіи цареградскимъ патріархомъ, но рѣдко служилъ и еще рѣже проповѣдывалъ. Его связи съ партіей Карагеоргіевича были уже послѣдними причинами нерасположенія, возбужденнаго противъ него въ скупщинѣ. Но собственно тѣсный кружокъ соединныхъ либеровъ и сознательныхъ обреновцевъ былъ равнодушенъ къ его дѣлу. Никто изъ членовъ этого кружка не подбивалъ народъ противъ митрополита, но ни одинъ изъ нихъ и не мѣшалъ заявленіямъ противъ него. Когда на частныхъ сходкахъ членовъ скупщины стали раздаваться порицанія митрополиту, то нѣкоторые изъ священниковъ увѣдомили его о томъ, а утромъ 13-го января къ нему явились изъ скупщины три протоіерея и сообщили, что скупщина хочетъ приступить къ пересмотру его дѣйствій. Митрополитъ тотчасъ же поѣхалъ въ княжескій дворецъ, гдѣ нашелъ Стевчу и Груича. Сперва онъ совѣтовался съ намѣстникомъ: то хотѣлъ самъ явиться среди скупщины для принесенія оправданій, то покидалъ эту мысль; наконецъ обратился къ Груичу съ просьбой отправиться на скупщину и убѣдить, чтобы въ тотъ день не подымали вопроса о немъ, обѣщая къ вечеру представить просьбу объ отставкѣ. Хотя Груичъ выражалъ сомнѣніе, будетъ ли успѣхъ отъ такого порученія, но митрополитъ думалъ, какъ и многіе другіе въ то время, что скупщина послушается совѣтовъ Груича. Митрополитъ говорилъ секретарю намѣстника, что если онъ отклонитъ пренія въ скупщинѣ на одинъ день, то у обвиняемаго останется довольно времени, чтобы подумать о болѣе приличномъ рѣшеніи своей участи, ибо на другой день приходился важный въ Сербіи праздникъ св. Саввы, просвѣтителя сербскаго [1]). Груичъ поспѣшилъ въ скупщину и, взойдя на прежнее мѣсто свое, началъ съ сообщенія о томъ, что князь Михаилъ долженъ вступить въ слѣдующій день на сербскую землю. Послѣдовало изъявленіе радости

---

[1]) Въ Сербіи память св. Саввы празднуютъ не 12 января, какъ у насъ, но 14.

со стороны скупщины. Въ эту минуту Груичъ узналъ отъ Милована Янковича, что о митрополитѣ еще не говорили ни слова, Груичъ сталъ просить скупщину, чтобы отложили пересмотръ дѣлъ главы сербской церкви. Нѣкоторые согласились на это; иные прибавляли: «Завтра большой праздникъ!» Никола Маринковичъ изъ Ужицы всталъ и обратился къ Груичу со словами: «Знаешь ли что, господинъ! если ты просишь, то мы послушаемъ тебя и не станемъ говорить о митрополитѣ до полудня, а послѣ того не можемъ поручиться за себя». Груичъ отвѣчалъ: «Если не затронете до полудня, то зачѣмъ подымать дѣло и послѣ того?» Многіе выражали свое согласіе. Груичъ попросилъ Мишу Анастасьевича собрать обычнымъ порядкомъ голоса по этому вопросу. Отвѣтъ оказался благопріятный, и Груичъ возвратился съ извѣстіемъ о томъ во дворецъ; но о его появленіи въ скупщинѣ не было занесено въ протоколы. Митрополитъ поѣхалъ къ себѣ, чтобы обдумать свое рѣшеніе; но долго колебался, призывая на совѣщаніе протоіереевъ, которыхъ считалъ пріятелями себѣ. Наконецъ написалъ просьбу объ отставкѣ, хотѣлъ уже отвезти ее къ Стевчѣ, но при сходѣ съ крыльца у него посыпались слезы градомъ; онъ вернулся въ свой кабинетъ, заперся тамъ и горько плакалъ. Многіе изъ священниковъ приходили къ нему, но онъ не принималъ ихъ. Въ минуты горести намѣревался идти въ скупщину и потомъ снова отказывался отъ такого намѣренія. Пополудни объявилъ приближеннымъ, что не подастъ просьбы объ отставкѣ, а на другой день раннимъ утромъ отвезъ ее къ намѣстнику. Стевча немедленно предписалъ попечителю народнаго просвѣщенія и церковныхъ дѣлъ принять просьбу митрополита, а отправленіе его должности поручилъ шабацкому епископу Михаилу, къ которому народъ питалъ любовь и коего духовенство почитало. Шабацкій епископъ былъ родомъ изъ алексинацкаго округа; ему еще не было и 33 лѣтъ (родился 19 августа 1826 года). Высшее образованіе онъ получилъ въ кіевской духовной академіи, гдѣ кончилъ курсъ со степенью магистра богословія, и принялъ монашескій чинъ въ Кіево-Печерской лаврѣ, въ тотъ же годъ, какъ митрополитъ Петръ; по возвращеніи на родину, онъ былъ нѣкоторое время професоромъ догматическаго богословія и гомилетики въ бѣлградской семинаріи, а 14-го октября 1854 года возведенъ въ епископа шабацкой епархіи.

Въ день св. Саввы службу въ митрополичьей церкви отправлялъ уже епископъ Михаилъ. Въ этотъ день соборная церковь сербской столицы получила драгоцѣнные подарки изъ Россіи отъ

нѣкоторыхъ почитателей Сербіи «на память о тѣхъ свѣтлыхъ и благородныхъ дѣлахъ, которыя сербскій народъ совершилъ въ послѣдніе дни». Между подарками были напрестольное евангаліе, крестъ, украшенный дорогими каменьями, пелена на престолъ и двѣ иконы, Спасителя и Матери Божіей, въ золотыхъ ризахъ. Иконы предназначены были для встрѣчи князя Милоша при первомъ вступленіи его въ бѣлградскую соборную церковь. Въ тотъ же день въ бѣлградскомъ лицеѣ происходило годичное торжество въ присутствіи депутаціи отъ народной скупщины, при чемъ Ефремъ Груичъ привѣтствовалъ лицей отъ имени князя и его намѣстника, а Милованъ Янковичъ отъ имени скупщины. Въ тотъ же день стало извѣстно въ Бѣлградѣ, что Милошъ получилъ телеграму отъ Фуадъ-паши съ новымъ приглашеніемъ ѣхать въ Константинополь, но опять отговорился своими преклонными лѣтами. Вечеромъ пришло извѣстіе изъ Смедерева о прибытіи туда князя Михаила, на встрѣчу коему выходила на австрійскій берегъ большая депутація. Михаилъ обнаружилъ при первомъ свиданіи съ сербами память о многихъ людяхъ, которыхъ не видалъ въ продолженіе шестнадцати лѣтъ и теперь снова встрѣтилъ. Изъ Смедерева молодой князь намѣревался отправиться къ отцу чрезъ Пожаревацъ, не въ далекѣ отъ коего, при впаденіи Моравы въ Дунай, ему готовилась великолѣпная встрѣча отъ всего окрестнаго населенія. Появленіе на сербской землѣ князя Михаила вызвало новое воодушевленіе во всей странѣ. Изъ Крагуевца послана была ему телеграма, въ которой говорилось: «Время и голосъ народа возвратили вашу свѣтлость въ отечество. Вмѣстѣ съ цѣлымъ народомъ радуется тому отъ всего сердца и община крагуевацкая и привѣтствуетъ ваше прибытіе на родину искреннимъ «милости просимъ», моля Бога продлить на многія лѣта жизнь наслѣдника сербскаго престола Михаила Обреновича, нашей надежды на блистательную будущность Сербіи».

День просвѣтителя сербскаго народа св. Саввы былъ ознаменованъ также подтвержденіемъ. со стороны княжескаго намѣстничества, основнаго закона о народной скупщинѣ согласно замѣчаніямъ, высказаннымъ въ послѣднихъ засѣданіяхъ святоандреевской скупщины. Этимъ закономъ отмѣнялся изданный за девять дней предъ тѣмъ временнымъ правительствомъ. Новый законъ ближе подходилъ къ проекту, представленному самою скупщиною, и отличался отъ закона, утвержденнаго 5-го января, главнымъ образомъ тѣмъ, что имѣлъ въ себѣ совершенно новую статью (по счету вторую), такъ что въ новомъ видѣ своемъ скуп-

щинскій законъ состоялъ уже изъ сорока одного параграфа. Во вновь присоединенной статьѣ говорилось: «для утвержденія сего учрежденія (то есть, скупщины), для охраненія и развитія его основаній, согласно съ духомъ времени и требованіями истинно-народныхъ и земскихъ выгодъ, установляется особенно, кромѣ другихъ средствъ, свободная печать, какъ первое и необходимѣйшее ручательство, каковое и обозначается здѣсь лишь въ самомъ принципѣ своемъ съ тѣмъ, чтобы получить свое ближайшее опредѣленіе въ особомъ законѣ». Съ другой стороны, въ новомъ законѣ опущены были излишнія подробности въ параграфѣ о выборѣ депутатовъ на скупщину. Само собой разумѣется, что этотъ законъ, утвержденный не самимъ княземъ, а только намѣстникомъ его, среди не установившихся обстоятельствъ, легко могъ быть подвергнутъ новому пересмотру на одной изъ послѣдующихъ скупщинъ, при чемъ участь его зависѣла бы отъ господства той или другой партіи. Людямъ, дорожившимъ этимъ закономъ, надо было позаботиться заранѣе объ удаленіи отъ дѣлъ лицъ, враждебныхъ установленію постоянныхъ народныхъ скупщинъ, и такая заботливость обнаружилась одновременно съ вѣстью о признаніи новаго закона.

Праздничные дни всегда были временемъ отдохновенія для членовъ скупщины отъ ихъ публичныхъ занятій, но вмѣстѣ съ тѣмъ давали поводъ и къ болѣе оживленнымъ частнымъ совѣщаніямъ, гдѣ могли присутствовать не одни только народные представители, но и вообще люди, сочувствовавшіе совершившемуся перевороту. Такъ было и въ день Св. Саввы. Собранія частныхъ кружковъ должны были получить важное значеніе послѣ того, какъ скупщина вступила на путь очищенія земли отъ вредныхъ людей. Вопросъ этотъ, касавшійся лицъ, сводилъ скупщину съ общихъ основаній и стремленій, соединявшихъ въ себѣ необходимыя условія для прочной связи между всѣми партіями, желавшими удаленія Карагеоргіевича и его ближайшихъ сотрудниковъ, на почву личной оцѣнки, частныхъ расчетовъ и общественныхъ отношеній. Поднятый скупщиной вопросъ живо касался интересовъ всѣхъ и каждаго. Всѣ сознавали, что никогда еще торжествовавшія партіи не нуждались такъ въ твердыхъ и опытныхъ руководителяхъ, которые могли бы управлять ихъ дѣйствіями; между тѣмъ тѣсный кружокъ соединенныхъ либераловъ и сознательныхъ обреновцевъ хотя и не распался, но не всѣ члены его были на лицо, будучи заняты другими, не менѣе важными дѣлами. Изъ нихъ Милованъ Янковичъ былъ ближе всѣхъ къ скуп-

щинѣ въ послѣдніе дни и получилъ сильное вліяніе на ея дѣйствія; но всякое единичное, отдѣльное вліяніе не можетъ имѣть ни такого значенія, ни такихъ достоинствъ, какими отличается вліяніе цѣлаго кружка людей, болѣе или менѣе близкихъ другъ къ другу по образу мыслей. Не удивительно послѣ этого, что еще вечеромъ 13-го января, наканунѣ праздника, сошлись къ общему совѣщанію люди, принадлежавшіе къ малому и широкому кружкамъ народно-либеральной партіи, и нѣкоторыя изъ лицъ наиболѣе сочувствовавшихъ имъ. Такое совѣщаніе было необходимо, ибо въ скупщинѣ съ каждымъ днемъ стали выступать впередъ простые обреновцы, беззавѣтные приверженцы возстановленной династіи, рѣдко руководившіеся общими принципами. Вождямъ народно-либеральной партіи приходилось подумать о томъ, какъ бы удержать скупщину въ ея порывистыхъ стремленіяхъ отъ крайностей тѣмъ болѣе, что совѣтъ и намѣстникъ уже исправили скупщинскій законъ согласно съ предложенными имъ замѣчаніями; приняли ихъ сполна, даже съ ограниченіемъ права попечителей участвовать въ засѣданіяхъ скупщины, хотя собственно малый кружокъ и не желалъ такого ограниченія. Ему хотѣлось только уменьшить вліяніе попечителей на государственныя дѣла, отнять политическую власть у карагеоргіевцевъ и каймакамовцевъ. Личной вражды къ нимъ либералы и сознательные обреновцы не имѣли. Одинъ только Стевча Михайловичъ, страдавшій при Карагеоргіевичѣ, могъ бы питать личную ненависть къ этимъ людямъ, но по своему благодушному характеру не думалъ о мести. Между тѣмъ простые обреновцы, всегда способные болѣе страдать и терпѣть, чѣмъ дѣйствовать, не могли забыть ни гоненій, претерпѣнныхъ ими отъ уставобранителей, ни отнятія послѣдними служебныхъ мѣстъ у нихъ. Многіе хотѣли до конца мстить за прошлое и считали совершенно естественнымъ, что они должны занять теперь должности, находившіяся до тѣхъ поръ въ рукахъ карагеоргіевцевъ и каймакамовцевъ. Нетерпѣніе ихъ въ этомъ отношеніи не знало границъ, и никто не былъ такъ недоволенъ прокламаціей намѣстника, обѣщавшей сохранить за всѣми чиновниками ихъ мѣста, какъ многочисленная партія простыхъ обреновцевъ. Къ этому присоединялось то раздраженіе, безъ котораго не могли вспомнить о событіяхъ 12-го декабря вожди городской стражи. Самые мирные изъ народныхъ представителей возмущались тѣмъ, что не смотря на видимую силу скупщины ея постановленіямъ пришлось выдержать столь-

ко препятствій отъ реакціи. Въ цѣломъ городѣ, въ публичныхъ собраніяхъ и частныхъ домахъ, только и было разговоровъ о настоящемъ положеніи дѣлъ, о поведеніи карагеоргіевцевъ и каймакамовцевъ. Если въ подобныя минуты у Милоша Обреновича, во время перваго правленія его, былъ передъ глазами примѣръ турецкихъ пашей, то теперь простые обреновцы хотѣли брать примѣръ съ уставобранителей и ихъ дѣйствій послѣ переворота 1842 года. Многіе хотѣли въ одну ночь очистить всю землю отъ людей, которыхъ они называли злодѣями и закоренѣлыми противниками возстановленной династіи. Личные счеты играли при этомъ не послѣднюю роль. Такъ Филиппъ Станковичъ, вождь временной стражи бѣлградской, былъ столь безуменъ, что хотѣлъ ночью схватить и убить одного изъ родственниковъ Гарашанина, который въ 1854 году, будучи предсѣдателемъ окружнаго суда въ Смедеревѣ, подвергъ его жестокому допросу. Послѣ совѣщанія съ своими друзьями, Груичъ объявилъ Станковичу, что если онъ не отстанетъ отъ своего намѣренія, то противъ него пошлютъ Ранка Алимпича и Іована Бели-Марковича, схватятъ его и предадутъ народному суду. Филиппъ Станковичъ испугался угрозы. На остальныхъ дѣйствовали болѣе кроткими мѣрами: однихъ убѣждали тѣмъ, что насиліемъ нельзя ничего достигнуть, и что месть не рѣдко приводитъ къ обратнымъ результатамъ; другимъ обѣщали повести на скупщинѣ рѣчь о совѣтникахъ и попечителяхъ въ болѣе удобное время. Но прежде, чѣмъ исполнить такое обѣщаніе, вожди народно-либеральной партіи рѣшились обратиться къ Милошу съ мемуаромъ, въ которомъ хотѣли изложить тогдашнее положеніе дѣлъ, сообщить этотъ мемуаръ въ копіи князю Михаилу и просить у него совѣта, какъ поступать.

Исходною мыслію мемуара было то положеніе, которое занимали тогда совѣтники. По своей долголѣтней привычкѣ они держались пассивной политики и могли остаться при ней даже по прибытіи Милоша въ Бѣлградъ. Они стали бы рѣшать всѣ дѣла при немъ, какъ рѣшали при Карагеоргіевичѣ, стали бы поступать какъ имъ укажутъ изъ дворца, даже въ ущербъ возстановленной династіи, ибо не имѣли сердечной привязанности къ ней, а потомъ при ухудшеніи дѣлъ могли всегда опереться на право Порты судить ихъ. Вожди народно-либеральной партіи понимали, что для преобразованія управленія въ Сербіи недостаточно было свергнуть Карагеоргіевича, но еще необходимо удалить нѣкото-

рыхъ совѣтниковъ и окружныхъ начальниковъ. Конечно, это могъ бы исполнить самъ князь, но надо было предварительно разъяснить ему то, что было не легко. Представлялся и другой способъ достигнуть той же цѣли: можно было такъ настроить скупщину, что не надежные чиновники сами подали бы просьбы объ отставкѣ; но при этомъ, съ одной стороны, возникалъ тяжелый для народной казны вопросъ о пенсіяхъ, ибо не всѣ служащіе были люди достаточные, отказать же въ пенсіяхъ значило дать имъ поводъ кричать, что ихъ обманули; а съ другой стороны, не всѣ бы догадались выйти въ отставку. Указывали на третій способъ: скупщина сама должна была рѣшить, кого слѣдуетъ удалить изъ службы, и такое рѣшеніе при тогдашнемъ положеніи дѣлъ было бы окончательнымъ, ибо его подтвердилъ бы и намѣстникъ; но чрезъ то онъ противорѣчилъ бы своей прокламаціи и его административное рѣшеніе затронуло бы уставъ, давъ поводъ нѣкоторымъ консуламъ къ протесту, что могло бы повести къ борьбѣ съ Портой. Нѣкоторые предлагали четвертый способъ: по ихъ мнѣнію, жители Бѣлграда могли вооружиться и потребовать отъ имени народа удаленія всѣхъ ненавистныхъ чиновниковъ, потомъ схватить ихъ, бросить въ оковы, окружить дворецъ, стѣснить дѣйствія намѣстника и принудить его склониться на народныя желанія; но этотъ способъ былъ революціонный, давалъ возможность врагамъ сербскаго княжества еще разъ назвать его населеніе народомъ, который не можетъ жить безъ бунтовъ, при томъ онъ былъ дурнымъ прецедентомъ,—и горожане, и скупщина могли привыкнуть къ столь опасному образу дѣйствій и пользоваться имъ при другихъ случаяхъ, что могло быть опасно и для династіи, и для ея приверженцевъ. Большинство совѣщавшихся предпочитало пятый способъ, состоявшій въ томъ, что за нѣсколько дней до прибытія князя въ Бѣлградъ скупщина должна издать актъ недовѣрія нѣкоторымъ совѣтникамъ, окружнымъ начальникамъ и чиновникамъ, какъ противникамъ установившагося порядка, назвавъ при этомъ каждаго по имени, объявить ихъ недостойными дальнѣйшей службы отечеству и сообщить свое рѣшеніе намѣстнику съ тѣмъ, чтобы онъ передалъ его князю, какъ необходимое слѣдствіе переворота и какъ народное постановленіе; но при этомъ совѣтъ уже не можетъ дѣйствовать со времени рѣшенія скупщины до прибытія князя, и намѣстникъ долженъ пріостановить его засѣданія, князь же, прибывъ въ Бѣлградъ, не долженъ принимать совѣтниковъ

къ себѣ, а по прочтеніи султанскаго берата издать прокламацію, въ которой было бы указано на обязанность князя поставлять совѣтниковъ, попечителей и другихъ чиновниковъ согласно съ закономъ, и наконецъ обнародовать самый указъ о новыхъ назначеніяхъ. Предлагали, что на первый разъ можно было назначить одиннадцать совѣтниковъ и оставить за ними право представить князю кандидатовъ на остальныя шесть мѣстъ, что будетъ ближе къ закону, князь же выберетъ изъ предложенныхъ кандидатовъ наиболѣе подходящихъ къ установившемуся порядку людей. Въ случаѣ протеста консуловъ, князь могъ относительно совѣтниковъ сослаться на рѣшеніе народной скупщины, которое принято до его прибытія и которымъ онъ, какъ возстановленный тою же скупщиной, не можетъ пренебрегать; объ остальныхъ чиновникахъ можно было отвѣтить, что князь долженъ поддерживать установившійся порядокъ и династію, а потому избираетъ и такія органы власти, какіе необходимы для того, ибо всякое новое правительство нуждается и въ новыхъ чиновникахъ. Нѣкоторые припоминали, что даже Кабули-эфенди въ одномъ изъ разговоровъ высказался именно въ этомъ смыслѣ, признавъ за княземъ право поставлять чиновниковъ. Всѣ эти мысли и предположенія, высказанныя въ частномъ совѣщаніи народно-либеральной партіи, вошли и въ мемуаръ, назначенный для обоихъ князей. Для представленія его Михаилу отправленъ былъ въ Смедерево въ ночь съ 13-го на 14-е января Ранко Алимпичъ. Позднимъ вечеромъ 14-го онъ возвратился и сообщилъ своимъ друзьямъ, что князь наслѣдникъ не только соизволяетъ, но желаетъ и совѣтуетъ, чтобъ скупщина очистила земское правительство отъ противниковъ династіи до прибытія Милоша въ Бѣлградъ.

Между тѣмъ начинало оправдываться и то предположеніе, что нѣкоторые чиновники сами попросятъ увольненія отъ службы. 15-го января предсѣдатель совѣта Ѳома Вучичъ прибылъ во дворецъ и пожелалъ видѣть намѣстника. Съ головы до ногъ онъ былъ въ изысканно-народномъ одѣяніи: на головѣ красный фесъ, сверху широкій красный плащъ, называемый джубе, и турецкія шаровары или чакшире, на ногахъ краснаго же цвѣта обувь, именуемая эменліе. Больные глаза Вучича прикрыты были зеленымъ козырькомъ. Войдя въ княжескую комнату, онъ глубоко поклонился находившемуся тамъ намѣстнику. Стевча принялъ его любезно, посадилъ на диванъ, а самъ сѣлъ на кресло. Вучичъ пріѣхалъ во дворецъ прямо изъ совѣта, гдѣ всѣ требовали, чтобы онъ

вышелъ въ отставку и тѣмъ умалилъ неудовольствіе Милоша и народа на совѣтъ. Посидѣвъ немного, Вучичъ вытащилъ изъ-за-пазухи просьбу объ отставкѣ и сказалъ: «Вотъ моя отставка; постарайтесь, чтобъ мнѣ была дана пенсія». Та же просьба повторена была и въ самой бумагѣ объ отставкѣ. Стевча сталъ успокоивать Вучича, и послѣдній уѣхалъ отъ него до нѣкоторой степени обнадеженный. Въ тотъ же день намѣстникомъ получена была телеграма отъ Милоша, которою онъ разрѣшалъ уволить митполита Петра; а секретарь народной скупщины Іованъ Иличъ извѣщалъ, что старый князь не хочетъ долѣе ждать въ Неготинѣ турецкаго чиновника съ бератомъ и выѣзжаетъ въ Алексинацъ. Скупщина приняла это извѣстіе съ удовольствіемъ. Но въ ней самой произошелъ небольшой разладъ по прочтеніи протокола прошлаго засѣданія, причемъ многіе изъ членовъ скупщины накинулись на Милована Янковича за рѣзкія выраженія, помѣщенныя въ протоколѣ. Начались споры, и Янковичъ остался при особомъ мнѣніи. На другой день нападенія на Янковича возобновились. Сима Протичъ, вернувшійся изъ Смедерева, сталъ подбивать, чтобы всѣ говорили противъ секретарства Янковича, на которое онъ будто бы самъ назвался. Милованъ Янковичъ разсердился и попросилъ увольненія отъ званія секретаря. Приступили къ выбору преемника ему. Большинство подавало свои голоса за Стаменковича, но нѣкоторые остались нри Янковичѣ, хотя онъ и просилъ не дѣлать того. Стаменковичъ однакожь отказался. Тогда съ разныхъ концовъ залы стали кричать: «Пусть останется Милованъ Янковичъ!» Противная партія поспѣшила выставить главную причину своего неудовольствія противъ Янковича. Чиновные члены скупщины и нѣкоторые изъ протоіереевъ стали упрекать его, что онъ поссорилъ скупщину и народъ съ Ильей Гарашаниномъ. Тогда Милованъ Янковичъ пожелалъ уже сложить съ себя и самое званіе депутата. По этому поводу, по окончаніи скупщинскаго засѣданія, происходило частное совѣщаніе малаго кружка. Янковичъ и здѣсь выражалъ желаніе отказаться отъ депутатскаго званія, сообщить о томъ избравшей его бѣлградской общинѣ, которая должна рѣшить вопросъ, оставаться ли ея представителю въ скупщинѣ или нѣтъ. Остальные члены малаго кружка уговорились постараться, чтобы сама скупщина оставила его въ своей средѣ. Съ этою цѣлію приглашены были на слѣдующее утро въ одну изъ дворцовыхъ комнатъ къ совѣщанію всѣ члены скупщины, открыто принадлежавшіе къ народно-либеральной

партіи. Депутатовъ на это совѣщаніе явилось такъ много, что негдѣ было стоять. Груичъ произнесъ къ нимъ рѣчь, въ которой развивалъ мысль, что люди одарены различными характерами и не всѣ могутъ мыслить одинаково, при чемъ иные уклоняются въ крайности, что однакожь не мѣшаетъ имъ быть дѣльными. Послѣ долгихъ переговоровъ, постановили стоять согласно за оставленіе Янковича въ секретарскомъ званіи. На скупщинскомъ засѣданіи того же дня принято было это самое рѣшеніе, и весь споръ о Янковичѣ былъ пройденъ молчаніемъ при печатаніи протоколовъ скупщины (№ 308).

Здѣсь мы должны остановиться и объяснить взаимныя отношенія людей, руководившихъ до сихъ поръ скупщиной. Безспорно, что въ продолженіи всѣхъ засѣданій ея главное вліяніе на дѣла принадлежало Груичу, Иличу и Янковичу, бывшимъ попеременно секретарями скупщины. Но и между ними нельзя не замѣтить нѣкоторой разницы какъ въ убѣжденіяхъ, такъ и дѣйствіяхъ. Всѣ они, подобно другу своему Стаменковичу, неудовлетворялись только призваніемъ Обреновичей, но имъ нужно было еще введеніе либеральныхъ реформъ въ Сербіи. Всѣ они выдержали сильное нападеніе со стороны противниковъ и встрѣтили ихъ рѣшительнымъ отпоромъ: Груичъ и Иличъ во время жалобъ Миши Анастасьевича на секретарей, на ихъ приготовительныя совѣщанія съ своимъ кружкомъ, и въ день военнаго нападенія на скупщину; Милованъ Янковичъ, оставшись одинъ секретаремъ и опираясь еще на званіе депутата, боролся за скупщинскій законъ, за объявленіе большинства чиновниковъ, служившихъ прежнему правительству, не заслуживающими народнаго довѣрія, и наконецъ за реформу общиннаго управленія. Но они различались между собой по самому характеру своей дѣятельности и по примѣненію своихъ взглядовъ къ существующему порядку вещей. Иличъ въ этомъ отношеніи былъ только умѣреннымъ либераломъ и чтителемъ Обреновичей; Груичъ, оставаясь при строго либеральномъ образѣ мыслей, понималъ однакожь, что въ Сербіи еще не было почвы для утвержденія полной свободы; Янковичъ, не скрывавшій отъ себя затрудненій на этомъ пути, былъ вполнѣ убѣжденъ, что надо пользоваться рѣшительнѣе представившимися ихъ партіи благопріятными обстоятельствами и старался возможно болѣе посѣять основаній для свободнаго правленія, и особенно ввести административную децентрализацію. Онъ думалъ, что если при буду-

щихъ правителяхъ и пропадетъ часть установленій, провозглашенныхъ скупщиной, то послѣдняя должна создать ихъ возможно болѣе, чтобы было чему оставаться. Янковичъ былъ даже противъ призванія Милоша, считая его совершенно неспособнымъ ужиться съ либеральными учрежденіями и допуская въ этомъ отношеніи бо́льшую способность въ Михаилѣ. Но обстоятельства сложились такъ, что нельзя было идти противъ общаго желанія начать возстановленіе династіи Обреновичей съ ея родоначальника. Въ этомъ вопросѣ Янковичъ уступилъ настояніямъ Илича. Въ вопросѣ о скупщинскомъ законѣ Янковичъ былъ менѣе уступчивъ, чѣмъ Груичъ, и оставшись одинъ, въ качествѣ секретаря скупщины, упорно проводилъ свои взгляды, имѣвшіе всѣ свойства радикализма. А между тѣмъ тотъ же Янковичъ писалъ всѣ адресы и поздравительныя телеграмы, отправленныя скупщиной къ обоимъ князьямъ, весьма лестныя для нихъ. Когда друзья, изумленные такимъ противорѣчіемъ въ дѣйствіяхъ Янковича, спрашивали его, зачѣмъ онъ составлялъ, въ противность своимъ убѣжденіямъ, столь ласкательные адресы князьямъ,—онъ обыкновенно отвѣчалъ: «Вы недостаточно оцѣнили истинное положеніе дѣлъ въ настоящее время и наши отношенія къ нему; здѣсь были приготовлены только двѣ трапезы, каймакамская и династическая: при первой—всѣ мѣста принадлежатъ чиновникамъ, при второй народу. Для насъ, либераловъ, не оставалось другого выбора, какъ сѣсть за которую нибудь изъ этихъ одинаково чужихъ намъ трапезъ, или остаться въ сторонѣ и смотрѣть, какъ обѣими завладѣютъ каймакамовцы и уготовятъ пиръ по своему вкусу. Лучше же было сѣсть за общую съ народомъ трапезу, уставленную династическими яствами, и прибавить къ нимъ кое-что изъ нашего варева. Народъ, имѣя еще слабый апетитъ къ нашимъ кушаньямъ, насытившись династическихъ яствъ, быть можетъ, попроситъ чего нибудь и изъ нашей пищи, съ которою онъ до сихъ поръ былъ столь мало знакомъ. Народъ возлагаетъ такія надежды на династію и ждетъ отъ нея столько добра, что забылъ о самомъ себѣ, и нельзя его исторгнуть изъ такого состоянія; напротивъ, онъ сочтетъ своимъ кровнымъ врагомъ каждаго, кто попытается разбить его обманчивыя сновидѣнія. Вотъ почему я составлялъ такіе адресы, которые не были моими, но шли отъ имени народа; ибо я извлекъ ихъ изъ народнаго сердца, вполнѣ его зная и надѣясь, что въ послѣдствіи народъ самъ увидитъ, сколько напраснаго

въ его надеждахъ». Янковичъ былъ совершенно правъ: ибо многіе, понимавшіе людей лучше, чѣмъ народъ, однакожь выставляли Милоша такимъ, какимъ желали его видѣть на самомъ дѣлѣ; равнымъ образомъ и сами либералы взирали на народъ съ большимъ увлеченіемъ и осыпали его бóльшими похвалами, чѣмъ было повода къ тому. Такимъ увлеченіемъ, конечно, объясняется очень многое и въ дѣятельности самой народно-либеральной партіи во время святоандреевской скупщины.

Кромѣ разрѣшенія спора о Янковичѣ, засѣданіе 17-го января было любопытно по нѣкоторымъ сообщеніямъ и постановленіямъ. Намѣстникъ сообщилъ, что наконецъ отправлены по назначенію адресы скупщины къ Портѣ и покровительствующимъ державамъ. Депутатъ отъ города Валѣва, Коста Стойшичъ, представилъ скупщинѣ въ убѣдительной рѣчи, что § 17 стараго земскаго устава, дарованнаго Сербіи Портою и Россіей, освободившій совѣтниковъ отъ подсудности князю и подчинившій ихъ Портѣ, всегда былъ источникомъ величайшихъ интригъ, которыя видимо ослабляли и дѣлали несчастною сербскую землю въ продолженіи стольких лѣтъ, а потому предложилъ принять надлежащія мѣры для отмѣны параграфа, которымъ очевидно нарушается внутренняя независимость и самостоятельность Сербіи. Предложеніе Стойшича встрѣчено было единодушнымъ одобреніемъ со стороны скупщины, которая и рѣшила принять надлежащія мѣры. Депутатъ лепеницкаго среза крагуевацкаго округа, Радованъ Степановичъ, указалъ на необходимость составленія подробныхъ правилъ о свободѣ печати, что и было принято къ исполненію. Говорено было также о средствахъ къ прекращенію чужестранныхъ вліяній на сербскія дѣла. Заслушана была просьба гургусовацкой общины, переданная скупщинѣ совѣтомъ, объ уничтоженіи пресловутой башни, находившейся въ Гургусовцѣ и служившей не только во время турецкаго владычества, но и при Карагеоргіевичѣ мѣстомъ заключенія и тяжкихъ страданій для многихъ сербовъ. По этому поводу скупщина единогласно приняла слѣдующее письмо на имя совѣта: «Изъ жалобы гургусовацкой общины, которая представлена была нашему правительству еще 15-го іюня прошлаго года, о томъ, чтобы страшная гургосовацкая башня была разрушена, народная скупщина усмотрѣла, какою нечеловѣчностью, какими мученіями и бѣдствіями надоѣло это зданіе помянутой общинѣ во время грозныхъ событій, когда въ ней заключены были несчастные

сербскіе заточники 1844 и 1858 годовъ. На основаніи сей просьбы и чтобы народъ нашъ не пугался и не гнушался болѣе не только сей ужасной башни, но и содѣланныхъ въ ней безчеловѣчныхъ казней, скупщина предлагаетъ, чтобы немедленно была разрушена гургусовацкая башня, а наказаніе посредствомъ заточенія замѣнено какимъ либо другимъ болѣе человѣчнымъ». Къ величайшему удовольствію скупщины, въ тотъ же день получена была телеграма изъ Гургусовца такого содержанія: «Князь Милошъ прибылъ сюда. Городъ получилъ названіе Княжевацъ. Гургусовацкая башня стоитъ вся въ пламени». Уже въ слѣдующемъ засѣданіи скупщина выразила полное удовольствіе распоряженіемъ Милоша, совпавшимъ по времени съ ея постановленіемъ; оно вызвало общее сочувствіе и въ цѣломъ народѣ. Въ тотъ же день Милошъ отправилъ письмо къ своему намѣстнику, въ которомъ между прочимъ было сказано: «Мое намѣреніе, чтобы совѣтъ превратился въ верховную судебную власть, ибо, по моему мнѣнію, не могутъ быть двѣ одинакія власти въ одномъ государствѣ, т. е., два законодательныя тѣла, каковы совѣтъ и народная скупщина, имѣющая ту же самую задачу, какую имѣлъ до сихъ поръ совѣтъ».

Въ воскресенье 18-го января, по обычаю, собрались на частное совѣщаніе нѣкоторые изъ членовъ тѣснаго кружка народно-либеральной партіи, всѣ члены широкаго кружка и лица, примыкавшія къ нимъ. Они должны были уговориться о средствахъ къ удаленію изъ службы совѣтниковъ и попечителей. Стаменковичъ, Янковичъ и Алимпичъ держались мнѣнія, сообщеннаго имъ Стевчею и Груичемъ и состоявшаго въ томъ, чтобы скупщина въ своемъ опредѣленіи объ удаленіи совѣтниковъ и попечителей поименовала только нѣкоторыхъ изъ нихъ, а объ остальныхъ упомянула вообще. Вождямъ народно-либеральной партіи хотѣлось, чтобы скупщина, произнося осужденіе надъ вождями старой уставобранительской партіи, исключила изъ ихъ числа людей, извѣстныхъ своею позднѣйшей оппозиціей Карагеоргіевичу, какъ на примѣръ, Гарашанина и Баталаку (Лазаря Арсеньевича), или вовсе не учавствовавшихъ въ прежнихъ переворотахъ и прослывшихъ учеными за свои свѣдѣнія, каковы Дмитрій Црнобарацъ и Филиппъ Христичъ. Но предводители горожанъ и люди, пострадавшіе за Обреновичей, не хотѣли знать о дѣленіи уставобранительской партіи на лицъ, стоявшихъ за Карагеоргіевича, и лицъ, дѣйствовавшихъ противъ него. На

совѣщаніи не оказалось возможности установить согласіе между различными мнѣніями. Кто хотѣлъ было удалить одного изъ совѣтниковъ, но за него заступался другой и предлагалъ къ изгнанію иное лицо, которое защищалъ третій, и такъ далѣе. Филиппъ Станковичъ выгораживалъ совѣтника Илью Новаковича, но другіе порицали его. На Баталаку особенно нападалъ Димитріевичъ за мученія, произведенныя имъ во время слѣдственной коммисіи надъ участниками въ Стояновомъ мятежѣ 1844 года. Долго спорили. Наконецъ Филиппъ Станковичъ предложилъ, чтобы въ постановленіи скупщины упомянуты были всѣ совѣтники и попечители. Многіе пристали на то, но Станковичъ не согласился и оставилъ собраніе, чтобы дѣйствовать прямо на депутатовъ, не учавствовавшихъ въ немъ. Его примѣру послѣдовали нѣкоторые изъ вождей народно-либеральной партіи.

19-го января, почти въ началѣ скупщинскаго засѣданія, Миша Анастасьевичъ объявилъ, что многіе изъ депутатовъ выразили желаніе говорить въ тотъ день предъ скупщиной, и пригласилъ начать рѣчь свою Исаила Кузмановича изъ Бѣлаго Поля валѣвскаго округа. По причинѣ слабости, депутатъ этотъ представилъ письменно свое предложеніе и просилъ скупщину дозволить прочтеніе его, на что всѣ согласились. Воздавъ сперва благодареніе «милостивому Богу, собравшему такъ счастливо сербскій народъ на скупщину, гдѣ каждый можетъ ясно и свободно излагать свои и народныя желанія и жалобы», Кузмановичъ сталъ доказывать, что люди, бывшіе съ 1839 года вождями противниковъ династіи Обреновичей, должны быть сочтены въ то же время и врагами всего сербскаго народа. Далѣе онъ представилъ, что такіе люди «никогда не имѣли, не имѣютъ теперь и никогда не могутъ имѣть народнаго довѣрія къ себѣ». А такъ какъ по уставу лишь тотъ можетъ быть въ сербской государственной службѣ, къ кому народъ имѣетъ полное довѣріе, то Кузмановичъ предложилъ: «тѣмъ сановникамъ и чиновникамъ, которые были невѣрны народу, отнынѣ ни подъ какимъ видомъ не могутъ быть предоставлены служебныя обязанности въ смыслѣ представительства и защиты народныхъ интересовъ». Но такъ какъ онъ не знаетъ лично всѣхъ народныхъ измѣнниковъ, то упоминаетъ лишь «Вучича, какъ главнаго вождя ихъ», далѣе всю фамилію Ненадовичей, затѣмъ членовъ совѣта: Алексу Янковича, Стефана Марковича, Еремію Станоевича и Ефрема Гавриловича, а другихъ знаютъ остальные депутаты и могутъ указать народу.

Выслушавъ предложеніе Кузмановича, депутаты, заявившіе намѣреніе говорить предъ скупщиною, сказали въ одинъ голосъ, что и они думали выступить съ подобнымъ же предложеніемъ. Вучко Томичъ изъ Градища пожаревацкаго округа, а за нимъ Вуйо Васичъ изъ рудницкаго округа пересчитали многіе незаконности и измѣны, коими члены совѣта и попечители, начиная съ 1839 года до послѣдняго времени, при разныхъ случаяхъ, а особенно въ 1839, 1842, 1844 и 1858 годахъ, безчестили гражданскую свободу въ Сербіи, оскверняли внутреннюю независимость и государственную самостоятельность ея, навлекали и поддерживали самыя опасныя чужія вліянія въ своей землѣ,—однимъ словомъ, попускали другимъ и сами повреждали наисвященнѣйшія права и губили наиважнѣйшіе интересы народа и страны, и все это подъ предлогомъ «политической цѣлесообразности и необходимости государственнаго спасенія, общаго порядка и безопасности, охраненія и защиты устава» и т. п. Изобразивъ рѣзкими красками злодѣянія и преступленія, которыми члены совѣта и попечители отъ 1839 года, вопреки своей присягѣ и въ противность уставу, затирали народъ, нарушали его права и навлекали на него бѣдствія, и особенно указавъ на то, какъ эти люди съ 1839 года навязывали народу правительство, не вызванное его волею и желаніями, безпрестанно избѣгали народной скупщины и старались уничтожить ее навсегда, помянутые ораторы предложили: «чтобы отнынѣ никоимъ образомъ не довѣрялось управленіе и рѣшеніе народной судьбы такимъ людямъ, къ которымъ народъ не имѣетъ никакого довѣрія, а таковыми людьми суть всѣ нынѣшніе члены совѣта и попечители». Никола Маринковичъ, депутатъ изъ ужицкаго округа, прибавилъ: «А какъ могутъ господари имѣть довѣріе къ тѣмъ овчарамъ, которые не только не охраняютъ ввѣренное имъ стадо, но еще и сами губятъ его? Не очевидная ли опасность грозитъ народу, если онъ и далѣе будетъ терпѣть такихъ пастуховъ?» Оставалось еще много другихъ депутатовъ, заявившихъ намѣреніе говорить въ томъ же смыслѣ: но скупщина заключила единогласно не вносить болѣе въ протоколъ отдѣльныхъ предложеній по этому предмету, которыя вполнѣ раздѣляетъ вся скупщина, а съ нею и весь сербскій народъ, но обозначить ихъ въ протоколѣ, какъ единодушныя предложенія цѣлой скупщины.

Затѣмъ составлено было письмо на имя княжескаго намѣстника такого содержанія: «Народная скупщина, которая позвана Бо-

гомъ и народомъ вѣрно представлять народныя права и интересы, основать и обезпечить народное счастіе, давно уже чувствовала живое побужденіе исполнить свой священнѣйшій долгъ и оградить на будущее время населеніе страны отъ бѣдъ удаленіемъ всѣхъ чиновниковъ, которые донынѣ не только препятствовали народному счастію и развитію, но своими противоуставными, беззаконными и измѣнническими поступками съ 1839 года ясно доказали, что народъ не можетъ болѣе имѣть къ нимъ довѣрія. На этихъ основаніяхъ народная скупщина рѣшаетъ отъ имени всего сербскаго народа и провозглашаетъ: что всѣ нынѣшніе совѣтники и попечители, дѣйствуя въ противность народнымъ интересамъ, которые однакожь должны были вѣрно представлять и защищать, потеряли народное довѣріе; а посему перестаютъ отнынѣ участвовать въ совѣщаніяхъ и рѣшеніяхъ о судьбѣ сербскаго народа, коему они были невѣрны. Касательно остальныхъ чиновниковъ и служителей, отъ высшаго до низшаго, народная скупщина рѣшаетъ именемъ народа и провозглашаетъ: что лишь тѣ изъ нихъ удерживаются въ службѣ, которыми ни народъ, ни князь не имѣютъ причины гнушаться или не довѣрять имъ; народная скупщина только замѣчаетъ, что есть много чиновниковъ и служителей, которые суть истинные злодѣи относительно народа, а потому и должны быть немедленно удалены изъ народной службы. Таковое рѣшеніе свое народная скупщина сообщаетъ г. княжескому намѣстнику съ тѣмъ, что народъ будетъ считать измѣною, если, при вступленіи князя Милоша во владѣніе, будетъ поступлено вопреки сему рѣшенію; и потому на первой же слѣдующей скупщинѣ попечители будутъ потребованы къ отвѣтственности, если сіе народное заключеніе будетъ нарушено подъ какимъ либо видомъ: ибо необходимо разъ навсегда установить, что не народъ существуетъ для чиновниковъ и служащихъ людей, а они для народа, и что никто не можетъ принуждать народъ терпѣть такихъ слугъ, которые измѣняютъ ему. Вмѣстѣ съ тѣмъ народная скупщина проситъ г. намѣстника принять необходимыя мѣры, дабы имѣющіе быть удаленными изъ службы были поставлены въ невозможность обезпокоивать народъ своими сплетнями».

Вѣсть о такомъ постановленіи скупщины разнеслась быстро по городу и вызвала горячія одобренія со стороны простыхъ обреновцевъ, заставивъ призадуматься карагеоргіевцевъ и каймакамовцевъ. Одинъ Гарашанинъ не обращалъ на то ни малѣйшаго вниманія. Совѣтники кинулись съ жалобами къ представителямъ

Порты и къ иностраннымъ консуламъ. Намѣстникъ князя поставленъ былъ въ затруднительное положеніе и отправилъ секретаря своего, Ефрема Груича, для объясненій къ чужеземнымъ агентамъ. Онъ сперва явился въ крѣпость по зову Кабули-ефенди, отъ него направился къ русскому консулу полковнику Милошевичу, а оттуда къ консулу Франціи Дезессару; вечеромъ опять былъ у Кабули-ефенди, а послѣ него посѣтилъ англійскаго, прусскаго и австрійскаго консуловъ. Рѣшительно всѣ дипломатическіе агенты порицали поступокъ скупщины, но Кабули-ефенди выражался осторожнѣе другихъ. Всѣ консулы, подъ вліяніемъ чиновничьихъ жалобъ, собирались послать своимъ правительствамъ телеграмы о наступленіи въ Сербіи анархіи. Груичъ представлялъ имъ дѣло съ другой стороны: говорилъ, что скупщина, опасаясь чиновниковъ, дѣйствовавшихъ при старой династіи, изъявила имъ лишь свое недовѣріе, и только князь, прибывъ въ Бѣлградъ, воспользуется своимъ правомъ поставлять чиновниковъ. Всѣ консулы помнили еще законъ Етемъ-паши, возстановившій миръ между Карагеоргіевичемъ и его совѣтниками въ предшествовавшемъ году и давшій совѣту почти неограниченныя права; они хотѣли, чтобы этотъ законъ дѣйствовалъ и теперь. Но Груичъ защищалъ право князя, возстановленнаго въ своей власти, назначать себѣ совѣтниковъ. Консулы уступили предъ этимъ возраженіемъ, и только нѣкоторые изъ нихъ требовали, чтобы увольняемымъ изъ службы дана была пенсія. Послѣ объясненій съ секретаремъ намѣстника, консулы телеграфировали своимъ правительствамъ, что скупщина издала актъ недовѣрія совѣту и попечителямъ.

Стевча Михайловичъ былъ крайне недоволенъ рѣшеніемъ скупщины—объявить всѣхъ совѣтниковъ и попечителей безъ исключенія не заслуживающими довѣрія, и явно высказывалъ свое неудовольствіе. Милошъ въ это время былъ уже въ Алексинцѣ, куда прибылъ и князь Михаилъ. Милованъ Янковичъ телеграфировалъ Іовану Иличу для передачи князю, что намѣстникъ задерживаетъ рѣшенія скупщины и тѣмъ мѣшаетъ ея дальнѣйшей дѣятельности; 20-го января получена была отвѣтная депеша отъ Іована Илича, посланная по приказанію Милоша: «Повелѣніе свѣтлѣйшаго князя таково: совѣтники Алексѣй Янковичъ и Стефанъ Марковичъ, если еще не удалены до сихъ поръ, пусть немедленно удалятся изъ службы. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ князь строго приказываетъ вамъ не уничтожать того,

что опредѣляетъ скупщина. А если кто пожелаетъ слѣдственной коммисіи, то широкій ему путь въ томъ; если же кто дѣйствуетъ въ скупщинѣ не согласно съ народными желаніями, того скупщина можетъ свободно изгнать изъ среды своей». Вскорѣ получена была повторительная телеграма въ томъ же смыслѣ, въ которой сказано было и о Вучичѣ, чтобъ его уволили, а о пенсіи будетъ послѣ рѣчь; затѣмъ пришла другая телеграма уже изъ Паратина: «Сегодня прибылъ Мустафа-бей съ бератомъ, человѣкъ полный учтивости и любезности. Мы оба (т. е. Милошъ и Михаилъ) здоровы, слава Богу, и завтра утромъ вмѣстѣ ѣдемъ въ Свилайнацъ, гдѣ отдохну одинъ день. Сообщите объ этомъ Османъ-пашѣ и Кабули-ефенди. Здѣсь получаются частныя депеши о дѣйствіяхъ народной скупщины, а я не имѣю отъ васъ никакихъ извѣстій, почему и поручаю вамъ извѣщать меня обо всемъ». Огорченный Стевча отвѣчалъ, чтобы «князь вооружился терпѣніемъ и, находясь въ пути, не вѣрилъ кой-какимъ донесеніямъ и наговорамъ; а прибывъ на мѣсто, самъ все увидитъ». Въ тотъ же день намѣстникъ извѣстилъ князя письмомъ объ отношеніяхъ иностранныхъ консуловъ къ опредѣленію скупщины, о совѣтникахъ и попечителяхъ; 21-го января Милошъ уже отвѣчалъ письмомъ же изъ Метедій, въ которомъ было сказано: «Любезный Стевча! изъ письма вашего отъ 20-го января сего года усмотрѣлъ я заключеніе скупщины и намѣренія консуловъ. Пусть скупщина продолжаетъ отправлять свои дѣла, а вамъ поручаю отправиться какъ къ консуламъ, такъ къ Османъ-пашѣ и Кабули-ефенди и упросить ихъ отъ моего имени, чтобы не перехитрили и не отправили какихъ либо непріятныхъ донесеній своимъ правительствамъ. Скажите имъ, что это взволнуетъ народъ, и что все можетъ улечься, когда я явлюсь въ Бѣлградъ. Благосклонный вамъ Милошъ, владѣтельный князь Сербіи». Но о мемуарѣ, который былъ представленъ вождями народно-либеральной партіи, Милошъ выразился, что ему некогда читать такихъ большихъ писемъ, и что, прибывъ въ Бѣлградъ, онъ все сдѣлаетъ, какъ слѣдуетъ.

Между тѣмъ скупщина спѣшила довершить свои распоряженія о чиновникахъ. Въ засѣданіяхъ 20-го и 21-го января она коснулась вопроса объ отношеніяхъ сельскихъ кметовъ къ общинамъ. Депутатъ лепеницкаго среза крагуевацкаго округа, Радованъ Степановичъ, самъ бывшій въ то время кметомъ, заявилъ что многія изъ сельскихъ общинъ недовольны своими кметами

за нерадѣніе о ихъ интересахъ, и предложилъ. чтобы всѣ нынѣшніе кметы разрѣшены были отъ своихъ обязанностей, а общинамъ предоставлено право приступить къ новымъ выборамъ, при чемъ конечно могутъ быть избраны и тѣ изъ прежнихъ кметовъ, къ которымъ народъ имѣетъ довѣріе. Милованъ Янковичъ, указавъ на значеніе сельскихъ кметовъ, какъ руководителей и представителей общинскихъ интересовъ, предложилъ, чтобы впредь они были избираемы на ограниченные сроки, отъ одного до трехъ лѣтъ. Кромѣ того онъ заявилъ, что при послѣднемъ правительствѣ управленіе дѣлами сельскихъ общинъ мало по малу было сосредоточено въ рукахъ немногихъ фамилій, подобно тому, какъ государственное управленіе очутилось въ рукахъ нѣсколькихъ сановниковъ; что для прекращенія такого опаснаго положенія дѣлъ необходимо расширить общинное устройство и возстановить обычай, по которому сельчане для обсужденія своихъ дѣлъ должны собираться въ общинскія скупщины точно такъ же, какъ узаконена теперь народная скупщина для общенародныхъ дѣлъ. Миша Анастасьевичъ, указывая на важность вопроса, просилъ, чтобы каждый членъ скупщины обсудилъ его обстоятельнѣе, и потомъ уже далъ свое заключеніе. Послѣ пересмотра сего вопроса особою коммисіей, скупщина постановила, чтобы сельскія общины каждый годъ, во время провѣрки кассы, избирали кметовъ безъ всякаго вмѣшательства со стороны властей, такимъ же точно образомъ, какъ избираются депутаты для народной скупщины; но недостойные кметы могутъ быть свергнуты большинствомъ голосовъ и до истеченія года; вообще же общинскими дѣлами отнынѣ должны управлять общинскія скупщины по примѣру народныхъ скупщинъ, защищающихъ общенародные интересы. Такое постановленіе скупщины было вызвано тѣми искаженіями, которыя вкрались въ общинное управленіе при Карагеоргіевичѣ и уставобранителяхъ. Если окружные и срезскіе начальники, находясь въ полномъ подчиненіи у попечителя внутреннихъ дѣлъ, были въ областномъ управленіи проводниками замысловъ и намѣреній уставобранительской партіи; то сельскіе кметы, назначаемые по усмотрѣнію мѣстныхъ властей, сдѣлались мало по малу чиновниками, зависѣвшими отъ той же партіи, что противорѣчило ихъ первоначальному, чисто народному значенію.

Доказательства были на лицо. Въ тѣ самые дни, когда обсуждался вопросъ о кметахъ, въ Бѣлградѣ получено было извѣстіе,

что старѣйшина посавскаго среза, въ шабацкомъ округѣ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми кметами, запрещали народу праздновать возвращеніе Обреновичей въ Сербію. Своимъ постановленіемъ объ управленіи дѣлами сельскихъ общинъ святоандреевская скупщина завершала вполнѣ послѣдовательно рѣшенія, направленныя противъ чиновниковъ старой партіи, управлявшей страною безотчетно въ продолженіи пятнадцати лѣтъ.

Между тѣмъ народное движеніе, шедшее на встрѣчу Обреновичамъ, не знало предѣловъ. Изъ ближайшихъ округовъ являлись къ нимъ многочисленныя депутаціи, къ коимъ присоединялись изъ окрестныхъ мѣстностей цѣлыя толпы народа, коннаго и пѣшаго. Въ Тюпріи собралось болѣе четырехъ тысячъ народа и тутъ же представились Милошу войска, вызванныя имъ изъ Крагуевца. Онъ встрѣтилъ ихъ словами: «Вы меня назвали отцомъ; я—отецъ вашъ, а вы мои сыновья; не могу васъ всѣхъ обнять и прижать къ сердцу, но цѣлую вмѣсто васъ знамя ваше». Когда князь исполнилъ это, войска прокричали привѣтствіе ему и князю-наслѣднику. Изъ рудницкаго округа явилась въ Свилайнацъ народная депутація, носившая съ собою знамена воеводъ Милича Дрличича и Лазаря Мутапа, участвовавшихъ въ прежней борьбѣ противъ турокъ за освобожденіе Сербіи. На пути вдоль Моравы не было ни одного селенія, гдѣ бы не встрѣтили князей многочисленныя толпы собравшагося изъ ближайшихъ округовъ народа. При одной изъ такихъ встрѣчъ секретарь окружнаго рудницкаго суда Живко Недичъ привѣтствовалъ Милоша хвалебною рѣчью отъ имени народа: «Стань, господарь! пусть сербская земля еще разъ почувствуетъ, что на нее сталъ ходжа Милошъ! Стань, да успокоится кипящее отъ радости чувство вѣрнаго тебѣ народа сербскаго, да отдохнетъ его сердце, исполненное нетерпѣніемъ, и да насладятся очи, направленныя на тебя съ любовію! Двадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ тебя не видала сербская земля, тобою освобожденная, и шестнадцать лѣтъ исполнилось, какъ сербскій народъ вздыхаетъ по тебѣ, желая успѣховъ, силы и славы! Безъ воли народа оставилъ ты власть и силу; но по собственному ли побужденію, или по проискамъ властолюбивыхъ вельможъ сербскихъ,—спрашивай о томъ самого себя, ибо народъ и нынѣ ничего не знаетъ о томъ. Какъ бы то ни было, крѣпкая воля сербскаго народа, освобожденная отъ угнетеній падшей власти, обнаружилась во всей природной силѣ своей и громко провозгласила: Милоша! Милоша!—и ты, уважая потребности униженной земли и слѣдуя

желаніямъ народа, какъ господарь, горделиво вступаешь въ сербскую землю, а съ тобою настають счастіе, сила и слава народа. Твое прежнее правленіе и твои славныя дѣла, которыя исторія предастъ потомству и позднѣйшимъ вѣкамъ, даютъ намъ полную увѣренность, что ты рожденъ для великихъ цѣлей. Послѣ погашенной властолюбивыми вельможами славы сербской, только въ тебѣ проявился могучій духъ, способный освободить сербскій народъ и дать ему политическую жизнь. Но когда ты все устроилъ, тогда суждено знать было, чтобы народъ сербскій провелъ безъ тебя шестнадцать лѣтъ въ униженіи и дремотѣ, дабы потомъ достойнѣе оцѣнить дѣла твои, согласно сербской пословицѣ: имѣли—не знали, потеряли—узнали. Съ надеждой обращаютъ свои очи къ тебѣ вѣрные сербы твои, которые столько терпѣли отъ своихъ недруговъ, отъ Балканскихъ горъ до Адріатическаго моря; а нынѣ въ сербской землѣ, благодаря тебѣ, преисполнены долины и вершины пѣсней и радостныхъ кликовъ. Народъ стремится на встрѣчу къ тебѣ съ привѣтствіемъ: «Съ счастливымъ прибытіемъ, господарь! гордость и защита наша!» Сербскія знамена, свидѣтели твоихъ богатырскихъ дѣлъ, видятъ тебя подъ своею сѣнью и преклоняются предъ тобою, какъ юнакомъ и основателемъ счастія и славы сербовъ. Повсюду слышатся клики: «Да здравствуетъ нашъ отецъ и господарь Милошъ! да здравствуетъ его наслѣдникъ, князь Михаилъ! Ура!» Особенно трогательны были встрѣчи стараго князя съ его прежними сотрудниками, удалившимися уже отъ дѣлъ,—съ людьми, которые знали его въ лучшіе годы и на верху славы. Тутъ главную роль играли личныя воспоминанія о протекшихъ временахъ. Въ Пожаревцѣ, куда князья прибыли 23-го января, Милоша встрѣтили болѣе шестисотъ старыхъ людей, служившихъ при немъ въ народной рати. Предъ домомъ, гдѣ онъ долженъ былъ остановиться, тридцать дѣвицъ осыпали его цвѣтами и вѣнками. Дальнѣйшее путешествіе до впаденія Моравы въ Дунай, не вдалекѣ отъ коего, у Дубровицы, князья должны были сѣсть на пароходъ и потомъ отправиться, мимо Смедерева, въ Бѣлградъ, было настоящимъ тріумфомъ, удачно закончившимъ всѣ празднества, устроенныя въ честь возвращавшагося Милоша, на пути его изъ Валахіи *).

*) Около того времени вышло стихотвореніе Илича: «Усклик Срба приликомъ повратяня светлога князя и господара Милоша Обреновича на престолъ сербскій, годъ 1859». Музыку въ духѣ народнаго марша написалъ Ал. Балаузъ.

По мѣрѣ того, какъ князья приближались къ Бѣлграду, дѣятельность скупщины должна была отступать на второй планъ и вниманіе всѣхъ партій обращаться на вопросъ, какъ бы лучше и какъ бы почетнѣе встрѣтить обоихъ князей. Гарашанинъ рѣшился даже выѣхать на встрѣчу къ Милошу. Ему совѣтовалъ поступить такъ Вукъ Караджичъ, писавшій о томъ изъ Вѣны и вскорѣ самъ прибывшій въ Бѣлградъ. 21-го января Гарашанинъ писалъ Стевчѣ: «Не будете ли вы такъ добры, чтобы сообщить мнѣ: остановится ли его свѣтлость въ Гроцкѣ и въ какой день? Я бы желалъ увѣдомить о томъ моего брата Михаила, который меня спрашиваетъ о томъ, и которому его свѣтлость еще изъ Неготина поручилъ чрезъ моего племянника приготовить помѣщеніе для себя. Мнѣ нужно знать, не будетъ ли это приказаніе измѣнено, а вы можете сказать это лучше другихъ. Я бы и самъ радъ былъ встрѣтить его свѣтлость въ Гроцкѣ, еслибы только зналъ, что онъ непремѣнно остановится тамъ. Простите, что досаждаю вамъ такими мелочами; но вы опятьтаки ко мнѣ ближе всѣхъ, кого могу спросить о томъ. И въ самомъ дѣлѣ, моя власть одна за другой въ короткое время изсякла, а ваша все еще продолжается. Справедливо ли это?— Справедливо во всѣхъ отношеніяхъ: довольно и я мутилъ (доста сам и я мутio), а вы мнѣ завидовали; пусть нынѣ хоть немножко выйдетъ и наоборотъ. Вашъ искренній почитатель Илья Гарашанинъ». Но Милошъ, какъ мы видѣли, раздумалъ ѣхать изъ Пожаревца сухимъ путемъ. Въ Бѣлградъ между тѣмъ съѣхались дочь Милоша Петрія, бывшая замужемъ за Ѳедоромъ Баичемъ Варадійскимъ, австрійскимъ подданнымъ; Анка Обреновичъ, жена брата Милошева Іована. Съ княземъ Михаиломъ пріѣхалъ докторъ Пацекъ; при его посредствѣ Гарашанинъ вызванъ былъ въ Пожаревацъ самимъ княземъ Михаиломъ. Около Обреновичей уже собирался свой дворъ, свои приближенные; образовывался кружокъ, который старался заподозрить предъ ними дѣятельность либераловъ на скупщинѣ.

Въ то время, когда всѣ заняты были приготовленіями къ встрѣчѣ князей, скупщина неослабно преслѣдовала нарушенія своихъ верховныхъ правъ и уклоненія отъ провозглашенныхъ ею началъ. Случилось, что Стевча Михайловичъ, по просьбѣ Филиппа Станковича, разрѣшилъ попечителю внутреннихъ дѣлъ представить о назначеніи Жагубицы, начальника тюремной стражи, на другое мѣсто, не переговоривъ о томъ съ Груичемъ.

Послѣдній, по требованію своихъ друзей, отправилъ письмо къ Стевчѣ, въ которомъ объяснялъ, что какъ человѣкъ, чьими совѣтами Стевча дорожитъ, онъ считаетъ для себя долгомъ высказать свое мнѣніе о назначеніи въ службу новыхъ людей, и не отрицая способностей вышеупомянутаго лица, совѣтовалъ быть осторожнѣе при выборѣ чиновниковъ. Стевча уступилъ. На скупщинѣ однакожь поднятъ былъ вопросъ о тѣхъ членахъ ея, которые стали бы искать должностей чрезъ намѣстника. Скупщина выразила свое порицаніе такому себялюбивому поведенію, такому забвенію общенароднаго дѣла, и просила намѣстника не назначать новыхъ чиновниковъ изъ людей, набивающихся на то; ибо самъ князь сумѣетъ избрать достойныхъ служителей народу. Кромѣ того скупщина опредѣлила, что совѣтники, попечители и всѣ чиновники, которымъ она выразила свое недовѣріе, не могутъ ни участвовать во встрѣчѣ князей, ни представляться имъ. Далѣе скупщина выразила опасеніе, узнавъ, что князья хотятъ отправиться изъ Дубровицы до Бѣлграда на австрійскомъ пароходѣ. Наконецъ она поручила своему секретарю благодарить редакцію газеты «Pester Lloyd», за сочувствіе къ дѣятельности святоандреевской скупщины.

На слѣдующій день скупщина приняла суровое постановленіе, направленное противъ Вучича. За исключеніемъ двухъ только голосовъ, всѣ остальные члены скупщины согласились отправить къ намѣстнику письмо такого содержанія: «Народная скупщина изъявила въ нынѣшнемъ засѣданіи своемъ, что весь народъ признаетъ Ѳому Вучича Перешича виновникомъ и руководителемъ всѣхъ бѣдъ и несчастій, которыя претерпѣла наша земля въ послѣднія двадцать лѣтъ. По этой причинѣ народная скупщина имѣетъ основаніе подозрѣвать, что Вучичъ, по своему обычаю, не перестанетъ измышлять и предуготовлять интриги, которыя могутъ быть опасны народу и государству нашему. А чтобы сего не случилось, и чтобы Вучичъ своимъ бѣгствомъ не избѣжалъ суда и не причинилъ вреда землѣ и народу, которые готовятся искать по закону вознагражденія за всѣ грабежи и отягощенія, которыя Вучичъ совершилъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ къ невыгодѣ столькихъ людей и самого государства; то народная скупщина и проситъ г. намѣстника княжескаго отдать Вучича сегодня же подъ строгую стражу и держать его подъ присмотромъ до дальнѣйшаго рѣшенія скупщи-

ны» *). Это постановленіе было вытребовано громаднымъ большинствомъ простыхъ обреновцевъ, засѣдавшихъ въ скупщинѣ. Тѣсный кружокъ соединенныхъ либераловъ и сознательныхъ обреновцевъ не ожидалъ такого распоряженія, слухи о которомъ разнеслись по городу съ необыкновенною быстротой. Тотчасъ же не малая толпа народа собралась около дома Вучича. Іованъ Бели-Марковичъ поспѣшилъ приставить стражу къ нему; народъ успокоился, думая, что Вучичу препятствуютъ выходить изъ дому. Но Османъ-паша позвалъ къ себѣ Груича и протестовалъ противъ народнаго сходбища вблизи самой крѣпости Груичъ возразилъ, что за крѣпость бояться нечего. Тогда Османъ-паша выразился рѣшительнѣе: «Я не хочу терпѣть того». Груичъ отвѣчалъ: «Мы ручаемся за спокойствіе, но запретить сходокъ не можемъ; а если вамъ угодно, то вы сами можете сдѣлать это, но тогда мы уже не ручаемся ни за что». Османъ-паша притихъ. Вечеромъ подсылали къ Вучичу съ совѣтомъ, чтобъ онъ просилъ поскорѣе дозволенія выѣхать за границу. «Не хочу оставлять свою землю, твердилъ упрямый воевода, въ Австрію не желаю, а въ Турцію не могу». О случившемся сообщили Милошу по телеграфу. Отъ него пришелъ слѣдующій отвѣтъ: «Относительно Вучича вы поступили хорошо». Вмѣстѣ съ тѣмъ князь извѣщалъ, что скупщина напрасно безпокоится насчетъ его поѣздки на австрійскомъ пароходѣ, благодарилъ ее чрезъ намѣстника за заботливость и просилъ сказать: «капитанъ будетъ въ моихъ рукахъ, а не я у него».

Рѣшеніе судьбы бывшаго предсѣдателя совѣта развязало руки Стевчѣ и относительно постановленія скупщины о самомъ совѣтѣ. Онъ хотя не рѣшился исполнить буквально актъ скупщины объ удаленіи совѣтниковъ, попечителей и другихъ чиновниковъ, но призналъ возможнымъ прекратить всякія сношенія по дѣламъ какъ съ совѣтомъ, такъ и съ попечителями. Этому перерыву сношеній предшествовало письмо намѣстника отъ 24-го января, въ которомъ было сказано: «Сообщаю совѣту въ копіи актъ, содержащій общеизвѣстное постановленіе скупщины, которое она издала отъ имени сербскаго народа въ засѣданіи своемъ 19-го текущаго мѣсяца. При семъ считаю необходимымъ заявить,

*) Кромѣ того Петръ Петровичъ изъ Мачвы предложилъ, чтобы имена: Вукашинъ, Вукъ и Вучичъ навсегда были изгнаны изъ употребленія, ибо величайшими измѣнниками отечеству были: краль Вукашинъ, Вукъ Бранковичъ и воевода Вучичъ, омрачившіе своимъ безчеловѣчіемъ сербскую исторію.

что отъ отеческой любви нашего свѣтлаго князя и его заботливости о народномъ благосостояніи можно надѣяться, что его свѣтлость въ свое время и своимъ вліяніемъ возвратитъ народное довѣріе тѣмъ изъ сановниковъ, отъ почтенной, патріотической и разумной дѣятельности которыхъ народъ можетъ имѣть пользу».

Паденіе сербскаго совѣта, пользовавшагося верховною властью въ продолженіи двадцати одного года, ограничивавшаго и власть князя, и участіе народа въ дѣлахъ страны, не вызвало сожалѣнія ни въ комъ. Въ самомъ княжествѣ онъ уже давно утратилъ народное сочувствіе, искуственно вызванное въ свое время уставобранителями; за границей у него не нашлось даже такихъ друзей, которые были бы связаны съ нимъ сходствомъ интересовъ или духомъ партіи *). Приговоръ скупщины былъ только выраженіемъ народнаго неудовольствія, накоплявшагося въ продолженіи многихъ лѣтъ; порицаніе со стороны иностранной публицистики касались политической дѣятельности его. Въ самомъ дѣлѣ, державный совѣтъ Сербіи былъ главнымъ органомъ не только внутренней, но и внѣшней жизни въ княжествѣ, и такое значеніе его продолжалось съ самаго введенія устава, навязаннаго сербамъ въ 1839 году Портою при содѣйствіи русской дипломатіи, до святоандреевской скупщины. Уставъ этотъ далъ совѣту власть, ограничивавшую князя, но не подчинилъ ее никакому внутреннему контролю, даже верховному суду народа, среди котораго онъ дѣйствовалъ. Изъявъ совѣтниковъ отъ всякой отвѣтственности предъ княземъ и народомъ, подчинивъ ихъ только высшему суду Порты, уставъ создалъ изъ нихъ власть неограниченную внутри княжества и имѣвшую личный интересъ слушаться приказаній Порты. Послѣдствіемъ того былъ цѣлый рядъ переворотовъ, волновавшихъ Сербію въ продолженіе двухъ десятилѣтій. Паденіе Милоша, не желавшаго признать такой власти за совѣтомъ и удаленіе его изъ отечества; постоянное стремленіе наиболѣе сильныхъ совѣтниковъ захватить всю власть въ свои руки; составленіе ими приверженныхъ себѣ партій; безотчетное распоряженіе народною казной; введеніе фискальной системы въ областное и общинное управленіе; толкованіе устава съ точки зрѣнія исключительно выгодной для совѣта; открытое возстаніе противъ Милошева преемника, молодаго князя Михаила, кото-

*) Газеты «Nord» и «Pester Lloyd» весьма строго отозвались о совѣтѣ.

рому Порта навязала кабинетныхъ совѣтниковъ изъ числа уставобранителей; казни и преслѣдованія не только партіи Обреновичей, но и людей сколько нибудь не раздѣлявшихъ взглядовъ и замысловъ уставобранительскихъ; постоянное противодѣйствіе созванію правильныхъ народныхъ скупщинъ, почти безграничная преданность Портѣ и ничѣмъ не оправдываемое послушаніе предъ всякимъ постороннимъ вліяніемъ и внушеніемъ; послѣдняя борьба съ самимъ Карагеоргіевичемъ, который всегда былъ только орудіемъ Порты и уставобранителей; возникшій оттуда разладъ во всѣхъ сферахъ внутренняго управленія, и наконецъ попытка добиться, при содѣйствіи Порты, своей несмѣняемости, съ явнымъ намѣреніемъ образовать олигархическую власть изъ себя, —вотъ темныя стороны въ исторіи двадцатилѣтней дѣятельности сербскаго совѣта. Никто не хотѣлъ знать, что и совѣтъ въ свое время создалъ кое-что полезное для своей страны, что онъ ограничилъ власть князя, основывавшуюся на патріархальныхъ началахъ, замѣнилъ въ свое время личный произволъ Милоша нѣкоторою системою въ управленіи и издалъ цѣлый рядъ законовъ, хотя многіе изъ нихъ и были заимствованы извнѣ, преимущественно изъ Австріи. Но всѣ помнили, что совѣтъ не могъ похвалиться, чтобы большинство засѣдающихъ въ немъ людей оказало дѣйствительныя услуги отечеству или обладало юридическими свѣдѣніями и практическою опытностію. Всѣ твердили, что, съ первыхъ дней своего существованія до самаго паденія Карагеоргіевича, совѣтъ составлялся изъ людей трояка го происхожденія: изъ выпросившихъ у Порты уставъ и, стало быть, связавшихъ свою судьбу съ ея вліяніемъ на Сербію; изъ людей, оказавшихъ нѣкогда услуги отечеству на полѣ бранномъ и получившихъ потомъ званіе совѣтника въ видѣ награды; наконецъ изъ людей, связанныхъ родственными или личными интересами съ дворцомъ. Къ тому же въ послѣднее время княженія Карагеоргіевича изъ среды совѣта вышелъ заговоръ противъ князя и слѣдствіе показало, что въ числѣ намѣреній совѣта была мысль уничтожить со временемъ монархическую власть и раздѣлить всю землю на отдѣльные округи, правленіе въ которыхъ перешло бы въ руки вождей совѣтской партіи, подобно тому какъ въ средніе вѣка сербское королевство распадалось на области, управляемыя полунезависимыми деспотами, воеводами, банами. Всѣ понимали, что патріотизма въ борьбѣ старѣйшинъ Сербіи съ ея князьями никогда не было, что они преслѣдовали въ ней исклю-

чительно свои личные интересы. За годъ, при содѣйствіи Порты, совѣту удалось, не смотря на не удавшійся заговоръ, добиться еще большаго значенія на пагубу земли и народа. Изданъ былъ такъ называемый законъ Етемъ-паши, внесшій перемѣны въ уставъ и сдѣлавшій князя простымъ орудіемъ совѣта, лишеннымъ собственной воли, чѣмъ пожертвованъ былъ послѣдній остатокъ сербской независимости и внутренней автономіи. Ставъ олигархами, совѣтники надѣялись и самую скупщину превратить въ орудіе для удовлетворенія своихъ олигархическихъ страстей: «они хотѣли на огнѣ, который грозилъ поглотить государство, изготовить себѣ яства». Возстановляя князя противъ скупщины, а Порту и противъ князя и противъ скупщины, они въ первыя минуты по сверженіи Карагеоргіевича говорили: «Зачѣмъ намъ князь? пусть отнынѣ управляетъ каймакамія!» и отправились во дворецъ, чтобы склонить Карагеоргіевича подчиниться скупщинѣ. Но когда колебавшійся князь сказалъ, что совѣтъ всего болѣе виновенъ въ тѣхъ дѣйствіяхъ Порты, которыя оскорбили народъ, члены совѣта постарались напугать слабаго Карагеоргіевича, и когда онъ бѣжалъ въ турецкую крѣпость, совѣтъ, довольный ошибкою князя, обжаловалъ его предъ скупщиной. Послѣдняя свергла Карагеоргіевича, но въ то же время не захотѣла каймакаміи и провозгласила Милоша. Тогда совѣтъ рѣшился на ложь: написалъ Карагеоргіевичу, что вынужденъ былъ дѣйствовать противъ него вслѣдствіе насилія со стороны скупщины, и за ночь составилъ заговоръ для возвращенія павшаго князя: но, благодаря энергіи жителей Бѣлграда, заговоръ былъ побѣжденъ, и совѣтъ, оправдываясь предъ скупщиной въ своихъ дѣйствіяхъ, снова солгалъ, ссылаясь на насиліе со стороны войска. Съ той минуты распались сами собой всѣ славолюбивыя и высокопарныя мечтанія совѣта; погибло все уставное значеніе его. Скупщинѣ оставалось только закрыть это отжившее свой вѣкъ учрежденіе, и она своимъ единогласнымъ рѣшеніемъ опустила державный совѣтъ Сербіи въ могилу, никѣмъ не оплаканный, безъ всякаго напутственнаго слова. Не болѣе семи мѣсяцевъ наслаждался совѣтъ тѣмъ значеніемъ, которое дано было ему закономъ Етемъ-паши, и его паденіе не возбудило никакого участія, но вызвало только общую радость. Дальнѣйшая судьба его зависѣла отъ добрыхъ отношеній новаго князя къ народной скупщинѣ и отъ личныхъ взглядовъ его; но во всякомъ случаѣ державный совѣтъ со старыми правами его не могъ уже воскреснуть.

Прибытіе Обреновичей въ Бѣлградъ уже было близко. 24-го января Стевча получилъ письмо отъ молодаго князя, писанное въ Смедеревѣ, въ коемъ было сказано: «Любезный господинъ Стевча! нынѣшнюю ночь получена въ Пожаревцѣ ваша телеграфическая депеша, на которую отвѣчаю вамъ симъ письмомъ, по приказу его свѣтлости князя отца. Вы выйдете на встрѣчу его свѣтлости на берегъ, гдѣ будетъ опредѣлено пристать пароходу, на коемъ мы завтра прибудемъ, и помѣститесь такъ, чтобы вы первые поздравили съ пріѣздомъ его свѣтлость. Въ первомъ затѣмъ и ближайшемъ къ тому мѣсту, гдѣ пристанетъ пароходъ, должна быть депутація отъ скупщины, за нею депутаты отъ Бѣлграда, а потомъ и остальные, которыхъ вы найдете за лучшее пригласить. Распорядитесь тотчасъ же, чтобы приготовлена была пристойная квартира въ лучшемъ домѣ на одной изъ городскихъ улицъ для того турецкаго полковника, который съ нами ѣдетъ. Его свѣтлость во всякомъ случаѣ желаетъ въѣхать въ городъ въ открытомъ экипажѣ. Верните посланнаго нашего тотчасъ же назадъ съ програмою завтрашней церемоніи въ Бѣлградѣ, чтобы онъ могъ застать насъ здѣсь завтра раннимъ утромъ. Изъ отставленныхъ совѣтниковъ ни одинъ не долженъ выходить на встрѣчу. Завтра, съ Божіею помощью, мы отправляемся отсюда въ 8 часовъ утра, и такъ какъ капитанъ парохода говоритъ, что ему нужно не болѣе четырехъ часовъ на путь отъ Смедерева къ Топчидеру, то мы будемъ на семъ послѣднемъ мѣстѣ около 12 часовъ; постарайтесь, чтобы хватило экипажей на всѣхъ, кто провожаетъ его свѣтлость и кто долженъ участвовать въ церемоніи. Его свѣтлости не только не противно, если вы выйдете въ новоустроенномъ платьѣ, но гораздо пріятнѣе, чѣмъ еслибы вы надѣли фесъ на голову. Поздравляя васъ, остаюсь доброжелательный къ вамъ М. М. Обреновичъ». Въ Смедеревѣ князья провели цѣлый день по общему желанію жителей, устроивавшихъ въ честь ихъ праздничную встрѣчу; даже гарнизонъ турецкой крѣпости освѣтилъ ночью тѣ изъ башенъ ея, которыя были обращены къ городу, а на одной среди полумѣсяцевъ и звѣздъ горѣла надпись: «Да здравствуетъ Милошъ Обреновичъ»! Вечеромъ въ тотъ день прислана была Стевчѣ изъ Смедерева такая телеграма отъ Милоша: «Устройте такъ, чтобы при моемъ выходѣ съ парохода первые встрѣтили меня паша и Кабули-Эфенди. Я желаю, чтобы между экипажемъ, въ который я сяду, и народомъ оставалось свободное мѣсто». Наконецъ утромъ 25 января, не задолго до отъѣзда изъ

Смедерева, Милошъ отправилъ къ Стевчѣ слѣдующую телеграму: «По моей волѣ издано приказаніе Живкомъ Давидовичемъ (секретаремъ Милоша), чтобы изъ каждаго округа пришло въ Бѣлградъ по 30 человѣкъ».

Въ Бѣлградѣ всѣ уже готовы были къ встрѣчѣ князей, и каждый хлопоталъ о томъ, чтобы представиться ранѣе другихъ. Одни совѣтники и попечители были въ недоумѣніи. Чтобы разрѣшить его, попечитель иностранныхъ дѣлъ, Степанъ Магазиновичъ, обратился къ намѣстнику еще наканунѣ княжескаго пріѣзда съ такимъ письмомъ: «Вы были такъ добры, сообщили мнѣ вчера, что ждете рѣшенія его свѣтлости князя, будутъ ли попечители и совѣтники ожидать и на какомъ мѣстѣ его свѣтлость. Въ изданной програмѣ встрѣчи о попечителяхъ и совѣтникахъ не сказано ни слова. Я прошу васъ: будьте такъ добры, извѣстите меня письменно, получили ли вы и какого содержанія рѣшеніе отъ его свѣтлости по этому вопросу, чтобы мы могли приготовиться встрѣтить свѣтлѣйшаго князя». Но Стевча ничего еще не могъ отвѣтить Магазиновичу. Утромъ, въ самый день пріѣзда князей, попечители и совѣтники отправили къ намѣстнику Любомира Петроніевича съ вопросомъ, гдѣ они должны ждать князя. Стевча отвѣчалъ, что не можетъ назначить имъ особаго мѣста. Нѣкоторыя подробности въ програмѣ встрѣчи, составленной на спѣхъ Ранкомъ и Алимпичемъ, не понравились и самой скупщинѣ. Поэтому утромъ 25-го января скупщина собралась въ чрезвычайное засѣданіе и, отмѣнивъ статью програмы, гласившую, что члены скупщины ожидаютъ князей, стоя рядами отъ городскихъ воротъ до соборной церкви, постановила: «Такъ какъ члены скупщины, только въ общемъ собраніи своемъ представляютъ сербскій народъ, и такъ какъ главная и существенная задача ихъ состоитъ въ рѣшеніи народной и государственной судьбы, а не въ исполненіи пустыхъ парадовъ, то они могутъ поздравить достойно ихъ свѣтлости лишь въ полномъ составѣ своемъ, какъ скупщина, что согласно и съ народнымъ достоинствомъ; а такъ какъ програма составлена безъ вѣдома и одобренія скупщины, хотя никто не имѣетъ права навязывать народной скупщинѣ произвольныя и недостойныя ея формальности, то скупщина отмѣняетъ статьи програмы, касающіяся ея, и опредѣляетъ встрѣтить своего князя и наслѣдника его въ полномъ составѣ своемъ въ самомъ дворцѣ, какъ народномъ домѣ». Вмѣстѣ съ тѣмъ скупщина рѣшила, что никто не имѣетъ права подносить князю

отъ имени народа хлѣбъ-соль и вино при его вступленіи во дворецъ, кромѣ самой скупщины, и назначила для этой цѣли трехъ старцевъ изъ своей среды, какъ людей отъ народа.

Еще не вставало солнце въ тотъ день, когда ожидали князей въ Бѣлградъ, а уже улицы города полны были движеніемъ. Народныя толпы стремились изъ города къ Топчидеру, гдѣ при впаденіи топчидерскаго ручья въ Саву приготовлена была пристань для парохода. Весь берегъ покрылся народомъ, прибывшимъ изъ бѣлградскаго и сосѣднихъ съ нимъ сѣверо-западныхъ округовъ Сербіи. Войска расположены были у казармъ вдоль по дорогѣ, ведшей къ берегу Савы; между казармами и военной школой помѣщена была сербская артиллерія; при въѣздѣ на каждую улицу и на каждую площадь устроены были тріумфальныя арки и пирамиды со щитами, изображавшими чаще всего гербъ Сербіи, или самихъ князей, иногда покойную жену Милоша Любицу и жену Михаила Юлію, иногда же аллегорическія сцены изъ древней и новѣйшей исторіи сербской, со всевозможными надписями въ прозѣ и стихахъ. Подобныя украшенія виднѣлись и на многихъ частныхъ домахъ. Кромѣ того рѣшительно всѣ, какъ общественныя, такъ и частныя зданія увѣшаны были разноцвѣтными флагами, преимущественно національными. Весь городъ представлялъ собою праздничный видъ и былъ приготовленъ къ трехдневной иллюминаціи. Толпы народа виднѣлись и въ тѣхъ улицахъ, которыя спускались къ обѣимъ рѣкамъ. На возвышенности, отдѣлявшей турецкую крѣпость отъ города, поставлена была стража для наблюденія за первымъ появленіемъ на Дунаѣ парохода «Аттилла», везшаго князей. Сама турецкая крѣпость готовилась къ парадной встрѣчѣ сербскаго князя. За часъ до прибытія парохода намѣстникъ и всѣ депутаціи уже были на топчидерскомъ берегу. Почти въ то же время выстрѣлы стражи, стоявшей подлѣ крѣпости, извѣстили о появленіи парохода; но только въ полдень раздалась пальба изъ турецкихъ пушекъ, привѣтствовавшихъ съ крѣпостныхъ стѣнъ проѣзжавшаго мимо Милоша. Съ этой минуты до самаго подъѣзда къ пристани не умолкали крики народа, стоявшаго вдоль береговъ, и выстрѣлы сербской артиллеріи. Оба князя были въ народномъ одѣяніи. Стевча Михайловичъ привѣтствовалъ Милоша при самомъ спускѣ съ парохода. Михаилу же вся мѣстность, гдѣ происходила встрѣча, напомнила ту печальную минуту въ его жизни, когда онъ долженъ былъ оставить Сербію и переѣхать на австрійскій бе-

*

регъ. Въѣздъ князей въ городъ совершился согласно условленной между ними и намѣстникомъ програмѣ; въ церемоніи участвовали и высокіе чиновники Порты. Въ соборной церкви ожидали князей три сербскихъ архіерея; и шабацкій епископъ Михаилъ, по окончаніи благодарственнаго молебствія, произнесъ рѣчь къ старому князю, въ которой сказалъ, что любовь къ отечеству руководила вѣрнымъ Милошу народомъ на скупщинѣ, которая, разумно выразивъ общее желаніе своего народа, соединила его съ любовью къ князю и его племени. «Поди же, господарь, получивъ благословеніе отъ святой церкви, къ любящему тебя народу и яви ему милость, любовь и правду!» сказалъ въ заключеніе епископъ. Изъ церкви князья проѣхали во дворецъ. Вся внутренность княжескаго двора, проѣздъ на улицу и сосѣдніе переулки были наполнены народомъ. Въ дворцовыхъ воротахъ князь принялъ отъ скупщины, представлявшей собою народъ, хлѣбъ-соль и вино, и оба князя вступили во внутреннія комнаты. За ними послѣдовали лица, участвовавшія во встрѣчѣ. Туда же хотѣлъ войти Гарашанинъ, но Степанъ Лукичъ остановилъ его, сказавъ: «Теперь не можете войти; князь не хочетъ никого принимать». Гарашанинъ возвратился.

Три дня продолжались городскія празднества, и въ «Сербскихъ Новинахъ» помѣщено было подробное описаніе ихъ. Въ числѣ характеристическихъ подробностей сихъ празднествъ можно замѣтить слѣдующія надписи. На воротахъ военной школы: «Нѣтъ того, кто бы страшился отдать жизнь за Милоша»; на одномъ изъ оконъ того же зданія: «Ты алтарь, а мы жертва за успѣхи милаго сербства; на алтарѣ пылаетъ жертва, за сербство борется каждый сербъ». На зданіи совѣта помѣщены были гербъ Сербіи и изображенія обоихъ князей съ надписью внизу: «Время и мое право (девизъ князя Михаила); да здравствуетъ народъ». На одномъ изъ частныхъ домовъ виднѣлись освѣщенныя слова: «Княжеское счастіе, а наше еще больше». Зданіе лицея все было въ праздничныхъ надписяхъ, и одна изъ нихъ соединяла народъ, скупщину и князя. На домѣ Миши Анастасьевича было аллегорическое изображеніе сербскихъ сельчанъ, подносившихъ обоимъ князьямъ произведенія своей земли, цвѣты и плоды. Домъ, который занималъ Кабули-эфенди, имѣлъ предъ собою иллюминованный сводъ въ турецкомъ стилѣ, съ солнцемъ на верху и многочисленными полумѣсяцами вокругъ него. Такія же украшенія были при домѣ турецкой полиціи и на двухъ воротахъ,

отдѣлявшихъ турецкую часть города отъ сербской, устроенныя по приказу Османа-паши. Чехи, проживавшіе въ Бѣлградѣ, также участвовали въ устройствѣ общаго празднества. Еврейская община, праздновавшая уже дважды возвращеніе Милоша: въ новый годъ, когда раввинъ въ молельномъ домѣ говорилъ рѣчь въ честь стараго князя, и по возвращеніи еврейскаго депутата изъ Букарешта, давшаго отчетъ общинѣ въ своемъ путешествіи, также не отстала отъ другихъ. Надписи на еврейскихъ домахъ и школѣ отличались библейскимъ характеромъ: славилось имя Господа, чудесно устроившаго всѣ дѣла страны; Милошъ названъ былъ камнемъ краеугольнымъ, который пренебрегли строившіе. Когда хоръ военной музыки и пѣвцовъ, обходившій въ эти дни всѣ улицы, показался въ еврейскомъ кварталѣ, сопровождаемый толпою сербовъ, евреи встрѣтили ихъ предъ своими домами съ горящими свѣчами въ рукахъ, перевязанными лентами сербскихъ національныхъ цвѣтовъ. Вообще праздничныя украшенія чаще всего говорили о Милошѣ, затѣмъ о Михаилѣ, о сербскомъ народѣ и скупщинѣ. Турецкія войска пускали искуственныя огни въ продолженіи двухъ дней то въ крѣпости, то на княжескомъ дворѣ; а на третій день сербская военная школа устроила большой фейерверкъ на врачарской возвышенности. Изъ другихъ городовъ Сербіи присылались въ Бѣлградъ телеграмы съ поздравленіями и съ извѣстіями, что и тамъ идутъ трехдневныя празднества.

26-го января съ утра начались представленія князю депутатовъ тѣхъ округовъ, которые еще не имѣли случая привѣтствовать его. Желавшихъ видѣть стараго князя было множество; но онъ говорилъ: «Дайте, братья, тѣмъ людямъ, что пришли изъ дали, видѣться напередъ съ нами, сперва кончимъ съ ними и пусть они идутъ домой, не губятъ здѣсь ни денегъ, ни времени; потомъ уже легко будетъ повидаться съ тѣми, кто живетъ здѣсь». Сперва представлялись жители валѣвскаго, подринскаго и шабацкаго округовъ. Милошъ, котораго держалъ подъ руку Живко Давидовичъ, и Михаилъ вышли къ нимъ и стали предъ входомъ во дворецъ. Полчаса прошло въ разговорахъ Милоша съ народомъ, изъ котораго отвѣчали ему отдѣльныя лица. Милошъ указывалъ на нѣкоторые недостатки въ управленіи, отъ коихъ страдалъ народъ, и пересчитывалъ средства для исправленія ихъ. «Вы, братья, говорилъ онъ, называете меня отцомъ, и я хочу быть вашимъ отцомъ всѣмъ безъ различія, ибо вы мнѣ

всѣ одинаковы, какъ дѣти отцу. Я хочу помогать вамъ въ вашемъ дѣлѣ, а вы помогайте мнѣ, и Богъ дастъ намъ успѣхъ. Великое зло, когда люди не дѣлаютъ своего дѣла. Я буду строго наказывать каждаго чиновника, который возметъ взятку, но хочу, чтобъ и остальные люди исполняли свои дѣла. Слышалъ я, что народъ много терпитъ отъ судейской волокиты; я обѣщаю вамъ наблюдать, чтобы ни одинъ искъ не тянулся долѣе года. Много накопилось зла, но можемъ ли мы искоренить всѣ злоупотребленія,—это вопросъ. Буду стараться, по крайней мѣрѣ, чтобы зла было меньше, а добра было больше». Далѣе Милошъ говорилъ о землевладѣніи, о займахъ подъ залогъ земли, о взиманіи возвышенныхъ процентовъ, о состояніи церкви, о монастыряхъ, о школахъ. Народъ прерывалъ его слова криками: «Живіо! живіо! будемъ дѣлать, что намъ скажешь; будемъ слушать тебя, господарь, какъ отца». Потомъ всѣ представлявшіеся отдѣльно цѣловали руку у обоихъ князей; Милошъ цѣловалъ иногда въ голову подходившихъ къ нему.

Около одиннадцати часовъ того же утра князя посѣтили Османъ-паша и Кабули-ефенди, а за ними иностранные консулы. Груичъ, котораго Милошъ еще съ утра позвалъ къ себѣ во дворецъ, былъ переводчикомъ при этомъ. Князь Михаилъ не хотѣлъ присутствовать во время представленія консуловъ. Но когда французскій консулъ спросилъ о здоровьѣ молодого князя, Милошъ отвѣчалъ: «Слава Богу, здоровъ»; потомъ, обернувшись къ Груичу, спросилъ: «Гдѣ Михаилъ?—Должно быть, тамъ въ комнатѣ; поди, зови его, пусть придетъ». Груичъ передалъ Михаилу желаніе отца; тотъ выразилъ неудовольствіе, но пошелъ. Свиданіе ограничилось однѣми офиціальными любезностями.

Между тѣмъ уже начинались отдѣльныя сношенія съ князьями лицъ, до сихъ поръ учавствовавшихъ въ дѣлахъ сообща. Кромѣ Груича, имѣли доступъ къ старому князю Іованъ Иличъ и Милованъ Янковичъ съ одной стороны, Филиппъ Станковичъ, съ другой, дѣйствуя все еще въ нѣкоторомъ согласіи между собой, хотя уже и безъ вѣдома Стевчи. Всѣ они старались настроить Милоша противъ прежней правительственной партіи. У молодого князя имѣли свободный пріемъ Младенъ Жуевичъ, Станойло Петровичъ, хаджи Дина; они ввели Николу Христича и Филиппа Христича, а докторъ Пацекъ Илью Гарашанина. Въ комнатахъ молодого князя шли совсѣмъ другія рѣчи: здѣсь слышались порицанія дѣйствій народной скупщины, передавались сплетни не

только о либеральномъ кружкѣ, но и о Стевчѣ. По отъѣздѣ изъ дворца консуловъ, Милошъ остался со Стевчею и Груичемъ и высказалъ имъ мысль, что не надо назначать совѣтниковъ, а только попечителей. Стевча и Груичъ отвѣчали, что надо тотчасъ же назначить нѣсколькихъ совѣтниковъ, чтобы удовлетворить уставъ, а послѣ можно дѣйствовать смотря по обстоятельствамъ. Милошъ спрашивалъ: «Зачѣмъ же меня призвали? я и прежде не могъ съ ними ужиться, а теперь и того менѣе. Не можетъ быть двухъ господарей въ землѣ; я знаю, каковы они». Но ему замѣтили: «Въ скупщинѣ болѣе всего было крику изъ-за того, что нарушаются законы; а такъ какъ есть законъ о совѣтѣ, то и надо поставить совѣтниковъ. Лѣтомъ же будетъ новая скупщина; тогда можно разрѣшить всѣ сомнѣнія, поставить новый законъ и уже по немъ дѣйствовать». Милошъ разсердился и, не сказавъ ни слова, вышелъ въ другую комнату. Столкновеніемъ съ новоучрежденнымъ совѣтомъ окончилось первое правленіе Милоша, вопросомъ о немъ же начиналось второе. Это было больное мѣсто у стараго князя и сладить съ нимъ безъ посредничества другихъ онъ не могъ. Стевча и Груичъ пошли къ князю Михаилу посовѣтоваться съ нимъ о вопросѣ, заданномъ старымъ княземъ. Но Милошъ узнавъ, что они у Михаила, тотчасъ же явился туда и возобновилъ разговоръ. Чѣмъ болѣе ему доказывали невозможность закрыть совѣтъ тотчасъ же, тѣмъ болѣе онъ сердился. Наконецъ Груичъ сказалъ: «До скупщины, которая будетъ лѣтомъ, можно составить новый уставъ—народный, и въ немъ опредѣлить, что законодательная власть принадлежитъ князю и народной скупщинѣ, а совѣтъ уничтожить; уставъ этотъ надо будетъ узаконить договоромъ между княземъ и скупщиной, до тѣхъ же поръ надо исполнять старый уставъ». Милошъ сердито отвѣчалъ: «Отчего-жь теперь не хочешь смѣстить ихъ, какъ я хочу, а послѣ?» Князь Михаилъ, все время молчавшій, далъ понять Груичу знакомъ, что пора замолчать. Стевча и Груичъ поклонились и вышли вонъ. Милошъ позвалъ къ себѣ Іована Илича, Милована Янковича и другихъ, чтобы поговорить съ ними о томъ же; но эти лица дали такой же совѣтъ, какъ Груичъ и Стевча; а Іованъ Иличъ даже прямо сказалъ: «Лучше всего, господарь, позвать Груича, онъ человѣкъ, знающій законы, и лучше насъ скажетъ вамъ, какъ слѣдуетъ поступить по закону». Тогда Милошъ увидавъ, что съ старымъ уставомъ нельзя начинать никакихъ пе-

ремѣнъ, сказалъ Иличу: «Да я уже призывалъ Груича, но онъ не понялъ, чего я хочу; скажи ему, чтобы снова пришелъ». Груичъ явился во дворецъ вечеромъ. Милошъ ввелъ его въ большую залу, сѣлъ на стулъ и его заставилъ сѣсть; затѣмъ сказалъ: «Ты, можетъ быть, не понялъ меня сегодня; я и самъ хочу совѣтъ, а не хочу только нынѣшнихъ совѣтниковъ: я знаю, каковы они!» Груичъ отвѣчалъ: «Можетъ быть, господарь, я васъ и не понялъ». Милошъ полусердясь сказалъ: «Можетъ быть! совсѣмъ не то; ты просто не знаешь, чего я хочу; я тоже желаю имѣть совѣтъ» На замѣчаніе Груича: «Мнѣ, господарь, нѣтъ дѣла до совѣта; я хлопочу только о законѣ», Милошъ протянулъ ему руку, чтобы тотъ поцѣловалъ ее, и вышелъ.

На слѣдующій день, 27-го января, все утро продолжались представленія обоимъ князьямъ: сперва являлась народная скупщина съ предсѣдателемъ во главѣ; затѣмъ чиновники всѣхъ центральныхъ и мѣстныхъ бѣлградскихъ учрежденій, вмѣстѣ съ професорами и учителями школъ; далѣе члены бѣлградскаго общиннаго управленія съ нѣкоторыми изъ горожанъ, и наконецъ всѣ офицеры и депутація отъ войскъ, стоявшихъ гарнизономъ въ Бѣлградѣ. Остальное время дня посвящено было празднествамъ. Князь Михаилъ, точно такъ же, какъ и въ прежніе два дня, ѣздилъ по освѣщеннымъ улицамъ города съ своею свитою. Милошъ призывалъ къ себѣ то одного, то другого, то третьяго, кой о чемъ разузнавалъ, кой о комъ спрашивалъ; позднимъ вечеромъ приглашалъ къ себѣ нѣкоторыхъ изъ старыхъ совѣтниковъ, иныхъ даже по два раза. Между прочимъ позвалъ и Стевчу и спрашивалъ его: кого бы назначить въ попечители, кого въ совѣтники? Хотя Стевча уже и переговорилъ съ своими друзьями, предвидя такой вопросъ отъ стараго князь, но ограничился лишь неопредѣленными совѣтами. Но едва Стевча успѣлъ вернуться домой, какъ получилъ указъ о назначеніи его попечителемъ внутреннихъ дѣлъ. Съ тѣмъ же Моей Бркою, который приносилъ ему указъ, Стевча возвратилъ его назадъ, сказавъ: «Я не хочу никакой службы». Но чрезъ нѣсколько минутъ къ нему явился адъютантъ князя, Станойло, съ тѣмъ же указомъ; Стевча и ему отвѣтилъ, что не хочетъ никакой службы, но желаетъ возвратиться домой и оставаться тѣмъ, чѣмъ былъ прежде. Онъ не хотѣлъ давать повода врагамъ своимъ говорить, что дѣйствовалъ на скупщинѣ изъ-за личныхъ интересовъ въ виду какого либо вознагражденія, и потому еще, что зналъ о сплетняхъ на него, сообщенныхъ молодому князю.

Предлагая Милошу сохранить нѣкоторыхъ изъ прежнихъ членовъ совѣта, Стевча старался выгородить отъ общей участи, назваченной скупщиною для администраціи предшествовавшаго княженія, и другихъ чиновниковъ. Какъ намѣстникъ, онъ ограничился удаленіемъ изъ службы лицъ, опредѣленныхъ скупщиною къ изгнанію изъ страны: теперь же ему предстояло высказать предъ старымъ княземъ свое независимое мнѣніе объ этихъ людяхъ. У него искали помощи и сами опальные. Вотъ что на примѣръ писалъ Стевчѣ въ самый день пріѣзда князей въ Бѣлградъ Яковъ Живановичъ: «Любезнѣйшій господинъ, старый пріятель мой, я вамъ много благодаренъ на вашей милости и вообще на добрыхъ словахъ, которыя вы дали мнѣ и которыя сдержали. Теперь, слава Богу, князь прибылъ; единственнымъ желаніемъ моимъ было бы видѣться съ нимъ и лично переговорить. Я совершенно спокоенъ совѣстью, ибо вполнѣ невиненъ и въ гражданскомъ и въ политическомъ отношеніяхъ, какъ не можетъ быть невиннымъ никто другой въ Сербіи, и увѣренъ, что обо мнѣ думаютъ такъ оба князя. Вы тоже мнѣ говорили, что никто не умѣлъ указать вамъ, въ чемъ я обвиняюсь; то же самое говорили мнѣ и многіе члены скупщины, съ коими я вижусь. Только въ послѣдніе два дня я услыхалъ, что меня укоряютъ за то, будто бы я сплетнями изгналъ князя Михаила, и будто бы я противился введенію Вукова правописанія. Во время сверженія князя Михаила я былъ въ Вѣнѣ при князѣ Милошѣ, и онъ лучше знаетъ, что я дѣлалъ; а Вуково правописаніе запрещено еще въ 1832 году, стало быть, прежде пріѣзда моего въ Сербію—въ 1834 году, и послѣ было запрещаемо при всѣхъ правительствахъ. Наконецъ, можетъ ли это быть основаніемъ для столь страшнаго обвиненія? А потому усердно прошу васъ представить и тому и другому князю мою просьбу, чтобы дозволили мнѣ явиться и объяснить предъ ними все, что только пожелаютъ узнать отъ меня; а я увѣряю ихъ обоихъ, что они не могутъ имѣть никого на свѣтѣ болѣе вѣрнаго и приверженнаго, чѣмъ я. Мнѣ все думается, что я лишь случайно, и только по проискамъ одного человѣка, включенъ въ списокъ опальныхъ. Вы удивитесь, когда я вамъ объясню причины того; дивится и вся публика бѣлградская, что можно имѣть нѣчто противъ меня при возвращеніи Обреновичей, за которыхъ я сталъ страдать ранѣе другихъ. а можетъ быть и болѣе всѣхъ. Пишу это вамъ съ такимъ сердцемъ, которое всегда было расположено къ вамъ, какъ вы и сами знаете, и прошу о

краткомъ отвѣтѣ, хотя бы и словесномъ чрезъ какое либо довѣренное лицо» *). Живановичъ, бывшій княжескимъ секретаремъ еще въ первое правленіе Милоша, долженъ былъ оставить службу по требованію уставобранителей не задолго до отреченія стараго князя, проживалъ долгое время въ Австріи, но потомъ, въ эпоху сближенія Карагеоргіевича съ австрійской политикой, снова былъ принятъ въ сербскую службу. Онъ былъ человѣкъ хитрый и пронырливый, но прямыхъ уликъ противъ него нельзя было найти, хотя общественное мнѣніе и относилось къ нему столь же строго, какъ относилось къ другимъ обвиненнымъ скупщиной. Гоненіе на старыхъ совѣтниковъ, начатое скупщиной и встрѣтившее горячаго поборника въ самомъ Милошѣ, перешло даже въ газеты. Въ «Сербскихъ Новинахъ» отъ 27-го января перепечатаны были статьи иностранныхъ газетъ, отзывавшихся дурно о совѣтѣ; а черезъ день въ нихъ помѣщена была оригинальная статья, въ которой разбирались вопросы: на сколько бывшіе совѣтники удовлетворяли качествамъ, требуемымъ отъ нихъ даже старымъ уставомъ, падаетъ ли отвѣтственность за событіе 12-го декабря на цѣлый совѣтъ, или только на нѣкоторыхъ членовъ его, и можетъ ли совѣтъ быть судьею при обвиненіи его самого, какъ это выводили иные изъ закона Етемъ-паши? Отвѣтъ былъ неблагопріятный для совѣта. Среди такихъ обстоятельствъ, Милошу трудно было остановиться на избраніи тѣхъ, или другихъ лицъ при образованіи новаго совѣта. Кромѣ того, онъ и самъ еще не былъ объявленъ формально въ званіи сербскаго князя. Эта формальность исполнена была 28-го января всенароднымъ прочтеніемъ на калимейданѣ султанскаго берата.

Милошъ въ тотъ день еще съ утра находился въ раздраженномъ состояніи, ибо нѣкоторые изъ преданныхъ ему лицъ сообщили свои опасенія, чтобы Вучичъ, когда княжескій поѣздъ поѣдетъ мимо его дома, не выстрѣлилъ изъ окна въ Милоша. Старый князь тотчасъ же послалъ за Стевчей и велѣлъ ему сѣсть въ одинъ экипажъ съ собой предъ отъѣздомъ на калимейданъ. Стевча, съ своей стороны, распорядился послать къ Вучичу Филиппа Станковича съ приказомъ, чтобы находился все время неотступно при Вучичѣ; Милошъ же, сердясь, говорилъ Груичу: «Зачѣмъ вы не заперли Вучича, какъ я вамъ писалъ? тогда вы

*) О Живановичѣ см. «Россія и Сербія», т. I, въ послѣднихъ примѣчаніяхъ.

могли бы легко обмануть его и запереть; а кто теперь вызоветъ его изъ дома? вотъ и нужно присматривать, чтобъ не искалѣчилъ кого нибудь; я вамъ писалъ, а вы не послушались меня». Груичъ молчалъ, не желая приводить въ гнѣвъ Милоша въ такой день. Въ эту минуту доложили, что прибылъ Ѳедоръ Гербесъ. Груичъ хотѣлъ было выйти, но Милошъ остановилъ его. Старый Гербесъ, войдя въ залу, глубоко поклонился князю, поцѣловалъ его руку, потомъ опять поклонился и сказалъ: «Будучи старъ, я не могъ выйти для встрѣчи вашей свѣтлости вмѣстѣ съ народомъ и возымѣлъ свободу явиться теперь, чтобы поздравить васъ отъ себя и отъ имени жены» (нѣкогда знаменитой наперсницы Милоша, Еленки). «Старъ и я, сказалъ князь, а все еще мы съ тобой годны; хоть и постарѣли, но не потеряли еще памяти». Продолжая говорить въ томъ же родѣ, Милошъ неожиданно заключилъ рѣчь такими словами, сказанными возвышеннымъ голосомъ: «Гербесъ! ты мой кабинетный совѣтникъ по части финансовъ». Гербесъ поцѣловалъ руку князя. Милошъ, указавъ на Груича, сказалъ: «А вотъ представникъ», то-есть попечитель иностранныхъ дѣлъ. Гербесъ поцѣловалъ у князя руку и за Груича, прибавивъ: «Это мой зять, господарь».—«Развѣ я не знаю?» замѣтилъ Милошъ, и разговоръ на этомъ кончился. Наступало время ѣхать на калимейданъ. Князь Михаилъ, которому не нравилось, что въ бератѣ не было упомянуто о его наслѣдственныхъ правахъ, не хотѣлъ ѣхать; но Милошъ требовалъ того, и Михаилъ повиновался. Тогда Стевча и остальные, присутствовавшіе во дворцѣ, стали доказывать, что будетъ лучше, если наслѣдникъ престола не поѣдетъ къ слушанію берата, и Милошъ согласился съ ними. Михаилъ остался во дворцѣ, а съ нимъ и Груичъ, чтобы не оставить молодого князя одинокимъ. Всѣ прочіе отправились на калимейданъ. Стевча сѣлъ съ Милошемъ, который одѣтъ былъ великолѣпно. Нѣкоторые изъ простыхъ обреновцевъ собрались вооруженною толпой на коняхъ, чтобы сопровождать князя, и присоединились къ обычной въ такіе дни княжеской свитѣ.

При церемоніи прочтенія султанскаго берата присутствовали всѣ члены народной скупщины, Османъ-паша и Кабули-эфенди, иностранные дипломаты, духовенство и многочисленный народъ. Члены скупщины расположились противъ трибуны, съ которой читанъ былъ бератъ. Чтеніе происходило сперва на турецкомъ языкѣ, потомъ на сербскомъ: «Владыка наивышняго царства,

непостижимый, невидимый, несравненный, благоволилъ, по своему вѣчному могуществу и неисчерпаемой великой милости, поставить въ обязанность моему царскому величеству, чтобы я заботливо пекся о благосостояніи, счастіи и безопасности всѣхъ подданныхъ, живущихъ въ моемъ царствѣ. Благодаря Всевышняго Творца за такія милости, я денно и нощно трудился, чтобы мои подданные всѣ безъ различія пользовались плодами мира и безопасности, а особенно заботился, чтобы народъ сербскій, вѣрноподанный моему высокому царству, былъ участникомъ таковыхъ благодѣяній и былъ удовольствованъ всегда и во всемъ. Такъ какъ, постановленный прежде отъ моего высокаго царства, князь Александръ подалъ въ отставку, которая и уважена мною, то сербскій народъ избралъ себѣ въ князья имѣющаго сей счастливый царскій знакъ мой, бывшаго князя Милоша Обреновича, одареннаго мудростью и справедливостью и способнаго управлять дѣлами княжества, и ходатайствовалъ предъ моимъ царскимъ величествомъ, дабы я даровалъ ему то достоинство. Надѣясь, что онъ будетъ править по моей царской волѣ и заботиться о благосостояніи народномъ, я, по неограниченной моей царской милости, даровалъ ему фирманомъ отъ 8 джимазіелъ-ахира 1275 года княжеское достоинство въ Сербіи, и далъ ему на то сей приносящій счастіе бератъ, повелѣвая управлять княжествомъ, руководить государственными дѣлами и точно выполнять всѣ мои царскія повелѣнія, касающіяся внутренняго устройства земли и изложенныя въ хаттишерифахъ. Члены совѣта, старѣйшины и весь народъ имѣютъ признать его княземъ, поставленнымъ отъ моей высокой Порты, дабы во всѣхъ касающихся княжества дѣлахъ обращались къ нему и его рѣчи, относящіяся до земскаго устройства, слушали и исполняли; онъ же, оставаясь постояннымъ на пути покорности, преданности и почтенія, будетъ употреблять всѣ свои силы, чтобы исполнять свои обязанности по нашей наивысшей волѣ. О состояніи земскихъ дѣлъ, которыя нужно будетъ приводить въ исполненіе, онъ не оставитъ представлять къ подножію высокаго престола нашего. Онъ долженъ показывать вѣрность и ревность при исполненіи всѣхъ переданныхъ ему обязанностей. Въ дѣйствія его никто не смѣетъ мѣшаться, кто бы то ни былъ. Да знаютъ всѣ о томъ и вѣрятъ моему священному знаку». Во время чтенія берата въ турецкой крѣпости стрѣляли изъ пушекъ; ей отвѣчала сербская артиллерія, расположенная у казармъ. Послѣ того сербы отправились

въ церковь, гдѣ совершено было краткое молебствіе. По возвращеніи князя во дворецъ ему принесены были поздравленія.

Въ тотъ же день отъ имени князя издана была прокламація къ народу, писанная Милованомъ Янковичемъ. Въ ней было сказано между прочимъ: «Племенитый народъ! дорогая братья моя! вотъ опять между вами вашъ старый господарь Милошъ, обливающій слезами радости ту самую землю, которую выкупилъ кровью вмѣстѣ съ вами. Судьба, видно, хотѣла, чтобы мы не видались цѣлыхъ двадцать лѣтъ, и чрезъ то болѣе узнали и самихъ себя и другъ друга. Я въ чужихъ краяхъ стремился за своимъ народомъ, а вы въ своей собственной землѣ были чужими сиротами. Но хвала милостивому Богу! Онъ сохранилъ во мнѣ жизнь, а въ васъ горячую, чистую любовь ко мнѣ, и вотъ нынѣ мы опять видимся, никогда не разставаясь сердцемъ. Ты самъ, вѣрный народъ мой, въ лицѣ твоей святоандреевской скупщины, снова возвысилъ меня на престолъ владѣтельнаго князя сербскаго съ правами наслѣдства, которыя и прежде по народному желанію, признанному особымъ хаттишерифомъ, принадлежали династіи Обреновичей. Ты снова позвалъ меня на достоинство наслѣдственнаго князя Сербіи, и я принялъ изъ рукъ твоей скупщины соль и хлѣбъ, дабы, вкусивъ его, охранять его для тебя, пребывая въ любви съ моимъ народомъ, какъ любятся хлѣбъ и соль, и принялъ вино изъ народныхъ рукъ въ знакъ того, что буду заботиться о народномъ благосостояніи и молить Бога, да низпошлетъ Онъ на нашу землю всякое добро и благо... Народъ, сила моя! у меня нѣтъ болѣе родныхъ братьевъ, нѣтъ никакого другого рода; а потому всѣ мои заботы отнынѣ будутъ обращены на то, чтобы осчастливить тебя, мою единственную братью и твоихъ дѣтей, которые вмѣстѣ съ тѣмъ суть и мои дѣти, и которыхъ я люблю какъ и моего единственнаго родного сына, будущаго владѣтеля твоего—князя Михаила».

На сколько прокламація князя понравилась народу, на столько содержаніе султанскаго берата вызывало порицанія со стороны народно-либеральной партіи и простыхъ обреновцевъ. Послѣднихъ болѣе всего возмущало молчаніе берата о наслѣдственныхъ правахъ династіи Обреновичей, и, быть можетъ, въ первый разъ еще султанскій фирманъ, прочтенный на бѣлградскомъ калимейданѣ, былъ встрѣченъ народнымъ молчаніемъ. Разныя мнѣнія высказывались по этому случаю касательно вопроса о наслѣдственности. Одни жалѣли, что не истребована была копія съ берата, на

основаніи которой можно было бы заявить предъ турецкимъ комисаромъ желаніе, чтобы въ бератъ была заранѣе включена статья о наслѣдственности. Другіе говорили, что и теперь еще можно заявить таковое желаніе посредствомъ великой скупщины изъ 5.000 человѣкъ, которую можно составить, прибавивъ къ святоандреевской скупщинѣ 4.500 новыхъ избранныхъ народомъ депутатовъ, которые бы стали лагеремъ подъ Бѣлградомъ въ ожиданіи отвѣта изъ Константинополя. Третьи говорили, что будетъ достаточно, если и нынѣшняя скупщина составитъ актъ о престолонаслѣдіи, который долженъ быть прочитанъ всенародно и сдѣлаться чрезъ то какъ-бы дополненіемъ берата. Четвертые совѣтовали не обращать вниманія на молчаніе берата и считать возстановленіе Милоша вмѣстѣ съ тѣмъ и возстановленіемъ его наслѣдственныхъ правъ. Рѣшили наконецъ созвать въ тотъ же день обыкновенное засѣданіе скупщины и разобрать въ немъ султанскій бератъ самымъ строгимъ образомъ. Князья ни отвергали этой мысли, ни поддерживали ее.

Засѣданіе открылось въ три часа пополудни и было чрезвычайно бурное. По выслушаніи берата въ самой скупщинѣ, члены ея изъявили единогласно: 1) что скупщина не знаетъ ничего объ отставкѣ бывшаго князя Александра, о которой упоминается въ бератѣ, ибо сербскій народъ свергнулъ его съ княжескаго достоинства, какъ неспособнаго правителя, и при томъ на основаніи привиллегій своихъ, утвержденныхъ аккерманскою конвенціей и султанскимъ хаттишерифомъ, изданнымъ въ сентябрѣ 1829 года; 2) что сербскій народъ не избиралъ на сей скупщинѣ, но возстановилъ князя Милоша въ его достоинствѣ съ правами наслѣдства, которыя признаны за нимъ султанскимъ хаттишерифомъ отъ 3-го августа 1830 года и параграфомъ первымъ земскаго устава; 3) что сербскому народу принадлежитъ право поставлять себѣ князей, а Порта только подтверждаетъ ихъ, и потому неосновательно выраженіе берата, что Порта поставила князя Милоша; 4) такъ какъ Сербія имѣетъ полную внутреннюю независимость, признанную султанскими хаттишерифами 1830 и 1833 годовъ и параграфомъ вторымъ земскаго устава, то Порта не можетъ приказывать сербскому князю, дабы онъ вступилъ въ управленіе землей, какъ будто бы князь не могъ принять управленіе внутренними дѣлами страны на основаніи народнаго постановленія; а еще менѣе можетъ Порта предписывать, какимъ образомъ князь долженъ вести управленіе; 5) такъ

какъ сербскій народъ имѣетъ право даровать своему князю наслѣдственность въ его достоинствѣ, то народная скупщина, возвративъ князя Милоша, кромѣ того постановила, что въ случаѣ осиротѣнія сербскаго престола, наслѣдникъ его, князь Михаилъ, долженъ тотчасъ же принять въ свои руки княжескую власть, а посему, если въ бератѣ и не упоминается о наслѣдственности княжескаго достоинства, то она чрезъ то не можетъ быть ослаблена никоимъ образомъ. На основаніи такого рѣшенія скупщина приняла чрезвычайно длинный, имѣющій всю форму дипломатическихъ сношеній, актъ, составленный Милованомъ Янковичемъ, и рѣшила представить его посредствомъ особой депутаціи министерству иностранныхъ дѣлъ для руководства. Въ этомъ актѣ разбирались самымъ рѣшительнымъ образомъ два вопроса: имѣетъ ли Порта власть не подтвердить сербскаго князя, котораго народъ изберетъ правильнымъ и законнымъ образомъ, и какое именно значеніе для Сербіи и для Порты должно имѣть подтвержденіе послѣднею сербскаго князя? Отвѣтъ на эти вопросы сводился главнымъ образомъ къ слѣдующимъ положеніямъ. Ни въ какихъ трактатахъ, касающихся Сербіи, ни въ какихъ договорахъ между Сербіей и Портой, не значится, что Порта имѣетъ право и не одобрить народное избраніе сербскаго князя. Вассальныя земли въ такихъ случаяхъ обязаны исполнить лишь нѣкоторыя формальности, которыя и остаются таковыми, указывая лишь на отношенія господства и подчиненности, а не заключая въ себѣ никакихъ существенныхъ правъ для одной стороны, или обязанностей для другой. Равнымъ образомъ и подтвержденіе сербскихъ князей Портою есть только форма, посредствомъ которой Порта при каждой перемѣнѣ сербскаго князя возобновляетъ напоминаніе, что она считаетъ себя сузереномъ Сербіи. Такое право Порты имѣетъ лишь то значеніе для сербскаго народа, что онъ долженъ доводить до свѣдѣнія Порты каждый разъ, какъ мѣняется князь въ Сербіи. Порта же при этомъ подтверждаетъ не сербскаго князя, а только свое право на сузеренство, дабы оно не забылось или не устарѣло. Это подтверждается и тѣми 100.000 піастровъ, которые Порта при такихъ случаяхъ получаетъ отъ Сербіи; ибо эта сумма есть тѣ деньги, которыя нѣкогда феодальныя земли выплачивали своимъ владѣтелямъ какъ знакъ, что при сохраненіи своихъ правъ признаютъ и ихъ господство. Изъ всего этого скупщина выводила, что еслибы Порта не захотѣла утвердить котораго либо изъ сербскихъ князей,

то тѣмъ повредила бы только себѣ, а не Сербіи, и не могла бы ослабить чрезъ то избраніе и власть сербскаго князя; ибо, по земскимъ и народнымъ правамъ Сербіи, такой князь и безъ подтвержденія Порты былъ бы истиннымъ главою и княземъ, лишь только сербскій народъ изберетъ его и доведетъ о томъ до свѣдѣнія Порты. Въ заключеніе скупщина требовала, чтобы правительство приготовило законъ о наслѣдственности княжескаго достоинства.

Засѣданіе скупщины кончилось принятіемъ повторительныхъ опредѣленій противъ совѣта и Вучича. Скупщина требовала, съ одной стороны, немедлѐнной отдачи подъ судъ тѣхъ совѣтниковъ, которые 12-го декабря подняли войска противъ народа; съ другой, осужденія Вучича за то, что онъ въ 1839 году измѣнническимъ образомъ остановилъ войска на Трешнѣ и распустилъ ихъ, что въ томъ же году разорилъ народную кассу на 10.000 дукатовъ, подъ именемъ награды за услуги, оказанныя отечеству чрезъ его измѣну; что, при исполненіи своихъ замысловъ, искалъ помощи отъ турокъ, обѣщая предать имъ шесть новыхъ округовъ, добытыхъ кровію народа, если ему удастся низвергнуть правительство князя Михаила; что въ 1842 году свирѣпо мучилъ, грабилъ, разорялъ и немилостиво убивалъ гражданъ, которые оставались вѣрными своему законному князю; что при всякомъ удобномъ случаѣ разорялъ народную казну и набралъ себѣ такія богатства, которыхъ не могъ бы собрать ни при какихъ условіяхъ отъ одного жалованья, получаемаго отъ правительства; что, какъ непріятель отечества, устроилъ на счетъ народной казны всѣ турецкіе караулы по бѣлградскому валу, единственно изъ признательности къ туркамъ, которые ему помогали въ измѣнѣ князю Михаилу и сербскому народу; что въ 1844 году учинилъ грозное мученіе и убійства, многіе дома сжегъ разбойнически, на примѣръ: домъ Живана Антонича изъ Ликодры, Дамьяна Іосича изъ Скупницы, Матіи Поповича изъ Брадича, Яникія Дробняка изъ Рипня и Благоя изъ Кука, у многихъ несчастныхъ отнялъ большія деньги, а у другихъ взялъ ихъ какъ цѣну за жизнь и голову; что въ 1848 году; а равно и въ послѣднее время, былъ замѣшанъ съ остальными вельможами во всѣ казни и интриги, отъ коихъ страдала Сербія. Такъ скупщина въ концѣ своей дѣятельности расчищала широкій путь для возстановленной ею династіи.

Принявъ формальнымъ образомъ княжескую власть, Милошъ

долженъ былъ приступить къ назначенію министровъ и совѣтниковъ. Хотя сначала онъ и думалъ ограничиться выборомъ изъ людей, руководившихъ скупщиною; но они сами не желали такой исключительности. Стевча Михайловичъ, тотчасъ же по обнародованіи княжеской прокламаціи, подалъ Милошу просьбу о своемъ увольненіи отъ службы, написанную ему Груичемъ. Указавъ въ ней на успѣшныя дѣйствія народной скупщины, въ которой онъ былъ поднредсѣдателемъ, и на счастливое окончаніе дѣлъ во время его намѣстничества, Стевча просилъ у князя одной милости — «дозволить ему возвратиться къ мирной, спокойной жизни, къ которой онъ привыкъ, и освободить его отъ всякаго вмѣшательства или участія въ земскомъ управленіи», при чемъ ссылался на свое изнуренное здоровье. Стевча рѣшился на этотъ шагъ послѣ совѣщаній съ своими друзьями, которые одобрили его намѣреніе. Въ тотъ же вечеръ, когда принята была просьба Стевчи, во дворцѣ шли разговоры о назначеніи совѣтниковъ и попечителей. Милошъ спрашивалъ совѣтовъ рѣшительно у всѣхъ. Стевча, Угричичъ, Груичъ и члены тѣснаго кружка соединенныхъ либераловъ и сознательныхъ обреновцевъ уже составили нѣсколько примѣрныхъ списковъ для назначенія новыхъ чиновниковъ. Всѣ они полагали одинаково, что карагеоргіевцы не могутъ быть оставлены на важныхъ мѣстахъ. Изъ остальныхъ уставобранителей, которые дѣйствовали противъ Карагеоргіевича, не думая однакожъ объ Обреновичахъ, полагали удержать нѣкоторыхъ въ службѣ, особенно Гарашанина, имя котораго было полезно по отношенію къ Портѣ и иностраннымъ державамъ. На этомъ основаніи Стевча и Груичъ склонялись къ такому составу правительства: представникомъ княжескимъ и попечителемъ иностранныхъ дѣлъ они предлагали назначить Илью Гарашанина; попечителемъ внутреннихъ дѣлъ—Миливоя Іовановича, начальника ужицкаго округа, весьма пожилого и считавшагося человѣкомъ почтеннымъ; попечителемъ финансовъ — Ѳедора Гербеса, о коемъ проговорился самъ Милошъ, и который, бывъ совѣтникомъ до 1842 года, оставался потомъ безъ службы, но зная много языковъ: русскій, французскій, нѣмецкій, греческій, турецкій, мадьярскій, румынскій, слылъ человѣкомъ ученымъ; попечителемъ правосудія и народнаго просвѣщенія — Іевту Угричича, бывшаго тогда предсѣдателемъ кассаціоннаго суда. Въ члены совѣта они предлагали изъ старыхъ совѣтниковъ: Димитрія Црнобарца, Филиппа Христича, Стефана Магазиновича,

Лазаря Арсеньевича Баталаку, Гаврила Еремича, Стояна Лешанина и Іовицу Николаевича; изъ новыхъ лицъ: Голуба Петровича, Андрея Стаменковича, Іована Илича и Тешмана, остальныя же шесть мѣстъ оставляли на время не замѣщенными. При этомъ предполагали, что скупщина могла, отставивъ всѣхъ старыхъ совѣтниковъ, изъявить теперь свое довѣріе къ вышеупомянутымъ, послѣ чего князь принялъ бы ихъ въ службу. Иличъ неодобрялъ этого списка, ибо еще во время путешествія съ княземъ представлялъ ему, что лучше будетъ и для него, и для земли, если онъ привлечетъ къ службѣ новыя силы и не возьметъ никого изъ старыхъ чиновниковъ. Филиппъ Станковичъ выражалъ желаніе вычеркнуть изъ списка Гарашанина, а къ совѣтникамъ прибавить Илью Наваковича и Живка Давидовича. Прежде представленія списка Милошу, Стевча показалъ его молодому князю; тотъ не сдѣлалъ никакихъ замѣчаній, только выразилъ сомнѣніе при именахъ Црнобарца и Баталаки. Отпрашиваясь у Милоша въ отпускъ, Стевча представилъ ему и списокъ будущихъ попечителей и совѣтниковъ. Милошъ, призывая къ себѣ попеременно членовъ либеральнаго кружка, убѣдился, что многіе изъ нихъ несогласны съ представленными князю кандидатами, и сталъ показывать списокъ уже всѣмъ, кто ни приходилъ къ нему, говоря, что его подбросили во дворецъ словно пасквиль какой, съ намѣреніемъ навязать Гарашанина. Слухъ о томъ распространился по городу, и нашлось много охотниковъ поддакивать князю. Милошъ съ своей стороны твердилъ: «Хорошо, братья! кого не хочетъ народъ, тѣхъ и я не хочу; а кто ему правится, тѣ и мнѣ годны.»

Посвятивъ слѣдующее утро пріему австрійскихъ генераловъ, Юнгбауера и графа Сентъ-Кентена, прибывшихъ изъ Землина съ многочисленною свитой для поздравленія обоихъ князей отъ имени императора, Милошъ снова обратился къ вопросу о министерствѣ и совѣтѣ. Позвавъ къ себѣ Илича, онъ послалъ его въ скупщину, собравшуюся тогда на предпослѣднее засѣданіе, и велѣлъ ему объявить, чтобы всякій округъ назвалъ двухъ или трехъ человѣкъ, которыхъ бы желалъ видѣть совѣтниками. Отпустивъ Илича, Милошъ послалъ за Груичемъ, и когда тотъ явился въ княжескую канцелярію, вызвалъ къ себѣ и обратился къ нему съ упрекомъ: «Гдѣ ты пропадаешь? пора работать! напиши указъ и принеси его ко мнѣ для приложенія подписи *): себя напиши

*) Милошъ, за безграмотностью, ко всѣмъ актамъ прикладывалъ свою подпись посредствомъ вырѣзаннаго нарочно для сей цѣли штемпеля.

представникомъ и попечителемъ иностранныхъ дѣлъ, твоего старца (Гербеса) попечителемъ финансовъ, Евту (Угричича)—правосудія и просвѣщенія, а Миливоя (Іовановича)—внутреннихъ дѣлъ.» Груичъ молча вышелъ и отправился посовѣтоваться съ друзьями. Милошъ же думалъ, что онъ пошелъ въ княжескую канцелярію.

Въ это время скупщина уже назначила для присутствія при слѣдствіи надъ бывшими совѣтниками Антоніемъ Майсторовичемъ и Ранкомъ Матѣичемъ, предводительствовавшими 12-го декабря войскомъ въ его походѣ за Карагеоргіевичемъ, двухъ депутатовъ: предсѣдателя окружнаго суда въ Валѣвѣ Іована Мичича и депутата трнавскаго среза чачанскаго округа, Васу Маджаревича. Потомъ скупщина выслушала Илича, который представилъ ей отчетъ о дѣйствіяхъ депутаціи, ѣздившей въ Букарештъ. Скупщина постановила выразить чрезъ правительство благодарность валашскому народу за дружественный пріемъ сербскихъ депутатовъ, а отъ бывшаго совѣтника Еремича потребовать отчета въ 2.000 дукатахъ, выданныхъ ему на расходы по депутаціи. Порученіе же Милоша Иличъ передалъ частнымъ образомъ должностнымъ лицамъ скупщины. Наконецъ Милованъ Янковичъ предложилъ, и скупщина одобрила, чтобы князь Михаилъ, въ качествѣ наслѣдника сербскаго престола, именовался Обреновичемъ III, ибо въ 1839 году, по удаленіи Милоша, княземъ Сербіи былъ нѣкоторое время старшій сынъ его, Миланъ Обреновичъ II; а предсѣдатель окружнаго рудницкаго суда Божо Божовичъ предложилъ, чтобы составленъ былъ проектъ закона о наслѣдственныхъ правахъ династіи Обреновичей. Скупщина рѣшила представить правительству о необходимости такого закона.

Между тѣмъ Груичъ на совѣщаніи съ своими друзьями уговорился, чтобы князь взялъ въ попечители иностранныхъ дѣлъ кого хочетъ, а самъ Груичъ былъ бы только помощникомъ сего лица; чтобы остальными назначены были лица, которыхъ назвалъ самъ Милошъ, но къ нимъ приданы помощники, для финансовъ—Милованъ Янковичъ, для правосудія и просвѣщенія—Іованъ Иличъ, для внутреннихъ дѣлъ—Ранко Алимпичъ. Если же князь хочетъ имѣть Груича своимъ представникомъ, то поименованныя лица должны быть назначены попечителями. Уговорившись на томъ, Груичъ отправился къ Михаилу, который одобрилъ составленный либеральною партіей списокъ, и даже совѣтовалъ предложить его старому князю на указанныхъ усло-

віяхъ. Но время приближалось уже къ полдню, и во дворцѣ собирались къ обѣду. А такъ какъ Милошъ всегда обѣдалъ особо, то Груичу пришлось видѣться за столомъ только съ Михаиломъ и лицами, приглашенными въ тотъ день. Послѣ обѣда Груичъ сообщилъ Милошу условія, на которыхъ онъ берется составить министерство. «Да ты что ли князь, или я?» возразилъ Милошъ. — Не я, а ваша свѣтлость; но за дѣла долженъ буду отвѣчать я, а не вы.—«Такъ что же я, когда ты говоришь моими устами?» спросилъ Милошъ и, не дожидаясь отвѣта, закричалъ: «Ты не за меня!»—Если я былъ за васъ, говорилъ Груичъ, когда еще васъ не было здѣсь, то и теперь, когда вы прибыли, я конечно за васъ.—«Отчего-жь не хочешь быть представникомъ?» спрашивалъ Милошъ. Груичъ сталъ доказывать ему, что Гарашанинъ пользуется и у Порты, и у покровительствующихъ дворовъ довѣріемъ, что онъ всегдашнимъ отпоромъ австрійскимъ замысламъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и самой Портѣ, заслужилъ популярность даже у задунайскихъ сербовъ; что онъ былъ бы полезенъ въ предстоящихъ сношеніяхъ съ Портою, и что вообще важнѣе для самой династіи удержать Гарашанина въ службѣ, чѣмъ оставить внѣ ея; затѣмъ намекнулъ, какъ полезно было бы для внутреннихъ дѣлъ назначить Стевчу предсѣдателемъ совѣта, а Стаменковича товарищемъ ему. Но князь сказалъ: «Послушай! не учи ты меня; знаю я Гарашанина лучше, чѣмъ ты. Будетъ съ него, что я терплю его здѣсь; а въ службѣ ему нѣтъ мѣста». Видя, что Милошъ рѣшительно не хочетъ имѣть Гарашанина представникомъ, Груичъ не хотѣлъ и самъ такой чести для себя, говоря, что по закону двое родственниковъ не могутъ быть въ одномъ министерствѣ, а онъ и Гербесъ близкіе родственники. «А какъ это вы будете заодно? спросилъ Милошъ:—вы каждый дѣлайте за себя, онъ тамъ, а ты тутъ».—Но по закону нельзя, твердилъ Груичъ. «Да вѣдь я вчера назначилъ его, сказалъ Милошъ, а ты сегодня хочешь другого». Немного подумавъ, Милошъ спросилъ: «Хочешь ли ты быть при мнѣ, или нѣтъ? скажи прямо». Груичъ отвѣтилъ: «Не могу безъ названныхъ мною друзей». Милошъ закипѣлъ гнѣвомъ, и тутъ только Груичъ увидалъ того Милоша, которымъ такъ пугали молодыхъ либераловъ люди старой партіи. «Ступай! ты не для меня», крикнулъ разгнѣванный князь. Груичъ вышелъ и, войдя къ Михаилу, гдѣ засталъ Мишу Анастасьевича, сообщилъ по-французски молодому князю о результатѣ переговоровъ съ его отцомъ.

Михаилъ также по-французски попросилъ его прислать къ нему Цукича, который за нѣсколько дней предъ тѣмъ пріѣхалъ изъ Вѣны въ Бѣлградъ. Груичъ пошелъ къ своимъ друзьямъ, и тѣ, выслушавъ его расказъ о переговорахъ съ Милошемъ, рѣшились лучше остаться при тѣхъ званіяхъ, которыя имѣли, чѣмъ принимать высшія.

Между тѣмъ члены скупщины, узнавъ о предложеніи князя, сообщенномъ чрезъ Илича, раздѣлились на округи и стали совѣщаться о своихъ кандидатахъ на званіе совѣтниковъ. Депутаты бѣлградскаго округа спорили между собой о Груичѣ, Иличѣ и Гарашанинѣ. Яникій Дробнякъ, у котораго Вучичъ въ 1842 году сжегъ домъ за то, что онъ указалъ приверженцамъ князя Михаила, куда поѣхалъ Милутинъ Гарашанинъ, говоритъ: «Давайте, братья, возьмемъ Гарашанина; грѣхъ будетъ, если этотъ человѣкъ останется безъ службы. Груичъ еще молодой человѣкъ; если и не попадетъ теперь, то еще успѣетъ; а Гарашанинъ, если теперь не возьмемъ его, удалится совсѣмъ, хотя еще и можетъ служить». Но послѣ долгихъ споровъ бѣлградскій округъ остановился на двухъ кандидатахъ, Груичѣ и Иличѣ. Ягодинскій округъ избралъ Стевчу и Любомира Петроніевича. Пока длились эти частныя совѣщанія членовъ скупщины, по городу разнеслись слухи, что скоро повезутъ Вучича на судъ и даже въ оковахъ. Громадная толпа народа собралась около его дома, и только къ вечеру удалось Стевчѣ уговорить толпившихся, чтобы они разошлись по домамъ. Къ концу того же дня Милошъ успѣлъ найти себѣ представника и попечителя иностранныхъ дѣлъ въ лицѣ Стефана Магазиновича, который со временъ закона Етемъ-паши считался послѣдователемъ Гарашанина. Остальными министрами назначены были тѣ самыя лица, которыхъ Милошъ называлъ Груичу. Указъ объ этомъ первомъ министерствѣ Милоша обнародованъ былъ уже на слѣдующее утро.

Въ пятницу 30-го января приведено было въ исполненіе рѣшеніе народной скупщины о Вучичѣ, что стоило не меньшихъ хлопотъ, какъ и образованіе министерства. Стевча, бывъ княжескимъ намѣстникомъ, не рѣшился арестовать Вучича, и это было одною изъ причинъ мимолетнаго гнѣва Милоша противъ него и Груича. Убѣдившись въ твердости своего положенія, Милошъ однакожь боялся своего давняго и непримиримаго врага, ненавидѣлъ его, какъ главнаго виновника своего сверженія въ 1839 году. Вучичъ и самъ понималъ, что между Милошемъ и

имъ не можетъ быть взаимнаго прощенія. Онъ былъ главнымъ противникомъ стараго князя до полученія устава; онъ организовалъ партію уставобранителей; онъ волновалъ чиновниковъ и народъ противъ Милоша; остановилъ солдатъ, двинувшихся изъ Крагуевца на помощь своему князю; онъ созвалъ скупщину изъ своихъ приверженцевъ для суда надъ ними и надъ самимъ Милошемъ; онъ же вошелъ къ Милошу въ рѣшительную минуту съ пистолетомъ въ рукахъ и принудилъ его согласиться на отреченіе. Кромѣ того Вучичъ былъ въ долгу и у молодаго князя: дѣйствуя чрезъ Порту, онъ напросился въ 1840 году въ кабинетные совѣтники юному Михаилу; онъ устроилъ мятежъ противъ преемника Милошева, при содѣйствіи турокъ и австрійцевъ, и силою оружія выгналъ его изъ отечества. Теперь Вучичъ сознавалъ, что помимо приговора, произнесеннаго надъ нимъ скупщиною, ему предстояла опасность и отъ личной мести Милоша; вотъ почему онъ, съ самаго пріѣзда князей въ Бѣлградъ, никуда не выходилъ, объявивъ, что живъ не выйдетъ изъ дому. Но Милошъ, намѣреваясь исполнить и рѣшеніе скупщины, и свое личное желаніе, задумалъ перевести Вучича въ военный госпиталь и содержать въ заключеніи на все время суда, въ обвинительномъ приговорѣ котораго нельзя было сомнѣваться. Трудно было однакожь найти между людьми, выдвинувшимися впередъ въ дни святоандреевской скупщины, человѣка, который рѣшился бы исполнить желаніе Милоша. Такой человѣкъ отыскался въ рядахъ вольной стражи, охранявшей Бѣлградъ послѣ военнаго движенія, задуманнаго совѣтомъ 12-го декабря. Это былъ самъ начальникъ вольной стражи, уже нѣсколько извѣстный намъ, Филиппъ Станковичъ. Родомъ онъ былъ изъ Смедерева, имѣлъ тамъ небольшую торговлю и давно состоялъ въ знакомствѣ съ Вучичемъ. Онъ при Карагеоргіевичѣ попался подъ судъ по обвиненію въ подлогѣ. Предсѣдателемъ окружнаго суда въ Смедеревѣ былъ Жуевичъ, женившійся въ послѣдствіи на родственницѣ Гарашанина, но тогда еще бывшій орудіемъ Ацики Ненадовича, который управлялъ попечительствомъ внутреннихъ дѣлъ и былъ врагомъ Вучича. Онъ хотѣлъ мстить Вучичу на его приближенныхъ, не смѣя затронуть самого воеводу, и смедеревскій судъ, не смотря на слабость доказательствъ противъ Филиппа Станковича, подвергъ его мучительнымъ допросамъ и осудилъ на тяжкія работы въ оковахъ. Но въ 1855 году, когда Вучичъ снова получилъ вліяніе при Карагеоргіевичѣ и назначилъ попечителемъ внутрен-

никъ дѣлъ Раю Дамьяновича, а представникомъ князя сдѣлался, по настоянію Австріи, Алекса Янковичъ, то имъ удалось освободить Филиппа Станковича, при чемъ Вучичъ далъ ему денегъ на возобновленіе торговли. Филиппъ остался пріятелемъ Вучича, но въ то же время чрезъ Милосава Топаловича находился въ сношеніяхъ и съ Милошемъ. Былъ онъ человѣкъ несказанной смѣлости, чрезвычайно предпріимчивый, и ни въ какомъ положеніи не предавался отчаянію. Онъ-то обратился къ старому князю, тщетно искавшему помощника для арестованія Вучича, съ предложеніемъ: «Я выведу его изъ дома такъ, что никто не потеряетъ волоса съ головы своей». Милошъ три раза поцѣловалъ въ лобъ Филиппа Станковича, приговаривая: «Ты мой, только выведи его». Филиппъ Станковичъ приказалъ запрячь экипажъ князя Михаила, и въ немъ подъѣхалъ къ дому Вучича. Тотъ увидавъ, что пріѣхалъ его Филиппъ, кинулъ слугамъ ключъ изъ окна и велѣлъ, отворивъ ворота, впустить только его. Но вмѣстѣ съ Станковичемъ вошелъ на дворъ и одинъ изъ его служителей. Ворота заперли за ними и ключъ передали Вучичу, который сидѣлъ въ своей комнатѣ одинъ съ пистолетомъ въ рукѣ. Филиппъ Станковичъ сталъ говорить, какъ господарь надумался простить ему все и послалъ за нимъ экипажъ князя Михаила, желая видѣть стараго воеводу. Три раза спрашивалъ Вучичъ: «Скажи мнѣ прямо Филиппъ, правда ли это?» и Станковичъ трижды отвѣчалъ ему: «Да повѣрь мнѣ, не обману тебя». Вучичъ замолчалъ, но, взглянувъ въ окно, увидалъ слугу Филиппа и, думая, что ихъ тутъ много, спросилъ: «А зачѣмъ они?» Станковичъ отвѣчалъ, что на дворѣ только одинъ постоянный слуга его. Вучичъ задумался, взглянулъ на экипажъ, стоявшій на улицѣ, который дѣйствительно принадлежалъ князю Михаилу, потомъ прошелся по комнатѣ и, оставивъ пистолетъ, пошелъ съ Филиппомъ. Онъ самъ отперъ ворота и, держась за нихъ, велѣлъ слугѣ Станковича идти впередъ; тотъ вышелъ. То же самое сказалъ Вучичъ и Филиппу, но послѣдній, не дослушавъ его, растворилъ ворота такъ, что народъ, уже собравшійся на улицѣ, могъ видѣть Вучуча, и пригласилъ его: «Пойдемте, я затворю ворота, а вы запрете». Вучичъ повиновался и его повезли чрезъ стамбульскія ворота на терасійскую улицу, гдѣ находился дворецъ; за экипажемъ бѣжала толпа. У поворота съ терасійской улицы въ переулокъ, который ведетъ къ Баталъджаміи (старой, давно покинутой мечети), а оттуда на пали-

лулскую площадь къ военному госпиталю, экипажъ былъ остановленъ Іованомъ Бели-Марковичемъ, имѣвшимъ подлѣ себя жандармовъ и полицейскихъ. Бели-Марковичъ закричалъ: «Стой!» Кучеръ остановилъ лошадей, а жандармы окружили экипажъ. «Слѣзай, Филиппъ, приказывалъ Бели-Марковичъ, слѣзай скорѣй!» Станковичъ вышелъ, а Бели-Марковичъ сѣлъ на его мѣсто. Затѣмъ экипажъ повернулъ въ помянутый переулокъ. Вучичъ не вдругъ понялъ, куда его везутъ; но когда уже приблизились къ госпиталю, спросилъ: «Зачѣмъ пандуры около насъ?»—«Отстранять народъ и охранять васъ, чтобы не убили», былъ отвѣтъ. «Э! народъ какъ облако, сказалъ Вучичъ:—куда подуетъ, туда и несется». Когда его ввели въ госпиталь, то Вучичъ спросилъ: «Арестованъ ли Гарашанинъ?» и получивъ отрицательный отвѣтъ, призадумался. Между тѣмъ Филиппъ Станковичъ явился во дворецъ и докладывалъ Милошу объ успѣшномъ исполненіи взятаго имъ на себя порученія.

Въ то время члены народной скупщины, раздѣлившись по округамъ, продолжали заниматься выборомъ кандидатовъ на званіе совѣтниковъ. Но во дворцѣ нашлись люди, которымъ не понравился такой путь для составленія новаго совѣта. Въ числѣ этихъ людей былъ Живко Давидовичъ, получившій въ октябрѣ 1857 года, послѣ открытія заговора противъ Карагеоргіевича, отставку съ назначеніемъ пенсіи, а послѣ примиренія павшаго князя съ его совѣтниками Етемъ-пашею снова возстановленный въ званіи совѣтника, хотя и сверхъ штата. Узнавъ, что депутаты бѣлградскаго округа, къ которому онъ принадлежалъ, не приняли его въ число своихъ кандидатовъ, Живко сталъ говорить Милошу, какъ худо, что скупщинѣ предоставлено право назначать кандидатовъ въ совѣтъ: что же послѣ того останется князю? Милошъ велѣлъ позвать къ себѣ Милована Янковича и приказалъ ему передать членамъ скупщины, что они дурно поняли его желаніе: князь и не думалъ, чтобъ они избирали совѣтниковъ, но хотѣлъ только, чтобы избрано было нѣсколько лицъ въ коммисію, которая должна остаться въ Бѣлградѣ и разсмотрѣть дѣла, не оконченныя скупщиной. Послѣдняя дѣйствительно уже готовилась къ закрытію своихъ засѣданій. Вмѣстѣ съ тѣмъ Милошъ поручилъ попечителямъ указать кандидатовъ въ совѣтники, причемъ одинъ только Угричичъ помѣстилъ въ свой списокъ Андрея Стаменковича. Новые совѣтники набраны были преиму-

щественно изъ числа старыхъ приверженцевъ Обреновичей. Ихъ назначеніе объяснялось указаніями попечителей, вліяніемъ Филиппа Станковича и удаленіемъ отъ дѣлъ Стевчи и Груича.

Въ суботу 31-го января было сорокъ шестое и послѣднее засѣданіе святоандреевской скупщины. Въ началѣ его представлялись депутаціи отъ Бѣлграда и всѣхъ округовъ, поднесшія скупщинѣ адресы отъ народа, въ которыхъ поздравляли ее съ счастливымъ и успѣшнымъ ходомъ всей ея дѣятельности и выражали признательность и удовольствіе за вѣрное представительство народныхъ и государственныхъ интересовъ своей страны. Скупщина просила депутаціи объявить всему народу ея поздравленія и благодарность за согласіе, любовь и пожертвованія со стороны народа, оказавшаго скупщинѣ существенную помощь въ ея дѣлахъ. Около полудня въ скупщину прибыли архіереи и попечители, а вскорѣ послѣ нихъ и оба князя. Послѣ взаимныхъ привѣтствій, Милошъ обратился къ скупщинѣ съ пространною бесѣдой, въ которой, какъ сказано въ протоколахъ, онъ разсмотрѣлъ всѣ стороны народнаго и государственнаго состоянія Сербіи и заявилъ, что его величайшею заботою будетъ стать истиннымъ отцомъ своему народу, почему онъ и считаетъ священнѣйшимъ для себя долгомъ—отвѣчать потребностямъ и духу времени уваженіемъ къ правамъ земскимъ и попеченіемъ о земскихъ интересахъ, дабы укрѣпить народное и государственное развитіе отечества всесторонним образомъ. Всѣ члены скупщины отвѣчали на рѣчь князя: «Ты, господарь, старое счастье наше; съ тобой приходитъ къ намъ бо̀льшая сила, новая жизнь, а въ землю нашу всякое добро. Своею мудростію и храбростію ты помогъ намъ добыть права и свободу; ты же сумѣешь и сохранить ихъ для насъ». Затѣмъ выступилъ протоіерей изъ города Шабца, Іованъ Павловичъ, чтобы произнести послѣднее привѣтствіе Милошу отъ имени святоандреевской скупщины, назначившей его для того еще въ засѣданіи 5-го января. Такая обязанность не была новостью для Іована Павловича, слывшаго въ народѣ старою лисицей. Еще въ январѣ 1830 года, при утвержденіи Милоша въ княжескомъ званіи народною скупщиной, онъ говорилъ привѣтственную рѣчь Милошу отъ имени народа и исполнялъ эту обязанность въ концѣ того же года, по прочтеніи султанскаго берата, впервые признававшаго Милоша княземъ Сербіи. Въ 1833 году, сопровождая Милоша въ его путешествіи по ше-

сти новоприсоединеннымъ округамъ, онъ какъ проповѣдникъ говорилъ всякій день бесѣды къ народу; въ 1835 году, бывъ въ Константинополѣ вмѣстѣ съ княземъ, какъ придворный протоіерей, говорилъ проповѣдь въ русской цареградской капеллѣ во время благодарственнаго молебствія за счастливое десятилѣтнее царствованіе императора Николая, покровителя Сербіи. Выдвинувшись при Обреновичахъ, Іованъ Павловичъ менѣе другихъ пострадалъ при Карагеоргіевичѣ, и хотя въ 1842 году ему досталось отъ Вучича, но потомъ онъ назначенъ былъ протоіереемъ въ Крушевацъ, а позднѣе въ Шабацъ, и дожилъ до минуту, когда снова могъ привѣтствовать Милоша отъ имени скупщины. Рѣчь его, наполненная цвѣтами краснорѣчія, ссылками на Горація и римскаго императора Августа, воспоминаніями о древнихъ краляхъ и царяхъ сербскихъ, была изложеніемъ всѣхъ счастливыхъ дѣяній Милоша съ 1813 по 1839 годъ и касалась даже кратковременнаго правленія Михаила, прерваннаго переворотомъ 1842 года. Рѣчь Павловича заключена была кликами скупщины: «Живіо князь Милошъ!» Затѣмъ, по прочтеніи Гербесомъ изданной Милошемъ прокламаціи къ народу, старый князь простился съ членами скупщины, выразивъ надежду опять свидѣться съ ними около Успеньева дня, а малодой князь обратился къ нимъ съ краткимъ прощальнымъ словомъ. Скупщина закрыла свои дѣйствія, принявъ письменное обращеніе къ правительству, въ коемъ просила его составить особую коммисію для обсужденія всѣхъ предложеній, поступившихъ во время скупщины, но оставшихся не разсмотрѣнными ею, и кромѣ того принять отъ ея предсѣдателя и секретаря протоколы всѣхъ засѣданій, другія бумаги составлявшія архивъ скупщины, и печать ея. Изъявивъ благодарность секретарю своему, Миловану Янковичу, за патріотическое и разумное управленіе скупщинскими дѣлами, святоандреевцы оставили залу, служившую въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ мѣстомъ ихъ совѣщаній. Ихъ проводилъ напутственною рѣчью предсѣдатель скупщины, Миша Анастасьевичъ, говорившій умно, хотя и немного. «Святоандреевская скупщина, сказалъ между прочимъ Миша, совершила знаменитое дѣло въ исторіи нашего отечества: возвратила власть той фамиліи, стебель которой пустилъ глубокія жилы въ нашу землю, а молодая и крѣпкая вѣтвь даетъ намъ надежду па обильный и благородный плодъ. Мы въ этомъ дѣлѣ показали единодушіе, неколебимость и презрѣніе ко всякой опас-

ности. Скупщина предприняла много и другихъ дѣлъ, но распространяться о нихъ теперь неумѣстно: обсудитъ ихъ безпристрастная и строгая исторія. При разсмотрѣніи нѣкоторыхъ вопросовъ, какъ вы знаете, я не могъ согласиться съ предложеннымъ здѣсь рѣшеніемъ ихъ, и хотя подписалъ эти рѣшенія, какъ предсѣдатель скупщины, но не могу принять на себя отвѣтственность за нихъ передъ свѣтомъ... Но, братья, мы всѣ здѣсь были свободными господами своего мнѣнія, а всѣ люди не могутъ быть одного мнѣнія, почему и необходимо терпѣть и уважать свободу всякихъ мнѣній. Забудемъ же нынѣ о распряхъ, которыя естественно должны возникать между членами всякаго собранія вслѣдствіе различія мнѣній и стремленій; разставаясь теперь, протянемъ другъ другу руки по-братски и разойдемся съ тѣмъ же самымъ чувствомъ пріязни, съ какимъ сошлись за два мѣсяца предъ симъ».

Члены святоандреевской скупщины могли возвратиться къ своимъ обычнымъ занятіямъ съ чувствомъ полнаго удовлетворенія; но переворотъ, совершенный ими, измѣнилъ коренным образомъ не только общее положеніе дѣлъ въ странѣ, но и господствовавшія до тѣхъ поръ политическія и общественныя убѣжденія. Внутреннія дѣла въ ихъ отечествѣ и теперь еще много зависѣли отъ личныхъ взглядовъ князя и совѣтниковъ, его окружавшихъ; но послѣднія событія вынесли съ собою впередъ не мало новыхъ людей и посѣяли въ народѣ болѣе свободныя стремленія. Кромѣ того, новая династія вполнѣ отвѣчала желаніямъ цѣлаго народа въ дѣлахъ внѣшнихъ; ея прошедшее было полно преданій о борьбѣ за освобожденіе сербской земли отъ чужого владычества и чужихъ вліяній. До тѣхъ поръ уставобранители сдерживали всякое народное движеніе, пугая себя и другихъ гнѣвомъ султана, вмѣшательствомъ покровительствующихъ державъ. Полный успѣхъ политическаго переворота, совершеннаго святоандреевскою скупщиной, показалъ наглядно, что страхъ былъ напрасный. «Гляди-ка, говорилъ 25-го января одинъ изъ народныхъ представителей въ ту минуту, какъ Милошъ вступалъ на княжескій дворъ:—а вѣдь вотъ увѣряли же, что цари не допустятъ!» И въ этихъ ироническихъ словахъ сказалось радостное чувство народа, освобождавшагося изъ-подъ долгихъ, стороннихъ давленій.